

ISSN 2076-7684

ученые записки

Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического университета
им. Н.Г. Чернышевского

2013/2(49)

серия
Филология, история, востоковедение

Ученые записки

Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического
университета им. Н. Г. Чернышевского

Серия
Филология, история, востоковедение
2013/2 (49)

Научный журнал

Основан в 1957 г.

Выходит шесть раз в год

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77–36625

Журнал входит

в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые ими взгляды
могут не отражать точку зрения редакции

Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией

Рукописи, присланные в журнал,
не возвращаются

Адрес редакции:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 44–04–25,
факс: 8 (3022) 26–73–17.
E-mail: gumvector@zabsru.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.uchzap.ru>

Подписной индекс журнала
в ОАО «Роспечать» **33190**

Электронная версия журнала
размещена на платформе
Российской универсальной
научной электронной библиотеки:
www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный
университет, 2013

Редакционный совет:

А. Буржо, д-р соц. наук, академик (Париж, Франция); **В. П. Горлачёв**, д-р пед. наук, проф. (Чита, Россия); **Б. Жадамба**, академик (Улан-Батор, Монголия); **Б. В. Базаров**, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. Рос. академии наук (Улан-Удэ, Россия); **Л. Г. Гусякова**, д-р социол. наук, проф. (Горно-Алтайск, Россия); **В. К. Зубарева**, д-р филол. наук, проф. (Филадельфия, США); **Ли Чуаньсюн**, проф. (Харбин, КНР); **В. А. Ильин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва, Россия); **В. В. Мазалов**, д-р физ.-мат. наук, проф. (Петрозаводск, Россия); **Г. Ц. Пюрбеев**, д-р филол. наук, проф., академик РАЕН (Москва, Россия); **В. Д. Шадриков**, д-р психол. наук, проф., академик Рос. академии образования (Москва, Россия); **М. В. Константинов**, д-р ист. наук, проф. (Чита, Россия); **П. С. Атаманчук**, д-р пед. наук, проф., академик АН ВО Украины (Каменец-Подольский, Украина); **Чжен Шуну**, д-р филол. наук, проф. (Харбин, КНР); **Кэйдзи Идэ**, зам. главы миссии, министр Посольства Японии в Рос. Фед. (Япония), **М. И. Гомбоева**, д-р культурологии, проф. (Чита, Россия)

Редакционная коллегия серии:

Г. Д. Ахметова, д-р филол. наук, проф. (Чита, Россия), (вып. ред.); **А. В. Константинов**, д-р ист. наук, проф. (Чита, Россия); **Т. М. Дугаржапова**, д-р филол. наук, проф. (Чита, Россия); **Ц. П. Ванчикова**, д-р ист. наук, проф. (Улан-Удэ, Россия); **В. К. Зубарева**, д-р филол. наук, проф. (Филадельфия, США); **Чжао Сяобин**, д-р лит., доц. (Баодин, КНР); **Сонг Чжон Су**, канд. филол. наук, проф. (Сеул, Корея)

Главный редактор объединённой редакции
И. В. Ерофеева,
д-р филол. наук, доцент

Ответственный секретарь объединённой редакции
Е. В. Седина

Uchenye zapiski

of Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky

Series
Philology, History, Oriental Studies
2013/2 (49)

Scientific Journal

Founded in 1957

Bimonthly

Founder

FSBEI HPE "Zabaikalsky State University"

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС77-36625

The journal

is in the List of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them do not necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal is allowed only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal are not returned

Address:

672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 44-04-25
Fax: 8 (3022) 26-73-17
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Journal web site

<http://www.uchzap.ru>

Subscription index of the journal
in OAO "Rospechat" 33190

The electronic version of the journal is placed on the platform of the Russian Universal Scientific Electronic Library:
www.elibrary.ru

© Zabaikalsky State University, 2013

Editorial Board:

A. Bourget, Doctor of Sociology, Academician (Paris, France); **V. P. Gorlachev**, Doctor of Pedagogy, Professor (Chita, Russia); **B. Zhadambaa**, Academician (Ulan Bator, Mongolia); **B. V. Bazarov**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia); **L. G. Guslyakova**, Doctor of Sociology, Professor (Gorno-Altaysk, Russia); **V. K. Zubareva**, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA); **Li Chuangxiong**, Professor (Harbin, People's Republic of China); **V. A. Il'in**, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russia); **V. V. Mazalov**, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Petrozavodsk, Russia); **G. Ts. Pyurbeev**, Doctor of Philology, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia); **V. D. Shadrikov**, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia); **M. V. Konstantinov**, Doctor of History, Professor (Chita, Russia); **P. S. Atamanchuk**, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Academy of Sciences and Higher Education of Ukraine (Kamenets-Podolsky, Ukraine); **Zhen Shupu**, Doctor of Philology, Professor (Harbin, People's Republic of China); **Keiji Ide**, Deputy Head of Mission, Minister of the Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan); **M. I. Gomboeva**, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia)

Editorial Board of the Series:

G. D. Akhmetova, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia), (*Managing editor*); **A. V. Konstantinov**, Doctor of History, Professor, Zabaikalsky State University (Chita, Russia); **T. M. Dugarzhapova**, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia); **Ts. M. Vanchikova**, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia); **V. K. Zubareva**, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA); **Zhao Xiaobing**, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China); **Song Chon Su**, Professor (Seoul, Korea)

Editor-in-chief of the Unified Editorial Board
I. V. Erofeeva,
Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary of the Unified Editorial Board
E. V. Sedina

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Анциферова Н. Б. Языковая картина текста как отражение авторской модели мира (на материале мемуарного рассказа «Бабушка» Б. Ахмадулиной)	7
Ахметова Г. Д. Живая поэзия: традиции и новаторство Николая Савостина	13
Верхозин С. С. К вопросу о лингвотероретических основах методик авторизации текста	22
Голованова Е. И. Смена тональности и доминантных образов в уральской поэзии нового времени	28
Дмитриенко О. А. Энтмологически насыщенные и экстатические пейзажи как поэтическое открытие В. Набокова	32
Лю Гопин. Композиционное развёртывание текста (на материале повести Б. Пильняка «Красное дерево» в сравнении с китайским переводом)	38
Моторкова И. В. Композиционно-языковое пространство современного русского романа	44
Токарчук И. Н. Особенности функционирования частицы ДАЖЕ в научном (медицинском) тексте	49
Чжоу Чжунчэн. Языковое пространство современной русской прозы (на материале романов С. Есина «Маркиз» и В. Маканина «Асан»)	57

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Букина Е. И. Гендерные стереотипы в языке и дискурсе	61
Бутылъская Л. В. Социокультурный феномен открытки (на примере русской свадебной открытки)	66
Волкова Т. И. Процесс ассимиляции иноязычной лексики с психолнгвистической точки зрения	71
Голованов И. А. Художественный текст А. Платонова сквозь призму реальной и фольклорной истории	80
Иванова А. А. Интенция побуждения в английских высказываниях о мечте.	85
Куликова М. Г. Авторское произведение: конституирующие и дифференциальные признаки	92
Пивоварова М. А. Концепт «Спасение» и его образная, дискурсивно-текстовая реализация в художественном тексте (на материале романа Руслана Киреева «Лот из Содома»).	102

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ

Базаров А. А. Восточная книжная коллекция Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова	107
Ванчикова Ц. П. К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории»	112
Гусейнов М. А. Актуальное содержание дагестанской дореволюционной литературы (на примере поэзии Маная Алибекова)	120
Курас Л. В. Вторая мировая война и Монголия: современная российско-монгольская историография	124
Магомедов М. А. Некоторые синтаксические функции основных и местных падежей в аварском языке	132
Ринчинов О. С. О религиозной ситуации на Тайване	137
Цыбенова Ч. С. О языковой компетенции тувинцев (результаты социолнгвистического анкетирования)	148

Шихалиева С. Х. О сферах функционирования дагестанских литературных языков. . .	156
Цэндмаа Энхчимэг. Монголизмы в «Бабур-наме»	161
Эйльбарт Н. В. Московский поход Сигизмунда III в польских документах государственного архива Швеции	166

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

Газинская Ю. В. Тема как базовый элемент конструирования политической реальности Украины в дискурсе СМИ России и Украины.	174
Ерофеева И. В. Свобода слова как концепт современного медиатекста	181
Парахневич Е. В. Виртуальный дискурс журнала «Путь»: интерактивность и гипертекстуальность.	188
Плевако С. В. Поэтика телесериала «Доктор Хаус» (США, 2004–2012): нарратив, мифология, прагматика	196
Пономарёва Е. В., Семьян Т. Ф. Медиапроект «Сноб» в современном информационном пространстве.	205

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Акишина А. А., Тряпельников А. В. Медиа-образ русского языка в учебных пособиях по РКИ на основе ресурсов интернета (цифровые педагогические технологии).	210
Ахметова М. Н., Хан Е. Ю. Предметная линия образовательной области «Филология» как ассоциативное пространство проектирования метапредметных действий младших школьников	216
Иванова Т. М. Система упражнений на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта работы)	221

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абросимова О. Л. V Международная научная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты»	229
Ахметова Г. Д., Горковенко А. Е., Петухов С. В. Международная конференция «Русское языкознание и литературоведение – 2012» (г. Тайбэй, Тайвань)	232
Воронова Л. В. II Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном Китае» (11–12 апреля 2012 г., г. Хайлар, КНР).	235

CONTENTS

RUSSIAN PHILOLOGY

Antsiferova N. B. Language Picture of a Text as Reflection of Author's Model of the World (Based on B. Akhmadulina's Memoir Story <i>Grandmother</i>)	7
Akhmetova G. D. Live Poetry: Traditions and Nikolay Savostin's Innovation	13
Verkhozin S. S. On Issue of Linguistic and Theoretical Foundations of Authorship Attribution Methods	22
Golovanova E. I. Change of Tonality and Dominant Images in the Ural Poetry of the Modern Era	28
Dmitrienko O. A. Entomologically Marked and Ecstatic Landscapes as V. Nabokov's Poetic Disclosure	32
Liu Guo Ping. Compositional Development of the Text (Based on Boris Pil'nyak's Novel <i>Mahogany</i> in Comparison with the Chinese Translation)	38
Motorkova I. V. Compositional Linguistic Area of a Modern Russian Novel	44
Tokarchuk I. N. Features of Functioning of the Particle ДАЖЕ (<i>Dazhe</i>) in Scientific (Medical) Text	49
Zhou Zhongcheng. Language Space of Modern Russian Prose (Based on S. Esin's Novel <i>Marquis</i> and V. Makanin's Novel <i>Asan</i>)	57

LANGUAGE AND CULTURE

Bukina E. I. Gender Stereotypes in Language and Discourse	61
Butyl'skaya L. V. Sociocultural Phenomenon of the Postcard (As Exemplified by a Russian Wedding Postcard)	66
Volkova T. I. Foreign Vocabulary Assimilation Process from the Standpoint of Psycholinguistics	71
Golovanov I. A. A. Platonov's Artistic Text through the Prism of Real and Folk History.	80
Ivanova A. A. The Incentive Intention in the English Statements about Dream	85
Kulikova M. G. Copyright Works: Constitutive and Distinctive Features	92
Pivovarova M. A. The Concept of 'Salvation' and its Figurative, Discursive Text Implementation in Artistic Text (Based on the Novel <i>Lot Iz Sodoma</i> by Ruslan Kireev)	102

ORIENTAL STUDIES. HISTORY

Bazarov A. A. Collection of Oriental Books of the Zabaikalsky Krai Museum of Local Lore	107
Vanchikova Ts. P. To the Question of Genghis Khan Veneration: Based on The White History	112
Guseynov M. A. Actual Content of Dagestan Pre-Revolutionary Literature (Based on Manay Alibekov's Poetry).	120
Kuras L. V. Mongolia in World War II: Modern Russian-Mongolian Historiography	124
Magomedov M. A. Some Syntactic Functions of Common and Locative Cases in the Avar Language.	132
Rinchinov O. S. On Religious Situation in Taiwan	137
Tsybenova Ch. S. On Language Competence of the Tuvans (Results of Sociolinguistic Survey).	148
Shikhalieva S. Kh. On Spheres of the Dagestan Literary Languages Functioning	156
Tsendmaa Enkhchimeg. Mongolisms in Babur-Nama	161
Eyl'bart N. V. Campaign of Sigismund III to Moscow in Polish Documents of Riksarkivet.	166

MEDIA LINGUISTICS

Gazinskaya Yu. V. Topic as a Basic Element of Political Reality Construction in Ukraine in the Discourse of Russian and Ukrainian Mass Media	174
Erofeeva I. V. Freedom of Speech as a Concept of Modern Media Text	181

Parakhnevich E. V. Virtual Discourse of Journal <i>Put'</i> : Interactivity and Hypertextuality	188
Plevako S. V. Poetics in <i>House, M. D.</i> TV series (USA, 2004–2012): Narrative, Mythology, Pragmatics	196
Ponomareva E. V., Sem'yan T. F. Media Project <i>Snob</i> in Modern Information Environment. . . .	205

VOCATIONAL EDUCATION

Akishina A. A., Tryapel'nikov A. V. Media Image of Russian in Textbooks of Russian as a Foreign Language on the Basis of the Internet Resources (Digital Pedagogical Technologies) . . .	211
Akhmetova M. N., Khan E. Yu. Subject Line in the Educational Area "Philology" as Associative Space of Designing Meta-Subject Actions of Junior Schoolchildren	216
Ivanova T. M. The System of Exercises in Class of Russian as a Foreign Language (Based on Work Experience).	221

SCIENTIFIC LIFE

Abrosimova O. L. V International Scientific Conference "Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodical Aspects"	229
Akhmetova G. D., Gorkovenko A. E., Petukhov S. V. International Conference "Russian Linguistics and Literary Criticism – 2012" (Taipei, Taiwan).	232
Voronova L. V. II International Scientific and Practical Conference "Russian in Modern China" (April 11–12, 2012, Hailar, China)	235

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 882
ББК Ш 5(2=Р)7-09

*Надежда Борисовна Анциферова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: lera_anz@mail.ru*

Языковая картина текста как отражение авторской модели мира (на материале мемуарного рассказа «Бабушка» Б. Ахмадулиной)¹

В статье рассматривается языковая картина мемуарного рассказа «Бабушка» Б. Ахмадулиной. Для вычленения и систематизации способов и приёмов создания языкового пространства текста используется контекстологический анализ; при распределении языковых единиц по ярусам с последующим перераспределением в состав изобразительно-выразительных средств применяется челночный метод. Актуальность данной работы заключается в том, что выявление, описание и систематизация составляющих творческого метода автора позволяют определить маркеры идиостиля в целом. Анализ и интерпретация наиболее показательных контекстов позволяют сделать вывод: в основе языковой картины рассказа лежит вертикальная метафоризация, окказиональность словоупотребления и антонимичность парадигмы семантического наполнения. Исследуется языковая структура образа рассказчика, архаическое мироощущение которого определяет характер языкового пространства текста. Внимание уделено также способам и приёмам создания образа бабушки.

Ключевые слова: вертикальная метафоризация, идиостиль, метафорическая перифраза, окказиональный словесный ряд, синестетическая метафора, языковая картина мира, языковая структура образа, языковое пространство текста.

*Nadezhda Borisovna Antsiferova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: lera_anz@mail.ru*

Language Picture of a Text as Reflection of Author's Model of the World (Based on B. Akhmadulina's Memoir Story *Grandmother*)

The article considers the language picture of the memoir story *Grandmother* by B. Akhmadulina. To emphasize and systematize the ways and methods of the text language space creation, the context analysis is used; a shuttle method is applied for distribution of the linguistic units in tiers with the subsequent redistribution in structure of graphic means of expression. Relevance of this work is that identification, description and systematization of the components of the author's creative method allow one to define markers of individual style as a whole. The analysis and interpretation of the most indicative contexts allow drawing a conclusion: vertical metaphorization, occasional word usage and antonymous paradigm of the semantic filling are at the heart of the language picture of the story. The language structure of an image of the story-teller, whose archaic attitude defines the character of the text language space, is investigated. The ways and methods of the grandmother's image creation are also paid attention to.

Keywords: vertical metaphorization, individual style, metaphorical periphrasis, occasional word group, metaphor of feelings, language picture of the world, language structure of an image, language space of the text.

Поэтический мир Б. Ахмадулиной подчинён архаическому мироощущению автора, организован стремлением жить и чув-

ствовать в выдуманной реальности (см.: И. Бродский, Е. Шварц, И. Шевелёва и др.). Эта же мысль может быть отнесена и к ме-

¹ Работа выполнена при финансировании темы в рамках Государственного задания вузу (№ 6. 3652. 2011).

муарной прозе поэтессы, поскольку идиостиль есть одновременная экспликация эмоционально-образной памяти и когнитивных структур сознания пишущего.

Обратимся к рассказу «Бабушка», архаически-языческое пространство которого организовано образом рассказчика-внучки, фрагментарно вспоминающей не столько факты, сколько ощущения и впечатления от них. Необходимо отметить, что «Объект прочтения» в повествовании – даже если это собственное прошлое человека – никогда не остаётся равным себе. Очевидно, что личный опыт не есть фиксированная совокупность событий, их участников, мест и дат; все они существуют в сознании не как «гербарий» из «памятных листов», а как puzzle, в котором каждый элемент сам по себе не имеет значения – и лишь сложенные вместе «случайные» фрагменты образуют связную и понятную картину» [3, с. 15].

Непосредственность и одновременно креативность, красочность детского восприятия эксплицируются в языковой структуре образа рассказчика, в первую очередь, за счёт синестетических метафор и метонимий. Именно так, интерсенсорно и ассоциативно, ощущает, усваивает и описывает окружающую действительность (и социум, в частности) ребёнок, достигший дошкольного возраста и накопивший определённый когнитивный и эмоционально-образный опыт.

Необходимо отметить, что метафоры и метонимии, часто развёртываемые эпитетами и олицетворениями, представлены по всей вертикали рассказа – как выразительные средства, как образы, как композиционные приёмы. При этом ткань текста отшлифована и огранена Б. Ахмадулиной-автором, что отражено в синтаксисе и стилевой принадлежности лексики. Обратимся к примерам:

1) «*Может быть, из-за этой, всё упрощающей единственности моей, бабушка, холодком осенившая мужей, неточно делившая любовь между дочерьми, с болью и скрипом резкого торможения, свою летящую, рассеянную, любвеобильную душу остановила на мне*» [4, с. 375]. Представленная в предложении развёрнутая метафора дихотомична по лексическому наполнению: уменьшительно-ласкательное, характерное для повседневного обще-

ния «холодок» зависит от высокого «осенившая»; книжно-поэтическое «летящая, любвеобильная душа» перемещается в бытовую плоскость эпитетом «рассеянная» и неузуальным сочетанием «душу остановила на мне» (по аналогии – остановить взгляд, выбор, внимание). Абстрактное существительное «торможение» приобретает физически ощущаемые характеристики – «с болью и скрипом». Конечно, осложнённое обособленными распространёнными определениями и рядами однородных членов предложение не характерно для речи ребёнка, однако живость, образность и острота детского мироощущения рассказчика сохраняются;

2) «*Они холодно и без восхищения установились на мой бодающе-насуспенный лоб и одновременно пустили в меня острые стрелы ладоней*» [4, с. 380]. Столкновение разговорного «установились на мой бодающе-насуспенный (окациональное словообразование) лоб» и поэтического «пустили в меня острые стрелы ладоней» передаёт атмосферу ситуации: рассказчик-девочка предстаёт как бесстрашный воин, демонстрирующий презрение к пленившим его врагам (см. выделенное подчёркиванием).

Эта же черта характера рассказчика эксплицируется вokkaциональном эпитете: «<...> долго ещё смотрела на неё восточным, исподобным способом» [4, с. 374].

Оккациональное словообразование, характерное для поэтов-шестидесятников, в языковой ткани исследуемого текста возможно рассматривать как речевой показатель детского (= архаического) мировосприятия (ср., например, К. И. Чуковский «От двух до пяти»). Приведём примеры:

1) «*Последний раз, после долгого перерыва, я увидела бабушку уже больной предсмертием <...>*» [4, с. 386]. Ребёнок в силу возраста не готов принять, а тем более осознать смерть близкого человека как неизбежный факт бытия, поэтому последние дни бабушки воспринимаются рассказчиком как обычная болезнь, после которой человек снова вернётся к привычной жизни. Okкациональное «предсмертие», выступающее как номинация неизвестного пока рассказчику заболевания, включается в стандартизированное управление «больной чем-то» (ср.: большой гриппом, большой простудой).

2) «<...> **свежее азиатство отца**, настолько подарком внесённое в путаницу кровей, освободит меня от её [бабушкиного] **опрометчиво-осторожного полуколдовства**, даст мне жить и умереть за пределами тусклости...» [4, с. 377]. Эпитет «свежее» при окказиональном существительном со значением отвлечённого признака «азиатство» (азиат – азиатство) позволяет заменить развёрнутое антропологическое описание. Эпитет «опрометчиво-осторожное», задающий максимально полярную характеристику, в сочетании с «усреднённой» семантикой абстрактного (окказионального по словообразовательной природе) понятия «**полуколдовство**» усиливает зыбкость, нечёткость границ между реальной действительностью и архаически-языческим миром, с которым идентифицирует себя рассказчик.

Необходимо отметить, что детям не свойственно окказиональное словообразование абстрактных существительных и полимотивированных сложных прилагательных, однако создаваемые в результате метафоры-образы близки языковому пространству русских сказок и легенд, стилистике языческого мировосприятия. Именно в таком «формате» мыслит и ощущает ребёнок: поместить на привычный бытовой уровень не укладывающуюся в сознании абстракцию, «определить» её, наделить понятными физическими характеристиками, «поставить» в уже пережитые, прочувствованные ситуации. Обратимся к примерам:

1) «**Чаще всего она [бабушка] вспоминается мне большой неопределённостью**, в которую, **густым облаком любви**, сомкнувшись надо мной, но не стесняющим моей свободы...» [4, с. 373]. Не имеющая физических параметров «неопределённость» приобретает размер «большой» (в детстве всё и все кажутся большими) и тактильно воспринимаемой плотности – «**мягко уходят голова и руки**». Плотностью обладает и «**густое облако любви**», своеобразным колпаком защищающее рассказчика-девочку от пугающей окружающей действительности. При этом отсутствует конкретное описание внешности бабушки (рост, фигура, цвет волос и глаз и т. п.), поскольку воспоминания рассказчика основаны на чувственном, интерсенсорном опыте;

2) «**Её разум, тесный для страстного неразумия**, которым она захворала когда-то, **мятущийся, суматошный, не прекративший своего ищущего бега даже перед преградой лечения**, неопределённо **тоскующий** о препятствиях, **замер наконец и угомонился** под спасительным шоком моего появления на свет» [4, с. 375]. Первое обособленное распространённое определение характеризует разум как некое вместилище (соответственно, неодушевлённое), однако благодаря ряду последующих однородных определений происходит олицетворение: разум уподобляется романтическому герою (**мятущийся, суматошный, не прекративший своего ищущего бега, тоскующий**), с трудом нашедшему себя (**замер и угомонился**) в рождении новой жизни;

3) «**Бабушка отчётливо помнила всё, что противостояло её скромной тишине**, видимо, **тоскуя по бурности**, которую **велел ей шальной юг шарманщика и возбранила жестокая умеренность матери**» [4, с. 379]. Антонимичные образы построены на метафорическом олицетворении: «**шальной юг шарманщика**» = свободный от обязательств, прожигающий жизнь молодой человек (по аналогии – шальная молодость, шальной парень); «**жестокая умеренность матери**» = консервативная, замужняя женщина, воспитывающая детей в пуританских традициях. Полярность образов по гендерному и морально-этическому признакам усиливается через глаголы речи с антонимичным значением (**велеть** – **возбранять**). Воссоздаваемая рассказчиком дихотомия – экспликация мироощущения бабушки: выбрав **скромную тишину**, она **тоскует по бурности**. Думается, антитеза и метафоризация занимают всю вертикаль рассматриваемого контекста (троп – образ – композиционный приём);

4) «**Но бабушка, может быть, из-за безумия, кротко жившего в ней, своей влюблённой в меня слепотой** чутко провидела **кривизну моих причуд** и **никогда не гневил моего гордого и придирчивого детского целомудрия**» [4, с. 374]. Вновь в основе образа лежит метафорическое олицетворение (**безумия, кротко жившего в ней; влюблённой в меня слепотой; придирчивого целомудрия**) и антитеза (**безумие** – **кротко, слепота** – **чутко провидела**);

5) «Особенно жестоко стыдилась я родных – к немногим людям одной со мною крови, породившим меня, я навсегда сохранила **неловкую, больную, кровавую корявость, мукой раздирающую организм**» [4, с. 373]. Эпитеты «неловкая, больная, кровавая, раздирающая» через градацию не только опредмечивают отвлечённую характеристику «корявость», но и делают её вызывающей физическое отвращение. Высшую степень дискомфорта позволяет выразить окказиональное использование наречия «жестоко»;

6) «Чопорные, **чёрно-нарядные, вечно-живые старухи с брезгливым ужасом переступили порог бабушкиного беспорядка, подхватив юбки над опасным болотом пола, населенного нечистью наших зверей**» [4, с. 379]. Эпитет «чёрно-нарядные» образован сложением двух качественных прилагательных, однако компонент со значением цвета (описательная функция) окказионально сочетается с компонентом другой тематической группы, объединённой гиперонимом «красивый» (оценочная функция). Подобное словопотребление не характерно для прилагательных-колоративов, однако достаточно частотно в детской речи. Полимотивированные адъективы позволяют реализовать контекстную «авторскую» проекцию: чёрный цвет в красочном мироощущении ребёнка ассоциируется с официальными мероприятиями и торжествами, серьёзностью обстановки, сдержанным образцовым поведением. Метафоричен эпитет «вечно-живые»: компонент «вечно» со значением «константный, бессрочный» уплотняет семантику компонента «живой». Всякое живое конечно, поэтому возникает некая антонимичность внутренней формы адъектива, объяснимая, однако, архаически-языческой установкой языковой картины текста.

Бабушкина квартира запечатлелась в воспоминаниях рассказчика-девочки как синестетический метафорический образ, который выражается в ткани повествования «нанизыванием» выразительных средств. Абстрактное существительное «беспорядок» опредмечивается через притяжательное прилагательное «бабушкин» и существительное «порог». Порог имеют конкретные здания/сооружения, поэтому в сознании читателя, опирающегося на

опыт зрительного анализатора, происходит когнитивная замена: порог бабушкиной квартиры = порог бабушкиного беспорядка; значит, бабушкина квартира = беспорядок. Семантика воссоздаваемого образа «сгущается» метафорой «опасное болото пола», рисующей квартиру как запущенное, заросшее, вязкое, с характерным неприятным запахом место (зрительный и обонятельный анализатор). Обособленное распространённое определение «населённого нечистью наших зверей» актуализирует ещё одно значение слова «болото»: в языческих представлениях – топь, трясины, где обитает нечистая сила (прибавляется опыт слухового восприятия). Субъектный эпитет «брезгливый» (этим качеством может обладать только одушевлённый предмет) при абстрактном существительном «ужас» передаёт характер отношения окружающих не только к описываемой квартире, но и к её хозяйке. Так, всего в одном предложении рассказчик воссоздаёт образ бабушкиной квартиры: пропитанная грязью и запахом домашних животных, плохо освещённая, она предстаёт как пантеистическое жилище языческого божества; хаос, царящий здесь, – основа будущего миропорядка.

Такому же архаически-пантеистическому мироощущению рассказчика подчинены перифразы, включённые в языковую структуру ключевого образа. Обратимся к тексту:

1) «Однажды, когда **тиканье малых пульсов, населивших её комнату, грозило перерасти в сокрушительный гул, я купила и принесла домой только что вылупившегося инкубаторного цыплёнка**» [4, с. 383]. Детям, не постигшим ещё понятия «жизнь» и «смерть» в силу их ментальных особенностей возраста, свойственно по-разному относиться к домашним животным и птицам – как к игрушкам, за которыми быстро надоедает ухаживать, или же как к друзьям/членам семьи, существующим априори. Однако ребёнок достаточно долго не идентифицирует питомца как живое, смертное существо, лишаемое жизни в мгновение. Для рассказчика-девочки многочисленные домашние животные и птицы, нашедшие приют в бабушкиной квартире, – прежде всего «малые» жизни. Тонкость восприятия усиливается гиперболизацией – «тиканье <...> грозило перерасти в сокрушительный гул»;

2) «Поникнув плачущей головой, я медленно спустилась по лестнице и уселась на пол за дверью, охраняя ладонью **крошечную желтизну**» [4, с. 383]. Перифраза «крошечная желтизна» полифункциональна: она не только метафорически заменяет номинацию «цыплёнок», но и в сочетании с деепричастием «охраняя» передаёт сложность эмоционального состояния рассказчицы-девочки – растерянной (*медленно спустилась по лестнице*), искренне не понимающей (*поникнув плачущей головой*), почему взрослые так небрежны с чужой жизнью;

3) «<...> мне пришла сложная, горячая мысль **убить маленькое вздыхающее горло**, и я примерила круг двух пальцев к **узкому ручейку крови и воздуха**, беззащитно текущего сквозь него» [4, с. 383–384]. В данном примере метафорическая перифраза, максимально наполненная языческим мироощущением «воздух – вздох – кровь – жизнь», используется дважды, замещая номинации «цыплёнок» и «горло».

Архаическому сознанию рассказчицы подчинён образ бабушки, элементы языковой структуры которого мы уже частично рассматривали в рамках данной статьи, однако обратимся к более показательным контекстам:

1) «**Предубеждённым** **глазом** злого начальника, *ищущего желанного изъяна*, я, *сквозь **боль мыла***, *косилась на бабушку*, на её *маленькое жалкое тело с **большой, подрагивающей** головой*, <...> **на нетвёрдые беленькие ноги**» [4, с. 374]. Образность предложения создаётся за счёт увеличения семантической плотности, которая достигается последовательностью когнитивных замен: метонимические переносы «предубеждённый взгляд – взгляд есть выражение глаз – предубеждённый глаз», «нетвёрдо, неуверенно стоять – стоять на ногах – нетвёрдые ноги» (думается, можно говорить о метонимических эпитетах); метафорический перенос «*боль в глазах от мыла – боль мыла*» осуществляется по модели «боль от утраты – боль утраты», однако на месте традиционного абстрактного существительного со значением чувства оказывается вещественное, называющее осязаемый предмет;

2) «Её суровая, непреклонная мать всё чаще покидала *гаснущее* **имение** на про-

извол пьяных и сумасшедших людей, <...> *чтобы прижать к груди **большую голову** **нелюбимого ребёнка***» [4, с. 381]. Как и в предыдущем примере, образ бабушки имеет два акцента. Во-первых, при описании внешности акцент сделан на несоразмерности, даже некотором «уродстве» телосложения: «*маленькое <...> тело с **большой, подрагивающей** головой*», «*большую голову <...> **ребёнка***». Во-вторых, говоря об отношении окружающих (в частности, себя) к бабушке, рассказчик-внучка вновь приходит к мысли о некой «дефективности», «невписываемости» в норму: эпитет «жалкое» (тело) и обособленное определение «*ищущий желанного изъяна*» (начальник) выражают скорее определённую степень пренебрежения, а не сострадания; ребёнок оказывается *нелюбимым*.

Отметим, что в языковой структуре образа бабушки, создаваемого широким спектром тропов и композиционных приёмов, достаточно частотно окказиональное словоупотребление наречий (как разновидности композиционно-грамматического сдвига [1; 2]). Композиционно-грамматические окказионализмы, как и словообразовательные, обладают высокой семантической ёмкостью, а потому выполняют значительную художественно-эстетическую нагрузку, повышая плотность языкового пространства. Это позволяет говорить о наличии в исследуемом рассказе окказионального словесного ряда, являющегося не только элементом языковой структуры образа бабушки, но и текстообразующей категорией. Обратимся к тексту:

1) «<...> *бабушка была очень высокая*, – *много выше мужчин в нарядных праздничных усах, запечатлённого рядом с ней, **сильно и угрюмо** стройная, с мощно-свободной теменью итальянских волос, с **безмерными глазами**, **паническая обширность** **которых занесена в недоброе предвидение** **какого-то тщетного и губельного подвига***» [4, с. 375]. Окказиональные наречия «*сильно*» и «*угрюмо*» вновь подчёркивают, что фигура бабушки, несмотря на высокий рост, нескладная. «*Безмерные глаза*» (метафорический эпитет: бескрайнее море – глаза как море – *безмерные глаза*), казалось бы, должны придавать красоту женщине любого возраста, но заключённая во взгляде «*паническая*» (метафорический эпитет) *обширность*» отражает безумие и отталки-

вает, а не располагает. Кроме того, взгляд, в котором читается *«недоброе предвидение какого-то тщетного и гибельного подвига»* (сгущение отрицательной семантики через градацию), сближает образ бабушки с языческими образами колдунов и ведуний. Подобный взгляд в реальной жизни одновременно завораживает и пугает; такие же дихотомичные впечатления эксплицируются рассказчиком-девочкой в воспоминаниях о бабушке;

2) *«<...> бабушка, ещё с моего младенчества, как-то робко, восхищённо, не близко любила меня, даже ласкать словно не смела, а больше смотрела издали огромными, до желтизны просветлевшими глазами, пугавшими страстным выражением доброты и безумия, навсегда полупротянув ко мне руки»* [4, с. 373]. Чувства бабушки к внучке необычны, особенны; они существуют, как и сознание носителя, на грани безумства и адекватности, а потому во многом непонятны ребёнку. Закономерно, что рассказчик передаёт эти чувства через развёрнутую метафору, в основе которой лежит не только окказиональное словоупотребление, но и антонимичность значений лексического наполнения. Привычный, частотный в описании отношений между большинством бабушек и внуков глагол *«любить»* в языковой картине рассказа «обрастает» рядом дихотомичных по семантике обстоятельств *«как-то робко, восхищённо, не близко»* и окказиональным *«полупротянув»*. Вновь рассказчик останавливается на *огромных глазах* бабушки, одновременно *«просветлевших»* и *«пугавших»*, выражающих доброту и безумие. Аналогичные воспоминания-ощущения рассказчика в парадигме «безумие – смирение» представлены в следующем примере;

3) *«Бабушкины разнонаправленные нервы <...> сосредоточились на мне, и это не было моей заслугой, – бабушка заранее, за глаза, неустово, горько и благоговейно полюбила меня 10 апреля 1937 года»* [4, с. 375]. Отметим, что в данном контексте вектор бабушкиных чувств направлен от буйства страстей к умиротворению, от хаоса – к порядку: *разнонаправленные нервы → сосредоточились на мне; за глаза* (разговорное), *неустово → горько, благоговейно* (высокое)».

Интерпретация показательных контекстов позволяет утверждать, что образ бабушки, подчинённый мироощущению рассказчика, основан на антонимичности лексического наполнения, уплотнении языкового пространства окказиональным словоупотреблением и словообразованием и вертикальной метафоризации.

Таким образом, представленное в рамках данной статьи исследование позволило выявить, описать и систематизировать способы и приёмы создания языковой картины рассказа «Бабушка». Основа художественной яркости, динамичности, интерсенсорности и осязаемости языкового пространства, организованного архаически-языковой точкой видения рассказчика, – вертикальная метафоризация (метафорические эпитеты и перифразы, метафорическое олицетворение), окказиональный словесный ряд и антонимическая парадигма семантического наполнения. Применительно к творческому методу названные составляющие, на наш взгляд, являются маркерами идиостиля Б. Ахмадулиной.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Кучина Т. Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: перволичные повествовательные формы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. 43 с.

Источник

4. Ахмадулина Б. А. Друзей моих прекрасные черты. М.: Астрель: Олимп, 2009. 507 с.

References

1. Ahmetova G. D. Zhivoj literaturnyj tekst. M.: Vash poligraficheskij partnjor, 2012. 232 s.
2. Ahmetova G. D. Jazykovoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoj russoj prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
3. Kuchina T. G. Pojetika russoj prozy konca XX – nachala XXI v.: pervolichnye povestvovatel'nye formy: avto-ref. dis. ... dokt. filol. nauk. Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2008. 43 s.

Istochnik

4. Ahmadulina B. A. Druzej moih prekrasnye cherty. M.: Astrel': Olimp, 2009. 507 s.

Статья поступила в редакцию 21.01.2013

УДК 882.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

*Галия Дуфаровна Ахметова,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

Живая поэзия: традиции и новаторство Николая Савостина¹

В статье раскрывается актуальная проблема, связанная с анализом живого художественного текста. Основное внимание уделяется анализу языковых традиций и новых тенденций в тексте. В данном случае анализируется поэтический язык современного русского поэта Николая Савостина включает в себя традиционные компоненты – метафоры, сравнения и др., но их употребление является, с одной стороны, творчески индивидуальным; с другой же стороны, происходит незримое объединение словесных рядов, уже существующих в языковом пространстве. Традиции рождаются из единого языкового пространства. Можно отметить новизну в решении поставленных задач. Новаторство – это предвидение тех изменений в языке, которые ещё не появились, но настоящий художник уже сумел «поймать» их. Творчество заключается в том, чтобы из традиций сделать новое.

Ключевые слова: живой текст, традиции, новаторство, Николай Савостин.

*Galiya Dufarovna Akhmetova,
Doctor of Philology, Professor,
Zabaikalsky State University (Chita, Russia),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

Live Poetry: Traditions and Nikolay Savostin's Innovation

The article reveals an actual problem connected with the analysis of the live art text. The main attention is paid to the analysis of language traditions and new tendencies in the text. In this case poetic diction of a modern Russian poet Nikolay Savostin is analyzed. The language space of Nikolay Savostin's poetry includes some traditional components – metaphors, similes, etc., but their use is, on the one hand, creatively individual, but on the other hand, there is a hidden unification of wording existing in the language space. Traditions arise from the unified language space. One can note novelty in the problem solving. The innovation is anticipation of those changes in language which haven't appeared yet, but the true artist has already managed to "catch" them. Creativity is to make novelty out of traditions.

Keywords: live text, traditions, innovation, Nikolay Savostin.

Два взаимосвязанных явления есть всегда у талантливых поэтов и писателей – традиции и новаторство. Традиции – это, конечно же, не просто употребление известных приёмов построения текста. Традиции рождаются из единого языкового пространства. Талантливые художники одновременно находят общие закономерности – но используют, употребляют их индивидуально. Новаторство – это предвидение тех изменений в языке, которые вот-вот должны родиться, но настоящий художник уже сумел «поймать» их. Новое – всегда рядом с нами. Надо просто увидеть его. Творчество

заключается в том, чтобы из традиций сделать новое. Такой вот круговорот в языковом пространстве.

Николай Савостин – истинный новатор в поэзии. Его живые стихи – тонкое переплетение традиций и поэтических находок. Например, семантические сдвиги, являющиеся основой метафоры, – это активный современный языковой процесс. В стихах Николая Савостина он уже проявляется: «И свет прольysin знойно-голых, / Потёмки бора, посвист птиц»; «Встали белокурые деревья»; «В поспешном гриме вдруг войдёт». Слово сочетание «поспешный грим» встречается в шутовском стихотворении Ильи Резника:

¹ Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы». Проект № 14.В37.21.0530.

«Сняв суеты поспешный грим». Можно говорить об индивидуальном стиле поэта Николая Савостина. Он писал когда-то: «Подлинное произведение искусства – живое существо, единая организация».

Живая поэзия Николая Савостина – это не только полные жизни живые поэтические строки, но это ещё и живые сравнения, живые метафоры. Это еще и само слово «живой», которое часто повторяется в его стихах. Не случайно даже один из поэтических сборников назван «Свечение живого» (по названию поэмы). Приведу несколько примеров: «И деревьев живая душа / Затихает доверчиво»; «[земля] кружит живую громадою»; «Но вот, едва снега осели, – / Кудрявится живая зелень»; «Ты сам, со всем живым в союзе, / Живёшь – и крепнет эта связь»; «Сердца моего живые токи»; «Отметим всё то, что потом / Медленно, малопомалу / Время живым пером / Старательно прорисовало...»; «...Поэзия живая, / Гори в моей крови, / Как рана ножевая, / На части сердце рви»; «Живое веянье канала»; «Живое трепетанье звёзд во мгле»; «Мёртвая природа и живая, / Меж собой налаживая связь»; «В красе и полноте / Живого равновесья»; «О том, что смерти нет. / Что жить – сложнее вдвое, / Что излучает свет, / Хоть слабый, всё живое».

В стихах недавно ушедшего из жизни поэта Игоря Мельникова¹ главными словами тоже являются слова «живой», «жизнь», «жить»:

Дождь откроет стеклянные двери.
С мокрых улиц запахнет травой.
Как легко забывает потери
Этот сумрачный вечер живой.

Самобытные живые стихи Николая Савостина в то же время незримо продолжают традиции – это крепкие традиции реализма. Традиции в поэзии и прозе – это не значит, что писатель или поэт искусственно использует те или иные известные приёмы построения текста. Традиции – это умение найти в языковом пространстве такие тайны, которые открываются лишь избранным. Тайны тоже могут повторяться – ведь всё на свете устроено на повторах.

¹ Мельников Игорь. Забытый секрет мироздания. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова, 2011. 464 с.

Классические традиции продолжают в стихах о природе и проявляются в чёткой ритмичности, образности, метафоричности:

Над желтеющим покоем
Ветер дунул с севера,
Бело-белое над полем
Высеивает сево.

Устиляет пухом землю,
Наметает ворохом.
Зёрна в пашне чутко внемлют
Ледяному шороху.

И с закатом, тихо тля,
Гаснет пламя летнее.
Что земля небес светлее –
Стало вдруг заметнее.

Лирика природы у Николая Савостина часто перекликается с философскими раздумьями: живая природа – живое слово... Традиции Н. А. Заболоцкого:

Луга, холмы, сады
Подбелит первый иней, –
Острее блеск воды
Среди ветвей в низине.

Просторней, голубей,
Спокойней небо, вроде,
И стая голубей
Вверху кругами ходит.

Не тяжек в полдень зной,
Свежа в ночи прохлада,
Во всём, во всём покой
Согласия и лада.

Тревоги – что ж – не те;
И растворяюсь весь я
В красе и полноте
Живого равновесья.

Знаменитое стихотворение Н. Заболоцкого 1953 года:

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твёрдый клинок.
Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появленье

На рассвете весеннего дня.
В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поёт,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.
Жизнь потоком светящейся пыли
Всё текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звёзды светили,
Заливая лучами кусты.
И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Всё лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

В стихах Николая Савостина – и неявная переключка с Расулом Гамзатовым: «Настает день, и с журавлиной стаей / Я поплыву в такой же сизой мгле, / Из-под небес птичьи окликаю / Всех вас, кого оставил на земле».

Но такие явления – это всё тот же инсайт, это озарение, это неожиданные находки в безграничном языковом пространстве. Озарение приходит к избранным:

Вдруг, бывает, боль сомнёт свирепю, –
В чаше жизни вместе с мёдом яд.
Те, что душу вознесут на небо,
Наготове за спиной стоят.

Будет день, и я землю стану,
Груз всё тяжелей день ото дня.
Вверх и вниз земля и небо тянут,
Разорвать готовые меня.

Вот и есенинские мотивы («Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник – / Пройдёт, зайдёт и вновь оставит дом. / О всех ушедших грезит конопляник / С широким месяцем над голубым прудом»). Но на самом деле – это всеобщие, общечеловеческие, единые для всех, но улавливаемые лишь избранными, вибрации космоса:

Твоих несовершенств постыдный груз,
Как ни стремишься лучше быть, не тает.
Иной в пороках, а не дует в ус,
Не мучаясь, живёт и процветает.

Кого жалеть? Сочувствовать кому?..
Завязан туго узел тот издревле,
И совесть беспокройная уму
Кричит, вопит..
Да только ум не внемлет.

Подобная неявная, спонтанная интертекстуальность – явление органичное. «Подключение» к единому образному языковому пространству рождает близкие метафорические образы.

Смысловая и стилистическая переключка с поэтами прошлых лет перерастает иногда в явную интертекстуальность. Поэт включает в свои стихотворения реальные цитаты, реальные высказывания известных людей. Особенно много подобных межтекстовых связей в стихах, посвящённых А. С. Пушкину:

«О Кишинёве я вздохнул...» – так брату
Признался он в письме меж прочих слов,
Совсем забыв, наверно, что когда-то
Писал: «Проклятый город Кишинёв!»

Да, здесь неволя – за мечты расплата.
Достигнет ли сюда свободы зов?
А Кишинёв за все его утраты
Вновь дал надежду, дал тепло и кров.

Здесь, от столицы северной далече,
Судьба такие подарила встречи
На всех ветрах бесчисленных дорог,

Каких его раздумий здесь исток.
Увозит он напев молдавской речи...
О Кишиневе не вздохнуть не мог.

В известном письме брату Л. С. Пушкину поэт писал 25 августа 1823 года: «Оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе – кажется и хорошо – да новая печаль мне сжала грудь – мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишинёв на несколько дней, провёл их неизъяснимо элегически – и, выехав оттуда навсегда, – о Кишинёве я вздохнул»¹. Были, конечно, и другие слова: «Проклятый город Кишинёв! Тебя бранить язык устанет...» Но в истории остались и повторяются строки поэта: «Я оставил мою Молдавию...», «О Кишинёве я вздохнул...», «Мне стало жаль моих покинутых цепей...» Кстати, последняя фраза – это

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. Т. 10. Письма. 1979.

цитата из «Шильонского узника» Байрона в переводе В. А. Жуковского¹: «И слёзы новые из глаз / Пошли, и новая печаль / Мне сжала грудь... мне стало жаль / Моих покинутых цепей». А выражение «О Кишинёве я вздохнул» является аллюзией к тому же произведению Байрона. В «Шильонском узнике» это звучит немного по-иному («Я о тюрьме моей вздохнул»): «И... столь себе неверны мы! – / Когда за дверь своей тюрьмы / На волю я перешагнул – / Я о тюрьме своей вздохнул».

Лирические стихи Николая Савостина, как это обычно бывает, написаны от первого лица – от лица лирического героя, близкого самому автору. Иногда лирический герой обращается к своему читателю: «Давай заночуем в ущелье»; «Да что же ты киснешь, приятель?»

Но некоторые стихотворения написаны от имени других рассказчиков, мало связанных с образом автора. Такие стихи, сохраняя, конечно, авторский стиль, композиционно усложняются, так как в них появляется специфический рассказчик. Например, стихотворение «Рассказ старого друга», посвящённое А. Л., – это, скорее всего, поэтический пересказ истории жизни Андрея Лупана, написанный от его имени. Некоторые факты жизненного пути Андрея Лупана (лесоповал в эвакуации на Урале; незнание в то время русского языка; книга И. С. Тургенева «Вешние воды», найденная в бараке и ставшая для Андрея Лупана учебником русского языка) отразились в этих стихах:

Трудились на лесоповале
На Северном где-то Урале
В морозы военной зимы:
Сказали, когда призывали,
Что будем на фронте и мы.

Какие мы брали нагрузки,
Ворочая на лесоспуске!
Не гасла рабочая прыть.
А мы, бессарабцы, по-русски
Учились тогда говорить.

И тут, разгоняя невзгоды,
Тургенева «Вешние воды»
Попались – истерзаный том.
Урывками чуть не полгода
По-русски читал я с трудом.

¹ Над переводом поэт работал с 4 сентября 1821 г. по начало апреля 1822 г. Первая публикация перевода осуществлена отдельным изданием в 1822 году в Санкт-Петербурге.

Я так уставал, что, бывало,
Упав на своё одеяло,
Не мог шевельнуться подчас.
Но книга меня поднимала
И благоухала, лучась.

К морозам, к снегам по колена
Я стал привыкать постепенно,
Привык ожидать этот срок,
Когда приложусь после смены
К потоку светящихся строк...

Чуть станешь – на ватнике иней.
Душа же на стуже не стынет
В работе почти натошак...
Боюсь перечитывать ныне:
А вдруг там не то и не так?..

Стихотворение «Хитрость» написано от лица Куприяна Ивановича Вялкова со станции Хушенга, который воевал на танке, приобретённом на собственные средства. В составе танковой бригады К. Вялков освобождал Чехословакию. В своём дневнике он записал: «Как будто сейчас вижу и слышу, как от двенадцатицилиндровых двигателей наших танков вздрогнула чешская земля... Танковый взвод на больших скоростях, непрерывно стреляя, шёл в атаку на врага. Завязался жестокий бой, загорались танки от снарядов противника, загорел и танк Александра, но отважный боец не покинул горящий танк и всё стрелял, и стрелял. По сигналу красной ракеты в бой вступили основные силы русских. После упорного кровопролитного боя из г. Брно фашисты были выбиты, к 11 часам утра город был освобождён, но какой ценой досталась победа».

Приведу стихотворение Николая Савостина «Хитрость»:

На фронт не пускают. И я сказал так
(Смикитила голова):
«А если куплю себе собственный танк, –
Не пустите? Черта с два!

Письмо Верховному накатал,
Мол, деньги нажил трудом
И вот: отдаю весь свой капитал –
Копил когда-то на дом.

Для круглости суммы ещё пришлось
Деньжонок у друга занять,
Чтоб Гитлеру в горле застрял, как кость,
Мой танк.
И пошёл воевать.

Вот кости ломит, наверно, на дождь:
Пять раз продырявлен насквозь.
А что? Ведь без хитрости не проживёшь,
И мне вот схитрить пришлось...»

В поэзии Николая Савостина есть поэтические сравнения. Они всегда образные, метафорические, живые: «Как бабочка или кузнечик, / Что ловко уходят меж рук, / Стихи, не застывшие в речи, / Летают и скачут вокруг»; «Берёзы, как врачи в халатах, / Склонились к рухнувшей сосне»; «Роса стекает с каждого листа, / Вчерашней пыли слой смывая тонкий. / Торчит тугая гроздь из-под куста, / Как вымя, жадно ждущее телёнка».

Стихотворение «Ливень» почти целиком построено на метафорических сравнениях:

Под алой и зелёной радугой
Полился всё нетерпеливей,
Своим напором сердце радуя,
Как занавес тяжёлый,
Ливень.

А в глубине – косые полосы:
То солнца, то дождя полотна.
Гром, словно роль свою вполголоса
Заучивает неохотно.

Блестит в излучинах под тучами
Петляющей речонки пояса.
Вдали
За холст дождя летучего
Спешит, как за кулисы, поезд.

Всё будто ждёт того мгновенья,
Когда вдруг занавес взвощётся,
Войдёт, дрожа от нетерпения
Герой,
И действие начнётся.

Употребление сравнений как компонентов поэтического текста можно считать одним из актуальных языковых процессов, свойственных для современной художественной речи. Наряду с этим можно назвать и другой процесс – субстантивацию. Субстантивированные прилагательные усиливают тайну, которая всегда есть в жизни, есть она и в поэзии:

Сияние рябое
Мерцающих небес
Ласкает под собою
В снегах тревожный лес.

Как бел пушок на синем –
Намёк на облака
В обугленной пустыне
Среди материка.

Или закат
В навалах
Туч, облаков, дымов,
Играющий Байкалу
Свой эпос в сто томов.

В стихах о Забайкалье появляются характерные для этой местности слова – но нельзя говорить о чрезмерном их употреблении. Они детализируют описание: «Ещё снега, но сколько силы / В стремлении весенних струй. / И словно школьные чернила / Разбрызгал кто – цветёт ургуй». В поэтическом сборнике даётся авторская ссылка к слову «ургуй» – забайкальский подснежник фиолетового цвета.

В стихотворении «Чабан» слово «дыгыл» (монгольская шуба) не объясняется: «После армии он обзавёлся обновой – / Снова острая шапка да тёплый дыгыл».

Устаревшие слова (в том числе и старославянские) тоже почти отсутствуют в поэзии Николая Савостина: «И, опустившись на фундамент, / Светись еси на небеси, / Как дом наш общий, тот что с нами, / Летит, вращаясь на оси».

В стихотворении о море слово «компас», конечно, приобретает профессиональное произношение: «Он режет волны, как утюг, – / Свежей сравненья не найдёшь. / Компаса стрелка север – юг / Хранит, чуть сдерживая дрожь, // Невидимой чертой деля, / Мир пополам». И в этих стихах появляются разговорные слова – этого требует содержание:

Тропическая влага
И зной. А вот вчера
Ещё гудел штормяга,
Срывая леера.

Вчера – в меху, как ненцы,
Южане мы – сейчас,
На шее полотенца
И тенниски на нас.

Весь мокрый.
От жары бы
Забраться хоть во льды.
Летающие рыбы
Сигают из воды.

Трещат, застряв в шпигатах,
Хоть собирай и жарь,
Да, видно, жарковато,
Нет аппетита, жаль.

Встают не так, как дома,
И солнце, и луна,
И пахнет незнакомо
Лощёная волна.

Впервые видеть странно
Экватор.
Но уже
Идём по океану
На среднем этаже...

Фразеологические обороты используются необычно, они приобретают новое художественное звучание: «Кленовый высохший листок – / Письмо из прошлых лет, / Где столько сказано меж строк, / Хоть строк, конечно, нет...»; «И дождь пролиться не решился, / Ушёл куда-то стороной»; «А ветер всё разноухал / И музыку сложил»; «Люблю вкус подслащённых снегом ягод / Из собранных за лето горьких истин»; «За каплей капля – влагой точит / Снег под лиловым лозняком».

В стихах Николая Савостина не так уж много метафор. Но поэтичность от этого как будто только возрастает – от простых слов... И всё же метафоры, конечно, есть. И поскольку их не так уж много – они привлекают внимание яркостью, образностью, точностью: «Что-то силясь увидеть вдали, / Тянет шею антенна»; «Чехлы накинула зима / На старые скамейки сада»; «Не ленятся подниматься травы, / И не забывают зреть плоды. / Облака работают на славу, / Чтобы для дождя собрать воды»; «И опустевший пляж / Хранит улыбку счастья»; «Роща старчески седа, / Ношею примята. / Обметало провода / Инеем мохнатым»; «Снег кое-где ещё глядит сурово. / Взахлеб бормочут вдоль дорог потоки. / Холмы, как чёрные пятнистые коровы, / Лежат, вздыхая сыто, на припёке»; «Потягиваются во сне, / Хрустя суставами, деревья»; «Уютно спали мягкие сугробы, / По-детски разметавшись»; «В тепле и влаге молодое лето, / Ленясь проснуться, нежится пока»; «Неистово бранился чайник, / Звенел, пыхтел, что было сил»; «Смотрите, / кусочек металла / Вздохнул, пробудился / и глянул на мир – / И рядом с ним всё засияло!»; «Гигантский маятник – / луна / На гвоздике звезды висела».

В стихах Николая Савостина, как и в публицистике, много афористических выражений, суждений. Это делает его поэзию мудрой: «Счастье – вовсе не миф и не миг, / Коль тебе за других будет больно, / Коль достоинства видишь в других, / Лишь собою одним недовольный»; «Ведь петь может только крылатый, / Стремящийся ввысь, в небеса»; «Ведь знанья – паруса. Им нужен ветер, / А это – страсть живущих для людей, / Любовь ко всем, кто трудится на свете. // И есть ли на земле судьба святых, / Чем та, что, разрывая злобы сети, / Горит, светя, на острие идей!»; «Только низость каждый раз опять / Первой хочет встать на пьедесталы»; «Поэзия – дочь невзгоды, / И гаснут её созвучья, / Где липнут пальцы от мёда / Избытка благополучья»; «Ведь сколько есть таких, что пешими / Уходят в жизни дальше всех»; «Ах, у любви защиты нету, / И от неё защиты нет...»; «Чем больше слово нагружу я, / Тем легче поплывёт мой стих»; «Трус / первым / к хлебу тянет руку!»; «Дегустировать вина – искусство особое»; «Здесь ходи не ходи – не родиться дороге, / Коль никто по следам не пойдёт за тобой»; «Маленькие люди – это те великие, / У которых завистников не бывает»; «Не за столом пиита / В прилежности стараний, – / Поэзия намыта / На приисках страданий»; «Подчас кто прав – тот и гоним»; «У пользы жуткое лицо – / Кривое».

Поговорим о форме стихов Николая Савостина. Поэт работал над формой тщательно. Но едва скрытая усмешка, едва скрытое подшучивание и здесь делает его поэзию удивительно живой. Например, его стихотворение о сонете и написано в форме сонета (входит в цикл «Десять сонетов», посвящённый К. Ваншенкину):

Сонет? А что – заманчивая форма,
Жильё старинное для чувства и ума,
Где в меру и уютно, и просторно,
Где пустоты не терпят закрома.

Одна беда – не годен для прокорма:
Чтоб прокормиться, надобны тома,
А тут и строчкой не зайди за норму,
Работа ж филигранна, и весьма.

Не всё ль равно – четырнадцатистрочье
Или словесный без границ поток?
Да разве дело только в счёте строк?

И в этом тоже! Разорвал бы в ключья,
Ведь мучает меня и днём и ночью...
Ох, отпустил – последней строчкой лёг...

Излишних формальных изысков в стихах Николая Савостина нет. Но всё же графический словесный ряд отличается выразительностью. Приведу пример из стихотворения «Вино»:

Стрельба не в одиночку.
А как возмездья шквал –
По бочкам,
бочкам,
бочкам
На-
по-
вал.

Знаменитая «лесенка» графически передаёт выстрелы: «на – по – вал». Но в «лесенке» Николая Савостина графически разделены не слова, а слоги. Окказиональное деление на слоги, усиливающее смысл слова, встречается в стихах Николая Савостина («Ореховая баллада»): «Выжило деревце это, / И без таблички почётной / Временем новым согрето, / Трудным, / но бес-по-во-рот-ным». В поэме «Свечение живого»: «Одна. / Летит она / День ото дня всё пуще. / Но со-е-ди-не-на, / Как проводом, с грядущим».

Интересен приём обрыва слова, что создаёт иллюзию реальной разговорности, недоговорённости:

Его не видно. Но ведь что за чудо, -
Он где-то здесь. Вот вроде во дворе...
Он впереди... Он сзади... Он повсюду...
Он даже здесь, в моём стихотворе...

В стихотворении «Луг» используется такой же приём – но уже с другой целью: лирический герой словно прислушивается к ночным шорохам, ловит их дыхание:

Тишина... Луна взошла светло,
Дикий луг парным теплом окутан.
Словно бы прислушиваясь,
ло-
Лошади притихли почему-то.

Пан с цевницей или тёмный куст?..
Костерка потухшего куренье.

Полусон. И комара укус
Не помог стряхнуть оцепененье.

В стихотворении о грозе мастерски используется звукопись:

Гроза угрюмо громоздила
Лилово-чёрные громады.
И гром ворчал ещё в полсилы,
Как эхо дальней канонады.

В испуге, под раскаты грома,
Металась бойко птичья стая.
Дышала сладкою истомой
Трава в покосе, увядая.

Вдруг скрыло всё завесой зыбкой:
И луг, и речку, и берёзы.
И ослепительной улыбкой
Сверкнула молния сквозь слёзы.

В стихотворении «У солдатской могилы» эффектно используется приём повтора – создаётся ритм, словно звучит между строк невидимый метроном¹:

На чёрном поле красные цветы,
На чёрном поле,
Вокруг тяжёлой каменной плиты
На чёрном поле.

Кружится белый, белый, белый снег
На чёрном поле.
Весною семя снова даст побег
На чёрном поле.

И, повторяя вновь круговорот,
На чёрном поле,
Вновь золотое солнце потечёт
На чёрном поле.

Под ветерком хлеба зашелестят
На чёрном поле,
И кажется, во сне вздохнёт солдат
На чёрном поле.

И, конечно, нужно сказать о рифме в стихах Николая Савостина. Она настолько органичная, настолько естественно слита в единое целое со смыслом произведения, что вроде бы и не бросается в глаза. И

¹ В блокадном Ленинграде, когда радио не работало, в эфире стучал метроном: быстрый темп означал воздушную тревогу, медленный темп — отбой.

надо ещё раз прочесть стихи поэта, чтобы удивиться рифме: «Умориться, чтобы в сон / провалиться без оглядки. / Значит, жизни колесо / Катится. / И всё в порядке»; «Брожу / и ежжу на велосипеде я, / Стронник, так сказать, Озёрной школы... / Что это значит – есть в энциклопедии...» Очень привлекательна омонимическая рифма: «И в трубочку стекла / Кровь ниточкой стекла». Приведу целиком стихотворение «Весна» – здесь поэтической находкой является каждая рифма!

Весна упорней
Вершится к марту.
Она, как дворник,
Надела фартук.

Вломилась в город
Под птички речи,
Под ясный говор
Ручьёв и речек.

Здоровьем пышет
В работе ярой –
Дымятся крыши
И тротуары.

Давая выход
Стихам и прозе,
Сквозь хляби лихо
Ведёт бульдозер.

Щека в мазуте,
Омыта потом:
Весна – по сути –
Во всём работа.

Со схемой схожий
Был мир доселе,
Но словно ожил,
Одетый в зелень.

Само светило
Пылит, наверно, -
Запорошило
Пушок на вербах

Пыльцой веснушек –
Девичьи лица.
С зарёй пастушьей
Село пылится...

Пылая ало,
Над стройкой
Рано
На смену встала
В кабине крана.

И крановщицы
Стекланный терем
Вверху,
Где птицы,
В лучах затерян...

Пользуется Николай Савостин свободным стихом (верлибром). Приведу стихотворение «Скирда»:

Убрали хлеб.
Среди полей
Скирда соломы, белая от инея,
На утренней заре напоминает
Верхушку айсберга,
Который,
Как известно,
Своею главной частью скрыт от глаз.

Но подойди к ней, и пахнет теплом
И хлебным ароматом, словно хата,
В которой детство остаётся жить,
Которая нас помнит и готова
В любое время приютить опять.

Под небом осени просторным и печальным,
На вольной воле далеко видна
Скирда, как бы гигантский пьедестал
Для памятника.

Верлибр проявляется в трёхстишиях, очень напоминающих японские хокку (хайку). Недаром поэзия Басё привлекала поэта! О русских трёхстишиях пишет Евгений Степанов: «Главная особенность современного отечественного трёхстишия – это поэтичность взгляда на мир, афористичность, метафоричность и анафоричность письма. Это короткий русский верлибр»¹.

Приведу примеры трёхстиший Николая Савостина:

Вот и жизнь прошла,
Думал я горестно,
Когда мне стукнуло двадцать лет.

Путешествую по России:
Что ни дом, то том Войны и Мира,
Что ни дорожка – то тропа грома...

У того, кто в окопе
Утром перед боем побрился,
Больше шансов остаться живым.

¹ Евгений Степанов. Трёхстишие как самостоятельное поэтическое произведение // Дети Ра. 2011. № 10 (84).

Да любой, работая, как Микеланджело,
Чтобы в обморок падать от изнеможения,
Сделает имя своё заметным.

«Отнюдь, отнюдь...» – говорил ей, в зубах
ковыряясь, –
Лишь эти слова я расслышал,
И уже ненавидел его.

Деревья осени стоят под солнцем,
Но тень под ними светится, сияет.
То пламенеет круг листвы опавшей.

У Николая Савостина есть целый стихотворный цикл, который он назвал «Восьмистишия».

Николай Савостин – истинный Поэт. Он пишет о материальности мысли и слов (стихотворение «Просьба»):

Едва обидит кто-нибудь меня,
Как тут возмездие его ужалит злее.
Боюсь желать плохое и злодею –
Потом страдаю сам, его жалея,
Себя же самого во всём вина.

Сбываются невольные желанья
К моей досаде, просто наказанье.

И всем, кто злом решает нелады
Со мною, объявляю повсеместно:
Не поступайте подло и бесчестно,
Не надо, чтоб я вам желал беды.

Он интуитивно понял и достиг совершенства и просветления, придя к мысли о вибрации Души¹, приблизившись к открытой недавно теории струн²:

Неверный свет...
Хвораю.
В горячечном бреду
То ощупью по раю,
То в пекло вновь бреду.

Потом –
Нечеловечий
Мучительный полёт.
Что это – утро? Вечер?
Огонь? Или же лёд?

Что это – радость? Горе?
Любовь? Или вражда?
Как будто сбилась в споре
Всей жизни череда.

И словно бы в испуге,
На ясный свет спеша,
От яростной натуги
Вибрирует душа.

Статья поступила в редакцию 18.08.2012

¹ «Мы можем перейти из эпохи Информации в эпоху Интуиции, где коллективное сознание становится всё более комфортным благодаря нашей прирожденной способности настраиваться на свою наивысшую частоту «раскрытой личности» (вибрация души)». Пенни Пирс. Вибрация души: Закон притяжения Вселенной. М.: Эксмо, 2010. 432 с. «Каждое существо во Вселенной обладает уникальной вибрацией». Рэйчел Сэл. Земля после Перемен: Что ждёт нас после 2012 года? М.: София, 2012. 192 с.

² Теория струн – направление теоретической физики, изучающее динамику и взаимодействия не точечных частиц, а одномерных протяжённых объектов, так называемых квантовых струн. Теория струн сочетает в себе идеи квантовой механики и теории относительности, поэтому на её основе, возможно, будет построена будущая теория квантовой гравитации. Струна может вибрировать различными способами и каждый способ её вибрации генерирует отдельную элементарную частицу. Масса частицы и характеристики её взаимодействия определяются способом вибрации струны, или своеобразной «нотой», которая извлекается из струны. Получающаяся таким образом гамма называется спектром масс теории струн.

УДК 81'33
ББК 81.1

Степан Сергеевич Верхоzin,
аспирант,
Иркутский государственный лингвистический университет
(Иркутск, Россия), e-mail: stepaverkhozin@rambler.ru

К вопросу о лингвотеретических основах методик авторизации текста

В данной статье рассматривается такое актуальное направление прикладной лингвистики, как авторизация текста. Авторизация текста – соотнесение тексту соответствующих ему атрибутов, к которым причисляется имя создателя, но также жанр, время и место создания текста. Типовые случаи авторизации текста описываются тремя ситуациями: множественной неопределённостью, сравнением по образцу и конкуренцией образцов. Данная проблема относится к числу классических и часто рассматривается в рамках «количественной стилистики» – стилеметрии. История применения количественных методов в зарубежной лингвистике берёт своё начало в XVIII веке в работах Э. Мэлоуна, а в отечественной в XX веке в статье Н. А. Морозова. Автороведческая экспертиза имеет три основные практические области применения: судебная экспертиза, исследование языка и литературы, а также образование и психология. Методы авторизации текста достаточно разнообразны и позволяют взглянуть на данную проблему со стороны разных уровней языка.

Ключевые слова: квантитативные методы, авторизация текста, атрибуция текста, доля служебных слов, среднее значение, коэффициент синтаксического разнообразия, коэффициент лексического разнообразия речи.

Stepan Sergeevich Verkhozin,
Postgraduate Student,
Irkutsk State Linguistic University
(Irkutsk, Russia), e-mail: stepaverkhozin@rambler.ru

On Issue of Linguistic and Theoretical Foundations of Authorship Attribution Methods

This article focuses on such an urgent sphere of applied linguistics as authorization, also known as authorship attribution. Authorship attribution is identification of correlation between a text and its attributes, such as an author's name, genre, etc. The basic types of authorization can be described by the following three situations: multiple ambiguity, pattern comparison and pattern competition. This problem is a classical one and is often studied in quantitative stylistics. The history of using quantitative methods in foreign linguistics originates from E. Malone's works and in Russian one – from an article by N. Morozov. Authorship examination has three main spheres of practical use: forensic inquiry, language and literature researches, education and psychology. Authorization approaches are rather various and allow one to study texts according to different language levels.

Keywords: quantitative methods, text authorship, authorship attribution, percent of function words, average value, syntactical diversity coefficient, lexical diversity coefficient.

Количественные, или квантитативные, методы в последнее время прочно закрепились в качестве весьма полезного и информативного инструмента лингвистических исследований. Они могут применяться как отдельно для решения определённой языковедческой проблемы, так и в комплексе с другими, качественными подходами.

Существует множество областей применения квантитативных методов с лингвистической точки зрения: к ним можно отнести как самостоятельные дисциплины, такие

как математическая или статистическая лингвистика, так и некоторые другие направления, где количественные методики выступают в качестве средств разрешения тех или иных вопросов, связанных с функционированием языка. К последним можно отнести психолингвистику, компьютерную лингвистику, судебную лингвистику и т. д.

Среди этих областей для нас наибольший интерес представляет судебная лингвистика в общем и определение авторства текста в частности.

В широком смысле, авторизация текста – соотнесение тексту соответствующих ему атрибутов, к которым причисляется не только имя создателя, но также жанр, время и место создания текста [7].

Типовые случаи авторизации текста описываются следующими ситуациями [1, с. 43]:

- Множественная неопределённость;
- Сравнение по образцу;
- Конкуренция образцов.

Современные формальные методики установления авторства текста опираются на стохастическую модель порождения речи. В основе этой модели лежит представление о том, что с возрастанием объёма текста авторские особенности языкового оформления содержания становятся устойчивыми с вероятностной точки зрения, что позволяет устанавливать авторство по стабильно повторяющимся формальным характеристикам текста [5].

Проблема авторизации текста относится к числу классических проблем филологического исследования. Часто она рассматривается в рамках «количественной стилистики» – стилеметрии [1, с. 41]. Стилеметрия – прикладная филологическая дисциплина, занимающаяся измерением стилиевых характеристик текстов с целью их упорядочивания и систематизации (типологии, диагностики, атрибуции, классификации, датировки и тому подобное). Задачей этой дисциплины является поиск каких-то формальных количественных параметров текста, которые позволяли проводить строгие различия между двумя, максимум тремя авторами [4].

Важно отметить, что использование методов установления авторства, основанных на анализе формальных характеристик, или, наоборот, на чисто стилистическом и литературном анализе текста, не представляется возможным. С другой стороны, грамматические особенности авторского стиля – частота употребления неполнозначных, синсемантических слов и дискурсивных маркеров (частиц, союзов, предлогов, некоторых модальных слов, вводных выражений) – для текстов порядка 1000–2000 словоупотреблений сохраняются. Это и даёт возможность подтверждать или опровергать имеющиеся гипотезы относительно авторства текста. Необходимо подчеркнуть, что гипотеза об авторстве в любом случае

должна присутствовать, причём она должна формулироваться на экстралингвистических основаниях [5].

Перспектива объективизации экспертного знания была обнаружена в использовании количественных, статистических методов анализа текста. В зарубежной лингвистике квантитативные методы впервые стали применяться ещё в XVIII веке: в 1787 году специалист в хронологии и происхождении пьес Уильяма Шекспира Эдмонд Мэлоун (Edmond Malone) оспорил авторство трёх частей «Henry IV», написанного английским драматургом. Мэлоун основывал свои предположения на некоторых, нехарактерных для Шекспира, метрических показателях: например, на редком использовании двойных окончаний и рифмованных строк [9, с. 8–12].

В нашей стране основателем квантитативного направления можно считать Н. А. Морозова, опубликовавшего в 1915 г. статью «Лингвистические спектры. Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора. Стилеметрический этюд». В этой работе Н. А. Морозов предположил, что для индивидуального стиля писателя показательными являются именно служебные слова, поскольку они никак не связаны с темой и содержанием книги [7].

С тех пор было выработано и предложено множество различных методов авторизации текста, но ни один из них не является общепризнанным. С точки зрения разных подходов, в качестве достоверных количественных критериев определения авторства текста признавались: доля служебных слов как авторский инвариант, средняя длина слова, средняя длина предложения, индекс разнообразия лексики и многие другие. У каждого из подходов есть свои преимущества и свои недостатки, свои сторонники и свои противники. Некоторые учёные стараются совмещать качественные методики и количественные, дополняя, таким образом, результаты анализа по каждой из них. Однако уместным будет сказать, что квантитативные, или формальные, методы определения авторства видятся более объективными, поскольку позволяют установить некоторые языковые явления, которые очень трудно, если вообще возможно подделать, как то процент использования автором служебных слов.

На сегодняшний день методы атрибуции текста отличаются большим разнообразием: одни направлены на изучение лексических показателей, другие на изучение синтаксических или грамматических характеристик. Существуют также некоторые другие подходы, авторы которых предлагают комплексный анализ текста на нескольких языковых уровнях. Для обоснования перспективности того или иного метода необходимо провести их обзор и анализ.

Первым из рассматриваемых методов является так называемая «методика Хетсо» – норвежского учёного, специалиста по использованию компьютерных технологий в атрибуции литературных произведений. В 1979 году он исследовал спорные тексты, авторство которых приписывается Ф. М. Достоевскому, применив при этом несколько лингвостатистических критериев [там же]. К ним относятся:

- средняя длина слова в буквах (вычисляемая на основании выборок размером 500 текстовых слов);
- общее распределение длины слова, средняя длина предложения в словах (вычисляемая на основании выборок размером в 30 предложений);
- общее распределение длины предложения;
- лексический спектр текста на уровне словаря;
- лексический спектр текста на уровне текста;
- индекс разнообразия лексики.

К недостаткам этого подхода следует отнести то, что не все статистические критерии, использованные Г. Хетсо, могут дать достаточно надёжные результаты. Например, такая характеристика, как распределение длины слова, по словам Т. С. Менденхоло, может быть полезна в тех случаях, когда надо исключить авторство того или иного человека, а распределение длины предложения может дать достоверные результаты только тогда, когда выборка исследуемого текстового материала достаточно велика. Иными словами, сомнительным является то, что, используя этот критерий, можно определить авторство, например, небольшого письма или записки.

А. Н. Баранов в книге «Введение в прикладную лингвистику» предложил метод,

суть которого заключается в проведении количественного анализа квазисинонимичных лексем – близких по значению слов или устойчивых словосочетаний (фразеологизмов) [1, с. 43]. Автор основывается на том, что интересную информацию об идиолекте писателя даёт изучение частотных характеристик служебных и модальных слов. Так, частицы «разве» и «неужели» по-разному распределены в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия». «Разве» значительно чаще встречается в «Мастере и Маргарите», а «неужели» – наоборот. Значение частицы «разве» предполагает более активную, действенную позицию говорящего, подвергающего сомнению некоторое положение дел. В противоположность «разве», частица «неужели» скорее указывает на то, что некоторое положение дел практически принимается говорящим, и он лишь недоумевает, удивляется, почему оно имеет место. Учитывая значение этих частиц, указанные факты распределения «разве» и «неужели» можно интерпретировать как лингвистический коррелят авторской позиции в изображении событий и действий героев.

В основе следующего метода авторизации лежит одно из главных коммуникативных качеств речи – её богатство. В основе содержания понятия «богатая речь» лежит мысль о том, что речь тем богаче, чем реже повторяются в ней одни и те же знаки и цепочки знаков, способы внутренней организации этих последовательностей. Это означает, что речь тем богаче, чем она разнообразнее на всех своих языковых уровнях. Такое обстоятельство позволяет отождествлять понятия «богатство» и «разнообразие» речи [3, с. 25].

Существующие методы оценки богатства (разнообразия) речи в пределах того или иного её фрагмента, целого текста или их совокупности опираются, как правило, на интуицию исследователя, что может привести к субъективизму этой оценки. Крайне редки попытки применения объективных, опирающихся на количественные меры способов характеристики этой стороны речи, таких как строгие и статистически внятные коэффициенты речевого разнообразия. Расчёт коэффициента речевого разнообразия должен предполагать взаимосвязь, как

минимум, двух параметров: лексического разнообразия и степени синтаксической сложности. На этих уровнях легко достигнуть формальной соотносимости коэффициентов [там же].

Объективным критерием определения авторства может являться доля всех служебных слов в последовательном фрагменте [6, с. 768]. Простота характеристики позволяет провести объёмный статистический эксперимент. Как показали результаты предыдущих исследований, базирующихся на данном методе, на протяжении всего периода творчества писателя доля служебных слов (два знака после запятой) остаётся постоянной. В то же время эта доля значительно варьируется от писателя к писателю, принимая значения от 0,20 до 0,30. Это позволило авторам метода серьёзно обосновать плагиат М. А. Шолохова, поскольку его авторский инвариант значительно отличается от значения найденного параметра на первых частях «Тихого Дона» [там же].

Очень интересным и одним из самых новых является метод, предложенный шведским учёным Себастьяном Бернгардссоном (Sebastian Bernhardsson) из университета города Умео в докторской диссертации «The meta book and size dependent properties of written language» (2009). Сущность подхода заключается в изучении так называемого концепта «мета-книги» (meta book), как способа описания зависимости от размера некоторых статистических свойств, наблюдаемых в книгах [8, с. 43–54].

Идея автора состоит в том, что само создание текста может быть описано как процесс, в ходе которого автор берёт часть текста из большой материнской книги (метакниги) и переносит её на бумагу. Эта «мета-книга» – воображаемая бесконечная книга, которая даёт представление о характеристиках частотности слова, описывающих всё, что автор мог когда-либо написать. Это не имеет никакого отношения к семантике и к фактическому значению того, что написано, а скорее говорит о лексическом словаре, уровне и типе образования писателя, о его личных предпочтениях [там же].

В рамках исследования С. Бернгардссона было проверено, как в текстах трёх писателей: Томаса Харди, Генри Мелвилла и Дэвида Лоуренса – реализуется так назы-

ваемый закон Ципфа. Этот закон, открытый в 1935 году лингвистом Джорджем Ципфом (George Kingsley Zipf), гласит, что частота какого-либо слова в тексте обратно пропорциональна его рангу – месту в списке слов текста, отсортированных по частоте.

Шведские физики в своей статье показали, что этот закон не так универсален, как считал Джордж Ципф. Они обнаружили, что частота появления новых слов по мере роста объёма текста меняется у разных авторов по-разному, причём эта закономерность не зависит от конкретного текста, а только от автора.

Последний метод, который будет описан в статье – метод распознавания образов, в котором текст рассматривается как сложный лингвистический объект, характеризующийся обширным инвентарём элементов и многоуровневостью анализа. В основу нового метода атрибуции анонимных и псевдонимных произведений был положен многомерный статистический анализ, представленный в его наиболее развитой форме – теории распознавания образов [2].

В терминах распознавания образов стиль определяется как набор свойств (параметров), характеризующих состав, способы объединения и статистико-вероятностные закономерности употребления речевых средств, образующих данную разновидность языка. Набором свойств, характеризующих структуру текста в синтаксическом аспекте, становится в данном случае совокупность информативных параметров, чей состав определяется путём выполнения специальной процедуры отбора информативных параметров для каждого конкретного случая.

Важное теоретическое положение рассматриваемой работы заключается в том, что процедура атрибуции расчленяется на три относительно самостоятельных этапа [2]:

- Формирование литературно-критической атрибуционной гипотезы, которое выполняется методами традиционного филологического анализа с применением всех доступных субъективных и объективных методов и приёмов атрибуции.

- Проверка литературно-критической гипотезы, для выполнения которой используются средства теории распознавания образов.

• Интерпретация результатов проверки атрибуционной гипотезы.

Гипотеза считается статистически подтверждённой, если результаты распознавания согласуются с исходной литературно-критической атрибуционной гипотезой (при установленном уровне значимости). В противном случае гипотеза считается опровергнутой и проверяется либо альтернативная гипотеза, либо переформулированная исходная гипотеза. При реализации такой схемы атрибуции статистико-вероятностные методы анализа языка и стиля используются лишь в качестве вспомогательных средств проверки исходной атрибуционной гипотезы, сформированной с помощью филологических методов атрибуции [там же].

Разумеется, рассмотреть все существующие методы атрибуции текста в рамках одной статьи, не представляется возможным. У каждого лингвостатистического подхода есть как свои достоинства, так и свои недостатки. Порой результаты анализа одного текста или набора текстов, обработанных с помощью статистических критериев на предмет установления авторства разными учёными с помощью разных методов, получаются диаметрально противоположными: один лингвист атрибутирует материал конкретному автору, а второй это авторство опровергает. Поэтому не случайно, что ни один из методов не имеет особого преимущества перед другими, с точки зрения своей распространённости и популярности среди учёных. Лингвист, предложивший сравнительно новый подход или использующий определённый уже существующий, зачастую рассматривает его как единственно верный и отвергает другие. По этой причине перспективным видится использование целого комплекса различных статистических методов, рассматривающих различные аспекты атрибутируемого текста. Результаты, полученные на основе такого многомерного подхода, позволят сделать более объективные выводы об авторстве,

увеличить надёжность общего результата, а также исключить возможную ошибку при авторизации. Конечно, такая методика может вызвать определённые проблемы при обработке текстового материала, вследствие его потенциально большого объёма или сложности математического либо статистического аппарата, применяемого в некоторых подходах, но современное состояние информационных технологий, компьютерной техники, а также программного обеспечения позволяют значительно снизить трудоёмкость такой работы.

В заключение, следует отметить, что авторизация текста как область применения статистических знаний – сравнительно новое, быстро развивающееся и востребованное направление в науке в целом и в лингвистике в частности. Практическое же применение методы атрибуции текста находят в области судебной лингвистики (например, судебные дела о плагиате, определение авторства анонимного письма и т. д.). Конечно, в сферу этого направления прикладного языкознания входит не только собственно установление авторства, предмет этой науки гораздо шире и охватывает многие аспекты исследования языковых явлений в деле судопроизводства (в судебной лингвистике выделяют два больших раздела: судебная фонетика и судебная лексикология). В данной статье внимание уделено именно методам атрибуции текстов, коих, как было показано, насчитывается довольно много. Слабым местом можно назвать то, что отсутствует один общепринятый подход, который применяло бы большинство экспертов. Конечно же, каждый учёный, имеющий соответствующую учёную степень и авторитет в учёном сообществе, имеет право на выработку своего собственного метода. В конце концов, все статистические гипотезы носят вероятностный характер. Однако работы над разработкой новых количественных инструментов исследования авторства и усовершенствования старых продолжают и видятся крайне перспективными.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 347 с.
2. В поисках потерянного автора. Этюды атрибуции: [сайт]. URL: <http://attribution.corneille-moliere.com/> (дата обращения: 15.04.2011).
3. Варфоломеев А. П. Психосемантика слова и лингвостатистика текста: метод. реком. к спецкурсу / Калинингр. ун-т. Калининград, 2000. 37 с.
4. Мартыненко Г. Я. Основы стилеметрии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 173 с.
5. Рахимова А. А. Лингвистическая экспертиза // Вестник КАСУ № 3. 2005. С. 63–67. URL: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/3/83/> (дата обращения: 8.03.2011).
6. Фоменко В. П., Фоменко Т. Г. Авторский инвариант русских литературных текстов / предисл. А. Т. Фоменко // Фоменко А. Т. Новая хронология Греции: Античность в средневековье. М.: Изд-во МГУ, 1996. Т. 2. 886 с.
7. Хмельёв Д. Краткая история разработки методик определения авторского стиля. URL: <http://rusf.ru/books/analysis/history.htm/> (дата обращения: 15.01.2010).
8. Bernhardsson Sebastian. Structures in Complex Systems Playing dice with Networks and Books. – Print & Media, Umea 2009. 77 с.
9. Grieve Jack William. Quantitative Authorship Attribution: A history and an evaluation of techniques. – Simon Fraser University. 2005. 282 с.

References

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku: ucheb. posobie. M.: Jeditorial URSS, 2001. 347 s.
2. V poiskah poterjannogo avtora. Jetjudy atribucii: [sajt]. URL: <http://attribution.corneille-moliere.com/> (data obrashhenija: 15.04.2011).
3. Varfolomeev A. P. Psihosemantika slova i lingvostatistika teksta: metod. rekom. k speckursu / Ka-liningr. un-t. Kaliningrad, 2000. 37 s.
4. Martynenko G. Ja. Osnovy stilemetrii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 173 s.
5. Rahimova A. A. Lingvisticheskaja jekspertiza // Vestnik KASU № 3. 2005. С. 63–67. URL: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/3/83/> (data obrashhenija: 8.03.2011).
6. Fomenko V. P., Fomenko T. G. Avtorskij invariant russkih literaturnyh tekstov / predisl. A. T. Fomenko // Fomenko A. T. Novaja hronologija Grecii: Antichnost' v srednevekov'e. M.: Izd-vo MGU, 1996. T. 2. 886 s.
7. Hmel'jov D. Kratkaja istorija razrabotki metodik opredelenija avtorskogo stilja. URL: <http://rusf.ru/books/analysis/history.htm/> (data obrashhenija: 15.01.2010).
8. Bernhardsson Sebastian. Structures in Complex Systems Playing dice with Networks and Books. – Print & Media, Umea 2009. 77 с.
9. Grieve Jack William. Quantitative Authorship Attribution: A history and an evaluation of techniques. – Simon Fraser University. 2005. 282 с.

Статья поступила в редакцию 13.10.2012

УДК 801.73
ББК 83.3

*Елена Иосифовна Голованова,
доктор филологических наук, профессор,
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия), e-mail: ligol@csu.ru*

Смена тональности и доминантных образов в уральской поэзии нового времени

В статье раскрываются доминантные особенности образной и смысловой организации уральского поэтического текста: внимание к природной и культурной специфике края, гармонизация пространства, поэтизация человека труда. Утверждается, что творчество известных уральских поэтов – Б. Ручьёва, Л. Татьянической, А. Куницына, В. Богданова – характеризуется именно такой содержательной направленностью. В новую эпоху, по мнению исследователя, происходит смена тональности и ключевых смыслообразов уральской поэзии: в художественном творчестве уральцев всё сильнее звучат общерусские урбанистические мотивы, связанные с эсхатологическим переживанием мира, отказом от романтизации человека и его деятельности. На примере нового сборника поэм современного челябинского автора Сергея Борисова, лауреата нескольких региональных литературных премий, показывается трансформация образов и мотивов уральской поэзии XXI века.

Ключевые слова: уральская поэзия, поэтический текст, доминантный образ, мотив.

*Elena Iosifovna Golovanova,
Doctor of Philology, Professor,
Chelyabinsk State Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: ligol@csu.ru*

Change of Tonality and Dominant Images in the Ural Poetry of the Modern Era

The article reveals dominant features of the image and the meaning of the Ural poetic text, i. e. attention to natural and cultural specificity of the region, harmonization of space, poeticization of human labour. It is proved that the creative work of the prominent Ural poets B. Ruch'ev, L. Tat'yaniicheva, A. Kunitsin, and V. Bogdanov is characterized by the content focus. The author states that in the new era there is a change of tonality and key meaning images in the Ural poetry: national urban motives sound more increasingly, being associated with the eschatological experience of peace, abandoned romanticization of a human being and his activities. On the example of a new collection of poems by S. Borisov, a contemporary Chelyabinsk author and winner of several regional literary awards, transformation of images and motives in the Ural poetry of the twenty-first century is shown.

Keywords: Ural poetry, poetic text, dominant image, motive.

Специфику уральской поэзии XX века во многом определил обобщённый образ рабочего-труженика и связанные с ним мотивы поэтизации труда, восхищения мастерством профессионалов, сакрализации заводского пространства как сложного культурно-семиотического комплекса (см. об этом: [3]). В поэтических произведениях уральцев природные символы края – горы, лес, реки, озера – традиционно воспеваются как уголки малой родины, притягательные своей первозданной красотой, гармонией и чистотой. Именно эти образы и мотивы нашли яркое отражение в творчестве Б. Ручьёва, А. Куницына, В. Богданова, Л. Татьянической и многих других уральских поэтов.

В поэзии XX века крупный или совсем небольшой город Урала часто персонифицируется в образе рабочего, как, например, в стихотворениях, посвящённых Челябинску:

Город мой. Возвышаясь огромно,
Смотрит вдаль широко и светло.
И ложится румянец от домен
На его трудовое чело.
И под небом уральским недаром,
Поднимаясь во всю красоту,
Он суровость обрёл сталевара
И рабочую взял прямоту...
(В. Богданов)

Могучие домны и слябинг
Размеренно дышат вдали.
Поклон тебе, город Челябинск,
Умелец железной земли!
(М. Гроссман)

И в мирный час,
И в час военной выюги
Ты не бывал в долгу перед страной.

...
Кому-то довелось не здесь родиться,
Но стал ты многим родиной второй,
И по-сыновьи все тобой гордимся,
Рабочий город, Труженик-герой!
(А. Куницын)

Тот же образ актуализирован в стихотворении о Нижнем Тагиле:

Город труб, заводов город.
Город стали и огня.
Жили здесь отцы и деды.
Здесь – история моя. <...>
Вечно юный, вечно древний,
Город – труженик, герой.
Никогда нам не расстаться!
Буду я всегда с тобой!

(М. Давыдова)

Трудовой облик города воспроизводится и в поэтическом тексте, посвящённом Златоусту:

Огни домов по вечерам
Унижают склон. Взбегает город по горам,
Так значит – молод он!
Металлом пахнет, как и встарь,
Огнём он закалён,
А если город варит сталь,
Всем ясно – он силён...

(В. Глыбовский)

Раскалённый металл, огонь, дышащие печи, домны – вот традиционные образы уральской поэзии:

Иду по цеху – дружно дышат печи,
Свет пламени у друга на лице.
...
И после смены под прохладным душем
Мы остываем долго, как металл...
(В. Горбатовский)

Пробили летку у мартена,
Хлестнул по лицам адский жар...
(Ю. Гребеньков)

Горячий цех! Спасибо за глубокий,
Идущий через сердце верный след...
(Ю. Трифонов)

Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавают металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал
(Л. Татьяничева)

Рабочие инструменты, части заводских зданий, сооружений наделяются в поэзии уральцев особой силой, энергией, и нередко используются для осмысления других сущностей, в том числе состояний, чувств самого человека (подробнее см. [2]). Например, в стихотворениях современного уральского поэта Михаила Шабантуева [5] обнаруживаем характерные метафоры:

Чтобы смотреть смелее в завтра,
Забыв про отдых и еду,
Испытываю свой характер,
Проходку в прошлое веду.
(Узел времени)

Мастеровой, уральского закала,
Казалось: всё осилю, всё смогу,
Но вот с души окалина опала,
Растерянный стою на берегу.
(Мамаев курган)

В целом, через использование доминантных образов в местных поэтических текстах передаётся мироощущение жителей Урала, отражается их жизненный опыт и определённая система ценностей.

Вместе с тем в уральской поэзии последних лет всё отчетливее проявляются общерусские урбанистические мотивы, далеко отстоящие от традиционной картины мира уральца. Отказываясь от поэтизации человека труда, авторы всё чаще обращаются к гражданственной и философской лирике.

Так, в новой книге челябинского поэта Сергея Борисова «Отчуждение, или Четыре книги о главном» [1] даётся авторское осмысление сегодняшней жизни. Автор стремится выразить состояние человека новой эпохи – боль от разорванности мира, утрату связи с прошлым, одиночество и неприкаянность.

Книга состоит из четырёх частей – четырёх поэм, написанных в последние годы. Цифра «четыре» не случайна: поэт родился в сороковом году, 22 октября, и в этой «квадрированности» он видит знак сущего. Четыре – символ целостности (ср. четырёхконечный крест, четыре первоэлемента, четыре стороны света). Именно к этой целостности стремится автор из фрагментарности и эклектичности сегодняшнего мира. Однако в символике числа *четыре* есть и обратная сторона – это не только целостность, но и исчерпанность: «чётность» в русской национальной традиции означает конечность, замкнутость, статичность, связана со смертью. Таким образом, через числовую

символику автором передаются ощущения не просто «рубежности» эпохи, но эсхатологичности всего сущего.

В отличие от традиционного горизонтального (по Г. Гачеву) восприятия пространства национальным сознанием (образ пути, дороги), или донационального, мифологического восприятия пространства как круга, замкнутого космоса, поэт рисует пространство как клетку, в которой разворачивается человеческая жизнь. В данной метафоре он выражает свою жизненную и философскую концепцию, почти по Пастернаку – «вечности заложник у времени в плену». Тесные стены – вот границы этого жизненного пространства.

Бытие, обитание современного человека замкнуто в квадрат¹. Окно – граница этого пространства, здесь самый напряжённый, конфликтный участок, где максимально ослаблены связи со «своим» миром. Стоя у окна, автор размышляет о преходящем и вечном:

На сырые обрубки тополей
Ложится снег и падают дожди...

Город рисуется поэтом как замкнутое, неживое пространство. Ощущение человека, скованного квадратами улиц, дворов, квартир усиливается строками:

По скучной панели скитанье
И чахлый покой взаперти...

Таково авторское восприятие панельных квартир, квартир-клеток, где можно испытать на себе *взгляд состарившихся чад* (о живущих в этих квартирах детях-стариках), на городских улицах ощутить *перегар асфальта* или почувствовать *проточное счастье* («новый» образ счастья в восприятии горожанина).

Две важнейших темы книги – вечность и преходящее, быстротечное, сиюминутное время. Первая тема актуализирована в заглавиях поэм и стихотворений. В них «прочитываются» думы поэта о высоком, его стремление выйти на уровень философского осмысления бытия. Вероятно, этим объясняется обращение автора к библейскому контексту – через использование в заголовках старославянской лексики: «Исход»,

¹ Отметим, что в православных церквях именно с этой геометрической формой связано расположение свеч «за упокой» (форма канунного поминального стола – квадратная или прямоугольная).

«Ипостась», «Предубеждение», «Воплощение», «Наитие», «Преткновенение», «Упование», «Благо», «Покаяние» и т. п.

В заголовках Сергей Борисов осуществляет попытку «воскресить» в памяти культуры высокие церковные жанры – «Житие», «Исповедь», «Покаяние»; в поисках законов бытия обращается к юридическим терминам – «Уложение», «Вердикт», «Преамбула»; стремясь гармонизировать художественное пространство текста, использует литературоведческие понятия – «Пролог», «Эпилог», «Посткриптум». Во многих поэтических заголовках реализуется авторская интенция говорить о вечном, непреходящем – «Место», «Время», «Слово», «Память».

Четыре поэмы: «Прямая речь, или Книга откровений», «Стезя, или Книга знаков», «Исповедь, или Книга тайн», «Впредь, или Книга упований» – составляют своеобразный тетраэдр. Закольцованы и жанровые определения этих поэтических форм: *идеалистическая поэма – драматическая поэма – трагическая поэма – утопическая поэма*. Символический код композиции книги транслирует острое желание автора найти в сегодняшнем существовании человека божественный порядок и предложить читателям свой магический ключ к пониманию гармонии.

Идеальный духовный мир и мир людей, живущих по правилам современной культуры, сталкиваются на страницах книги Сергея Борисова. Автор ведёт разговор о живом времени, «сбивчивом» и хрупком, стремится передать его мятущуюся душу.

Острое желание гармонии вызывает у поэта щемящую тоску по «щебету детства», где остались свобода, естественность и чистота помыслов. Урал ассоциируется у художника с местом, в котором ощущается «озёрной заводи волна», где «хвоя и листва» струят «земные краски естества», где соседствуют «веками меченый гранит» и «седые шумы камыша». Но эти образы оказываются на периферии творческого внимания автора.

Если XX век для Сергея Борисова – «век, разлинованный в клетку», то сменивший его XXI век усилил ощущение неотвратимой безысходности:

Век грянул, прощельга и повеса...

Художник стремится запечатлеть «изменчивую суть» своего времени. «Пульса сбивчивая нить» проглядывает сквозь

оценки состояния современной России, её политической «элиты», сонма деятелей шоу-бизнеса:

Разговоры разговаривать
Ради красного словца,
Как съестное переваривать,
Отрыгая без конца...

Автор выступает на страницах книги не как сторонний наблюдатель, а как гражданин:

Что, держава, глядишь исподлобья
На крошечные эти миры?
По какому злосчастному праву
В злополучной невнятице снов
Ты украла надежду и славу
У своих дочерей и сынов?
Или мы нечестивые дети?..

Вечный вопрос: быть или не быть? – в новой интерпретации художника звучит жёстче: *Поэт или вор?*

Наиболее ярко и ёмко Борису удаётся передать ощущение разорванности времен, безъязыкость эпохи, потерю современниками чувства слова, а вместе с ним – и потерю смысла. «Ломкие края слова» – так характеризует поэт сегодняшнее состояние русской речи. Слово предстает как изломанное, разбитое, готовое поранить душу и пронзить сердце:

Мне слово – только спусковой крючок.

В поэтической ткани произведений Борисова воспроизведена эклектика сознания человека новой эпохи, где рядом оказывается высокое и низкое, уличное, площадное и внутреннее, потаённое:

Не в скрижалях, так в печенках...

На этом замыганном свете
Жизнь – оклик лукавый и только...

Спустившийся сумрак дышал перегаром
Асфальта, отменно нагретого за день.

Словно услышав призыв А. И. Солженицына, прозвучавший в его «Русском словаре языкового расширения» [4, с. 3], Борисов использует целый ряд неизвестных широкому читателю слов: *обочь, свычка, ржавь, прибыток, придумок, ржачь, вчуже, встречу, допрежь* и др.

В контексте произведений автора сталкивается просторечие (*Прибыток с ближнего слупить... Придумок заднего ума... и т. д.*) с классическим поэтическим слогом:

Когда предзимье сковывает грудь...

И бедность милостью предстанет,
Когда познаешь нищету...

Стихи – кочевье помыслов и чувств,
Судьба – череда находок и потерь,
Долг человека – оправдать ему отпущенное...

В книге, о которой идёт речь, перед нами предстал поэт, выразивший современное состояние сознания россиянина. Ему не чужда гражданская позиция, это размышляющий, рефлексирующий, страдающий сын своей страны, обременённый знанием мировой литературы и культуры. Однако при этом в центре внимания оказывается человек, сознательно или неосознанно преодолевший «власть места», а значит, потерявший некую точку опоры, лишенный корней и, вероятно, поэтому лишённый покоя.

Список литературы

1. Борисов С. К. Отчуждение, или Четыре книги о главном. Челябинск: Цицеро, 2011. 131 с.
2. Голованова Е. И. «Уральский текст»: локальный мир горнозаводской культуры в художественном пространстве фольклора и литературы // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы III Междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2010. С. 329–332.
3. Миллюкова Е. В. Из «проходной» в «душевую»: рабочий поэт в южноуральской заводской картине мира // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. М.: РГГУ, 2008. С. 178–187.
4. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. М.: Наука, 1990. 272 с.
5. Шабантуев М. Ф. Река доверия. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. 170 с.

References

1. Borisov S. K. Otchuzhdenie, ili Chetyre knigi o glavnom. Cheljabinsk: Cicero, 2011. 131 s.
2. Golovanova E. I. «Ural'skij tekst»: lokal'nyj mir gornozavodskoj kul'tury v hudozhestvennom prostranstve fol'klora i literatury // Interpretacija teksta: lingvisticheskij, literaturovedcheskij i metodicheskij aspekty: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. / Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t. Chita, 2010. S. 329–332.
3. Miljukova E. V. Iz «prohodnoj» v «dushevuju»: rabochij pojet v juzhnoural'skoj zavodskoj kartine mira // Kirpichiki: Fol'kloristika i kul'turnaja antropologija segodnja: sb. st. M.: RGGU, 2008. S. 178–187.
4. Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija / sost. A. I. Solzhenicyn. M.: Nauka, 1990. 272 s.
5. Shabantuev M. F. Reka doverija. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. kn. izd-vo, 1998. 170 s.

Статья поступила в редакцию 24.10.2012

УДК 882
ББК 83.3 (2Рос = Рус)

*Ольга Александровна Дмитриенко,
кандидат педагогических наук, доцент,
Северо-западный институт печати
Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: da_olga@mail.ru*

Энтомологически насыщенные и экстатические пейзажи как поэтическое открытие В. Набокова

Статья посвящена поэтике пейзажей Набокова, первичных в отношении литературной традиции. Энтомологически насыщенный пейзаж – это интегрированный пейзаж: арсенал научного знания и любовь (этическая составляющая здесь важна) помогает художнику приблизиться к истине – Божественному замыслу. В энтомологически насыщенных пейзажах упраздняется время – здесь господствует вечное лето; пространство обретает божественные свойства, становится географически сквозным, всеобъемлющим. Поэтика энтомологически насыщенных пейзажей позволяет говорить о том, что духовной родиной Набокова была не только Русская Литература, но и Энтомология, и этот Дом открыт для читателя. В создании экстатического пейзажа – «слияния» человека и стихии – Набоков следует принципу: от мимикрии к метаморфозе. Последовательно, детализированно в чувственных ощущениях, он изображает полное слияние малого тела героя с материальным миром Вселенной. Набоковский экстатический пейзаж упраздняет психологический параллелизм: не подобие, но тождество, равенство в причастии – в этом пафос пейзажа и открытие автора.

Ключевые слова: энтомологически насыщенный пейзаж, натуралистическая зоркость, экологическое единство, диониссийское раскрепощение, мимикрия, метаморфоза.

*Olga Aleksandrovna Dmitrienko,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
North-West Institute of Printing Arts,
St. Petersburg State University of Technology and Design
(Saint-Petersburg, Russia), e-mail: da_olga@mail.ru*

Entomologically Marked and Ecstatic Landscapes as V. Nabokov's Poetic Disclosure

The article is devoted to the poetics of Nabokov's landscapes. Entomologically marked landscape is an integrated landscape that helps the author to approach the truth. Time is abolished in the entomologically marked landscape. Eternal summer prevails and the space acquires divine properties; it becomes omniscious. Poetics of the entomologically marked landscape suggests that not only Russian literature but also entomology were Nabokov's spiritual "motherland". Nabokov keeps to the principle of mimicry of metamorphosis. Consequently, he depicts complete mergence of the characters body with the universe. Nabokov's ecstatic landscape eliminates psychological parallelism. Its pathos lies in equality rather than similarity.

Keywords: entomologically marked landscape, naturalistic vigilance, ecological unity, Dionysus's deliverance from bondage, mimicry, metamorphosis.

Набоков-художник создаёт уникальный вид пейзажа, который выходит за грани синтетичности его прозы [3, с. 191–229] – это энтомологически насыщенный пейзаж. Такого рода пейзаж не аллюзивен, не отсылает к литературным подтекстам и претекстам посредством цитат, реминисценций, парафраз и пародий, не включён в интра-

текстуальные связи, организующие мотивную структуру текстов Набокова; и если через ассоциации и выводит к традиции, то скорее, к живописной. Набоков, конечно, отдаёт должное Бунину «единственному русскому поэту, кроме Фета, «видевшему» бабочек» [7, с. 221], цитируя его стихи в «Других берегах», но едва ли ведёт свою

литературную родословную в изображении бабочек от них. В отношении литературной традиции этот вид набоковского пейзажа первичен.

Функционально энтомологически насыщенные пейзажи очень значимы, хотя эмоциональная тональность их константна – это ощущение блаженства, «сладчайшего удовлетворения», сопровождающее «безумную, угрюмую страсть» [7, с. 226] – лепидоптерологию. Энтомологически насыщенные пейзажи сокровенны, интимно-исповедальны. Набоков одаривает читателя возможностью сопереживания собственным энтомологическим откровениям и разочарованиям и, таким образом, открывает путь к пониманию и приятию своей философии и метафизики. Ибо «пейзаж может служить конкретным образом воплощения целых космических концепций, целых философских систем» [10, с. 392].

Энтомологически насыщенных пейзажей в русскоязычной прозе Набокова немало. Они преобладают в рассказе «Пильграм», во второй главе романа «Дар». Вся шестая глава «Других берегов» посвящена изображению бабочек в природном контексте. Удивительно поэтические синестетские пейзажи почти хронологически вписаны в автобиографию: «Сыздетства утренний блеск в окне говорил мне одно и только одно: есть солнце – будут и бабочки. Началось всё это, когда мне шёл седьмой год, и началось с довольно банального случая. На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона – до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное, бледно-жёлтое животное в чёрных и синих ступенчатых пятнах, с попугаячьим глазком над каждой из парных чёрно-палевых шпор, свешивалось с наклонённой малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, всё время судорожно хлопало своими громадными крыльями. Я стонал от желания» [7, с. 220].

Это не бесстрастно-точное энтомологическое описание – результат научных наблюдений, но лирически живописный этюд – где Набокову-художнику удаётся уловить и увековечить мгновенное. А вот импрессионистическое полотно: «В некошенных полях за парком воздух переливался бабочками среди чудного обилья ромашек,

скабиоз, колокольчиков, – всё это скользит у меня сейчас цветным маревом перед глазами, как те пролетающие мимо широких окон вагона-ресторана бесконечно-обольстительные луга, которых никогда не обследовать пленному пассажиру» [7, с. 231].

Значительная часть энтомологически насыщенных пейзажей Набокова написана в духе импрессионизма. «Другие берега»: ночной пейзаж, где всё объёмлется единым тоном – сиреневато-пепельным, с розовато-латунным приглушённым лунным мерцанием: «На крайней дорожке парка лиловизна сирени, перед которой я стоял в ожидании бражников, переходила в рыхлую пепельность по мере медленного угасания дня и молоком разливался туман по полям, и молодая луна цвета Ю висела в акварельном небе цвета В» [7, с. 229]. Мгновение не застывает, а переходит в другое, и эту подвижность, перетекание, вибрацию импрессионистичным взглядом схватывает Набоков.

Помимо импрессионистической изысканности и натуралистической зоркости пейзажи подобного рода обладают некоторой детскостью – мир бабочек и их среды обитания одухотворён, это «общество», частью которого является Набоков. Например, «голубой samuelis» – «один из любимейших <его> крестников», а с гусеницей могут выстроиться мимолётные отношения на уровне взгляда: «Бывало, большая глянцево-красная гусеница переходила тропинку и оглядывалась на меня» [7, с. 233, с. 221].

Один и тот же пейзаж может быть увиден с разных точек зрения и по-разному интерпретирован, однако в набоковской иерархии пейзажей энтомологически насыщенный занимает высшую позицию. В интервью телевидению Би-би-си в 1962 году на вопрос о связи лепидоптерологии как профессиональной сферы деятельности с творчеством писателя Набоков ответил: «Я думаю, что в произведении искусства происходит как бы слияние двух вещей: точности поэзии и восторга чистой науки» [4, с. 568]. Энтомологически насыщенный пейзаж безусловное тому подтверждение. Это интегрированный пейзаж: арсенал научного знания и любовь (этическая составляющая здесь важна) помогает художнику приблизиться к истине – Божественному замыслу. В романе «Дар» Набоков размышляет об этом в эпизоде, где Фёдор Годунов-

Чердынцев дошёл до любимой лужайки в лесу: «клочковатой, цветущей, влажно сверкающей на жарком солнце. Божественный смысл этой лужайки выразался в её бабочках. Всякий нашёл бы тут что-нибудь. Дачник бы отдохнул на пеньке. Прищурился бы живописец. Но насколько глубже проникла в её истину знанием умноженная любовь: отверстые зеницы» [8, с. 315].

Игра на различной интерпретации одного и того же понятия или объекта имеет давнюю традицию в русской и западноевропейской литературе. Например, в автобиографической повести «Филон» (1788), где описано путешествие из полтавской семинарии в Александрово-Невскую академию, автор, издатель журнала «Муза» И. И. Мартынов в юмористично-пародийном по отношению к «Сентиментальному путешествию» Л.Стерна и «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина тоже предлагает такую игру. На вопрос спутника, что он думает об одном из городов, Филон восклицает: «если смотреть на город глазами архитектора: в нём строение старинное, расположение домов и улиц без дальнейшего искусства и хорошие здания составляют в нём исключения из главного правила; если смотреть на него глазами христианина... в нём церквей ни больше, ни меньше, как было до нашего отсюда выезда <...> Если смотреть на него глазами физика, хирурга, он построен на болотистом месте, воздух в нём чаще должен быть сыр, чем сух» [9, с. 54].

Набоковская игра интерпретаций столь же ролевая: сначала любимая лужайка оценивается прагматичным гипотетическим «дачиком», затем как художественный объект живописцем – и только в конце энтомологом, которому и открывается «божественный смысл». Далее автор представляет читателю один из уникальных энтомологически насыщенных пейзажей: «Свежие, от свежести кажущиеся смеющимися, почти апельсиновые селены с изумительной тихостьюплыли на вытянутых крыльях, редко-редко вспыхивая, как плавником – золотая рыбка. Уже несколько потрёпанный, без одной шпоры, но ещё мощный махаон, хлопая доспехами, опустился на ромашку, снялся, словно пятясь, а цветок, покинутый им, выпрямился и закачался. Лениво летали боярышницы <...> На скабиозе, в компании с мошкой, помести-

лась красно-синяя, с синими сяжками, цыганка, похожая на ряженого жука. Торопливо покинув лужайку и сев на лист ольхи, капустная самка странным задратием брюшка и плоским положением крыльев (чем-то напоминавшим приложенные уши) дала знать своему потёртому преследователю, что она уже оплодотворена. Два медных с лиловинкой мотылька <...> встретились на молниеносном лету, взвились, вертятся друг вокруг друга, бешено дерясь, поднимаясь всё выше и выше, – и вдруг стрельнули врозь, обратно к цветам.<...> Смуглая фрея мелькнула среди селен. Маленький бражник с телом шмеля и стеклянными, невидимыми от быстроты биения крыльцами, с воздуха попытал длинным хоботком цветок, кинулся к другому, к третьему. Всю эту обаятельную жизнь, по сегодняшнему сочетанию которой можно было безошибочно определить и возраст лета (с точностью чуть ли не до одного дня), и географическое положение местности, и растительный состав лужайки, – всё это живое, истинное, бесконечно милое Федор воспринял как бы мгновенно, одним привычным глубоким взглядом» [8, с. 316].

Уникальность энтомологически насыщенных пейзажей в том, что наблюдения за естественным гармоническим взаимоотношением бабочек с их «родимой средой» приводят Набокова к осознанию парадоксальной возможности «связать в синтез идею личности и идею общности», к ощущению «экологического единства» [7, с. 232], столь хорошо знакомого натуралистам и каждому его герою-энтомологу.

В энтомологически насыщенных пейзажах упраздняется время – здесь господствует вечное лето; пространство обретает божественные свойства, становится географически сквозным, всеобъемлющим. И именно тот великолепный махаон, которого упустил семилетним мальчиком Набоков летом в Выре, после сорокалетней погони настигнут и «сбит» ударом рампетки «с ярко-жёлтого одуванчика, вместе с одуванчиком, в ярко-жёлтой роще, вместе с рощей, высоко над Боулдером» [7, с. 221].

Довольно часто энтомологически насыщенные пейзажи, будучи географически точными в описании среды обитания разных подвигов бабочек, не привязаны к границам страны, государства. Например, один из таких пейзажей в «Других берегах»

может начинаться описанием кустиков голубики в обширной болотистой местности за Оредежью, которую решил хорошенько исследовать в юности Набоков, а заканчивается видом горной вершины в Колорадо.

Русская и американская «арктика» сливаются воедино как жизненная среда полярных бабочек и их исследователя: «Над кустиками голубики <...> над карим блеском до боли холодных мочажек, куда вдруг погружалась нога; над мхом и валежником; над дивными, одиноко праздничными, стоящими как свечи, ночными фиалками, тёмно-коричневая с лиловизной болория скользила низким полётом, проносились гонобоблевая желтянка, отороченная чёрным и розовым, порхали между корявыми сосенками великолепные смуглые сатириды-энеисы <...> ноги промокли до пахов, губы запеклись, колотилось сердце, но я всё шёл да шёл, держа наготове сачок. Наконец я добрался до конца болота. Подъем за ним весь пламенел местными цветами – лупином, аквилеией, пенстемоном <...> вдали и в вышине, над границей древесной растительности, округлые тени летних облаков бежали по тускло-зелёным горным лугам, а за ним вздымался скалисто-серый, в пятнах снега Longs Peak» [7, с. 233].

Набоков провёл в Америке 20 лет, за эти «американские годы» и позже, вернувшись в Европу, никогда не имел собственного дома и нигде не обосновался по-настоящему: номера в пансионатах, меблированные комнаты, арендованные у отсутствующих профессоров коттеджи, роскошный «Палас-отель» в Монтрё. Отсутствие постоянного дома он комментировал по-разному, например, так: «Найти точное соответствие своим воспоминаниям мне все равно не удаётся – так зачем беречь себе душу безнадежными приближениями» [6, с. 569], или иначе: «вся Россия <в значении Дома – курсив мой – О. Д.>, которая мне нужна, всегда при мне: литература, язык и моё собственное русское детство» [5, с. 567].

Признания Набокова, ведение им литературной родословной от пушкинской прозы, с установлением различной степени родства с русскими писателями XIX – начала XX века [2, с. 18–19]; а также продолжающееся уже более 50 лет филологическое и историко-литературное изучение его

синтетической прозы, актуализирующей в качестве подтекста весь состав русской литературы, позволили набоковедам утверждать, что подлинным Домом для Набокова была и остаётся Русская Литература.

Поэтика энтомологически насыщенных пейзажей позволяет говорить о том, что у Набокова был ещё один Дом. Помимо Русской Литературы его духовной родиной была Энтомология, и этот Дом открыт для читателя. В «Других берегах» он пишет: «И высшее для меня наслаждение – вне дьявольского времени, но очень даже внутри божественного пространства – это наудачу выбранный пейзаж, всё равно в какой полосе, тундровой или полярной, или даже среди остатков какого-нибудь старого сосняка у железной дороги <...> словом, любой уголок земли, где я могу быть в обществе бабочек и кормовых их растений. Вот это – блаженство, и за блаженством этим есть нечто, не совсем поддающееся определению. Это вроде какой-то мгновенной пустоты, куда устремляется, чтобы заполнить её, всё, что я люблю в мире. Это вроде мгновенного трепета умиления и благодарности, обращённой, как говорится в американских официальных рекомендациях, to whom it may concern – не знаю, к кому и к чему, – гениальному ли контрапункту человеческой судьбы или благосклонным духам, балующим земного счастливца» [7, с. 234].

«Присутствие создателя в создании» (В. А. Жуковский) оказывается можно обнаружить и научным способом, будучи учёным, для которого лепидоптерология немислима без любви и творчества.

Тема экологического единства, над которой размышляет Набоков-лепидоптеролог, создавая энтомологически насыщенные пейзажи в «Других берегах», обнаруживает неожиданный инвариант звучания в ранней, по отношению к роману-автобиографии, прозе Набокова, в пятой главе «Дара» в эпизоде путешествий Федора Годунова-Чердынцова по груневальдскому бору, куда герой приглашает и читателя: «Дай руку, дорогой читатель, и войдём со мной в лес» [8, с. 506].

Пейзаж открывается многозвучьем птичьих голосов и наблюдениями Федора за мимикрией, звуковой и визуальной, «вспыхивающей в неожиданных местах» [8, с. 505]. Набокова и его героев-энтомологов не удовлетворяло дарвинистское объясне-

ние мимикрии как инстинктивного способа «борьбы за существование». Она «излишне изысканна для обмана случайных врагов <...> и словно придумана забавником-живописцем как раз ради умных глаз человека» [8, с. 294].

Мимикрия не только даёт возможность насладиться остроумнейшим «обворожительно-божественным» обманом, вступив в игру, предложенную творцом, но и позволяет увидеть гармонию отношений живых существ с окружающей средой в едином экосе – доме. Замечательно точно определяет мимикрию в понимании Набокова С. Давыдов: «Это дар творца твари, чтобы та, повторяя изысканные многоцветные узоры, прославляла сотворённый мир». С. Давыдов считает, что мимикрия и метаморфоза – это разные способы отождествления нетождественного: «Мимикрия – это дивное внешнее сходство нетождественного, метаморфоза – ещё более внутреннее тождество несходного. Если мимикрия – артистический дар, то метаморфоза – дар метафизический» [1, с. 232–233].

В пейзаже груневальдского леса Федор от «мимикрии» восходит к чудесному преображению. Сначала он сливается с окружающей средой: «благодаря сплошному загару, бронзой облившему тело, так что только пятки, ладони и лучевые черты остались естественной масти, я чувствовал себя атлетом, тарзаном, адамом, всем чем угодно, но только не голым горожанином. Неловкость, обычно сопряжённая с наготой, зависит от сознания нашей беззащитной белизны, давно утратившей связь с окраской окружающего мира, а потому находящейся в искусственной дисгармонии с ним. Но влияние солнца восполняет пробел, уравнивает нас в голых правах с природой, и уже загоревшее тело не ощущает стыда» [8, с. 508].

Набоков открывает человеку, давно вырванному из природного ряда, включённому в ряд морально-этический, безнадежно, казалось бы, социализированному, путь обретения первобытного рая: Федор не просто загорает, он отдаёт себя во власть солнца, уподобленного языческому богу: «Солнце навалилось. Солнце сплошь лизало меня большим, гладким языком. Я постепенно чувствовал, что становлюсь рас-

калённо-прозрачным, наливаюсь пламенем и существую, только поскольку существует оно. Как сочинение переводится на экзотическое наречие, я был переведён на солнце. Тощий, зябкий, зимний Федор Годунов-Чердынцев был теперь от меня так же отдалён, как если бы я сослал его в Якутскую область. Тот был бледным снимком с меня, а этот, летний, был его бронзовым, преувеличенным подобием» [8, с. 508].

Языческое начало пейзажа усиливается, дионисийское раскрепощение граничит с чем-то приапическим. (Как не вспомнить письмо 1936 года к З. Шаховской, где Набоков опасается, что удлинение названия нового романа на одну букву огорчит её: «не «Да», а «Дар» <...> первоначальное утверждение превратилось «в нечто цветущее, даже приапическое») [10, с. 22]. И вот уже сам Федор предстаёт нагим языческим богом – хозяином сказочного леса: «Двигаться нагишом было удивительным блаженством. <...> Он пошёл между кустами, прислушиваясь к звону насекомых, к шорохам птиц. Королёк, как мышь, скользнул в листве дубка; низко пролетела земляная оса, держа в лапках труп гусеницы; давешняя белка с прерывистым, скребущим звуком вскарабкалась по коре. Где-то невдалеке зазвучали девичьи голоса, и он остановился в пятнах тени, неподвижно застывших у него вдоль руки, но ровно содрогавшихся на левом боку, между рёбер» [8, с. 509].

В этом эпизоде можно обнаружить не только античные мифологические претексты. Набоков создаёт пейзаж, противоположный тому, где человек и природа композиционно взаимодействуют по принципу психологического параллелизма: кульминацией развития традиции можно считать романтический пейзаж. Классический пример – изображение грозы в горах в поэме Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда». Гроза в романтическом пейзаже Байрона является своего рода метафорой страстей, духовной мощи и величия героя, который сливается со стихией в едином духе.

Набоков, следуя принципу: от мимикрии к метаморфозе, – идёт дальше в создании экзотического пейзажа – «слияния» человека и стихии. Последовательно, детали-

зированно в чувственных ощущениях, он изображает полное слияние малого тела героя с материальным миром Вселенной. Именно тело – плотская природа, родственная всему природному царству – становится посредником, инструментом растворения Федора в воздушно-солнечной стихии, необходимым участником экстатического акта – выхода за грани индивидуации: «Собственное же моё я, то, которое писало книги, любило слова, цвета, игру мысли, Россию, шоколад, Зину, – как-то разошлось и растворилось, силой света сначала опрозраченное, затем приобщённое

ко всему мрению летнего леса, с его атласистой хвоей и райски-зелёными листьями, с его муравьями, ползущими по преображённому, разноцветнейшему сукну пледа, с его птицами, запахами, горячим дыханием крапивы, плотским душком нагретой травы, с его небесной синевой, где высоко-высоко гремел самолёт, как бы подёрнутый синей пылью, синей сущностью тверди» [8, с. 509].

Набоковский экстатический пейзаж упраздняет психологический параллелизм: не подобие, но тождество, равенство в причастии – в этом пафос пейзажа и открытие автора.

Список литературы

1. Давыдов С. Набоков: герой, автор, текст // Набоков. PRO ET CONTRA. Материалы и исследования о жизни и творчестве Набокова. Антология. СПб., 2001. Т. 2. С. 232–233.
2. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. С. 18–19.
3. Левин Ю. И. Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В. Набокова «Дар» // Russian Literature, IX–II. Special Issue: The Russian Avant – Garde IV. 1981. С. 191–229.
4. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 2. С. 567–568.
5. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 2. С. 567.
6. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 3. С. 569.
7. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5. С. 234.
8. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 4. С. 315.
9. Роботи Т. Литература путешествий // Русская проза: сб. / под ред. Б. М. Эйхенбаума и Б. Н. Тынянова. М., 1920. С. 54.
10. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 22.
11. Эйзенштейн С. М. Неравнодушная природа // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 392.

References

1. Davydov S. Nabokov: geroj, avtor, tekst // Nabokov. PRO ET CONTRA. Materialy i issledovanija o zhizni i tvorcestve Nabokova. Antologija. SPb., 2001. T. 2. S. 232–233.
2. Dolinin A. Istinnaja zhizn' pisatelja Sirina: Raboty o Nabokove. SPb.: Akademicheskij projekt, 2004. S. 18–19.
3. Levin Ju. I. Ob osobennostjah povestvovatel'noj struktury i obraznogo stroja romana V. Nabokova «Dar» // Russian Literature, IX–II. Special Issue: The Russian Avant – Garde IV. 1981. S. 191–229.
4. Nabokov V. V. Sobr. soch. amerikanskogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 1997. T. 2. S. 567–568.
5. Nabokov V. V. Sobr. soch. amerikanskogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 1997. T. 2. S. 567.
6. Nabokov V. V. Sobr. soch. amerikanskogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 1997. T. 3. S. 569.
7. Nabokov V. V. Sobr. soch. russkogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 2000. T. 5. S. 234.
8. Nabokov V. V. Sobr. soch. russkogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 2000. T. 4. S. 315.
9. Roboli T. Literatura puteshestvij // Russkaja proza: sb. / pod red. B. M. Jejhenbauma i B. N. Tynjanova. M., 1920. S. 54.
10. Shahovskaja Z. V poiskah Nabokova. Otrazhenija. M.: Kniga, 1991. S. 22.
11. Jeizenshtejn S. M. Neravnodushnaja priroda // Jeizenshtejn S. M. Izbrannye proizvedenija: v 6 t. M., 1964. T. 3. S. 392.

Статья поступила в редакцию 16.01.2013

УДК 882.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

*Лю Гопин,
магистр филологии, аспирант,
Забайкальский государственный университет
(КНР), e-mail: gop.liu2009@yandex.ru*

**Композиционное развёртывание текста
(на материале повести Б. Пильняка «Красное дерево» в сравнении
с китайским переводом)¹**

В статье анализируется явление языковой композиции и важнейший принцип построения художественного текста – динамичность. Композиционное развёртывание текста связано с употреблением в нём живого художественного образа. Его «про-растание» в тексте – это и есть свидетельство композиционного развёртывания. Организация текста рассматривается в связи с теми языковыми процессами, которые наблюдаются в современной прозе. Анализ прозы Б. Пильняка позволяет выявить традиции, нашедшие отражение в построении современных прозаических текстов. Анализ русского текста на фоне перевода даёт возможность исследователю увидеть, как меняется живой художественный образ, являющийся значимым компонентом языковой композиции. Изменение художественного образа влияет на композиционное развёртывание текста, меняет его стилистико-смысловую тональность. Автор приходит к выводу, что анализ композиционного развёртывания текста важен не сам по себе, а в связи с языковыми процессами и в связи с традициями прошлого.

Ключевые слова: языковая композиция, языковые процессы, Б. Пильняк, традиции.

*Liu Guo Ping,
Master of Philology, Postgraduate Student,
Zabaikalsky State University
(People's Republic of China), e-mail: gop.liu2009@yandex.ru*

**Compositional Development of the Text (Based on Boris Pil'nyak's Novel *Mahogany*
in Comparison with the Chinese Translation)**

The article analyzes the phenomenon of linguistic composition and the most important principle of the artistic text – dynamism. Compositional development of the text is associated with the use of a live art image in it. Its "sprouting" in the text is an evidence of the compositional development. Organization of the text is considered in connection with the linguistic processes that occur in modern prose. Analysis of Pil'nyak's prose reveals traditions that are reflected in the construction of modern prose texts. Analysis of the Russian text on the background of translation allows the researcher to see how the live art image changes, as it is a significant component of the linguistic composition. The change in the art image affects the compositional text development and changes its stylistic meaning tone. The author comes to the conclusion that the analysis of the compositional development of the text is important not in itself, but because of the language processes in relation to the traditions of the past.

Keywords: language composition, language processes, B. Pil'nyak, traditions.

Композиционное развёртывание текста, его динамичность – это основной, важнейший признак организации текста. Именно на этом основано понимание языковой композиции, выдвинутое В. В. Виноградовым и продолженное А. И. Горшковым, Г. Д. Ахметовой, Н. Н. Глухоедовой, Л. Ю. Папяном и

др. Языковая композиция художественного текста – это внутреннее движение и развёртывание словесных рядов, т. е. языкового материала, лежащего в основе повествования. Г. Д. Ахметова отмечает, что словесные ряды, организованные образом автора, распадаются на стилиевые потоки, в основе

¹ Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы». Проект № 14.В37.21.0530.

которых лежит тот или иной «лик» авторского образа, т. е. либо рассказчик (близкий образу автора или далёкий от него), либо персонажи. Именно их глазами, их точкой видения организованы в тексте композиционно и сюжетно значимые приёмы: деталь, интерьер, портрет, пейзаж [4, с. 51].

Известно, что стиль произведения, а также индивидуальный (творческий) стиль зависит от многих факторов, к которым традиционно относят, например, характер писателя; эпоху, в которую жил (или живёт) писатель и т. д. Г. Д. Ахметова пишет о творческом стиле писателя: «Творческим стилем обладают писатели, “попавшие” в вибрирующее языковое пространство, пронизанное живыми языковыми процессами. “Настройка” на вибрацию языкового пространства позволяет писателю увидеть единые процессы, существовавшие всегда (традиции), а также увидеть то, что будет “раскрыто” и реализовано позже (новаторство)» [3, с. 14]. В китайской философии считается, что произведение проистекает из жизни, и оно выше жизни. В этой связи можно сказать с точки зрения китайского исследователя, что художественное произведение – это всегда отражение жизни, поэтому социальная среда очень влияет на индивидуальный стиль писателя.

Каждое крупное социальное и историческое событие порождает новый взрыв произведений, которые раскрывают ту или иную проблему и вносят свой взгляд на историческое событие. Для России таким событием является революция 1917-го года, которая изменила ход истории страны. И именно революция дала толчок к выбору тематики и направления творчества Бориса Андреевича Пильняка. И вокруг его произведений, затрагивающих острые проблемы, ведутся споры. По поводу личности писателя мнения критиков расходятся. Одни восхваляли его как писателя, сумевшего в полной мере раскрыть революционную эпоху. Другие же придерживались противоположной точки зрения. Сам же Б. Пильняк в письме к Лутохину в 1922 г. свой стиль характеризует как: « Как думал, как знал, как видел, так и писал» [5, с. 75].

Борис Андреевич Пильняк родился 12 октября 1894 года. Он является одним из самых ярких, оригинальных и спорных писателей двадцатых годов XX века. В сво-

их произведениях Б. Пильняк стремился в неординарной для литературы того периода форме осмыслить первые революционные шаги России, передать своё понимание и видение стихийных народных масс, которые были вовлечены в громадные и непоколебимые сдвиги в стране. Проблемы той революционной эпохи, которые по масштабу являлись глобальными и затрагивали как прошлое так и настоящее и будущее, писатель стремился решать с помощью новых художественных форм. И на сегодняшний день значимость и актуальность работ Б. Пильняка велика, т. к. благодаря его произведениям читатель может перенестись в далекие 20-е годы XX столетия и почувствовать весь трагизм революции 1917 года и её отголоски. Произведения Б. Пильняка внесли весомый вклад в эволюцию литературы XX века. Писатель решительно изменял нормы классической литературной традиции, применял элементы эстетической новизны. Теперь же можно говорить о продолжении традиций. Г. Д. Ахметова пишет о традициях: «<...> традиция – это некая форма инновационного построения произведения. Традиция – это своеобразная форма новаторства, равно как и новаторство становится традицией. Извлекая в минуты озарения из единого языкового пространства некие известные формы организации текста, писатель словно бы создаёт их заново» [3, с. 17].

Г. Д. Ахметова анализирует традиции построения художественного текста, сравнивая прозу Б. Пильняка с современной прозой: «В прозе Б. Пильняка отмечаются следующие особенности, отражающие композиционное развёртывание текста: прямое включение «автора» в повествование, т. е. композиционный переход к такому композиционному центру, в котором происходит полное слияние образа автора с образом рассказчика; композиционные вставки, переключающие повествование на другую точку видения; композиционный обрыв; повторы-рефрены, приостанавливающие течение повествования; включение в текст образа читателя» [1, с. 47].

Мы рассмотрим одно из наиболее известных произведений – повесть «Красное дерево» (1929 г.). Повесть «Красное дерево» (состоящая из пяти глав) написана с элементами гротеска, пародии и критиче-

ского пафоса. Особенностью стиля произведения являются эскизность и отрывочность (фрагментарность), которые связаны с эпохой революционных потрясений. Так, А. К. Воронский считал, что «мысли и образы невозможно свести к одному целостному мироощущению», «многое у него не согласуется» [5, с. 76]. А. К. Воронский один из первых дал точную характеристику творческой особенности Б. Пильняка, называя его писателем «физиологическим», который тянется к природе, как к праматери, к первообразу звериной правды жизни. А. К. Воронский отмечал, что «у Пильняка нет цельности, он часто как бы расщепляется, мысли и образы сталкиваются, не согласуются и даже противоречат друг другу» [5, с. 80]. Л. Д. Троицкий отмечал реалистичность и наблюдательность писателя, подчёркивал художественные достоинства его произведений. Авторы диссертационных исследований, посвящённых анализу творчества Б. Пильняка, употребляют термин «пильняковщина», связанный с особенностями композиции произведений писателя, в частности это отсутствие сюжета, монтажность (Анпилова Л. А., Кагирова О. М., Кислова Л. С., Ким Хон Чжун).

В повести «Красное дерево» наиболее остро раскрыта проблема разрушения России, которая отказалась от своих вековых традиций и устоев. Все действия разворачиваются в 1928 году, и автор показывает разруху, бескультурье, жестокость, тяжёлое положение населения. И всё это является плодами революции, которая прошла более десяти лет назад и результат которой нельзя назвать оптимистичным, по мысли автора. В повести ярко выражена негативная авторская позиция. Пильняк пишет: «Начальство в городе жило скученно, остерегаясь природной подозрительности прочего населения, заменяло общественность склоками и переизбирало каждый год само себя с одного руководящего уездного поста на другой» [6, с. 113].

В первой главе текста мы можем наблюдать самые выразительные особенности русского быта: описаны юродивые, русские мастеровые и ремесленники. Вот с таких слов писатель начинает свою повесть: «Нищие, провидоши, побироши, волочечники, лазари, странницы, убогие, пустосвяты, калики, пророки, дуры, дураки, юродивые –

это однозначные имена кренделей быта святой Руси, нищие на святой Руси, калики перехожие, убогие Христа ради, юродивые ради Христа Руси святой – эти крендели украшали быт со дня возникновения Руси, от первых царей Иванов, быт русского тысячелетия. О блаженных макали свои перья все русские историки, этнографы и писатели» [6, с. 108]. Можно заметить, что некоторые из этих слов в настоящее время в русском языке сохранились, а у некоторых изменилось лексическое значение, например, у слов «странники» и «странницы». Далее Б. Пильняк иронично указывает, что «эти сумасшедшие или жулики – побироши, пустосвяты, пророки – считались красой церковною, христовой братией, мольцами за мир, как называли их в классической русской истории и литературе». Слово «жулики» здесь соотносится не только с сумасшедшими, но и с самой церковью, как институтом. В данном предложении Б. Пильняк образует особую цепь последовательных образов: «сумасшедшие – блаженные – жулики – церковники». И указание, что называли сумасшедших «христовой братией» именно в «русской классической истории и литературе», даётся так же не зря. Затем Б. Пильняк пишет: «Всех их покрывало луковицеобразное голубое покойствие российского царства, их, горьких, как сыр и лук, ибо луковичи на церквах, конечно, есть символ русской луковой жизни» [6, с. 109]. Можно предположить, что выражение «луковая жизнь» восходит к известному фразеологизму «горе луковое», что означает «недотепа, незадачливый человек». Однако причина, вызывающая на глаза слёзы, не всегда бывает достойна внимания и уважения. Слёзы появляются от лукового горя. В немецком языке есть выражение «луковые слёзы», т. е. слёзы, которые льются по пустякам. В переносном смысле выражение «луковое горе» означает мелкие печали, ничтожные огорчения, не заслуживающие слёз.

Возможно, что в повести Б. Пильняка выражение «луковая жизнь» носит ироничный характер. Но можно предположить, что в этом выражении отражается юродство, характерное для русского человека. Г. Д. Ахметова пишет о современной прозе, где так же наблюдаются тенденции самоосмеяния: «Может быть, многие современные тек-

сты – это своего рода юродство, так распространённое на Руси? Может быть, это лишь намерение казаться глупым – а на самом деле понимание мира лучше других? Юродивые в православии – это странствующие монахи и религиозные подвижники. Цели мнимого безумия (юродства Христа ради) – это стремление скрыть собственные добродетели и намеренное навлечение на себя оскорблений» [2, с. 8].

Автор говорит о крепостных подростках, которые учились мастерству мебельщиков. Он пишет, что они «возвращались из Парижа в Санкт-Петербургские подвалы, из Санкт-Петербурга в залюдские каморки – и – творили» [6, с. 110]. В данном контексте привлекает внимание интонационное тире, употребление которого и в современной прозе выглядело бы современно.

Композиционное развёртывание текста связано с динамическим «прорастанием» (термин Г. Д. Ахметовой) живого художественного образа. Например, образ «луковой жизни» семантически перекликается с образом дремучей жизни, этот образ повторяется в тексте, что подтверждает и усиливает динамизм повествования: «В городе стояла дремучая тишина, взывая от тоски дважды в сутки пароходными гудками да перезванивая древностями церковных звонниц <...>. И пока ползли колокола на канатах, они пели дремучим плачем, – и этот плач стоял над дремучестями города. Падали колокола с рёвом и ухом и уходили под землю при падении аршина на два» [6, с. 112]. Слово «дремучий» и его производные используются здесь не только для того, чтобы метафорично указать на древность происходящих событий, но и для того, чтобы показать неизвестность, окружающую город. Эта неизвестность настолько глубока, что даже тишина в ней застывшая и древняя, приползла из неизвестных времён. И колокола в этой тишине оживают, и воют, и ухают, как существа, испытывающие боль.

Устойчивые сочетания также можно считать живым художественным образом, активно и динамично развивающимся в тексте. Способы ввода в композицию произведения устойчивых выражений различные. Например, это упоминавшаяся нами аллюзия к фразеологизму «горе луковое». Приведём подобный пример – аллюзию к

устойчивому сочетанию «вся жизнь как на ладони»: «Вся жизнь её прошла на ладони всегородских глаз». Следующие фразеологизмы вводятся в текст в своём прямом значении: «тришкин кафтан»; «почить на лаврах»; «у семи нянек дитя без глазу». Некоторые устойчивые выражения являются обычными, но их употребление окказионально. Кроме того, происходит композиционное «прорастание» образа: «У семи нянек дитя без глазу». – «Гости пили чай оловянными глазами». – «Медленно глянул оловом левого своего глаза».

Перекликаются, динамически развёртываются и «говорящие» фамилии, принадлежащие одному семантическому ряду: Огнев, Пожаров, Ожогов. Можно ли говорить об аллюзии к устойчивому выражению «пожар революции» («пожар мировой революции»)? Сравним у А. Блока в поэме «Двенадцать» (1918 г.): «Мы на горе всем буржуйам / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови – / Господи, благослови!»

Композиционное развёртывание текста связано и с образами, основанными на метафорах. Среди современных языковых процессов в прозе Г. Д. Ахметова выделяет «уход в метафору». Метафоричность художественных образов наблюдается в следующих контекстах: «Поля легли чёрной тишиной, и тишина вселилась в вагон»; «полночь следовала над городом неподвижная и чёрная»; «Поезд уволакивал время»; «Галки разорвали день»; «Запад давно уже умирал, израненный красным закатом». Художественные образы, основанные на метафорах, расширяются: «День был унесён воронами, весь закат очень полошились вороны, разворовывая день. Сумерки развозились водовозными бочками» [6, с. 119]. Антропоцентризм метафор усиливается употреблением метафорических определений, например в словосочетании «пьяною рукою». Сравним у З. Прилепина: «и все снова весело обнажили пьяные клыки и языки розовые». Г. Д. Ахметова приводит и другие подобные примеры из прозы З. Прилепина: «грубо толкали друг друга весёлыми руками»; «ткнув в меня лживым пальцем».

Архитектоника повести связана с той асюжетностью, которая свойственна для прозы писателя. Например, внутри повести появляется нумерация, вначале традицион-

ная, а затем окказиональная: 4 – 5 – 7 – –». Окказиональная нумерация, отражающая архитектуру текста, наблюдается и в современной прозе, например у А. Слаповского. Г. Д. Ахметова, анализируя прозу А. Слаповского, пишет: Например, А. Слаповский в романе «Я – НЕ Я» нетрадиционно нумерует главы: «Глава 24,5».

В романе А. Слаповского «Адапатор» так же используется нетрадиционная нумерация глав: – 12, – 11, – 10 и т. д. до 0, а затем идёт традиционная нумерация: 1, 2, 3 и т. д. Некоторые главы имеют нетрадиционный вид – например, ряд точек вместо текста. Иногда короткие главки оканчиваются композиционным обрывом с продолжением: «В Пензе был дождь,

45

в Тамбове я чем-то отравился и полночи блевал,

46

в Самаре самая большая площадь в Европе (как мне сказали),» [4, с. 38–39].

Характерны для повести повторы-рефрены: Капитолина Яковлева идёт к окну. Провинция». – «За окнами провинция, осень, дождь». – «Провинция, дождь, осень, российский самовар». Повторы-рефрены могут быть и в составе одного предложения: «Тогда она улыбнулась виновато, виновато глянула по сторонам, по косым заборчикам двора и огорода, – виновато опустила глаза перед Бездетовыми». Именно повторы-рефрены во многом способствуют динамичности повествования.

Можно назвать и другие языковые процессы, «прорастающие» в повести и перешедшие позднее в современную прозу: метафорические сравнения как компонент языковой композиции («Глаза гостей были пусты, как у мертвецов»); грамматические сдвиги («От просторных мраков»; «Летами в рассветах можно было встретить старика»; «дорожными грязями»; «В подземелье было очень душно, очень тепло, очень нище»; «Но он увидел странное и не постучал»); ритмический сбой («Иван разговаривал сам с собою, бормоча невнятно»); словообразовательный взрыв («соробота»; «сумасшедшесть»); графическая маркированность текста («Инженер Аким приехал без дел, у него была свободная неделя – –»).

Повесть «Красное дерево» была переведена на китайский язык. В двадцатые писатель много путешествовал, побывал он и в Китае. Свои впечатления от поездок он описывал в произведениях. В повести «Красное дерево» встречаются слова и реалии из китайской жизни: «<...> В Пекине, через русских “учеников прапорщичья ранга” Курсин подкупил за тысячу лян, то есть за две тысячи тогдашних русских рублей, мастера с богдыханского фарфорового завода. Этот китаец показал Курсину опыты производства порцелена в пустых кумирнях в тридцати пяти ли от Пекина». Лян – это мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии. Возникла в Китае, появилась не позднее династии Хань. Затем распространилась в Японию, Корею, Вьетнам и другие страны. Вес в разные эпохи отличался. Один лян примерно равен пятидесяти граммам. Ли – мера расстояния. Один ли – это пятьсот метров.

Перевод на китайский язык такого сложного текста, конечно, привёл к некоторым смысловым изменениям. Особенно это коснулось устойчивых выражений. Например, выражение «тришкин кафтан» переведено на китайский язык следующим образом: «拆东墙补西墙», что означает в буквальном переводе «снести восточную стену, чтобы отремонтировать западную стену». Устойчивое выражение «почить на лаврах» по-китайски звучит «不思进取», то есть «довольствоваться настоящим положением». Выражение «у семи нянек дитя без глазу» в китайском переводе: «三个和尚没水喝» (трём монахам пить нечего). Выражение «вся её жизнь прошла на ладони» на китайском языке имеет следующий вид: «了如指掌» (прекрасно знать, как все свои пять пальцев).

Во второй главе текста Б. Пильняк так описывает город: «В городе слыла **дремучая тишина**, взывая от тоски дважды в сутки пароходными гудками, да перезванивая древностями церковных звонниц: – до 1928-го года, ибо в 1928-м году со многих церквей колокола поносили для треста Рудметаллторг. Блоками, бревнами и пеньковыми канатами в вышине на колокольных колокола вытаскивались со звонниц, повисали над землей, тогда их бросали вниз. И пока ползли колокола на канатах, они пели

дремучим плачем, и этот плач стоял над дремучестями города. Падали колокола с рёвом и ухом, и уходили в землю при падении аршина на два». Китайский перевод: «县城冷清而郁闷 (буквально переводится холодный, пустой, хмурый уезд) 一昼夜只能听到俩次航班经过时冲破沉闷的汽笛声和教堂的古老钟鸣. 但那钟声只响到1928年, 因为1928年许多钟都被摘下, 送去冶炼厂了. 一般用辘轳, 滚木和大索把钟吊到钟楼外面, 让钟自行坠落. 随着辘轳和滚木的滑动, 那钟发出沉郁的呻吟 (тяжёлый, пасмурный рёв). 呻吟声久久的滞留在沉郁的县城上空. 每口钟呼啸坠地时都把地砸成一公尺半左右的深坑. 通过每个词之前我们展示出这样一个城市 – безжизненный и бездушный. 在第四章中遇到一个偶然的词, 这个词在俄语中没有: «у каждого была своя сумасшедшесть: один имел пунктиком переписку с пролетариями Марса». Слово «сумасшед-

шесть» на китайский язык переводится как «сумасшедшая мечта». Приведем пример метафоры: «Леса и дороги темнели. Выехали в поле. Запад давно уже умирал, израненный красным закатом». Китайский перевод: «树林和道路愈来愈幽暗. 后来马车终于出了林子, 走上田野. 太阳早已落山, 只剩下一抹受创的晚霞» (одинаковый раненый закат).

Талант Б. А. Пильняка многогранен. Во многом его проза предвосхитила те изменения, которые наблюдаются сейчас в современной прозе. Изучение русского текста на фоне китайского языка позволяет исследователю увидеть, как меняется живой художественный образ, являющийся значимым компонентом языковой композиции. Изменение художественного образа влияет на композиционное развертывание текста, меняет его стилистико-смысловую тональность.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Возвращение к пройденному (о композиционных особенностях русской прозы 20–30 и 80–90-х годов XX века) // НДВШ. Филологические науки. 2003. № 1. С. 45–53.
2. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
3. Ахметова Г. Д. Творческий стиль писателя (о романе С. Есина «Имитатор») // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы V Междунар. науч. конф. (Чита, ЗабГГПУ, 23–24 ноября 2012 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т; сост. Г. Д. Ахметова. Чита, 2012. С. 78–85.
4. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
5. Воронский А. Борис Пильняк // Воронский А. К. Избранные статьи о литературе. М.: Художественная литература, 1982. С. 75–88.

Источники

6. Пильняк Б. А. Расплёснутое время: Романы, повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1990. 608 с.
7. 鲍·皮利尼亚克 《红木》Переводчик 石枕川 (shi zhen chuan) 刘引梅 (liu yin mei) 出版社: 作家出版社 出版年份 1998.03 页数370.

References

1. Ahmetova G. D. Vozvrashhenie k projdennomu (o kompozicionnyh osobennostyah russkoj prozy 20–30 i 80–90-h godov XX veka) // NDVSh. Filologicheskie nauki. 2003. № 1. S. 45–53.
2. Ahmetova G. D. Zhivoj literaturnyj tekst. M.: Vash poligraficheskij partnjor, 2012. 232 s.
3. Ahmetova G. D. Tvorcheskij stil' pisatelja (o romane S. Esina «Imitator») // Interpretacija teksta: lingvisticheskij, literaturovedcheskij i metodicheskij aspektu: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Chita, ZabGGPU, 23–24 nojabrja 2012 g.) / Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t; sost. G. D. Ahmetova. Chita, 2012. S. 78–85.
4. Ahmetova G. D. Jazykovye processy v sovremennoj russkoj proze (na rubezhe XX–XXI vv.). Novosibirsk: Nauka, 2008. 168 s.
5. Voronskij A. Boris Pil'njak // Voronskij A. K. Izbrannye stat'i o literature. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1982. S. 75–88.

Istochniki

6. Pil'njak B. A. Raspljosnutoe vremja: Romany, povesti, rasskazy. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 608 s.
7. 鲍·皮利尼亚克 《红木》Perevodchik 石枕川 (shi zhen chuan) 刘引梅 (liu yin mei) 出版社: 作家出版社 出版年份 1998.03 页数370.

Статья поступила в редакцию 22.11.2012

УДК 882.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Инна Валерьевна Моторкова,
учитель русского языка и литературы,
СОШ № 49 с углублённым изучением английского языка
(Чита, Россия), e-mail: motorkova@yandex.ru

Композиционно-языковое пространство современного русского романа

В статье выявляется и анализируется понятие композиционно-языкового пространства художественного текста, связанное с явлением языковой композиции. На материале романа С. Н. Есина «Твербуль, или Логово вымысла» рассмотрены особенности организации языковой композиции современного русского романа. Среди композиционных компонентов романа, связанных между собой по смыслу и грамматико-интонационно, в исследовании отмечены смена точки зрения, переходы между формами грамматического лица, обеспечивающие усиление объективности повествования; плотность текста как стилистическая категория, текстовое напряжение, создающееся за счёт подчеркнутой избыточности языковых средств; «прорастание» образа главной героини, композиционно взаимодействующего с другими образами; словесные ряды, характеризующиеся параллельным развитием, взаимопроникновением или чередованием. Указанные компоненты языковой композиции, взаимодействуя, развиваются в тексте, обеспечивая его динамичность, целостность.

Ключевые слова: языковая композиция, художественный образ, процесс «прорастания» образа, условность грамматического лица, плотность текста, словесные ряды, композиционные вставки.

Inna Valer'evna Motorkova,
Teacher of Russian and Literature,
Secondary Comprehensive School No. 49
with Profound Studying of English
(Chita, Russia), e-mail: motorkova@yandex.ru

Compositional Linguistic Area of a Modern Russian Novel

The article considers a concept of compositional linguistic area of a literary text that is associated with the phenomenon of a linguistic composition. The peculiarities of the organization of the linguistic composition of a modern Russian novel are described on the basis of the novel by S. N. Esin *Tverbul, or Den of Fiction*. Among the compositional features of the novel, connected in meaning, grammar and intonation, the research notes a change of the points of view, transitions between the forms of a grammatical person providing the increasing objectivity of the narration; text density as a stylistic category, text tension created by the exaggerated redundancy of language means; "germination" of the main character's image who compositionally interacts with other images; verbal series characterized by the parallel development, interpenetration or alternation; metaphors – images, compositional insert. Interacting, these components of a linguistic composition are developing in the text providing its dynamism and integrity.

Keywords: linguistic composition, artistic image, process of "germination" of an image, conditionality of a grammatical person, text density, verbal series, metaphor image, compositional insert.

Понятие композиционно-языкового пространства художественного текста связано с явлением языковой композиции. Г. Д. Ахметова отмечает: «Языковое пространство – это ритмически организованная, метафорическая, открытая динамическая структура, которая входит в состав другой структуры, тоже открытой, метафорической, динамичной и ритмической – пространство мира.

Оба эти пространства являются видимыми, но в какой-то своей части – невидимыми, непознаваемыми» [1, с. 7]. Доминантами языкового пространства в исследовании Г. Д. Ахметовой названы метафора и ритм.

О языковой композиции художественного текста впервые написал В. В. Виноградов. Позднее это явление разрабатывалось А. И. Горшковым [3], а затем – Г. Д. Ахме-

товой, Н. Н. Глухоедовой, М. В. Ивановой, Л. Ю. Папяном и др. Под языковой композицией Г. Д. Ахметова понимает движение, взаимодействие, чередование и взаимопроникновение всех её компонентов – словесных рядов, композиционных отрезков, субъективации авторского повествования, деталей (подробностей). Все компоненты языковой композиции связаны между собой по смыслу и грамматико-интонационно [2]. Компоненты развиваются в тексте, обеспечивая его динамичность. Именно в этом аспекте рассматривал языковую композицию В. В. Виноградов.

Рассмотрим явление композиционно-языкового пространства на материале прозы С. Н. Есина, в частности, в его романе «Твербуль, или Логово вымысла». Роман начинается от первого лица: «Выходя из метро на Пушкинской площади и видя Большую Бронную всю запруженной припаркованными с двух сторон машинами, чьи задницы и морды въехали прямо на тротуар, я опять ничего не могу с собой поделывать – я взрываю» [5, с. 14]. Повествование ведётся от лица героини, пятикурсницы Литинститута, готовящейся защитить дипломную работу, написанную на острую тему. Начало романа организовано первым лицом, при этом единственное число взаимодействует со множественным: «В сегодняшнем праздничном облёте, дорогой просвещённый читатель, может быть, ещё увидим...» [5, с. 17]; «Но – стоп! Отвлечёмся на минутку» [5, с. 19]. Такие переходы между формами грамматического лица усиливают объективность повествования, дают возможность придать повествованию реалистичность.

Композиционная особенность романа заключается в том, что первое лицо проявляется не на всём протяжении повествования. Например, в третьей и пятой главах происходит смена точки зрения: первое лицо заменяется третьим – повествование продолжается от имени охранника Сани: «Возле нового, доронинского МХАТа Саня вылез из троллейбуса номер 15, на котором ехал от последней за сегодняшнюю ночь клиентки, аккуратно обогнул его сзади, как рекомендуют правила, уловил крошечную паузу в движении иномарок и не спеша, наискосок через бульвар пошёл к другому переходу – напротив театра Пушкина. Машины, не останавливаясь, катили с обеих сторон.

Это пусть барышня думает, что её пролёты над крышами института никому не известны. Саня-то прекрасно разглядел в воздухе свою красавицу, парящую над телевизионными антеннами...» [5, с. 80].

Важной особенностью стиля писателя является плотность текста. Об этом пишет В. К. Харченко [4]. Исследователь отмечает также текстовые напряжения прозы С. Н. Есина: «Проблема текстового напряжения была сформулирована ещё В. Гумбольдтом. Метафорический термин «текстовое напряжение» не требует пояснений, он достаточно прозрачен, но вместе с тем он подразумевает, предполагает, провоцирует анализ предпосылок, условий, причин текстового напряжения» [4]. Текстовые напряжения, по мнению В. К. Харченко, создаются за счёт подчёркнутой избыточности языковых средств. Избыточность плана выражения создает эффект текстового напряжения, если опирается на богатство переносных и прямых значений слов.

Следующим явлением композиционно-языкового пространства можно назвать процесс «прорастания» образа (термин Г. Д. Ахметовой). Г. Д. Ахметова пишет: «Образ словно бы “прорастает” сквозь текст, его «прорастание» довольно трудно уловить, но именно этот анализ и составляет один из важнейших аспектов интерпретации произведения. Образ нельзя сравнить с матрешкой, потому что дополнительные коннотации не надеваются последовательно друг на друга, а происходит именно сращивание и прорастание различных коннотаций» [1, с. 135].

С первых же строк романа героиня предстаёт перед читателем в демонстрации внутреннего состояния: «Это – я. И я зла как чёрт!» [5, с. 13]. Уже в этом внутреннем монологе намечается художественный образ, который затем прорастает в тексте. В намечаемом образе – воительница, жаждущая мщения, но обуздывающая свой гнев. Внешнее описание не даётся сразу, целиком, а, как часто бывает в художественном тексте, портрет-описание главной героини даётся на протяжении романа: «Каблуки цок, цок, цок...» [5, с. 13]; «развевающаяся юбка» [5, с. 26]; «сумочка» [5, с. 26]. Словесный ряд внешнего описания сосредотачивается на деталях одежды («юбка по моде, лёгкая и короткая» [5, с. 26]; блузка «самая лёгкая, оран-

жевые цветы и нежно-зелёные листья на прозрачном фоне» [5, с. 26]; «кружевные трусики и колготки» [5, с. 37]; «колготки тоже целы» [5, с. 41]) и концентрируется на становящейся постепенно выпуклой детали – «волшебной сумочке» [5, с. 16, 23, 37, 222, 231, 234], сопровождающей героиню на протяжении всего романа и словно являющейся другом, путеводителем. «Прямая спинка» [5, с. 26], «прямые и красивые ноги» [5, с. 26], «сдвинутые при движении коленки» [5, с. 26], «наманикюренный ноготок» [5, с. 111] дополняют раскрывающуюся лёгкость героини, заявляющей: «я, юная летучая красавица...» [5, с. 43].

Можно отметить словесные ряды, с помощью которых начинает прорисовываться образ главной героини в противопоставлении окружающему её миру: «Я взываю – как дирижабль – я лечу – полёт – будто спящая красавица – Аврора – хоть спереди, хоть сзади – везде благоухает свежесть и парфюм – я свежа, как роза» [5, с. 15]. А это – описание окружающего её мира: «Проплёванный асфальт – крикливые прохожие – помойка – не люблю баб – китайская кофточка – столетия пота и разнообразных выделений – лучше не нюхать – слинявшего – общепитовский дух» [5, с. 15].

Далее внешнее описание дополняется самописанием, героиня словно смотрит на себя со стороны: «вполне милый калужский носик» [5, с. 15], «с моим несколько вздёрнутым носиком» [5, с. 25]. В размышлении о студентках, вынужденных подрабатывать уборщицами, обнаруживаются ещё некоторые детали: «Не всем же будущим литераторам достаётся сразу престижная работа, для которой нужен, кроме молодости, хорошей фигуры, смазливой мордашки, ещё и решительный характер» [5, с. 33].

В первых главах точно высвечивается прошлое героини в отдельных фразах, которые словно «разбросаны» в повествовании: «достаточно хлебнула» [5, с. 38], «живущая с мужчинами с тринадцати лет» [5, с. 35], «к восемнадцати годам обрыдли эти животы, обросшие жёсткими <...> седыми волосами» [5, с. 44], «приходилось обслуживать толстопузых папочек» [5, с. 18]. Завершается воспоминание о прошлом сменяющимися картинками, живо рисующими то, о чём ранее сказала героиня «достаточно хлебнула»: «И – поплыла под глот присутствующих вся моя подноготная.

Вот я маленькой девочкой, первоклашкой, в косыночке и с совочком, когда обратила внимание, что мальчики писают совсем по-другому, чем девочки. И мой отчим, секретарь райкома, здоровый такой боровок; и моя мать, которая била меня нещадно; перед самым роддомом, чтобы я не выдавала отчима как причину моего вздувшегося брюха. Посадят, мол, как жить-то будем? А лет мне было, как Татьяниной няне из «Евгения Онегина», когда её просватали за погодка Ваню, то есть тринадцать. Даже отчима крупным планом показали с его знаменитой репликой: «Жена в больнице была, я в горести сильно выпил, случайно к девке лёг, вроде своя баба, не разобрал». А уж когда я приехала в Москву поступать в театральный институт, да не поступила, а мой несостоявшийся профессор меня по приятелям пустил, тут зрительской аудитории стало не очень интересно, потому что пошла одна механика, безо всякого чувства» [5, с. 129].

Образ героини предстаёт читателю и глазами влюблённого в героиню охранника Сани, т. е. с другой точки зрения. Герой «разглядел в воздухе свою красавицу» [5, с. 80], «её красота и молодость резко контрастировали с жалкой будкой охранников, будто в хижину смолокура забрела принцесса» [5, с. 170], «свежая, как бутон жасмина, благоухая молодостью, счастьем и старинными духами» [5, с. 170], «словно молодая курочка» [5, с. 178], «взметнулись локоны, шёлк цветной яркой материи на подоле, серёжки в ушах» [5, с. 170].

Слова «молодая» и «свежая» становятся ключевыми для описания образа героини. В конце романа слова эти видоизменяются: «Я появилась перед президиумом будто сотканная из света и чистоты» [5, с. 199]. Однако Саня способен разглядеть и то, чего героиня в себе не обнаруживает, – хрупкость и беззащитность: «повела худым беззащитным плечиком» [5, с. 171], «Но эта неземная хрупкость и за себя постоять умела» [5, с. 171]. Интересно, что свежесть героини подчёркивается в романе ощущаемыми ею неприятными запахами: «общепитовский дух» [5, с. 16], «смарад сегодня благоухал как-то по-особенному» [5, с. 203], «я лечу среди смрада фастфуда и формалина» [5, с. 233]. Не остаются без внимания героини и более тонкие запахи: «из всех

углов, как весенняя грязь из дворов, неслись тухлые разговорчики» [5, с. 58]. Такой контраст необходим автору, видимо, для раскрытия образа героини, которая, несмотря на древность обеих профессий, остаётся чистой как внешне, так и внутренне. Эту мысль подтверждает как будто случайно оброненная во внутреннем монологе фраза героини: «<...> я <...> недотрога» [5, с. 199].

Повествуя о внутреннем своём состоянии, девушка не раз отмечает: «всё во мне бешено забурлило» [5, с. 125], «внутри меня всё кипит» [5, с. 222], и всего раз роняет: «сжимаю свои маленькие кулачки» [5, с. 222].

Сильные стороны характера героини также обнаруживаются глазами Сани: «Такой, пожалуй, Саня свою красоту ещё не видел, в ней чувствовалась невероятная решимость и уверенность в себе и в своём будущем» [5, с. 183], «Вот ведь бой-девка!» [5, с. 186]. Сила девушки несомненна: «Я сжимаю бестелесное и неуязвимое горло, шепчу: «Рассказывай, сукин сын, лосёнок, что было дальше<...> Читай, петух, запомнившиеся тебе наизусть последние письма<...>» [5, с. 79].

Образ героини, дающей себе в продолжение романа оценки «думаю я женским своим глупым умом выпускницы Лита» [5, с. 77], «Мне, правда, как наивному и начинающему литератору<...>» [5, с. 78], дорисовывается внутренним видением изменившейся себя на последних страницах романа: «Но маленькая девочка в своём воображении уже превратилась в Гулливера, на якорных цепях тянущего боевые корабли. Что там тащим за собой в будущее, какие мысли, какие и чьи книги возьмём мы в нашу расстилающуюся жизнь?» [5, с. 234].

Героиня снова парит: «Я лечу на встречу с любимым <...> Тут правда – только я, Саня, моя повесть и искусство полёта, которым меня наградили и не отняли» [5, с. 234]. Отметим, что крылата в романе не только возлюбленная Сани, крылаты и другие персонажи. К примеру, «крылатый демон» [5, с. 59], прилетевший сообщить ректору о его увольнении, крылат герой некогда прочитанного девушкой романа, написанного ректором. Примечательно, что волшебный полёт безымянной героини из окружающих видит только Саня. Таким образом, мотив полёта один из основных в романе.

Итак, отметим, что образ героини предстаёт как в собственной оценке (самооценке), так и в оценке Сани (другая точка зрения). Образ, прорисованный штрихами, в деталях, несмотря на отсутствие подробного описания внешности, характера, поступков, полный, цельный, завершённый. Можно сказать, что языковая композиция текста романа С. Н. Есина характеризуется взаимопроникновением словесных рядов.

Образ главной героини композиционно взаимодействует с другими образами. Мы отметили образ Сани. Следует остановиться на образе ректора, взаимодействие с которым происходит лишь в памяти героини. Вспоминается девушке ректор с первых же страниц романа: «У меня не вырастает никаких крыльев, никаких куриных или соколиных перьев, как в давнем романе нашего прежнего ректора, где герой превращается, пролетая над помойкой, в ворона» [5, с. 15]; «Наш бывший ректор, при котором я поступила в вуз, наверное, балдеет при именах Маканина или Аксёнова» [5, с. 26]. Далее образ постоянно появляется в размышлениях-воспоминаниях студентки: «Об этом <...> уже написал всё тот же наш бывший ректор. Я уже в который раз поминаю его, но что поделаешь – это не только действующий и читаемый писатель, коему студент обязан отдать должное по учебной программе <...>» [5, с. 41]; «Потом писатели-реалисты<...>подвергли критике предпоследнего ректора института, который совсем недавно ушёл. Приехал к нему некий крылатый демон из министерства и сказал, что по закону надо сваливать. Кому, собственно, мешал: романы писал, не воровал, и за это спасибо <...> Но пока не в этом дело. Ушёл и ушёл <...> А ректор, это суетное дитя перестройки, в поисках ещё каких-то дополнительных площадей, которые можно было сдать на коммерческих условиях в аренду, открыл давно заброшенный подвал и объявил, что именно здесь и помещалась кухня <...>» [5, с. 60]; «Впрочем, как считает бывший ректор, оставивший за собой кафедру творчества, и действующий писатель, “замедление” – один из основных и эффективных приёмов литературы» [5, с. 189]. Перечисленные эпизоды внутреннего монолога не только раскрывают образ ещё одного из героев романа, но и

расширяют художественное время романа, демонстрируют глубокомыслие героини в оценке происходящих событий.

Расширению художественного времени романа способствуют также многочисленные композиционные вставки. К примеру, «Мне рассказали о собаке Боксёре, который жил в отделе кадров ещё до того, как здесь царствовала Муза. Как он прибил к институту, старожилы не помнили, известно только, что Боксёр внезапно появился возле пустой миски, принадлежащей совсем недавно ушедшему в небытие коту Сержанту. Куда уехал цирк, куда ушёл Сержант, никто не знал, шли только намёки относительно весеннего времени года и прочее. Пришёл Боксёр, который через пять лет тоже сам по себе исчез, но осталось предание. Этот самый Боксёр около двух часов дня ежедневно выходил из ворот на Тверской бульвар подходил к троллейбусной остановке, ждал почему-то именно 15-й троллейбус и аккуратно садился в него с переднего входа. Куда он ездил, где останавливался, с кем

виделся и по какой надобности – в этом никто осведомлён не был и, наверное, теперь уже не будет. <...> Известно только одно: где-то около трёх часов на другой стороне Тверского, около здания, тогда ещё не разделённого на две кровотокающие половины Художественного театра, из остановившегося троллейбуса номер 15 выбежал наш Боксёр, быстренько пересекал Твербуль и через пять минут уже чавкал над своей миской с сознанием честно и добросовестно выполненной работы...» [5, с. 40]. Подобное обращение к прошлому подчёркивает также давнишнюю мистическую славу знаменитого Литинститута, в котором происходят не менее загадочные события романа.

Таким образом, смена точек зрения в романе, плотность и текстовые напряжения, «проращение» образа, взаимодействие словесных рядов, композиционные вставки определяют композиционно-языковое пространство романа С. Н. Есина «Твербуль, или Логово вымысла».

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе: (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
3. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. для пед. ун-тов и гум. вузов. М.: АСТ : Астрель, 2006. 367 с.
4. Харченко В. К. Теория текстовых напряжений и художественная проза С. Н. Есина. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/1155/1/Harchenko_Teoriya.pdf (дата обращения: 10 января 2013).

Источники

5. Есин С. Н. Твербуль, или Логово вымысла: роман места; Дневник ректора: 2005 год. М.: Дрофа, 2009. 783 с.

References

1. Ahmetova G. D. Jazykovoje prostranstvo hudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoj ruskoj prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
2. Ahmetova G. D. Jazykovye processy v sovremennoj ruskoj proze: (na rubezhe XX–XXI vv.). Novosibirsk: Nauka, 2008. 168 s.
3. Gorshkov A. I. Russkaja stilistika. Stilistika teksta i funkcional'naja stilistika: ucheb. dlja ped. un-tov i gum. vuzov. M.: AST : Astrel', 2006. 367 s.
4. Harchenko V. K. Teorija tekstovyh naprjazhenij i hudozhestvennaja proza S. N. Esina. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/1155/1/Harchenko_Teoriya.pdf (data obrashhenija: 10 janvarja 2013).

Istochniki

5. Esin S. N. Tverbul', ili Logovo vymysla: roman mesta; Dnevnik rektora: 2005 god. M.: Drofa, 2009. 783 s.

Статья поступила в редакцию 10.01.2013

УДК 811.161.1'367.635:81'38
ББК 81.411.2–212–7

Ирина Николаевна Токарчук,
кандидат филологических наук, доцент,
Дальневосточный государственный технический
рыбохозяйственный университет
(Владивосток, Россия), e-mail: tockarchuck.ira@yandex.ru

Особенности функционирования частицы ДАЖЕ в научном (медицинском) тексте

Статья посвящена стилистическому аспекту функционирования русских частиц. Рассматриваются возможные реализации семантико-функционального потенциала слова «даже» в письменной научной медицинской речи (жанры статьи и монографии). Определяется специфика употребления данной частицы в текстах медицинского содержания: выявляются типичные модификации основного значения «даже», устанавливается круг характерных функций на уровне высказывания, синтаксической конструкции, текста. Наиболее типично для данной частицы участие в оформлении градационных отношений в сочинительном ряду с союзами «и» и «или», а также употребление при уступительных отношениях в различных синтаксических построениях. Нехарактерно для медицинских текстов использование слова «даже» в бессоюзном сочинительном ряду, в конструкциях с уточнительными отношениями и в некоторых других случаях. В целом констатируется сужение возможностей частицы «даже» как в семантическом, так и в функциональном плане.

Ключевые слова: частицы, научный текст, семантика, синтаксические отношения, стилистический аспект.

Irina Nikolaevna Tokarchuk,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Far Eastern State Technical Fisheries University
(Vladivostok, Russia), e-mail: tockarchuck.ira@yandex.ru

Features of Functioning of the Particle ДАЖЕ (*Dazhe*) in Scientific (Medical) Text

The present article is dedicated to a stylistic aspect of Russian particles' functioning. This paper examines possible realizations of semantic-functional potential of the particle ДАЖЕ (*dazhe*) in written scientific medical speech (genres of the paper and monograph). The specific usage of the particle in the texts of the medical contents is defined: the typical modifications of the main meaning are found out and the set of the characteristic functions at the level of an utterance, a syntactic construction, and a text is pointed out. The participation in formation of the gradation relations in the coordinating line with conjunctions И (*i*) and ИЛИ (*ili*) and also the usage in concessional relations in different syntactic constructions are the most typical for this particle. The word ДАЖЕ (*dazhe*) isn't used in coordinating constructions formed without conjunctions, in the constructions with specifying relations and in several other cases. In general, narrowing of the possibilities of the particle ДАЖЕ (*dazhe*) both in semantic and in functional field is stated.

Keywords: particles, scientific style, semantics, syntactic relations, stylistic aspect.

Слово «даже» относится к тем частицам русского языка, семантика и функциональные особенности которых уже получили достаточно полное освещение, лексикографические интерпретации таких единиц нашли отражение в ряде словарей служебной лексики современного русского языка. Значение «даже» связано с оценкой некоторого признака (или предмета, ситуации) как необычного, неожиданного, не соответствующего

норме по сравнению с другими признаками (или предметами, ситуациями), из ряда которых он выделяется ([7, с. 14], см. также толкование значения этой частицы в других словарях [5, с. 117–118; 6, с. 92; 14, с. 56–57]). Семантика «даже» реализуется как на уровне высказывания, так и на уровне текста и способствует выражению или активизации разнообразных смысловых отношений [7, с. 15–17].

Сфера употребления данного слова весьма широка: «даже» употребляется без ограничений в устной и письменной формах русской речи, в разных функциональных стилях – за исключением, пожалуй, официально-делового в письменной его реализации (т. е. языка документов). Таким образом, эта частица имеет межстилевой характер. При этом естественно возникают вопросы о том, каким образом может использоваться заложенный в слове «даже» семантико-прагматический потенциал и её коммуникативные, синтаксические, текстовые свойства в разных речевых сферах, в текстах разных стилей и жанров; насколько семантико-функциональные возможности данной частицы отвечают потребностям того или иного стиля, жанра и/или намерения автора текста.

Анализ лингвистической литературы и наши наблюдения показывают, что наиболее разнообразный репертуар употреблений частицы «даже» и стилистических эффектов, создающихся на основе её свойств, представлен в художественном тексте. Очевидно, что наибольшее внимание лингвисты уделяют особенностям функционирования «даже» в текстах художественных произведений, где частица оценивается как специальное средство создания определённых стилистических приёмов, вплоть до признания этого слова показателем идиостиля писателя. Так, Е. А. Иванчикова включает «даже» в число «излюбленных словечек» Ф. М. Достоевского [3] и выявляет ряд стилистических функций частицы в текстах произведений этого писателя на основе особенностей занимаемой «даже» синтаксической позиции и сочетаемости с синтаксическими компонентами, сопоставляя с аналогичными употреблениями этой частицы у Н. В. Гоголя [2]. По мнению О. А. Бирюковой, довольно высокая частотность употребления данного слова в произведениях С. Довлатова является одной из черт его индивидуальной стилистической манеры, поскольку имеющаяся в значении «даже» оценка содержания высказывания по отношению к норме используется этим прозаиком для изображения ненормативности ситуации, предмета или лица [1]. По нашим наблюдениям, разнообразные сти-

листические эффекты достигаются с помощью этой частицы и в текстах других авторов [11; 12].

Вместе с тем не меньшего внимания заслуживает, на наш взгляд, изучение функционирования частиц в текстах, принадлежащих сфере научной коммуникации.

Совершенно очевидно, что при изучении функционирования частиц (как и других языковых средств) в языке науки необходимо учитывать область знания, жанр литературы, форму речи, не игнорируя и возможное влияние индивидуальных предпочтений автора научного произведения [13, с. 39, 40]. Естественна, таким образом, общая тенденция в употреблении частиц в научной речи, проявляющаяся в том, что частицы используются в меньшей степени в точных науках, чем в гуманитарных и естественных; в собственно научных жанрах – по сравнению с научно-популярными; в письменной форме речи – в отличие от устной. В связи с этим считаем целесообразным сосредоточить внимание на употреблениях частицы «даже» в языке одной из областей естественно-научного знания – медицинской речи, представленной собственно научными жанрами (статья и монография).

В отличие от использования «даже» в текстах художественных произведений, употребление этой частицы в письменной научной речи предполагает иное функциональное предназначение. Так, Е. А. Стародумова отмечает слово «даже» в группе частиц, которые в текстах научного стиля выражают адресованность речи и выступают в функции актуализаторов [9, с. 57]. М. П. Котурова рассматривает «даже» в одном ряду с частицами «лишь», «только», «вряд ли», которые входят в число «типичных средств, эксплицирующих убежденность автора в достоверности нового знания», показывающих «уверенность в истинности суждения» [4, с. 139, 186].

Ожидаемым результатом нашего исследования является значительно меньшая (по сравнению с художественными текстами) частотность слова «даже», которое встретилось 149 раз на 1500 страницах рассмотренных текстов медицинского содержания. Однако, на наш взгляд, для текстов данной

стилевой и жанровой принадлежности это довольно высокий показатель. В этом отношении «даже» может соперничать только с двумя частицами, употребляющимися чаще: «только» (269 употреблений) и «также» (около 330 употреблений).

Частица «даже» употребляется во всех структурных частях медицинского текста – как в обзорах научной литературы, так и при описании анатомии органов, этиологии заболевания, результатов применения методов диагностики и лечения. Сфера действия «даже» может ограничиваться рамками высказывания либо выходить за его пределы – в текст. Например: *Повторные травматические повреждения, воспалительные процессы, нарушения статики и гормональные изменения ускоряют естественный процесс старения межпозвоночных дисков и хрящевых пластинок, покрывающих тела позвонков, способствуя развитию заболевания даже в молодом возрасте* – частица выделяет компонент со значением обстоятельственного признака, который оценивается как наименее ожидаемый на фоне общей картины обычного развития болезни; тем самым «даже» подчёркивает, с одной стороны, имеющееся в высказывании несоответствие (*естественный процесс старения – в молодом возрасте*), а с другой – поддерживает содержание предиката (*ускоряют*). В отличие от данного случая, в следующем примере семантика частицы проявляется не только непосредственно в высказывании, но и за его пределами, ср.: *Они [ювенильные полипы] отличаются крайним полиморфизмом. Ювенильные полипы у одного и того же человека могут быть округлыми, овальными, грушевидными и даже неправильной формы* – во втором высказывании представлен градационный ряд, последний член которого выделяется частицей как отличающийся по своему содержанию от первых трёх (наличие или отсутствие какой-либо конкретной формы); благодаря этому ряду и градации с помощью «даже» его членов дополняется предшествующее высказывание и подтверждается тезис о крайнем полиморфизме полипов, которые имеют разнообразные формы, в том числе и трудно описываемые.

Отношения градационного сопоставления, в оформлении которых используется «даже», могут быть представлены в более широком контексте: (в сокращении) *Многообразие определений термина «полип» можно объяснить, вероятно, тем, что до последнего времени нет и единого взгляда на морфогенез этого заболевания* – далее следует изложение трёх точек зрения, оформленных в виде отдельных абзацев: (1) *Согласно одной из распространённых точек зрения полипы возникают как следствие гиперпластической реакции слизистой кишки при различного рода хронических воспалениях (...);* (2) *(...) другие исследователи большое значение в развитии доброкачественных эпителиальных опухолей придают дисрегенераторной гиперплазии (...);* (3) *Большинство отечественных и зарубежных исследователей считает полипы истинными опухолями, возникающими de novo из слизистой оболочки кишки (...).* Четвёртая же (но не последняя) точка зрения вводится так: (4) *Некоторые авторы (...) наблюдали даже стадии развития полипа (...),* что позволило им сделать определённые выводы по обсуждаемому вопросу. Частица «работает» в пространстве нескольких абзацев, маркируя один из компонентов ряда как превосходящий по содержанию перечисленные ранее и наименее ожидаемый (очевидно, в силу отсутствия подобных результатов у других исследователей, или/и принципиально иного характера полученных результатов, или/и сложности проведения подобных наблюдений). При этом сфера действия «даже» не распространяется на следующий абзац, в котором сообщается о более значимых результатах по сравнению с представленными выше, ср.: (5) *Классические работы С. Dukes (...) по морфогенезу аденоматозных полипов и папиллом (...) позволяют не только глубже понять сущность опухолевого процесса, но и ясно представить себе анатомическое различие этих двух эпителиальных доброкачественных опухолей.*

Уже из рассмотренных примеров видно, что частица «даже» в медицинском тексте реализует свои характерные функции и используется для выражения или активиза-

ции различных типов отношений в высказывании и тексте как в сочетании с союзами, так и без них.

Наиболее типично для частицы оформление градационных отношений в сочинительном ряду с союзом «и». Роль «даже» состоит в маркировке компонента как «сильного» члена ряда, который понимается в данных случаях как наименее ожидаемый и/или не соответствующий имеющимся/возможным представлениям, отвергающий эти представления. Оценка признака как наименее ожидаемого характерна для частицы в контекстах, представляющих обзор научной литературы, например: *Одни, главным образом отечественные, авторы признают **и даже** расширяют это понятие (...), другие, напротив, отрицают колит как диагноз; Третья группа – тотальный, главным образом семейный, полипоз занимает особое место среди полипов **и некоторыми авторами даже** выделяется в самостоятельное заболевание; Так традиционные методы диагностики данной инфекции (...) были значительно усовершенствованы **и даже** заменены новыми методами.* В других же случаях – при описании физиологических особенностей организма, методики проведения лечения, результатов применения методов диагностики и лечения и под. – перечисленные выше смысловые компоненты могут дополняться оценкой признака как максимально возможного и/или (в связи с этим) как наименее/наиболее желаемого в данной ситуации либо базироваться на такой оценке признака, ср.: *Следует особо указать на значительную вариабельность локализации устья малой подкожной вены. У каждого четвертого пациента она находится не в проекции межсуставной щели посреди подколенной ямки (...), а на 5 **и даже** 20 см выше* (оценка признака как максимально возможного, что не соответствует имеющимся представлениям о месте расположения органа и является довольно редким, следовательно, наименее ожидаемым); *ЦсА назначается (...) в дозе 5 мг/кг/сут. перорально, при достижении эффекта – доза должна быть уменьшена до 3 **и даже** 1 мг/кг/сут.* (такое снижение дозы возможно и желательно, хотя и оценивается как

не соответствующее обычной дозировке препарата); (...) *на фоне ГК [глюкокортикоидов] возможны рецидивы, прогрессирование **и даже** появление новых симптомов ББ [болезни Бехчета] – (выделяемый частицей компонент называет крайне нежелательные результаты проявления болезни, что является наименее ожидаемым при применении данной терапии); Они [хондропротекторы] способны предупреждать повторные обострения **и даже** увеличивать толщину суставного хряща* (содержание маркированного компонента оценивается как наиболее желательный результат применения препарата, несмотря на его несоответствие возможным предположениям о степени эффективности препарата).

Употребление «даже» при другом сочинительном союзе – «или» – отличается, на наш взгляд, определённым своеобразием. Если характерным для контактного соединения частицы и союза в таких случаях является выражение отношений уточнения, поправки [8, с. 75], то в рассмотренных медицинских текстах вводимый союзом и маркированный частицей компонент ряда не всегда отличается по своему содержанию от первого компонента именно степенью точности. Союз «или», по нашему мнению, в рассматриваемых употреблениях с частицей «даже» обычно не совмещает разделительное значение с пояснительным. Так, в следующем примере можно говорить об уточнительных отношениях между компонентами ряда: *Края дефекта отграниченные или даже подрытые, если опухоль достаточно высокая, в противном случае – нерезкие* – в данном контексте вводящийся союзом и маркированный частицей признак выступает как разновидность первого: *подрытые* – это имеющие ещё более чёткие границы, а оба эти признака (*отграниченные, подрытые*) противопоставляются третьему (*нерезкие*), хотя основания градации неочевидны и доступны лишь специалисту в данной области. В остальных же случаях не предполагается уточнение первого вторым, а представлено собственно разделение, компоненты обозначают однотипные признаки, находящиеся в равноправных отношениях, частица маркирует второй компонент ряда как наименее ожидаемый,

реже встречающийся, максимально возможный: *В таких случаях (...) петли сигмовидной кишки попадают в тангенциальный ход рентгеновских лучей не своим длинником, а косым или даже поперечным сечением; Иногда такая кишка направляется вправо, достигает слепой кишки или даже печеночной кривизны;* (...) мы считаем, что лечение должно быть курсовым. У одних пациентов это могут быть короткие курсы или даже эпизодические, у других – регулярные и более длительные (...); Использование клиновидных стелек пациентами с ОА [остеоартрозом] коленного сустава позволяет снизить или даже отменить приём анальгетиков (...).

Кроме того, имеющийся фактический материал показал некоторое своеобразие характерной для частицы «даже» функции выражения отношений степени проявления признака, свойства. Так, типичные употребления частицы в сложноподчинённых местоименно-соотносительных предложениях встречаются скорее в медицинских текстах научно-популярного, чем собственно научного характера, например: *А вот нездоровое питание может настолько ослабить организм, что для него станут опасными даже такие безобидные вещи, как пыльца или кошачья шерсть.* Для рассматриваемых же нами текстов более характерно употребление частицы в бессоюзных сочетаниях двух высказываний – как контактных (1), так и расположенных дистантно (2): (1) *Прежде всего рассмотрим редкий, но весьма опасный вариант течения варикотромбофлебита, характеризующегося одновременным тромбозом глубоких вен, возникновение которого напрямую не связано с рассматриваемой патологией. Он может развиться даже на не поражённой тромбофлебитом конечности;* (2) *Результаты многочисленных клинических исследований показали высокую эффективность «Детралекса» в лечении ХВН [хронической венозной недостаточности]. (...) Следствием этого [т. е. приёма препарата] является уменьшение и даже полное исчезновение отеочного синдрома.*

Помимо выражения рассмотренных выше отношений в высказывании и тексте, частица «даже» используется для выраже-

ния или подчёркивания отношений общего и частного (... как правило, удаётся изучить все её отделы, даже труднодоступные; ... отмечают повышенную склонность больных диабетом к инфекции, в том числе к нагноениям даже стерильных хирургических ран; Согласно теории функциональной морфологии Ю. М. Лазовского, функциональное напряжение органа, даже физиологическое, сопровождается микроструктурными сдвигами и под.); сопоставительно-выделительных (... в большинстве случаев они [полипы] располагаются группами, а местами могут даже сливаться); отрицательно-противительных (... проникновение ЦМВ в макрофаги не повреждает перечисленные функции, а иногда усиливает их); противительных (в высказывании: Конечно, подобные ситуации встречаются нечасто, но даже один такой случай заставляет врача более активно хирургическим путём вмешиваться в течение патологического процесса; в тексте: *Эту проблему можно решить также путём мечения АГ ... Однако иногда даже эта реакция ... даёт ложноположительные результаты из-за присутствия антинуклеарных АТ, направленных против АГ ...).*

Особого внимания заслуживает употребление «даже» при выражении уступительных отношений. Семантика этой частицы, связанная с оценкой признака как неожиданного или не соответствующего норме, имеет определённую близость к уступительной семантике, что проявляется, в частности, при соединении «даже» с союзами «если» или «когда» и создании именно уступительных отношений [8, с. 77; 13, с. 17], например: *При переходе тромбоза через эти вены на глубокие венозные магистрали возможна легочная эмболия, даже если проксимальный уровень поражения подкожных вен располагается дистальнее коленного сустава.* Закономерно, таким образом, употребление частицы в уступительных конструкциях: *Следовательно, даже несмотря на незначительную вирулентность герпетических вакцин, они (...) могут оказать негативное влияние, стимулируя гипериммуноглобулинемию; Противопоказаниями к проведению экс-*

тренного оперативного вмешательства при варикотромбофлебите служат крайне тяжелое состояние пациента (*хотя перенести перевязку подкожной вены под местной анестезией может даже пациент, находящийся в достаточно тяжелом состоянии*) и распространенный тромбоз глубоких вен.

Вместе с тем уступительная семантика может формироваться и в других случаях – в частности, в простом предложении, когда «даже» выделяет компонент, называющий некоторое условие функционирования органа, применения метода диагностики или лечения и т. п. Наиболее часто в нашем материале встречаются употребления частицы с именем существительным в предложном падеже с предлогом «при»: *В глубоких венах голени получить чёткое изображение створок клапанов обычно не удается даже при сканировании с 6–8-кратным увеличением; Значительной дилатации толстой кишки даже при выраженных рубцовых сужениях не наблюдается; Более того, даже при частичном разрушении трикуспидального клапана возникающая регургитация потока крови относительно невелика и легко переносится больными (...)* и под. Уступительное значение, потенциально заложенное в «даже», реализуется при соотношении маркируемого частицей компонента с предикатом [10, с. 30], когда чётко выявляется несоответствие содержания предиката и маркированного компонента, ср.: *нельзя получить чёткое изображение органа, несмотря на то что сканирование позволяет увеличить его в 6–8 раз* и т. д. О наличии уступительного значения у таких сочетаний свидетельствует употребление в одном ряду компонентов, оформленных уступительным предлогом и частицей: *У ряда больных болезнь неуклонно прогрессирует, и, несмотря на лечение, даже при современной терапии продолжительность жизни составляет всего 4–5 лет.*

Выделяемый частицей компонент может быть оформлен в виде обособленного субстантивного оборота, в таких случаях уступительная семантика становится ещё более очевидной: *Если диабет выявляется сразу при поступлении (...), то особых*

осложнений, даже при тяжёлых формах диабета 1-го типа, (...), как правило, не бывает.

Интересны с точки зрения «нарастания» степени уступительности в зависимости от синтаксических условий следующие употребления частицы при компоненте, в основе которого имя существительное в родительном падеже с предлогом «после», ср.: (1) ряд с градационными отношениями («даже» отмечает компонент ряда как неожиданный, об уступительности здесь можно говорить с очень большой натяжкой – как о потенциальной, но явно не выраженной части семантики): *Помимо этого поверхностное расположение подкожных вен способствует лёгкой их травматизации, и возникновение тромбофлебита может быть отмечено после ушиба мягкой ткани и даже укуса насекомого* – укус насекомого – менее значительный фактор, чем ушиб; несмотря на кажущуюся «малость», незначительность этого фактора, он может привести к возникновению заболевания; (2) необособленный обстоятельственный член с уступительным значением: *Постепенно, примерно через 5 дней от момента активации вируса, продукция гамма-ИФ начинала постепенно повышаться, сохраняя эту тенденцию даже после купирования обострения;* (3) обособленный субстантивный оборот с уступительным значением: *Авторы обращают внимание на крайне затяжной характер обострения, которое, даже после присоединения противогрибковой терапии, полностью регрессировало только через две недели, а в целом длилось 28 дней.*

В отличие от первого из трёх представленных выше примеров в следующем случае в аналогичных условиях наряду с градацией уступительность просматривается более отчётливо: *Тромбофлебит может носить ятрогенный характер, развиваясь после лечебной катетеризации и даже однократной пункции вены (...).* Это происходит за счёт значения имени прилагательного «однократный» в составе маркируемого частицей компонента – в данном контексте актуализируется его сема «немного», «мало», «незначительно» – и возникающего несоот-

ветствия между ним и значением дополнительного предикативного члена, выраженного деепричастием «развиваясь» (болезнь развивается, хотя фактор, который может её вызвать, представляется незначительным). Таким образом, выделяется ещё одна группа употреблений «даже» с уступительной семантикой – при определительно-именном сочетании, где имя прилагательное называет величину, размеры, количество, оцениваемые как крайние параметры шкалы «большой – маленький». При этом прилагательные с общим значением 'большой', 'значительный' используются в контекстах, описывающих негативные явления (1), а прилагательные, группирующиеся вокруг смысла 'маленький', 'незначительный', – в случаях описания и негативных (2а), и положительных явлений (2б), ср.: (1) *Недооценка данной проекции приводит к тому, что нередко **даже** большие новообразования остаются незамеченными; В части случаев **даже** хорошая сократительная способность миокарда недостаточна для преодоления ОПСС и (2а) *Важной проблемой является дефицит железа (...). **Даже** очень небольшое снижение всасывания железа может привести к его дефициту; В большинстве случаев **даже** при начальных формах болезни утрачивается привычное ощущение «здорового благополучия»; (2б) *Они [ультрафиолетовые и рентгеновские лучи] быстро разрушают вирус **даже** при небольших дозах воздействия; В таких случаях (...) могут выявляться **даже** краевые дефекты наполнения.***

Вне зависимости от конкретных контекстных, синтаксических, сочетаемостных условий функционирования «даже» в медицинских текстах можно говорить об определённых модификациях общего значения данного слова в рассмотренных употреблениях, об актуализации его следующих потенциальных семантических наполнений: признак (предмет, ситуация) оценивается как наименее ожидаемый или/и отвергаю-

щий имеющиеся/возможные представления либо как максимально возможный и (в связи с этим) наименее/наиболее желаемый. Характер его (т. е. признака, предмета) неожиданности или несоответствия некоторым существующим/общепринятым/распространённым представлениям не может быть охарактеризован в таких терминах, как ненормальный, парадоксальный, нелепый, абсурдный, – подобные крайние характеристики невозможны в медицинском тексте в отличие от художественного или публицистического.

Наиболее востребовано «даже» при оформлении градационных отношений, а также уступительных – наряду с другими средствами выражения уступительной семантики это слово используется достаточно широко, являясь более экспрессивным средством. Вместе с тем отмечаются определённые ограничения в функциях частицы при выражении синтаксических отношений: «даже» не используется при выражении уточнительных отношений, а при выражении других типов отношений можно говорить о специфике употребления частицы. Так, нами не зафиксированы употребления частицы при градационных или градационно-уточнительных отношениях в бессоюзном ряду; в нашем материале отсутствуют и выражающие уточнение, поправку сочетания «даже не – (а)». Нехарактерно употребление частицы в начале предложения (за исключением единичных случаев с «даже если», когда придаточное предложение находится перед главным). Отвечает требованиям научного стиля изложения естественная для «даже» препозиция по отношению к выделяемому компоненту, чрезвычайно редкие же случаи постпозиции тяготеют к научно-популярному и/или ярко субъективированному способу изложения. Таким образом, в целом наблюдается сужение семантико-функционального диапазона рассматриваемой частицы.

Список литературы

1. Бирюкова О. А. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Владивосток, 2007. 206 с.
2. Иванчикова Е. А. Писатель и норма (из наблюдений над синтаксисом частицы даже) // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 249–266.

3. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 287 с.
4. Котюрова М. П. Стилистика научной речи. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. 363 с.
5. Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 106–119.
6. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова / под ред. В. В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2002. 432 с.
7. Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева [и др.]. Владивосток, 2001. 363 с.
8. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. 96 с.
9. Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 202 с.
10. Стародумова Е. А. Синтаксические функции частицы «даже» // Е. А. Стародумова. Избранные работы: описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы. Владивосток: Изд-во Мор. гос. ун-та, 2011. С. 24–39.
11. Токарчук И. Н. Функционирование частиц в художественном тексте (к вопросу о стилистическом приёме и идиостиле) // Мир русского слова. 2010. № 4. С. 66–71.
12. Токарчук И. Н. Частицы в пространстве текста (на материале рассказов и повестей Л. Петрушевской) // Русский язык в школе. 2012. № 3. С. 55–58.
13. Чернышева А. Ю. Проблемы функционирования частиц в сложном предложении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 43 с.
14. Шимчук Э. Г., Щур М. Г. Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Берлин, 1999. 147 с.

References

1. Birjukova O. A. Semantiko-pragmaticheskie funkcii i stilisticheskie vozmozhnosti chasticy v hudozhestvennom tekste (na materiale prozy S. Dovlatova): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Vladivostok, 2007. 206 s.
2. Ivanchikova E. A. Pisatel' i norma (iz nabljudenij nad sintaksisom chasticy dazhe) // Sintaksis i norma. M.: Nauka, 1974. S. 249–266.
3. Ivanchikova E. A. Sintaksis hudozhestvennoj prozy Dostoevskogo. M.: Nauka, 1979. 287 s.
4. Kotjurova M. P. Stilistika nauchnoj rechi. Perm': Perm. gos. un-t, 2009. 363 s.
5. Krejdlin G. E., Polivanova A. K. O leksikograficheskom opisanii sluzhebnyh slov russkogo jazyka // Voprosy jazykoznanija. 1987. № 1. S. 106–119.
6. Ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: strukturnye slova / pod red. V. V. Morkovkina. M.: Astrel': AST, 2002. 432 s.
7. Slovar' sluzhebnyh slov russkogo jazyka / A. F. Prijatkina, E. A. Starodumova, G. N. Sergeeva [i dr.]. Vladivostok, 2001. 363 s.
8. Starodumova E. A. Akcentirujushhie chasticy v russkom jazyke. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1988. 96 s.
9. Starodumova E. A. Chasticy russkogo jazyka (raznoaspektnoe opisanie). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2002. 202 s.
10. Starodumova E. A. Sintaksicheskie funkcii chasticy «dazhe» // E. A. Starodumova. Izbrannye raboty: opisanie russkih chasticy, slovarnye stat'i, sintaksis hudozhestvennoj prozy. Vladivostok: Izd-vo Mor. gos. un-ta, 2011. S. 24–39.
11. Tokarchuk I. N. Funkcionirovanie chasticy v hudozhestvennom tekste (k voprosu o stilisticheskom prijome i idiostile) // Mir russkogo slova. 2010. № 4. S. 66–71.
12. Tokarchuk I. N. Chasticy v prostranstve teksta (na materiale rasskazov i povestej L. Petrushevskoj) // Russkij jazyk v shkole. 2012. № 3. S. 55–58.
13. Chernysheva A. Ju. Problemy funkcionirovanija chasticy v slozhnom predlozhenii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1997. 43 s.
14. Shimchuk Je. G., Shhur M. G. Slovar' russkih chasticy / pod red. V. Gladrova. Berlin, 1999. 147 s.

Статья поступила в редакцию 24.08.2012

УДК 882
ББК Ш 5 (2=Р) 7-09

Чжоу Чжунчэн,
магистр филологии, аспирант,
Забайкальский государственный университет
(КНР), e-mail: mtsyw2010@yandex.ru

**Языковое пространство современной русской прозы
(на материале романов С. Есина «Маркиз» и В. Маканина «Асан»)¹**

В статье анализируется языковое пространство на материале романов современных авторов С. Есина и В. Маканина. Языковое пространство – это мир живого текста. Языковое пространство прозы С. Есина и В. Маканина в наибольшей степени отражает всё многообразие языковых процессов: 1) усиление межтекстовых связей; 2) семантико-грамматические сдвиги; 3) композиционно-графическая маркировка текста; 4) уход в метафору; 5) метафорические сравнения как динамический компонент языковой композиции; 6) виртуальное произношение; 7) словообразовательный взрыв; 8) ритм художественного пространства. Современная русская проза отличается новыми стилями самовыражения, богата различными приёмами построения текста, многие из которых могут считаться новыми. Наверное, можно сказать, что со сменами эпох меняется и средство выражения мысли, сами мысли, а значит, меняется язык. Меняется общество, в жизни появляются новые слова, которые дают нам толчок к поиску нового. Романы отличаются друг от друга в стилистическом плане, принципы их организации различны. Это свидетельство разнообразия языкового пространства, необходимости его глубокого изучения для познания сущности языка, для познания жизни.

Ключевые слова: языковое пространство, языковые процессы, С. Есин, В. Маканин.

Zhou Zhongcheng,
Master of Philology, Postgraduate Student,
Zabaikalsky State University
(People's Republic of China), e-mail: mtsyw2010@yandex.ru

**Language Space of Modern Russian Prose
(Based on S. Esin's Novel *Marquis* and V. Makanin's Novel *Asan*)**

In the article the language space based on the novels of modern writers S. Esin and V. Makanin is analyzed. The language space is the world of the live text. The language space of S. Esin's and V. Makanin's prose mostly reflects all variety of the language processes: 1) strengthening of intertextuality; 2) semantical-grammatical shifts; 3) composite and graphic marking of the text; 4) leaving in a metaphor; 5) metaphorical comparisons as a dynamic component of the language composition; 6) virtual pronunciation; 7) word-formation explosion; 8) rhythm of art space. Modern Russian prose is remarkable for new styles of self-expression, it is rich in various literary devices of the text creation, many of which can be considered as the modern ones. We may say that changes of eras cause changes in expression of thought and language. Social changes result in new words giving us an impetus to search for something new. The novels differ from each other in the stylistics; the principles of their organization are various. They indicate variety of the language space and need of its further study for knowledge of the language essence, for life knowledge.

Keywords: language space, language processes, S. Esin, V. Makanin.

Изучение русского литературного языка, изучение языкового пространства современной русской прозы даёт представление не только о современном состоянии, но также и о традициях, и о перспективах развития языка. Языковые процессы, происходящие в

недрах языкового пространства, свидетельствуют о динамичности, движении, взаимодействии, «прорастании» многочисленных компонентов языковой композиции (художественный образ, субъективированное повествование, межтекстовые связи, метафоры и сравнения

¹ Работа выполнена при финансировании темы в рамках Государственного задания вузу (№ 6. 3652. 2011).

как основа художественного образа). Языковое пространство текста – это мир живого текста [2].

Современная русская проза отличается новыми стилями самовыражения, богата различными приёмами построения текста, многие из которых могут считаться новыми. Наверное, можно сказать, что со сменами эпох меняется и средство выражения мысли, сами мысли, а значит, меняется язык. Меняется общество, в жизни появляются новые слова, которые дают нам толчок к поиску нового.

Языковое пространство прозы С. Есина и В. Маканина в наибольшей степени отражают все многообразие языковых процессов [3]: 1) усиление межтекстовых связей; 2) семантико-грамматические сдвиги; 3) композиционно-графическая маркировка текста; 4) уход в метафору; 5) метафорические сравнения как динамический компонент языковой композиции; 6) виртуальное произношение; 7) словообразовательный взрыв; 8) ритм художественного пространства.

Названные языковые процессы, видимо, нельзя назвать абсолютно новыми. Каждый из процессов – это отражение традиций. Мы говорим сейчас о том языковом пространстве, о тех языковых процессах, которые наблюдаются в современной прозе.

Роман С. Есина «Маркиз» написан от первого лица. Рассказчик и главный герой повествования – маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857 гг.), известный писатель и путешественник, написавший известное произведение «Россия в 1839 году». Очевидно, с этим связана значительная интертекстуальность, которая проявилась не только в языке, но также и в том, что в роман С. Есина включаются интертекстуальные художественные образы. Следует отметить, что языковые процессы в романе С. Есина проявляются довольно сдержанно, в отличие от многих современных произведений, буквально «насыщенных» теми или иными языковыми явлениями. Можно говорить о продолжении реалистических традиций, понимаемых как переключки с новыми тенденциями.

Так, например, межтекстовые связи проявляются в употреблении цитат, аллюзий. Авторы цитат не всегда названы. Часто бывает так, что межтекстовые связи становятся динамичным компонентом текста. Г. Д. Ахметова отмечает, что важнейшим живым образом в романе является Смех

Гоголя [1]. Тонкая интертекстуальность не навязывается читателю, как это часто делается в современной прозе. Интертекстуальность не становится признаком постмодернистского повествования, отрываясь от смысла и не вписываясь в композицию. Органично вводятся в роман реальные исторические образы: Петр I, Иван Грозный, Михаил Ломоносов и мн. др.

Мы в этой статье не будем рассматривать все перечисленные языковые процессы. Нам важно здесь показать разнообразие языкового пространства в контексте динамических процессов. Так, например, для языкового пространства романа характерно употребление элементов разных стилей. При этом разговорный и книжный стили буквально сталкиваются друг с другом. Например: «А царь между тем продолжал. – Маркизишко рядовой, обычный, захудалый. Там у них в басурмании, которая Францией зовется, все или графы, или маркизы. Земельки-то во владениях, наверное, с гулькин нос, кафтаньишко рваный, шпажонка ржавая, а гордости, как у ближнего боярина» [4, с. 22]. И далее – в речи царя: «Сами все в шелковых портках, в кружевах и бабьих накладных волосах, жратву придумали басурманскую – живых лягушек и слизней с капустных листьев, а все о Liberte, Egalite, Fraternite, рассуждают, маркизы! – последнее царь выкрикнул на весьма сносном французском языке. Как широко шагает просвещение!» [4, с. 22].

Интертекстуальность, связанная с историческими личностями, отражается в их речи: «Тем временем Сталин начал говорить: – Нам всем, дорогие братья и сестра, – обратился генералиссимус в несколько старомодной манере к присутствующим. Я не буду говорить долго, но начну свою речь с библейской, близкой нам всем, аналогии. В чём состоит главная обязанность пастыря? В том, чтобы по мере своих сил сохранять и сберечь своё стадо, преумножать врученное судьбой. Плодитесь и размножайтесь, призывал нас Господь» [4, с. 44].

Речь Ивана Грозного представлена, возможно, примерами из архивных документов, из других источников, дающих некоторое представление о том времени: «– Довольно дерзко пишет холоп, – опять послышался голос Ивана Грозного, – в моё время, конечно, параллельных дорог не было, но “пади,

пади», когда ехал царь, кричали» [4, с. 49]. Слово «холоп» (общее наименование лично не свободного человека, не имевшего гражданских прав и всецело зависящего от господина) известно с XI в. Лишь во времена Петра I слово начинает постепенно уходить из употребления. Но в более поздних художественных произведениях это слово, конечно, встречается в качестве историзма. Например: «Лета от сотворения мира семь тысяч семьдесят третьего, или, по нынешнему счислению, 1565 года, в жаркий летний день, 23 июня, молодой боярин князь Никита Романович Серебряный подъехал верхом к деревне Медведевке, вёрст за тридцать от Москвы.

За ним ехала толпа ратников и холопей» (А. Толстой. «Князь Серебряный»); «Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде» (А. С. Пушкин. «Станционный смотритель»). Слово «холоп» сохранилось в многочисленных русских выражениях: Неволя холопу, воля господину; Перед Богом все холопы; Пьян холоп, царю виноват; Не дай Бог попу быть в холопех, а холопу в попех!; Холоп на боярина не послух (т. е. не свидетель); Холоп на холопа послух; По муже раба, и по рабе холоп (стар. о браках вольных с крепостными); Чванится, как холоп на воеводском стуле; Старый холоп, старый пёс: со двора долой либо под лавку (негоден); Сам барин, сам холоп, сам пашет, сам орёт, сам с крестьян оброк берёт.

Кучерский выкрик «пади!» также имеет историко-бытовые основы. Например, И. И. Лажечников в романе «Басурман» пишет: «Когда усадили Ивана Васильевича в *тапкан*, который можно было познать за великокняжеский по двуглавному орлу, прибитому к передку, несколько боярских детей поехали верхом вперёд, с возгласом: *пади! пади!* До шести боярских детей шло у боков, оберегая ежеминутно экипаж от малейшего наклона и поддерживая его на себе при спусках, очень опасных, потому что лошади запряжены были в одни гужи, без дышла (заметьте, дышло у наших предков была вещь проклятая). Несколько бояр ехало сзади верхами, между ними художник и лекарь. Ехали шагом. Лишь только слышался громкий возглас: *пади!* всё, что шло по улице, в тот же миг скидало шапки и падало наземь. — Этот раболопный обычай, — сказал Аристотель своему молодому

товарищу, — перешёл сюда со многими подобными от татар. Владычество их въелось сильною ржавчиной в нравы здешние, и долго русским не стереть её».

Обычай был изжит в Петровское время. Но само слово, сам крик «пади! пади!» ещё долго культивировался, передавался по традиции в той социальной среде, которая обслуживала высшие круги столичного дворянства. Этот выкрик являлся необходимой принадлежностью этикета, он был связан с лихими поездками по городу привилегированных слоёв столичного общества.

Речь Ивана Грозного в романе отражает и сущность его дел, и язык того времени: «— Это всё Петькины грехи, — сказал царь и перстом ткнул в ненавистное романовское чадо, в Петра Первого. — Россию оскоромил: табачное зелье ввёл, бражничать научил, русский дух выводил, баб оголил, волосы накладные носил и сам, и его собутыльники» [4, с. 29].

Для языкового пространства романа характерно взаимодействие стилей, эпох, героев. Г. Д. Ахметова отмечает: «Например, рядом с Иваном Грозным оказывается царь Петр Алексеевич, а с ними вместе — Ленин и Сталин. И потому намёк на то, что Иван Грозный почитывает Живой Журнал, а Душа маркиза изучала мировые СМИ, воспринимается как продолжение повествования, в котором шутка и серьёзность как будто бы не разделяются. В речи Екатерины проскальзывает словечко «новояз»: «Как говорится на вульгарном русском новоязе, пустили всё на самотёк»» [4, с. 37].

Продолжая говорить о языковом пространстве, перейдём к другому произведению. Роман Владимира Маканина «Асан» переносит читателя в другое историческое время. Это уже наша современность, связанная с событиями в Чечне. И вот уже в начале произведения автор задаётся риторическими вопросами: «Почему два взвода, притом неполные?.. И почему на всех солдат только один офицер? Да и тот оказался вне дела — его сняли на станции, не доезжая Ростова, с острым приступом ущемлённой грыжи... Как? Что?.. Безгрыжных офицеров в России не осталось?.. Где они, безгрыжные и безаппендицитные?» [5, с. 5]. С самого начала повествования включаются вновь образованные слова («словообразовательный взрыв», по определению Г. Д. Ахметовой).

Военная тема привлекает много разговорно-просторечных слов: «На фиг... Нет его...»; «А сзади шли грузовики. Смотреть в оба, мать вашу!.. Один сломал руку... Другого солдата едва не придушило трансмиссией. А те, что внутри БТРов, спяну блевали и задыхались... Воинская слава даётся не сразу». Думается, подобные выражения, не раз встречающиеся в данном произведении, показывают простоту героев и тяжкие, непростые будни солдат, которые использует данные выражения (даже я отметил бы – ругательные) для разрядки той тяжёлой обстановки и ситуации. Например: «Расступились. Иначе я командира и не угадал бы. Все они, в общем, были одинаковы. Жутковаты. В грязных камуфляжах, только-только с гор. Но когда я, выпрыгнув из джипа, подошёл к командиру, они вновь сомкнулись в кружок. Я был внутри... Какие лица!.. Зачуханные, в пыли и в грязи! Голодные!» [5, с. 18]. В то же время автор использует внутреннюю автоцензуру, не допуская откровенно бранных слов: «Штабные пошлют майора Жилина на» [5, с. 25].

Автор показывает монолог главного героя, «монолог его мыслей», отражающий остроту и серьёзность этого произведения: «Эта высокая трава меня достала! Я даже спросил сам себя – почему ты, майоришка, такой заводной?.. ты что, крутой?.. Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка?.. Каждый день ждут... Война отдельно – ты отдельно. Запомни... Ты просто служишь. Ты просто служишь на Кавказе» [5, с. 26].

Для романа характерна условность грамматического лица (Г. Д. Ахметова) как

принцип организации текста: «Зато майору Жилину не наехать на грузовики с горючкой. Майор Жилин – это я» [5, с. 14]; «Майор Жилин только успел чертыхнуться. (Я чертыхнулся... Мы убили... Осложнили дело)» [5, с. 17]. Подобное явление наблюдалось и в романе В. Маканина «Испуг».

В романе «Асан» передаётся манера разговоров, интонаций героев, так называемое виртуальное произношение: «– Т-рищ майор. Может, хоть Пака перебросим на погрузку?» [5, с. 73].

Графическая маркированность характерна для прозы В. Маканина. Проявляется она и в этом романе: курсив, крупный шрифт, «многочисленность» (Г. Д. Ахметова). Приведём последний пример: «Того самого, чей, собственно, и был украденный ранее козёл.

Старое одеяло... Селезень... Козёл... Спленные рога... Цханы... Почему непонятно?.. Но ведь дядя Авзур переживал: кто убил?» [5, с. 372]. Видимо, современным авторам недостаточно становится использовать традиционные способы передачи внутренней речи синтаксическими средствами, и они переходят к пунктуационным (графическим) средствам выражения. Таким образом, графическая маркированность становится приёмом организации текста.

Подводя итог, можно сказать, что романы отличаются друг от друга в стилистическом плане, принципы их организации различны. Это свидетельство разнообразия языкового пространства, необходимости его глубокого изучения для познания сущности языка, для познания жизни.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста. СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.

Источники

4. Есин С. Маркиз. М.: Дрофа, 2011. 334 с.
5. Маканин В. Асан. М.: Эксмо, 2008. 480 с.

References

1. Ahmetova G. D. Zhivoj literaturnyj tekst. M.: Vash poligraficheskij partnjor, 2012. 232 s.
2. Ahmetova G. D. Jazykovoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta. SPb.: Renome, 2010. 244 s.
3. Ahmetova G. D. Jazykovye processy v sovremennoj russkoj proze (na rubezhe XX–XXI vv.). Novosibirsk: Nauka, 2008. 168 s.

Istochniki

4. Esin S. Markiz. M.: Drofa, 2011. 334 s.
5. Makanin V. Asan. M.: Jeksmo, 2008. 480 s.

Статья поступила в редакцию 22.11.2012

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА LANGUAGE AND CULTURE

УДК 81.23
ББК Ш100

Елена Ивановна Букина,
кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: bukina_yelena@mail.ru

Гендерные стереотипы в языке и дискурсе¹

Автор рассматривает проблему гендерных стереотипов с позиций социологии, психологии и лингвистики и выявляет их основные отличительные признаки – как негативные, так и позитивные. В статье используется социолингвистический подход, при котором гендер рассматривается как социальный конструкт, поддерживаемый общественными институтами и культурными традициями. Автор обобщает данные о важной роли языка как средства воспроизведения и закрепления гендерных стереотипов через общественные дискурсивные практики, являющиеся проводником идеологии власти. Базисные положения иллюстрируются автором в ходе анализа двух видов дискурса – рекламного и паремнологического – с использованием методов лингвистического и стилистического анализа. Автор выявляет новые тенденции в построении рекламного дискурса, которые отражают изменения в гендерной политике современных качественных англоязычных изданий.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, феминистская критика языка, дискурсивные практики, паремии, рекламный дискурс.

Elena Ivanovna Bukina,
Candidate of Philology,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: bukina_yelena@mail.ru

Gender Stereotypes in Language and Discourse

The issue of gender stereotypes is discussed in the paper from the angle of sociology, psychology and linguistics and major distinctive features of gender stereotypes – both positive and negative – are explored. The author uses sociolinguistic approach to the issue of gender stereotypes within which gender is viewed as a social construct permanently supported by social institutions and cultural traditions. The author summarizes data concerning the important role of language as a means of reproducing and reinforcing gender stereotypes through public discourse practices which act as a powerful tool of implementing the policy of those in power. The basic theoretical points are illustrated in the course of linguistic and stylistic analysis of public discourses of the advertisement and the proverb. The author uncovers the latest tendencies in structuring advertising discourse which show certain changes in gender policy of modern quality publications.

Keywords: gender, gender stereotypes, feminist criticism of language, public discourse, proverbs, advertising discourse.

Гендер как междисциплинарное понятие стал предметом интенсивного исследования на Западе в 60-х гг. прошлого века в связи с переосмыслением понятия пол. Пол – биологическая категория, обозначающая анатомо-физиологические, в том числе репродуктивные, особенности мужчин и женщин. Однако помимо половых признаков необходимо различать социальные роли мужчин и

женщин, различные формы их поведения, различные психологические и эмоциональные характеристики. Таким образом, возникло понятие «гендер», означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Гендер не является врождённым качеством человека, он приобретается в

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3728.2011.

процессе социологизации индивидов как результат их воспитания и является одной из существенных характеристик личности, влияя на протяжении всей её жизни на осознание ею своей идентичности. «Гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а конструируются обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, а гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации» [6, с. 169].

Гендерные исследования получили мощный импульс развития благодаря возрождению женского движения в США, а также в Германии. Начав с критики патриархата и изучения специфического женского опыта, феминистские исследовательницы постепенно перешли к анализу гендерной системы. Таким образом, женские исследования переросли в гендерные исследования, охватившие все аспекты человеческого общества и все сферы человеческого знания. В ходе гендерных исследований рассматривается, какие роли, нормы, ценности, черты характера предписывает общество женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы, которые, по своей сути, в огромной степени являются стереотипными.

Американский социолог У. Липпман, впервые введший понятие «социальный стереотип» в 1922, определял стереотипы как картинки мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Стереотипы лежат в основе процесса формирования общественного мнения и означают схематизированные, стандартизированные образы или представления о социальных объектах, обычно эмоционально окрашенные и обладающие высокой устойчивостью.

В социологических исследованиях подчёркивается двойная сущность стереотипов. Несмотря на то, что они неизбежно упрощают и даже искажают восприятие окружающего социального порядка, стереотипизация выполняет объективно необходимую и полезную функцию общей психической регуляции деятельности человека. Стереотипы закрепляют информацию об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, людях; позволяют им обмениваться информацией, понимать друг друга, участвовать в совместной деятельности, вырабатывать общие взгляды и т. д.

С. А. Зелинский отмечает, что **стереотипы – это некая запрограммированная составляющая жизни подавляющего большинства индивидов**. В резкой и категоричной форме автор утверждает, что в стереотипности мышления таится самое настоящее зло, которое бессознательно оказывает вредоносное влияние на психику индивида, ограничивая его внутриличностный рост, делая за него выбор в тех или иных решениях. Подытоживая свою мысль, С. А. Зелинский отмечает: «...стереотипы – это зло. И так же как от любого зла, от них необходимо избавляться. И чем быстрее это произойдёт, тем больше личность... сможет раскрыть потенциал, заложенный природой» [2, с. 94, 96].

Существуют всевозможные виды стереотипов, в том числе и гендерные. Гендерные стереотипы (ГС) – это упрощённые, схематизированные, эмоционально чётко окрашенные устойчивые образы мужчин и женщин, распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей её конкретных представителей.

Е. П. Ильин предлагает отличать ГС от половых стереотипов, т. е. различий, идущих от природы и связанных а) с антропометрическими характеристиками (женщины, по сравнению с мужчинами, ниже ростом, имеют меньшую массу тела, узкие плечи и широкий таз и т. д.) и б) со стереотипным психофизиологическим характеристикам (мужская агрессивность, склонность к доминированию, уверенность в себе, независимость, смелость, грубость и женская зависимость, боязливость, мечтательность, эмпатичность, тревожность и эмоциональность и т. д.).

ГС, в отличие от половых стереотипов, касаются тех ролей, которые общество навязывает лицам мужского и женского пола в различных сферах жизнедеятельности. Это такие стереотипы, которые касаются распределения семейных ролей: женщинам отводится частная сфера и роль матери и домохозяйки. Мужчинам предписывается материальное обеспечение семьи, включённость в общественную жизнь, профессиональная успешность. В профессиональной сфере женщины ассоциируются, прежде всего, с исполнительской и обслуживающей деятельностью (образование, здравоохранение, торговля, социально-бытовая сфера), а мужчины с инструмен-

тальной областью деятельности (техника творческая и руководящая работа, а также тяжёлая физическая работа) [5, с. 77–78].

Современные психологи рассматривают гендер как социальный конструкт; он конструируется с детских лет под влиянием социальных ожиданий общества и особенностей культуры. Е. Иванова отмечает, что стереотипы поддерживают зачастую искажённое и даже ложное представление об определённой социальной группе и, имея характер предрасудков, ведут к дискриминации [4, с. 340].

Как отмечает Д. Бэст, ГС содержат элемент истины и необходимы для того, чтобы предвидеть поведение людей в обществе, однако они не учитывают индивидуальные различия и пограничные случаи, «не принимают в расчёт вариативность» [7, с. 11], а, по мнению Е. П. Ильина, ГС вводят людей в заблуждение, так как качества, которые в обществе считаются присущими мужчине, подчас в большей степени обнаруживаются у женщин, и наоборот [5, с. 73].

Американские психологи экспериментально установили, что ГС сильнее расовых и что члены группы, в отношении которых эти стереотипы действуют, неосознанно принимают эти стереотипы [4, с. 336].

Важную роль в конструировании, воспроизведении и закреплении ГС в обществе играет язык. Критика патриархатного сознания в языке и языковая реформа, направленная на устранение ущербности представления образа женщины в языке и речи, на устранение сексистских асимметрий, стали главной целью представителей феминистской лингвистики. Теоретической базой для феминистской критики языка послужили известные идеи В. Гумбольдта и его последователей Э. Сепира и Б. Уорфа о языке как о промежуточном мире, стоящем между мышлением и внешним миром человека. Язык не только создаёт некий образ мира, но и оказывает действенное влияние на мысли и поступки людей и на развитие общества в целом. В своей критике патриархатной системы языка феминистская лингвистика также опирается на теорию постмодернизма, в которой утверждается, что реальность социально и лингвистически сконструирована; текст не отображает существующую реальность, а творит её, а отношение человека к реальности опосредуется дискурсивной практикой.

Осуждая дискурсивные практики патриархатной общественной системы, основан-

ной на приоритете идей и ценностей мужской идеологии, феминистская лингвистика исследует асимметрии в системе языка, которые направлены против женщин, фиксируют мужской взгляд на мир и навязывают мужские ценности и оценки [1, с. 515, 519]. Например, феминисты отвергают положение о нейтральности таких языковых единиц английского языка, как *man* (человек, мужчина) и *he* (он), которые в английском языке по традиции используются в значении, включающем и представительниц женского пола. Существуют данные многочисленных опросов, подтверждающих, что подобное «нейтральное» использование этих терминов в речи пробуждает в сознании в первую очередь образ лица мужского пола и, таким образом, способствует созданию эффекта незаметности (*invisibility*) женщины в общественном дискурсе.

Небезосновательными представляются и возражения феминистов против таких терминов, как *lady doctor* (женщина врач) и *manageress* (женщина-менеджер), так как они имплицитно идею о том, что эти профессии являются нормой для мужчин и отклонением от нормы для женщин [9].

Мужской взгляд на мир, отражённый в английском языке, проявляется и в том, что в нём больше слов-названий лиц мужского пола и большинство из них несут положительную оценочность, что существует диспропорция в количестве слов-названий профессий с признаками мужского и женского рода, отмечается существование фразеологизмов и пословиц, дискредитирующих женщин и т. д. Таким образом, язык рассматривается феминистами как средство мужского доминирования и социальной силы и служит средством закреплёния отношений власти.

Представители дискурсивного направления феминистской критики языка видят необходимость изучения особенностей дискурса, взаимоотношений между текстом и обществом. Дискурс при этом, вслед за М. Фуко, понимается как «исторически детерминированная социальная форма организации и распространения знания», как «практики, систематически формирующие субъект» [6, с. 168]. Дискурс рассматривается как форма социального действия, зависящая от ценностей и норм общества, условностей и социальных практик, всегда ограниченных и находящихся под влиянием структур власти и исторических процессов [1, с. 528, 529].

Одним из самых влиятельных типов дискурса, активно участвующим в конструировании и воспроизводстве традиционных гендерных отношений, является рекламный дискурс, воспроизводящий их как отношения господства и подчинения, и это проявляется как в вербальном, так и невербальном его оформлении. Многочисленные исследования данного вида дискурса помогают вскрыть используемый в нём механизм гендерной дискриминации и побуждают современных рекламодателей вносить некоторые коррективы в рекламные технологии.

Возьмём для примера рекламу турагентства из Испании в солидном американском журнале *Newsweek* (2 января 2012 г.). Тот, казалось бы, положительный факт, что реклама выпущена в двух визуально равноценных вариантах – для мужчин и для женщин – сводится на нет традиционным выбором и организацией средств как вербального, так и невербального характера. Мужской образ включён в рамки престижного пространственного фона – поле для игры в гольф; его внешний облик, жесты, одежда символизируют личность деловую, сильную, уверенную, преуспевающую. Женский образ выполнен на фоне торгового центра; её нарядный, праздничный вид говорит об ограниченном круге её интересов, а шлейф из пакетов с покупками о склонности к легкомыслию и мотовству.

Ещё более красноречив вербальный компонент рекламы: «Work and pleasure together until the return flight does us part» (1) (Сочетай работу с удовольствием, пока не придёт время для обратного рейса) в рекламе для мужской аудитории и «Losing your suitcase, the best thing that can happen to you» (2) (Потеря чемодана – самое лучшее, что может случиться с тобой) – для женской. В графическом, ритмическом и синтаксическом оформлении (1) и (2) идентичны, однако их семантические составляющие, а также их подтекст резко отличаются друг от друга. *Work and pleasure together* в сильной позиции в начале предложения текста (1) в единстве с визуальным обликом делового мужчины и фраза *losing your suitcase* в начале (2) создают очевидную оппозицию, не делающую чести «слабому» полу. Более того, превосходная степень во второй части рекламного текста: *the best thing that can happen to you* (2) звучит отнюдь не лестно, а скорее даже иронически, возводя шопинг в разряд приоритетных женских ценностей.

Современные рекламные дискурсы (рассмотренный выше отнюдь не является единственным) представляют собой мощное средство манипуляции сознанием массового потребителя, они захватывают внимание широкой (в том числе и самой юной) аудитории, воспроизводя и поддерживая традиционные ГС. Нельзя не приветствовать попытки современных качественных англоязычных изданий внести изменения в гендерную политику издательств, однако, как показывает приведённый пример, эти попытки все ещё носят характер полумер и выглядят довольно неуклюже.

Примером глубокого анализа ещё одного интересного типа дискурса является исследование немецкой лингвистики М. Шиппер под названием *Never marry a woman with big feet: Women in proverbs from around the world*.

(Никогда не женись на женщине с большим размером ноги: Пословицы о женщинах в разных культурах). Исследование выполнено в русле паремиологии, а точнее, сравнительной паремиологии, где автор предлагает дискурсивный анализ паремий о женщинах в разных языках и культурах.

Паремии, наряду с фразеологическими единицами, являются душой всякого национального языка, в них неповторимым образом выражается культурное своеобразие народа, и потому они представляют собой ценнейший источник знаний об особенностях концептуализации гендера в сознании носителей того или иного языка [3, с. 11]. Пословицы, как и другие заряженные таким потенциалом устные тексты, влияют на идентификацию личности и формируют представления о социальных ролях, воздействуя на сознание главным образом незаметно для тех, кто с ними сталкивается. «Усваивая и употребляя пословицы, люди неосознанно позволяют программировать себя как мужчин или женщин... Вследствие того, что пословицы утвердились в массовом сознании как непререкаемый источник непреходящей мудрости и истины, с их помощью легко критиковать людей, манипулировать ими, подсмеиваться над ними и даже оскорблять» [9, с. 19, 23].

Лингвист отмечает, что в паремиях о женщинах практически не представлен женский взгляд на вещи, а их авторство несложно установить как, например, в следующих случаях: 'Never trust a woman, even after she has given you seven sons' (Не доверяй женщине даже после того, как она родила тебе семь

сыновей) (Япония); Women have long hair and a short mind. (У женщин длинные волосы и короткий ум) (Swedish); Long hair, little brain. (Длинные волосы – мало ума) (Turkish); A good woman goes without a head (буквально: «Добродетельная женщина не носит головы»). В последнем примере существительное head, безусловно, используется метафорически и указывает на личное мнение женщины, её желания. По мнению автора, мысль, заложенная здесь, состоит в том, что в браке женщине лучше быть покорной, смиренной, безропотной; когда женщину упрекают в том, что у неё своя голова на плечах, её, фактически, упрекают за собственные взгляды и убеждения. «Когда же в некоторых пословицах признаётся, что у женщины может быть своя голова, то при этом спешно утверждается, что на самом деле в этом нет необходимости, так как она в основном пуста, особенно когда она красивая» [9, с. 37].

Пословицы не отражают реальность, подчёркивает М. Шиппер, а помогают её конструировать, так как они выражают мужской взгляд на концепт идеальной женственности. Развивая мысль автора, следует доба-

вить, что, утверждаясь в речи мужской части населения, подобные тексты также помогают формированию их стереотипного и зачастую ни на чём не основанного чувства гендерного превосходства. Живучесть паремий и нежелание народов расставаться со многими устаревшими идеями пословиц о женщинах, по мнению М. Шиппер, приводит к сохранению глубокого отчуждения мужчин и женщин, поддерживает существующую в обществе иерархию [9, с. 20].

В рамках дискурсивного направления феминистской критики языка было положено начало исследованиям лингвистической стороны социальных явлений для описания скрытых механизмов, с помощью которых язык конструирует гендерные стереотипы на глубинном ментальном уровне общественного и индивидуального сознания. Исследования последних лет показали, как ГС обуславливают модели поведения мужчин и женщин, влияют на идентификацию личности в социуме, а в конечном счёте, воспроизводят патриархатную идеологию, ограничивают доступ женщин к власти и ведут к их скрытой или явной дискриминации.

Список литературы

1. Горошко Е. Гендерная проблематика в языкознании: введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 508–542.
2. Зелинский С. А. Манипуляции массажи и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. СПб.: СКИФИЯ, 2008. 248 с.
3. Зыкова Н. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
4. Иванова Е. Гендерная проблематика в психологии: введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 312–345.
5. Ильин Е. П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.
6. Томская М. Воспроизводство гендерных стереотипов в дискурсивной практике (на материале текстов по этикету) // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 18. С. 167–180.
7. Best D. Gender stereotypes // Encyclopedia of sex and gender: Men and women in the world's cultures / Ed. Carol R. Ember and Melvin Ember. New York, 2003. P. 11–23.
8. Eckert P., McConnell-Ginet S. Gender and Language. Cambridge University Press, 2003. 357 p.
9. Saul J. Feminist Philosophy of Language // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / (Fall 2010 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2010/entries/feminism-language/> (дата обращения: 2.11.2012).
10. Schipper M. Never marry a woman with big feet: Women in proverbs from around the world. Amsterdam University Press, 2006. 350 p.

References

1. Goroshko E. Gendernaja problematika v jazykoznanii: vvedenie v gendernye issledovanija: ucheb. po-sobie / pod red. I. A. Zherebkinoj. Har'kov: HCGI; SPb.: Aletejja, 2001. S. 508–542.
2. Zelinskij S. A. Manipuljacija massami i psihoanaliz. Manipulirovanie massovymi psihicheskimi processami posredstvom psihoanaliticheskix metodik. SPb.: SKIFIJa, 2008. 248 s.
3. Zyкова N. V. Sposoby konstruirovanija gendera v anglijskoj frazeologii. M.: Editorial URSS, 2003. 232 s.
4. Ivanova E. Gendernaja problematika v psihologii: vvedenie v gendernye issledovanija: ucheb. posobie / pod red. I. A. Zherebkinoj. Har'kov: HCGI; SPb.: Aletejja, 2001. S. 312–345.
5. Il'in E. P. Pol i gender. SPb.: Piter, 2010. 688 s.
6. Tomskaja M. Vosproizvodstvo gendernyh stereotipov v diskursivnoj praktike (na materiale tekstov po jetiketu) // Vestnik MGLU. 2010. Vyp. 18. S. 167–180.
7. Best D. Gender stereotypes // Encyclopedia of sex and gender: Men and women in the world's cultures / Ed. Carol R. Ember and Melvin Ember. New York, 2003. P. 11–23.
8. Eckert P., McConnell-Ginet S. Gender and Language. Cambridge University Press, 2003. 357 p.
9. Saul J. Feminist Philosophy of Language // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / (Fall 2010 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2010/entries/feminism-language/> (data obrashhenija: 2.11.2012).
10. Schipper M. Never marry a woman with big feet: Women in proverbs from around the world. Amsterdam University Press, 2006. 350 p.

Статья поступила в редакцию 26.12.2012

УДК 811.161.1 / 316'28
ББК (Ш) 81

Лариса Владимировна Бутыльская,
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: larissa76@list.ru

Социокультурный феномен открытки (на примере русской свадебной открытки)

В данной статье открытка представлена как текст, содержащий многообразие семиотических кодов, раскрывающих социокультурное содержание. Открытка, или поздравительная карточка, служит не только праздничным атрибутом, но и, с точки зрения лингвокультурологии (а также лингвосомиотики, теории межкультурной коммуникации и др.), несёт очень богатую информацию о национально-культурной специфике общества, о воздействии культурных трансформаций, которые происходят в конкретном обществе. Автор путём лингвокультурологического анализа свадебных открыток приходит к выводу, что, умея расшифровывать национальную символику, представленную в свадебных открытках, коммуникантам будет легче осуществлять межкультурный диалог, а также воспринимать и интерпретировать инокультурные тексты. В качестве основных символов, анализируемых в статье, выступают графические (цвет, рисунок) и языковые (пожелания, в которых в качестве основных компонентов предстают изобразительно-выразительные средства языка, а также лингвокультурема).

Ключевые слова: социокультурный, свадебная открытка, лингвокультурологический анализ, национально-культурная специфика, символ, лингвокультурема.

Larisa Vladimirovna Butyl'skaya,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Zabaikalsky State University (Chita, Russia),
e-mail: larissa76@list.ru

Sociocultural Phenomenon of the Postcard (As Exemplified by a Russian Wedding Postcard)

In this article the postcard is presented as a text that contains a variety of semiotic codes opening sociocultural contents. A postcard or a greeting card is not only a holiday symbol. From the point of view of linguistic culture (as well as linguo-semiotics, intercultural communication theory, etc.), it is a source of information about national and cultural identity of the society, impact of cultural transformations that occur in the society. By means of linguistic-cultural analysis of wedding postcards, the author comes to the conclusion that deciphering national symbols presented in wedding postcards, the communicants will be able to realize intercultural dialogue and perceive and interpret texts of other cultures. The main symbols analyzed in the article are graphics (colour, drawings) and linguistics (wishes in which the main components are figurative-expressive means of the language, as well as linguoculturems).

Keywords: sociocultural, wedding postcard, linguocultural analysis, national-cultural identity, symbol, linguoculturem.

Открытка (согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова) – почтовая карточка для открытого (без конверта) письма, а также карточка с художественным изображением [3, с. 472]. Обычно лицевая сторона открытки несёт на себе изображение (оно может быть представлено репродукцией, рисунком или фотографией), а обратная предназначена для почтового сообщения и текста, поясняющего изображение.

Уже в определении значения слова *открытка* мы видим две ключевые, с точки зрения лингвокультурологического анализа, особенности данного жанра: 1) языко-

вое содержание; 2) художественное изображение. Также существует и третий обязательный компонент открытки – событие, по поводу которого она создаётся.

Сегодня, несмотря на то, что открытка как средство связи занимает довольно скромное место (на фоне современных средств коммуникации открытка выглядит несколько архаично), она может использоваться как информативный исторический источник: открытки обретают вторую жизнь в трудах историков и искусствоведов, музейных сотрудников и издателей [2]. Наш интерес к открытке вызван благодаря со-

циокультурному содержанию, которое можно «расшифровать» на лицевой стороне (т. е. в изображении) и на оборотной (т. е. в текстах, составленных авторами специально для конкретного повода).

Говоря о функциях открытки, необходимо заметить, что базовыми выступают этикетная функция (поскольку открытка служит средством поздравления или средством оказания внимания адресату), социокультурная (открытка отражает особенности общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека) и регулятивная (открытка является средством регуляции межличностных отношений).

Таким образом, в нашем исследовании в качестве объекта была выбрана свадебная открытка. Целью явилось выявление лингвокультурологических особенностей русской свадебной открытки.

Для того чтобы раскрыть лингвокультурологические особенности русской свадебной открытки, необходимо, во-первых, охарактеризовать жанр открытки с точки зрения истории и традиций; во-вторых, проанализировать некоторые национальные традиции оформления открытки; в-третьих, выявить ключевые символы русской свадьбы, зафиксированные в свадебных открытках; в-четвёртых, проанализировать пожелания на свадьбу с точки зрения лингвокультурологии.

Обращаясь к истории появления открытки, исследователи высказывают две точки зрения. Первое предположение связано с историей почты – 1869 год. Второе предположение возникло в связи с обычаем поздравлять близких людей при помощи карточек, похожих на открытки, возникшим в Европе гораздо раньше, примерно в XV веке.

В России же мода на открытки зародилась лишь в XIX веке благодаря Европе, и возникла традиция – накануне праздника вкладывать карточку в конверт (пока ещё без каких-либо дополнительных сообщений).

Первые русские иллюстрированные открытки были видовыми: на них были изображены виды какого-либо города, украшенные различными узорами. Рисунок мог сопровождаться следующими надписями: «Привет из (такого-то города)» или «Поклон из (такого-то города)». На рубеже XIX и XX столетий открытки уже прочно вошли

в русскую культуру, и тематика их становилась всё более разнообразной. Также кроме открыток с видами городов и местностей появляются поздравительные, рекламные, юмористические открытки и открытки с изображением типов населения России. Возникает традиция отправлять поздравительные открытки к Рождеству, к Новому году, к празднику Пасхи, ко дню Ангела.

Следует отметить, что в начале XX века моден был так называемый «русский стиль», и это явление очень повлияло на художественное оформление отечественных открыток. Сюжетами для них становились различные волшебные сказки, пословицы, поговорки, приметы, благопожелания и т. д. Сегодня эта традиция закрепились за магнитами (на которых можно прочесть разные афоризмы или пословицы).

К началу XX века русские открытки условно можно было разделить на три вида: иллюстрированные, репродукционные и видовые. Чаще всего именно иллюстрированная открытка предназначалась для поздравлений с Рождеством, Пасхой, Новым годом, днём Ангела и просто с чем-то, что было важным в жизни адресата.

Символика открыток была всегда узнаваема. Художники использовали элементарные символы, понятные для людей. Так, на многих поздравительных открытках присутствуют виньетки – орнаменты из цветов, стилизованные изображения сердца, голубь, несущий в клюве запечатанный конверт, ангелочки и др.

Русская свадебная символика может выступать в качестве самостоятельных традиционных свадебных символов и атрибутов (кольца, фата, фигурки жениха и невесты, например, на торте и т. д.), а также она изображается на открытках и используется в текстах пожеланий, как правило, в метафорических оборотах. Несомненно, такая символика – ключ к культурной картине мира русского народа.

Основными свадебными символами, которые можно увидеть на открытках, являются: фата, золотые обручальные кольца, свадебные свечи, брачные венцы, свадебный каравай, свадебный кортеж, свадебный букет, пара голубей, жемчужное ожерелье, пара бокалов с шампанским и др. Обратим внимание на значение вышперечисленных сим-

волов. Фата символизирует стыдливость, скромность, непорочность, невинность. Золотые обручальные кольца – символ супружеской верности и брачных уз. Свадебные свечи означают радость встречи двух любящих людей. Одновременно это символ их чистоты и целомудрия. Брачные венцы знаменуют победу над страстями и напоминают о царском достоинстве первой человеческой четы – Адама и Евы. Семья – это маленькое царство. Свадебный каравай – символ солнца и плодородия, а также крепость брачных уз. Свадебный кортеж, а точнее сигналы, подаваемые автомобилями в процессии – это элемент древней предохранительной магии, которая ранее выражалась щёлканьем кнутов. Свадебный букет – это символ глубокой любви и счастливой будущей семейной жизни. Пара голубей – символ мира, любви, надежды и верности. Жемчужное ожерелье было настоящим талисманом, в силу которого верили и продолжают верить невесты, и сегодня оно является символом чистоты, девственности и непорочности. Пара бокалов (бутылок) шампанского – символ общей судьбы с общими радостями, скорбью и утешением.

Кроме того, семиотика цвета является одним из ключей понимания культуры. В свадебных открытках частотными являются белый и жёлтый (золотистый) цвета. Белый в русской культуре – это цвет чистоты, невинности, святости. Поэтому и платье невесты белое. Жёлтый (золотистый) цвет воспринимался как радостный, солнечный, весенний цвет. В XVI веке свадебный наряд невесты состоял из жёлтого летника и красного сарафана, которые символизировали замужество. Также золотистый цвет – знак материального изобилия.

Вышеперечисленные символы, как было сказано ранее, встречаются и в текстах пожеланий.

В данной статье также мы обращаем внимание на лингвокультураемы – основные единицы лингвокультурологического анализа. С нашей точки зрения, лингвокультураема – это устойчивая языковая характеристика, сопровождающая культураему (**культураема** – это знак-носитель информации о культурных ценностях, мотивах и их трансформации) [1]. Например, для культураемы «Свадьба» лингвокультураемами будут выражения «свадебное торжество», «свадебный ритуал», «свадебная церемония». Лингвокультураемы как бы конкретизируют, углубляют содержание культураемы, а используясь самостоятельно, могут вызывать ассоциацию с конкретной культураемой. Лингвокультураемы могут быть нескольких видов. Это символы (например, для свадьбы – свадебный каравай), сопутствующие образы (жених, невеста, родители, свидетели, гости и т. д.), образные средства, в основе своей, культурно маркированные (эпитеты, например, *застенчивая невеста*; сравнения, например, *жених и невеста, как два голубка*); метафоры, например, *бережно хранить чувства* и др.), устойчивые словосочетания (фразеологизмы, этикетные выражения, например, *Горько!* или *Сор в вине!* и т. д.). Однако не все изобразительно-выразительные средства языка могут являться лингвокультураемами. Мы имеем в виду лишь те, которые выступают маркерами культураемы.

Обратим внимание на некоторые поздравительные тексты и выявим основные лингвокультурологические средства (лингвокультураемы мы выделили жирным шрифтом).

Пожелания	Лингвокультурологические средства
<p>Семья молодая на свет родилась – И новая звёздочка в небе зажглась. Прекрасна невеста, наряден жених, Друзья и родители рады за них. Пусть криками «Горько!» наполнится зал, Пусть вдребезги бьётся на счастье бокал! Под музыку нежную в свадебном танце Счастливые пусть молодые кружатся. Желаем вам вместе по жизни идти, Любовь свою бережно в сердце нести. Друг другу во всём помогайте всегда, С годами пусть ярче сияет звезда!</p>	<p>Эпитеты: нежная музыка; прекрасная невеста; молодая семья; счастливые молодые. Метафоры: семья на свет родилась; любовь нести бережно в сердце; вместе по жизни идти. Символика: звёздочка зажглась – пусть ярче сияет с годами звезда (символ судьбы, долгой и крепкой семейной жизни); свадебный танец – первый танец новоиспечённых супругов (вхождение в семейную жизнь). Традиции: вдребезги бьётся на счастье бокал; под музыку нежную в свадебном танце счастливые молодые кружатся; криками «Горько!» наполнится зал</p>

<p>Пусть пенится шампанское в бокалах, Пусть греет ритмом музыка сердца! Желаю не тонуть семье в скандалах, Желаю жизни яркой, как звезда!</p> <p>День свадьбы – это день любви и счастья, День свадьбы – это радости души. Пусть каждое нежданное несчастье Обходит вас всегда за метражи!</p> <p>Желаю неприличного богатства, И вырастить удачливых детей, С семьёю, как сегодня собираться – И никогда не забывать друзей!</p>	<p><u>Эпитеты</u>: яркая жизнь, неприличное богатство, удачливые дети. <u>Метафоры</u>: музыка греет ритмом сердца; не тонуть семье в скандалах; радость души; несчастье обходит за метражи. <u>Сравнения</u>: жизнь яркая, как звезда. <u>Символика</u>: шампанское в бокалах; музыка; звезда. <u>Традиции</u>: пенится шампанское в бокалах; с семьёю, как сегодня, собираться; пожелание богатства, удачи детей, крепкой семьи и верных друзей</p>
<p>На руки невесту подними, К сердцу её, нежную, прижми... Будь смелей, застенчивый жених, Долгих лет вам счастья на двоих Юная невеста, улыбнись! Впереди у вас большая жизнь... А любовь – как хрупкое стекло, Постарайтесь не разбить его. Ухватите счастье за крыло, Слишком уж капризное оно. Не пускайте зависть на порог, Чтоб никто вам помешать не смог</p>	<p><u>Эпитеты</u>: нежная невеста; застенчивый жених; большая жизнь; хрупкое стекло; капризное счастье. <u>Метафоры</u>: не разбить любовь; ухватить счастье за крыло; не пускать зависть на порог. <u>Традиции</u>: на руки невесту подними (носить на руках невесту); пожелание долгих лет счастья семейной жизни</p>
<p>Свершилось! Отныне вы муж и жена, Совет да любовь вам на все времена. И радость и горе – всегда пополам, Пусть счастье за вами идёт по пятам. Поменьше скандалов обидных и слёз, Чтоб вместе дожить до седых вам волос. В день свадьбы желаем добра и тепла, Чтоб зло не добралось до вас никогда. Пусть будут шампанское, тосты и смех, Сегодня вы точно счастливее всех! Пусть день этот помнится вами всегда, Одной на двоих у вас стала судьба</p>	<p><u>Эпитеты</u>: обидные скандалы и слёзы. <u>Метафоры</u>: счастье идёт по пятам; зло не добралось до вас. <u>Фразеологизмы</u>: делить радость и горе пополам; до седых волос дожить; судьба одна на двоих; на все времена. <u>Традиции</u>: пожелание «Совет да любовь»; шампанское, тосты</p>
<p>Вот и невеста! Жених, оглянись: С ней вам дорога одна на всю жизнь. Ты посмотри, как красива она, – Белое платье, улыбка, фата... Чудо такое беречь и любить, Вместе до старости счастливо жить, Пусть не потухнет уже никогда Общая ваша на небе звезда. Марш Мендельсона давно отыграл, Скоро закончится свадебный бал. Стали сегодня вы муж и жена, Что, как известно, одна сатана!</p>	<p><u>Эпитеты</u>: она красива; жизнь счастливая. <u>Метафоры</u>: с нею дорога одна на всю жизнь; чудо (невесту) беречь и любить; звезда не потухнет никогда. <u>Символы</u>: марш Мендельсона; звезда; белое платье; фата. <u>Традиции</u>: исполнять марш Мендельсона; устраивать свадебный бал <u>Фразеологизмы</u>: муж да жена – одна сатана</p>

Таким образом, лингвокультурологический анализ свадебных открыток позволяет нам сделать некоторые выводы.

Открытка – это не только один из интереснейших предметов коллекционирования, но и хранилище фактов, помогающих изучать историю культуры, помога-

ющих познать особенности национального мировоззрения. Русское слово «открытка» произошло от словосочетания «открытое письмо». В переводе же на ряд европейских языков «открытка» обозначает просто «почтовую карточку» (англ. – postcard, франц. – carte postale). Поэтому русская

открытка характеризуется особой эмоциональностью, адресностью, заботливостью, даже магичностью.

Свадьба является одной из важных частей культуры. В различных странах и нациях существуют разные свадебные ритуалы. Изучение свадебного ритуала конкретной страны, помогает людям хорошо понять её культуру. Есть много основных традиционных символов русской свадьбы, фиксирующихся в свадебных открытках: например, **чаша с вином** – символ общей судьбы с общими радостями, скорбью и утешением и т. д. Умея расшифровывать национальную символику свадеб, человеку легче будет осуществлять межкультурный диалог с представителем инокультуры, а также воспринимать и интерпретировать культурные тексты.

Пожелания, дарящиеся на свадьбу и закрепляющиеся в свадебных открытках, также обладают национальными особенностями. В русской лингвокультуре используются разнообразные изобразительно-выразительные средства языка и лингвокультуры. Например: эпитеты (чудесный, бесценный, счастливый, дружный, добрый, крепкий, прекрасный), метафоры (счастье в двери пусть всегда стучится и согревает ваш уютный дом), символы (цветы, кольца, голуби, марш Мендельсона) и др.

В заключение ещё раз подчеркнём, что открытка – это не просто формальное средство акта поздравления, но и ключ к разгадке тайны души народа.

Список литературы

1. Бутыльская Л. В. Лингвокультурологическая интерпретация пасхального поздравительного текста (в аспекте обучения РКИ) // Русский язык в современном Китае: сб. науч.-метод. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Хайлар, КНР, Институт русского языка Хулуьбуирского института, 11–12 апреля 2012 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, Хулуьбуирский институт, КНР. Чита – Хайлар, 2012. С. 17–23.
2. Ларина А. Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2004. 213 с.
3. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. Открытки: [сайт]. URL: [www.http://amnesia.pavelbers.com](http://amnesia.pavelbers.com) (дата обращения: 15.05.2012).
5. Русские открытки: [сайт]. URL: [www.http://mirpoz.ru](http://mirpoz.ru) (дата обращения: 15.05.2012).
6. Социокультурный подход: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.01.2012).

References

1. Butyl'skaja L. V. Lingvokul'turologičeskaja interpretacija pashal'nogo pozdravitel'nogo teksta (v aspekte obuchenija RKI) // Russkij jazyk v sovremennom Kitae: sb. nauch.-metod. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Hajlar, KNR, Institut russkogo jazyka Hulun'buirskogo instituta, 11–12 aprelja 2012 g.) / Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t, Hulun'buirskij institut, KNR. Chita – Hajlar, 2012. S. 17–23.
2. Larina A. N. Dokumental'naja otkrytka konca XIX – nachala XX vv. kak istochnik po istorii i kul'ture Moskvy: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09. M., 2004. 213 s.
3. Ozhegov S. I. i Shvedova N. Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologičeskij vy-razhenij / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1999. 944 s.
4. Otkrytki: [sajt]. URL: [www.http://amnesia.pavelbers.com](http://amnesia.pavelbers.com) (data obrashhenija: 15.05.2012).
5. Russkie otkrytki: [sajt]. URL: [www.http://mirpoz.ru](http://mirpoz.ru) (data obrashhenija: 15.05.2012).
6. Sociokul'turnyj podhod: [sajt]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (data obrashhenija: 10.01.2012).

Статья поступила в редакцию 19.12.2012

УДК 821. 111
ББК 82.1 В-47

Татьяна Ивановна Волкова,
старший преподаватель,
кафедра гуманитарных дисциплин и психологии,
Международный институт компьютерных технологий
(Воронеж, Россия), e-mail: ntia@mail.ru

Процесс ассимиляции иноязычной лексики с психолингвистической точки зрения

В настоящее время наблюдается большой приток иностранных слов во все языки мира. В статье впервые рассматривается ассимиляция иноязычной лексики в немецком языке с психолингвистической точки зрения. Также впервые даётся определение и обоснование понятия «иноязычное слово» с психолингвистической точки зрения и вводится понятие «периферийная» система языка, даётся определение этого понятия. Авторы статьи попытались также выявить тенденции в процессе распознавания иноязычной лексики носителями языка. Очень важным в статье является описание психолингвистического эксперимента по опознанию иноязычных слов в тексте современной немецкой прессы носителями немецкого языка, который был проведён авторами данной статьи. В ходе эксперимента был сделан анализ процесса распознавания слов с точки зрения социальных групп по возрастному, гендерному признаку, а также уровню и характеру образования, по происхождению иностранных слов, а также по их частотности. Результаты эксперимента, представленные в таблицах и графиках, имеют теоретическое значение с лингвистической и психолингвистической точки зрения, а также представляют интерес в преподавании немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: иноязычная лексика, психолингвистический подход, ассимиляция, периферийная система, лексико-графический способ, частотность фонем.

Tatyana Ivanovna Volkova,
Senior Lecturer, Department of Arts and Psychology,
International Institute of Computer Technologies
(Voronezh, Russia), e-mail: ntia@mail.ru

Foreign Vocabulary Assimilation Process from the Standpoint of Psycholinguistics

Nowadays a great influx of foreign words into all languages of the world is observed. In the article for the first time the assimilation of foreign vocabulary in German is examined from the standpoint of psycholinguistics. Definition and justification of the notion "a foreign word" from psycholinguistic point of view are also given for the first time, the notion "a peripheral system of language" is introduced, and definition of this notion is also provided. The authors have also tried to reveal some tendencies in the process of foreign speech recognition by native speakers. A very important aspect in the article is the description of psycholinguistic experiment held by the authors, based on recognition of foreign words by native speakers in the contemporary German press. During the experiment word recognition process has been analyzed from the standpoint of social groups by age-related and gender criterion, educational level and character, by origin of foreign words, as well as their frequency. The results of the experiment represented in schemes and charts have a theoretical value from linguistic and psycholinguistic standpoints, and also may be interesting in teaching German as a foreign language.

Keywords: foreign speech, psycholinguistic approach, assimilation, peripheral system, lexicographic method, rate of phonemes.

Основные задачи нашей статьи связаны с определением понятия «иноязычное» слово. В немецком языке существует два наименования: заимствование (Lehnwort) и иностранное слово (Fremdwort). Исходя из

традиционных определений, заимствование – это слова, морфемы, звуки, значения, перемещённые из одного языка в другой [1, с. 239; 25, с. 164]; другими словами, в общем, то, что заимствовано, перенято [9, с. 489]. В своих трудах О. С. Ахманова так-

же понимает «заимствование» как «слово, появившееся в данном языке в результате заимствования» [2, с. 151]. Мы видим, что, по мнению большинства исследователей, под заимствованием понимается слово, перешедшее из одного языка в другой без адаптации или с минимальной адаптацией. Следует отметить, что в отличие от кальки, в язык-приёмник переходит не только значение, но и собственно лексическая форма. Обратимся к словарям, где дано понятие заимствования. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, заимствования в узком смысле слова – это слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате обращения к лексическому фонду других языков, а также обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов (нередко сами эти понятия и предметы становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков, заимствуются соответствующие слова) [2, с. 150–151]. Следует отметить, что некоторые зарубежные исследователи придерживаются такой же точки зрения. Они рассматривают заимствования как перенесённые из одного языка в другой «субстанциональные элементы»: морфемы, слова, фразеологизмы [17, с. 45–48].

При этом О. С. Ахманова тесно связывает понятие «заимствование» с понятием «неологизм». По мнению автора, «неологизм» – слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия, а также новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и поэтому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи [2, с. 151]. В свою очередь, А. В. Зеленин определяет заимствование как инкорпорированные иноязычные элементы в язык некоторой группы говорящих [7, с. 86]; заимствование предстает у него как материальный, конкретный результат языковых контактов на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях [7, с. 86].

В свою очередь, Э. Хауген считает, что заимствование – это воспроизведение моделей одного языка в другом, причём характер этого воспроизведения может быть различным на разных уровнях языка [16, с. 4].

Ряд исследователей (Ш. Поплак, М. Мичан, Д. Санкофф, К. Миллер и другие) интерпретируют заимствования как синхронический процесс [Цит по: 7, с. 85].

Мы же полностью присоединяемся к мнению В. Флейшера и И. Барц и понимаем под заимствованиями «корневые лексемы или словообразовательные элементы, которые в большей или меньшей степени отличаются от морфем родного языка по фонемному составу, произношению и/или написанию» [20, с. 61], при этом аспект исторический (когда было произведено заимствование) остаётся для нас нерелевантным.

А теперь нам необходимо дать определение понятию «иностранный» слово. Поиск нашего исследования показал, что впервые понятие «иностранный слово» («Fremdwort») применил в своих трудах в 1815 году философ К. Краузе и было расширено Х. Паулем в журнале *Hesperus* (1819). По его мнению, «иностранный слово» («Fremdwort») – это выражение, перенятое из иностранного языка в родной (в большинстве случаев вместе с указываемым на него предметом), которое, в отличие от заимствованного слова (*Lehnwort*), ещё не приспособилось по произношению, написанию и форме к системе заимствующего языка [24, с. 56–57]. Хотя впервые разграничение между иностранными и заимствованными словами делает Эбель в 1856 году в своей работе «Über die Lehnwörter der deutschen Sprache» [18; 26, с. 4]. В данном случае под словами заимствованными понимаются слова, полностью ассимилированные языком-реципиентом, вошедшие в его лексическую систему, происхождение которых уже давно забыто. Прежде всего, это слова, которые давно вошли в немецкий язык и сильно изменились наряду с исконно немецкими словами: французские заимствования: нем. Abenteuer — франц. aventure, нем. Sekt – франц. vinsec; старые латинские заимствования, например, нем. Fenster — лат. fenestra, нем. Tafel — лат. tabula.

Под иностранными же словами понимаются слова, которые употребляются в речи,

но не являются составной частью лексической системы языка. Это слова, которые имеют недостаток в формальной ассимиляции. Такие слова сохраняют свою иноязычную форму, отличаются от немецких слов ударением или орфографией, например: Salat, Café, Niveau и др. Следует отметить, что, несмотря на то, что данная классификация начинает подвергаться сокрушительной критике уже с середины прошлого века (Крысин Л. П. [12, с. 61; 13, с. 30–34.]; Шахрай О. Б. [14, с. 53–58]; Гранаткина Л. Ю. [4]; Зиндер Л. Р., Строева Т. В. [8] и др.), тем не менее, она успешно используется многими лингвистами (напр., Шестакова Н. А. [15]) на современном этапе. И в самом деле, разделение слов иноязычного происхождения на заимствованные и иностранные ведёт к смешению диахронического и синхронического планов. И если рассматривать с точки зрения синхронии, то заимствованные слова (Lehnwörter), как слова полностью ассимилированные, утратившие свою чуждость, ничем не отличаются от исконно немецкой лексики. И, напротив, с исторической точки зрения нет необходимости разграничивать слова иноязычного происхождения на Lehnwörter и Fremdwörter, так как различия между ними, по сути, имеют место лишь в конкретный момент времени. Таким образом, очень сложно определить объективные критерии для разграничения иностранной и заимствованной лексики, и наш анализ научной литературы выявил многообразие точек зрения на разграничение слов иноязычного происхождения на Lehnwörter и Fremdwörter. Оказалось, что в данном вопросе нет единого мнения учёных. Вопрос о разграничении иноязычной лексики на слова заимствованные и иностранные в целом остаётся открытым, что делает актуальным наше исследование. Далее, в результате анализа научной литературы мы не смогли выявить ни одной формулировки определения «иностранного» слова с психолингвистической точки зрения, что являлось одной из задач нашего исследования. И в данной статье мы даём это определение, согласно которому иностранное слово с психолингвистической точки зрения – это слово, которое большинством носителей языка воспринимается как иностранное, что и было подтверждено нашим исследованием.

А так как одна из проблем нашего эксперимента связана с процессом ассимиляции иноязычной лексики в немецком языке, перейдём далее к рассмотрению данной проблемы. Известно, что ассимиляция является видовым понятием по отношению к родовому понятию – интеграции. Следовательно, данный процесс можно рассматривать как частное проявление интеграции, реализующейся только на уровне собственно заимствований, т. е. кальки как единицы, обладающие формой языка-рецептора, не подвергаются процессу ассимиляции как таковому. Прежде всего, нам необходимо раскрыть понятие ассимиляции. Обратимся к лингвистической литературе, где ассимиляция трактуется как процесс, маркированный в своей временной протяжённости. Это постепенное освоение иноязычных слов средствами языковой системы и, в конечном итоге, включение части из них как полноправных элементов в систему языка-рецептора с присвоением характеристик, свойственных исконным единицам соответствующих классов. С другой стороны, любая из заимствуемых единиц может остаться неосвоенной и «выпасть» из языка-рецептора. Очень часто это выпадение происходит на начальных ступенях заимствования, что свойственно иноязычным вкраплениям. Поиск в рамках нашего исследования показал, что такая адаптация иноязычных лексем к системе заимствующего языка является многоплановой и может быть представлена в виде комплекса отдельных аспектов единого процесса. Исходя из этого, под ассимиляцией понимают усвоение языком заимствуемой лексемы путём максимального приближения её фонетических, графических, грамматических и лексико-семантических характеристик к соответствующим нормам заимствующего языка [5, с. 119].

Следует отметить, что во время процесса адаптации происходит интегрирование заимствований в принимающий язык. Принято считать, что, эволюция заимствований в новой языковой системе происходит в соответствии с законами языка, в который они приходят, на фонетическом, графическом, грамматическом, семантическом и стилистическом уровнях [10, с. 69–78; 3, с. 104]. При этом различают три типа формальной ассимиляции: фонетическую, орфографи-

ческую и грамматическую (морфологическую) [5, с. 12]. Учитывая динамический характер процессов ассимиляции, следует отметить, что степень приближённости слова к системе заимствующего языка в каждый определённый период его существования целесообразно рассматривать как степени ассимилированности этого слова. А так как между первым и вторым типами существует тесная связь, можно говорить о фонографических особенностях освоения. Следует отметить, что все три типа постоянно взаимодействуют друг с другом. Это обусловлено системным характером словарного состава. При этом необходимо учесть следующее: во-первых, оба явления отражают освоение чужой формы в языке-рецепторе. Во-вторых, заметно влияние графической ассимиляции на фонетическую. Это даёт возможность рассматривать их как две стороны одного процесса. Процессы фонетической адаптации протекают на периферии языковой системы, а не в центральной её части. Рассматривая данный вопрос необходимо, по мнению Демьянова [6, с. 11], учитывать следующее: Во-первых, не следует считать фонетические особенности иноязычной лексики признаком неизменным во времени, необходимо учитывать отражение фонетической подсистемы иноязычных слов как стадию их дальнейшей фонетической адаптации. Во-вторых, система языка-рецептора и подсистема иноязычных слов находятся в определённых отношениях взаимосвязи, взаимозависимости. Система довлеет на подсистему, что приводит с течением времени к изменению соотношений между ними. Поэтому усиление внимания к периферийным участкам языковой системы, как указывает Демьянов [6, с. 11], являющимся менее изученными с целью обнаружения там клеток, потенциально возможных к усвоению в системе языка-рецептора, делает нашу статью довольно актуальной.

Мы знаем, что грамматическая и фонетическая оформленность лексики иноязычного происхождения по законам языка-реципиента обязательна для включения её в речь. При этом иноязычная лексика наделяется качествами, необходимыми и достаточными для её функционирования в речи. Но в настоящей статье не рассматриваются все три вида, затрагиваются лишь процес-

сы фонетической ассимиляции, так как нашими основными задачами этого исследования являются: 1) выявление психолингвистического статуса понятий «иностранный язык» и «заимствование»; 2) тенденция процесса распознавания иноязычной лексики носителями языка с психолингвистической точки зрения.

В разных языках пути фонетической ассимиляции проходят по-иному. Это зависит от следующих факторов: 1) от фонетической и фонологической системы языка-реципиента и языка-приёмника; 2) от лексикатора, который поставляет эту лексему; 3) от их соотношения; 4) от носителя самого языка, который может быть настроен на точное воспроизведение языка, а может быть менее настроен на воспроизведение языка; 5) от путей заимствований. Мы знаем, что существуют два пути заимствований: письменный и устный. Если иностранное слово заимствуется письменным путём и при этом алфавиты не совпадают, то происходит транслитерация, т. е. ассимиляция происходит при переложении иностранных слов с одной графической системы в другую. При этом определении роль играет переводчик, который вводит это слово. Если слово приходит устным путём, то звуковой облик в заимствующем языке более близок к звуковому образу языка – оригинала (донора). Например, слово *Manager*, которое сохраняет свой живой облик и имеет в современном русском языке близкое к английскому произношению. Но в письменной речи не каждый носитель русского языка может его прочитать правильно в английской орфографии и это слово даже может быть неузнаваемо, нераспознано. Именно эта проблема тоже находится в центре нашего внимания, а именно разница в заимствованиях устным и письменным путём. В немецком языке, в отличие от русского, этот путь транслитерации не присутствует, т. е. все слова приходят с оригинальной орфографией, или с орфографией языка-донора, за исключением языков, которые имеют другой алфавит, например китайский, японский, русский. В этом случае остаётся проблема реализации слова. В немецкий язык путём заимствований проникают фонемы из других языков. И при этом основное значение имеет частотность фонем. Если слова с такими фонемами употребляются в единичных

случаях, то они имеют небольшую частотность. Та фонема, которая имеет высокую частотность, имеет возможность или перспективу войти в систему немецкого языка, но не в ядро этой системы. Фонемную область языка, в которую могут проникнуть иноязычные фонемы, мы будем обозначать периферийной системой. В данной статье впервые даётся определение периферийной системы. Под периферийной мы понимаем ту систему, которая образуется вокруг основной системы и состоит из тех фонем, не принадлежащих основной системе, которые в заимствованных и иностранных словах имеют высокую частотность в немецком языке. Эта периферийная система немецких фонем зафиксирована в словарях по произношению, где они обозначены транскрипционными знаками. Например, межзубные из английского языка, носовые гласные из французского языка. Этот процесс отражается в современных немецких словарях по произношению: «Grosses Wörterbuch der deutschen Aussprache» [21], «Deutsches Aussprachewörterbuch» [19]. Наряду с этим, значительное количество звуковых особенностей фильтруется, отбрасывается. Так, например, пять вариантов из арабского языка звука «h», которые ассимилируются и дают только один вариант.

Таким образом, анализ формулировок дал нечёткое представление разграничения в сознании носителей языка немецких лексем и заимствований в сфере газетной лексики, позволил судить о некой размытости, что и привело нас к предположению существующих сложностей в выделении носителями языка лексики немецкой и иноязычной, что свидетельствует также об актуальности нашего исследования. Для того чтобы подтвердить такое предположение, был проведён психолингвистический эксперимент.

Для выяснения этого явления из газетного текста немецкой газеты «ZeitOnline» за 01.01.2010 г., состоящего из 2524 слов, были выделены нами, как авторами, занимающимися данной темой, все иноязычные слова. На основании упомянутых выше теоретических критериев и словарей иностранных слов «Grosses Fremdwörterbuch» [22], «Das Fremdwörterbuch» [23], были выписаны иноязычные слова из данного объёма газетного материала. При этом указанном объёме оказалось всего 368 слов (15 %) с именами собственными и 317 слов (12 %) без имён собственных. Затем этот текст был предъявлен семи носителям языка, которые имели различия по возрасту, гендерным признакам и по степени образования. С учётом всех этих критериев, мы получили данные: всего 385 иностранных слов (15 %) с именами собственными и 345 слов (14 %) без имён собственных, и 52 немецких слова (2 %) они приняли как иностранные, которые подверглись нашему анализу. При проведении эксперимента учитывалось, что у носителей языка при выделении иноязычной лексики подход соответствует их статусу как носителей языка, т. е. не исследовательский, что являлось предметом нашего исследования. Наш анализ содержал следующие этапы:

Первый этап. Выделение количества иноязычных слов в данном объёме участниками эксперимента и сопоставление их с количеством иноязычных слов выделенных исследовательским путём. Мы выделили иноязычную лексику, пользуясь этимологией в данном словаре, т. е. словарным способом, лексико-графическим способом при помощи словаря, где указывается язык-источник. В данной таблице приведены данные эксперимента, полученные носителями языка (табл. 1).

Таблица 1

Выделение иноязычной лексики представителями различных групп носителей немецкого языка

№ испытуемого	Возраст	Профессия	Гендерный признак	Всего иноязычных слов		Всего иноязычных слов без имён собственных		Иноязычные имена собственные		Немецкие слова, принятые за иноязычные	
				количество	процент	количество	процент	количество	процент	количество	процент
Первый испытуемый	52	Учитель английского и русского языков	Женщина	262	83 %	235	74 %	27	7 %	-	-

№ испытуемого	Возраст	Профессия	Гендерный признак	Всего иноязычных слов		Всего иноязычных слов без имён собственных		Иноязычные имена собственные		Немецкие слова, принятые за иноязычные	
Второй испытуемый	56	Учитель английского и немецкого языков	Женщина	235	80 %	-	-	-	-	5	0,2 %
Третий испытуемый	53	Учитель немецкого и английского языков	Женщина	270	85 %	241	76 %	29	7,5 %	5	0,2 %
Четвёртый испытуемый	28	Учитель начальных классов	Женщина	146	46 %	-	-	-	-	-	-
Пятый испытуемый	52	Монтажник	Мужчина	114	36 %	-	-	-	-	13	0,5 %
Шестой испытуемый	26	Секретарь	Женщина	23	7 %	-	-	-	-	3	0,1 %
Седьмой испытуемый	52	Механик	Мужчина	293	92 %	259	82 %	34	8,8 %	9	0,4 %

Данные эксперимента показывают, что выделение носителем языка иноязычных слов колеблется в большом диапазоне 58–254 слова. Особенно большое различие касается имён собственных с точки зрения возраста. По возрастным признакам были получены следующие отличия. Наименьшее количество иноязычных слов было опознано испытуемыми младшей возрастной группы, т. е. младшая возрастная группа показала наименьшее количество опознанных иноязычных слов и у них наименьший процент восприятия немецких слов как иноязычных. С точки зрения гендерных различий, данные показали, что испытуемые мужчины выделяли большее количество иноязычных слов и принимали большее количество слов немецких за иноязычные, чем женщины-испытуемые. Мы попытались также выявить закономерность с учётом уровня образования. Оказалось, что испытуемые с высшим образованием показали процент распознавания иноязычных слов выше и в своей массе их данные были однородные, т. е. респонденты с высшим образованием дали однородные показатели и при этом распознавание иноязычных слов оказалось выше. Испытуемые по среднему образованию показали большую разницу данных. И при этом очень маленький процент иноязычных слов принят ими были как иностранные. Испытуемые без высше-

го образования дали довольно противоречивую картину. Разница между их данными составила 46 % иноязычных слов. При этом очень большой процент слов немецкого языка они принимали за иноязычные слова.

Второй этап: Анализ слов, которые были восприняты всеми носителями языка, без исключения, как иноязычные. Например: Establishment, Puzzles, Scanner, Regime, Chomeinismus и другие. Таких слов оказалось 4 %.

На третьем этапе было произведено построение частотного ряда иноязычных слов носителей языка. Мы попытались выстроить частотный ряд иностранных слов, которые были выделены нашими испытуемыми. Нами было получено следующее количество слов, опознаваемых нашими испытуемыми, как иноязычные (рис. 1).

Четвёртый этап. Анализ универсальных слов, т. е. тех слов, которые воспринимались всеми испытуемыми без исключения, как иностранные, в тематическом отношении. Оказалось, что большая часть этих слов относится к компьютерной вычислительной технике и к политической тематике. Это такие слова, например как Nacktscanner, Terahertzscanner, Scanner, Establishment, Puzzles и другие.

Пятый этап. Исследование происхождения этих универсальных слов, т. е. из каких

языков эти слова. Оказалось, что больше всего распознаются как иноязычные слова английские и часть французских слов. А такие языки, как новолатинский, арабский, ита-

льянский, распознаются как иностранные слова в меньшей степени. Результаты исследования данного этапа мы представляем в следующей диаграмме (рис. 2).

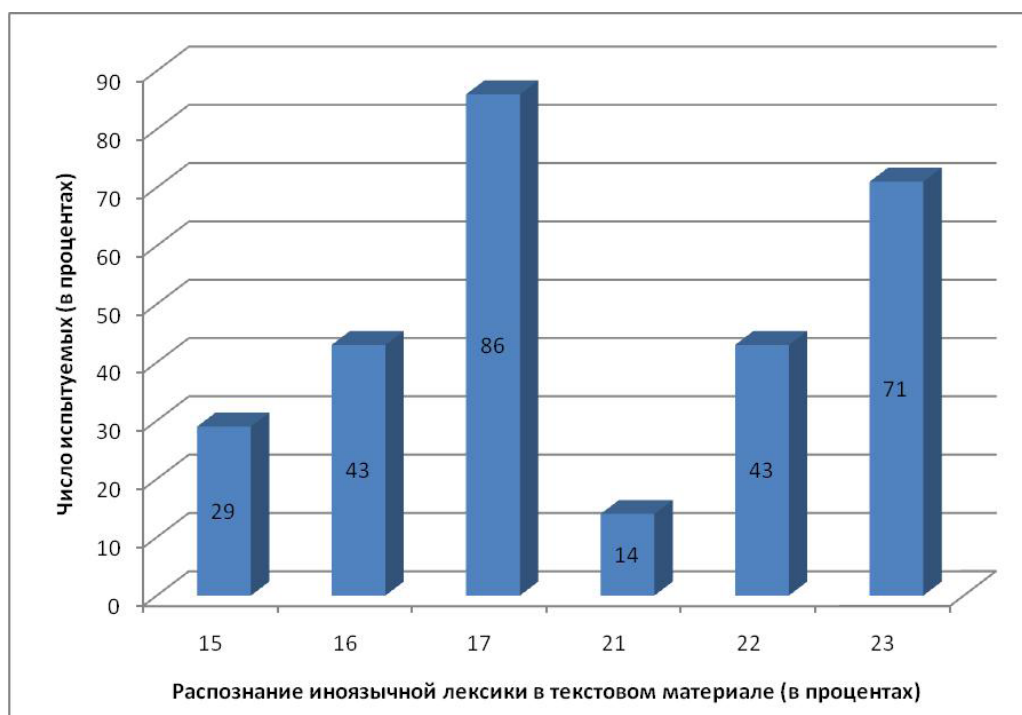

Рис. 1. Количество иностранных слов, выделенных носителями языка

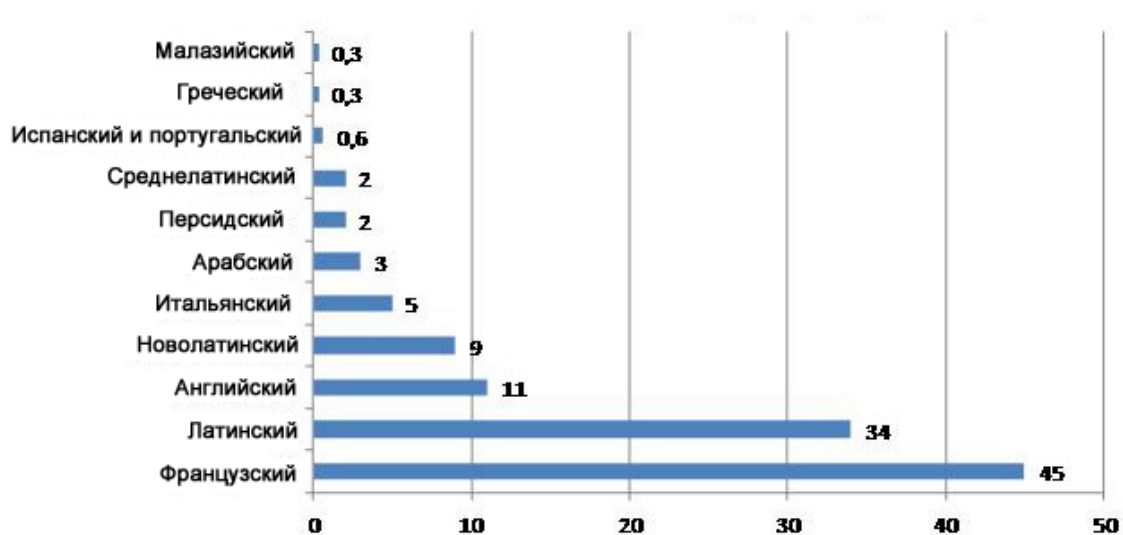

Рис. 2. Процент распознавания иноязычной лексики из различных языков

Таким образом, анализируя данные нашего эксперимента, можно сделать выводы:

1. При выделении носителями языка иноязычной лексики наблюдаются различия по возрасту, гендерным признакам и по степени образования;

2. Четыре процента иноязычной лексики вошли в ответы всех респондентов.

3. Максимальное количество иноязычных слов, распознанных испытуемыми – носителями немецкого языка, составило 23 %, минимальное – 15 % .

4. Большая часть иноязычных слов (4 %), которые распознали все респонденты, относится к компьютерной вычислительной технике и к политической тематике.

5. Больше всего эти «универсальные» иноязычные слова являются заимствованиями из английского и французского языка. В меньшей степени распознаются как иностранные слова из языков: новолатинский, арабский, итальянский.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. М.: Академия, 2007. С. 23.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Ком Книга, 2007. С.151.
3. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов. Вопросы языкознания, 2002. № 4. С. 104.
4. Гранаткина Л. Ю. Основные типы иноязычных слов в немецком языке и их использование в немецкой художественной и публицистической литературе: дис. ... канд. филол. наук. М., 1951. 257 с.
5. Гринёв С. В. Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) // Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1989. С. 119.
6. Демьянов В. Т. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. М.: Наука, 1990. С.11.
7. Зеленин А. В. Типология лексических заимствований в эмигрантской прессе (1919–1939) // Вопросы языкознания. № 1. 2008. С. 85–120.
8. Зиндер Jl. P., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М.: Изд-во литературы на иностранных языках. 1957. 418 с.
9. Ерофеева И. В. Общее языкознание. М.: Флинта; Наука, 2001. С. 489.
10. Кимягаров Р. С. Типы и виды адаптации заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII–XX вв.) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1989. № 6. С. 69–78.
11. Коротких Ю. Г. Коллоквиализмы-заимствования в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.04). М., 1974. С. 12.
12. Крысин Л. П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 104–116.
13. Крысин Л. П. Лексическое калькирование и заимствование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 30–34.
14. Шахрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики // ВЯ. 1961. № 2. С. 53–58.
15. Шестакова Н. А. Проблемы ассимиляции слов иноязычного происхождения в русском языке: дис ... канд. филол. наук. Л., 1973. 189 с.
16. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 4–34.
17. Akmajian A. Linguistics. An introduction to language and communication. The MIT Press. 2001. P. 619.
18. Ebel Hermann. 1856. Über die Lehnwörter der deutsche Sprache. Trowitzsch, Berlin 1856. P. 216.
19. Eva-Maria Krech, Eberhard Stock, Ursula Hirschfeld, Lutz Christian Anders. Deutsches Aussprachewörterbuch. Walter de Gruyter. Berlin. New York. 2009. P. 1076.
20. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1995. P. 61–68.
21. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1982. P. 599.
22. Duden. Das große Fremdwörterbuch. Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter. / Hrsg. u. bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim, 2007. P. 832.
23. Duden. Fremdwörterbuch/hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 6., auf der Grundlage der amtlichen Neuregelung der deutschen Rechtschreibung Überarb. und erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1997. P. 864.

24. Kettemann B. Anglizismenallgemein und konkret: Zahlen und Fakten: in: EUROSPEAK – der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende, hg. von B. Kettemann und R. Muhr, Wien 2002. P. 56–57.
25. Longman dictionary of contemporary English/ [director, Delia Summers]. Longman, 2005. P. 164.
26. Scherer K. Vom Fremdwort zum Lehnwort: Eine Untersuchung zur morphologischen Anpassung im Gegenwartsdeutschen, Mainz, Johannes Gutenberg-Universität, 2000. P. 220.

References

1. Alefirenko N. F. Teorija jazyka. Vvodnyj kurs. M.: Akademija, 2007. S. 23.
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Kom Kniga, 2007. S. 151.
3. Volodarskaja Je. F. Zaimstvovanie kak otrazhenie rusko-anglijskikh kontaktov. Voprosy jazykoznanija, 2002. № 4. S. 104.
4. Granatkina L. Ju. Osnovnye tipy inojazychnyh slov v nemeckom jazyke i ih ispol'zovanie v nemeckoj hudozhestvennoj i publicisticheskoj literature: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1951. 257 s.
5. Grin'ov S. V. Terminologicheskie zaimstvovanija (kratkij obzor sovremennogo sostojanija voprosa) // Lotte D. S. Voprosy zaimstvovanija i uporyadochenija inojazychnyh terminov i terminojelementov. M.: Nauka, 1989. S. 119.
6. Dem'janov V. T. Fonetiko-morfologicheskaja adaptacija inojazyčnoj leksiki v ruskom jazyke XVII veka. M.: Nauka, 1990. S. 11.
7. Zelenin A. V. Tipologija leksicheskikh zaimstvovanij v jemigrantskoj presse (1919–1939) // Voprosy jazykoznanija. № 1. 2008. S. 85–120.
8. Zinder JI. R., Stroeve T. V. Sovremennyj nemeckij jazyk. M.: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah. 1957. 418 s.
9. Erofeeva I. V. Obshhee jazykoznanie. M.: Flinta; Nauka, 2001. S. 489.
10. Kimjagarov R. S. Tipy i vidy adaptacii zaimstvovannoj leksiki v ruskom jazyke novogo vremeni (XVIII–XX vv.) // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 1989. № 6. S. 69–78.
11. Korotkih Ju. G. Kollokvializmy-zaimstvovanija v sovremennom nemeckom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (10.02.04). M., 1974. S. 12.
12. Krysin L. P. K opredeleniju terminov «zaimstvovanie» i «zaimstvovannoe slovo» // Razvitie leksiki sovremennogo russkogo jazyka. M.: Nauka, 1965. S. 104–116.
13. Krysin L. P. Leksicheskoe kal'kirovanie i zaimstvovanie v ruskom jazyke poslednih desjatiletij // Voprosy jazykoznanija. 2002. № 2. S. 30–34.
14. Shahraj O. B. K probleme klassifikacii zaimstvovannoj leksiki // VJa. 1961. № 2. S. 53–58.
15. Shestakova N. A. Problemy assiljacji slov inojazychnogo proishozhdenija v ruskom jazyke: dis ... kand. filol. nauk. L., 1973. 189 s.
16. Haugen Je. Process zaimstvovanija // Novoe v lingvistike. M.: Progress, 1972. Vyp. 6. S. 4–34.
17. Akmajian A. Linguistics. An introduction to language and communication. The MIT Press. 2001. P. 619.
18. Ebel Hermann. 1856. Über die Lehnwörter der deutsche Sprache. Trowitzsch, Berlin 1856. P. 216.
19. Eva-Maria Krech, Eberhard Stock, Ursula Hirschfeld, Lutz Christian Anders. Deutsches Aussprachewörterbuch. Walter de Gruyter. Berlin. New York. 2009. P. 1076.
20. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1995. P. 61–68.
21. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1982. P. 599.
22. Duden. Das große Fremdwörterbuch. Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter. / Hrsg. u. bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim, 2007. P. 832.
23. Duden. Fremdwörterbuch/hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 6., auf der Grundlage der amtlichen Neuregelung der deutschen Rechtschreibung Überarb. und erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1997. P. 864.
24. Kettemann B. Anglizismenallgemein und konkret: Zahlen und Fakten: in: EUROSPEAK – der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende, hg. von B. Kettemann und R. Muhr, Wien 2002. P. 56–57.
25. Longman dictionary of contemporary English/ [director, Delia Summers]. Longman, 2005. P. 164.
26. Scherer K. Vom Fremdwort zum Lehnwort: Eine Untersuchung zur morphologischen Anpassung im Gegenwartsdeutschen, Mainz, Johannes Gutenberg-Universität, 2000. P. 220.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос)

Игорь Анатольевич Голованов,
доктор филологических наук, доцент,
Челябинский государственный педагогический университет
(Челябинск, Россия), e-mail: ligol@csu.ru

Художественный текст А. Платонова сквозь призму реальной и фольклорной истории

В статье раскрываются особенности соотношения реального и фольклорного хронотопов в художественном тексте А. Платонова. На примере рассказа «Иван Жох», в центре внимания которого находится пугачёвский бунт и феномен самозванства в русской истории, сопоставляются исторический и фольклорный контексты художественного произведения. Утверждается, что писатель – в отличие от своих предшественников – предпринял попытку образно-интуитивного осмысления царя и «народного заступника» через обращение к традиционным мифологическим схемам и мотивам. Делается вывод, что в рассказе развенчивается призрачность социально-утопических представлений народа о «далёкой земле». По мнению Платонова-художника, истинное обретение смысла исторического развития возможно лишь через обретение сознания: дорога к счастью лежит через ленинскую Москву, где строится общество социальной справедливости и гармонии.

Ключевые слова: А. Платонов, художественный текст, фольклорный мотив, русская история, хронотоп, социально-утопические представления народа, образ «царя-избавителя» и «народного заступника».

Igor Anatol'evich Golovanov,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Chelyabinsk State Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: ligol@csu.ru

A. Platonov's Artistic Text through the Prism of Real and Folk History

The article reveals the features of correlation between the real and the folk art chronotopes in A. Platonov's artistic text. By the example of the story *Ivan Zhokh*, which focuses on Pugachev's riot and the phenomenon of imposture in the Russian history, historic and folklore art work contexts are being contrasted. It is stated that the writer has made an attempt of figurative-intuitive understanding of the tsar and the 'people's defender' through the appeal to traditional patterns and mythological motives. It is concluded that the story dethrones the illusiveness of socio-utopian views of the people of the 'distant land'. In Platonov's opinion, the true understanding of the meaning of historical development is possible only through finding consciousness: the road to happiness lies through Lenin's Moscow, where the true society of social justice and harmony is being built.

Keywords: A. Platonov, artistic text, folklore motive, Russian history, chronotope, socio-utopian views of the people, the image of the 'tsar-redeemer' and 'people's defender'.

Своеобразие соотношения реального и фольклорного хронотопов у Платонова наиболее наглядно предстаёт в рассказе «Иван Жох», в центре внимания которого находится народный бунт и феномен самозванства в русской истории. Первоначальный замысел был значителен – обратиться к пугачёвскому восстанию и на основе этого материала создать роман. Подготовка к роману велась целенаправленно, но в процессе работы писательский замысел трансформировался, и в итоге у Платонова вышел не роман, а лишь его фрагмент в форме рассказа. При этом в центре повествования – не «исторический» Емельян Пугачёв, а некий Иван Жох.

Отказ от образа Пугачёва в качестве центрального персонажа, помимо вероятных технических причин, скорее всего, имел концептуальный характер: наличие действующего героя без прямой отсылки к историческому прототипу, а точнее – к историческому имени, открывал перед писателем большую свободу для воплощения авторского замысла. И как бы ни было различным изображение народного восстания у Пушкина и Платонова, диалог последнего со своим великим предшественником, безусловно, вёлся на страницах рассказа «Иван Жох». В статье о творчестве А. Пушкина и Н. Островского, размышляя о двух различных эпохах, А. Платонов писал: «Целые страны и народы двигались во време-

ни, точно в сумраке, механически, будто в сновидении, меняя свои поколения, переживая и трагические периоды и периоды относительного спокойствия, но ни разу – вплоть до социалистической революции – не испытав коренного изменения своей судьбы» [5, с. 180]. Ещё ранее в статье «Пролетарская поэзия» (1922) Платонов сформулировал этот важный для себя принцип понимания истории и обретения истины: «Историю мы рассматриваем как путь от абстрактного к конкретному, от отвлечённости к реальности, от метафизики к физике, от хаоса к организации» [5, с. 44].

Хронотоп рассказа задан движением жизни героев от Москвы эпохи XVIII века до Москвы XX столетия. Географически это одна и та же точка, но семантические различия огромны. Неизменным в образе Москвы остаётся ценностный мир, который определяет доминанту места (идея столицы). Однако для А. Платонова важнее исторически обусловленная трансформация екатерининской Москвы, где «благочестия нету» [6, с. 67], в Москву Ленина – город, очаровавший героев «неимоверной жизнью, цветущей уже второй год» [6, с. 78]. Дорога к городу счастья и справедливости, «опоньской стране на Беловодье», в прежние эпохи истории России лежала через Урал, на восток, в неведомые края, где «богатые земли пустыми лежали» [6, с. 66]. Этот поиск опоньского (японского) царства, или страны Беловодья, вывел русских казаков-старообрядцев на берега Тихого океана. Мечты об идеальной земле породили в народе многочисленные легенды и предания об этих поисках и их результатах.

Имя героя рассказа, как и в других произведениях Платонова, значимо, наполнено смыслом. В словаре В. И. Даля рядом с нарицательным словом, от которого образовано прозвище, даётся следующее толкование: «Жехъ, жохъ м., тул. край, кромка, ребро, грань || *твр.* бранно: мужикъ, сЪрякъ, вахлакъ, смурый, чёрный и грубый мужланъ || *арх.* шутч. старожилъ, родовичъ, коренной, природный житель. || *кал.* жуликъ, плуть, вориска, карманникъ. || Тёртый, бывалый, закалённый, опытный дока и наглый плут» [2, с. 536]. Как видим, в русском языковом сознании **жох** связан не только с топосом «края, предела», но и с представлениями об «опытности, бывалости» человека вплоть до таких особенностей его поведения, как наглость и

плутовство. Сравните комментарий к этому слову в толковых словарях XX века: «прост. о ловком в делах или прижимистом человеке» [9, с. 488]; «вероятно, связано с глаголом *жечь, жзу*, ср. *обжигать* ‘обманывать, обсчитывать’, *выжига* ‘плут, мошенник’» [10, с. 237]. Приведённые значения оказываются в разной степени актуализированными в рассказе: «он выходил похожим на крестьянина», глаза его «чёрные с притаённой хитрецой, в которых светился отменный характер» [6, с. 65]. В целом описание внешнего облика Ивана Жоха даётся в русле двух традиций – книжной и фольклорной. Его можно сравнить с летописным образом Никиты Кожемяки: «был он среднего роста» [4, с. 139] – или мужицким царём в «Истории Пугачёва» А. С. Пушкина: «Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав, чёрная борода его начинала седеть» [8, с. 25] (не менее выразительный и одновременно традиционный портрет будущего самозванца дан и в «Капитанской дочке»). Для нас важно подчеркнуть, что штрихи в описании исторического персонажа подчинены общему стремлению автора показать, что в русской истории до XX века не было вполне осознанного вектора движения, отсутствовали условия для коренного изменения несовершенства мира.

При первом появлении платоновского героя мы узнаём его истинное имя (Иван Прохоров) и цель – выяснить, не покарает ли царица «просочившихся людей» [6, с. 65]. После получения «разрешительной выписи» герой начинает свои странствия по Руси: «Думал он пробраться на Зауралье, – там богатые земли пустыми лежали, – чтобы основать целый раскольничий край». Так, постепенно в повествование входит традиционный легендарный мотив «далёкой земли» – Беловодья (см. [11]). Названный фольклорный мотив, отсылая читателя к поэтическому образу страны благополучия, всегда противопоставленному реальному положению дел, позволяет А. Платонову избежать подробной характеристики времени и места происходящих событий: «Народ же всюду говорил одно, что время беспокойное и скорбно чересчур» [6, с. 66]. Писатель передаёт ощущение запустения и безысходности, которое и рождает потребность в «избавителе». Фольклорный мотив возвращения избавителя, «народного заступника» дополнительно подкрепляется в тексте рассуждениями мужиков о том, что правит «не

истинный государь», а баба – «полчеловека всего» [6, с. 66]. Такова экспозиция рассказа. Дальнейшее развитие сюжета связано с развёртыванием темы царя-самозванца/разбойника. Эта тема в творчестве А. Платонова постепенно обретала определённые очертания. Так, в нескольких стихах из сборника «Голубая глубина», датированных 1921 годом, мы видим своеобразные поиски героя эпохи. В стихотворении «Небоверху голубое...» лирический герой соотносит своё внутреннее мироощущение и переживания с двуединым «царём и разбойником» [6, с. 473], а в стихотворении «Сказка» строки: *Мальчик вырос в атамана, Сжѣг деревню, мать-отца И ушѣл на лодках рано У земли искать конца* [6, с. 475] – предлагают ещё один вариант обретения героем своего предназначения («восстановление утраченной справедливости»). В этом также усматривается авторская отсылка к социально-утопическим представлениям русского народа, наиболее полно и глубоко отражённым в фольклорных легендах о «царе-избавителе» и «народном заступнике» (см. [11]).

Если у Пушкина в «Капитанской дочке» представлено максимально «историзованное» художественное исследование взаимоотношений народа и власти, народа и дворянства, то Платонов избирает совершенно другой путь – путь мифологизации, т. е. делает попытку образно-интуитивного осмысления «народного заступника», через обращение к традиционным мифологическим схемам. Особенности мифологического моделирования образа царя/народного заступника на материале фольклора, в частности уральских преданий и легенд, описаны достаточно подробно (см. [1; 3]). Народ, по Платонову, *возвышает* героя от неразвитости собственного сознания – и это ещё одна ключевая тема платоновской прозы 1920-х годов. Главный персонаж рассказа поддаётся на уговоры купцов изменить маршрут и отправиться на Яик, объявив себя государем Петром III: «...прими ты на себя это звание и поди к раскольникам на Яик. Обещай казакам вольность и свободу, и награждение по 12 рублей на человека <...>. Благодетеля ж нету в Москве – горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье» [6, с. 67].

Важный этап конструирования образа царя/народного заступника связан с реализацией мотива узнавания. Иван Жох какое-то время «жил молча», но в определённый

момент решил реализовать задуманное. Эпизод узнавания решен в фольклорных традициях, с буквальным цитированием пушкинских и легендарных текстов: казачий староста Денис Пьяных «заметил у Жоха на теле какие-то знаки и щербинки от старых ран» [6, с. 69]. Сомнения и недоверие старосты очень быстро сменились верой в истинность государя: «после бани Пьяных просил прощения у Жоха за обращение с ним, как с простым человеком» [6, с. 69]. По законам устного народного творчества, мотив узнавания в рассказе троекратно: «Однажды Жох ходил по иргизскому базару и пробовал на возах рыбу за мякоть» [6, с. 69]. Через безымянные реплики на базарной площади Платонов передаёт многоголосицу мнений людских (царь – не царь, Пётр Фёдорович – поселенец): «Говорят, это царь будто! Рыбу щупает: постную пищу уважает!» – «Какой такой царь? У нас теперча царица! А Пётр Фёдорович, что на Яике жил – того в Москве нововерцы угомонили! Это не царь – эт так: хозяин-поселенец». – «Ну вот поселенец, тебе говорят царь! По обличью и хватке видать! Другой бы не осмелился рыбу даром щупать! А то вишь и цены не спрашивает, а прямо-таки берёт!» [6, с. 70]. Третий эпизод узнавания связан с мотивом испытания женщиной, после того как Жох перебрался в уральский посёлок Аушин: «Ежели он царь – его баба не возьмёт: он целому народу супротивиться может!» [6, с. 71]. И вновь возникающие сомнения отмечаются самим же народом: «Так он же царь – человек невероятный!»

Как и в народной прозе, дальнейшее повествование у Платонова опирается на традиции мифологического моделирования образа исторического персонажа – через осуществление им функций царя-«избавителя». Набор этих функций в фольклоре устойчив: одаривание («А я дарю моему народу всю землю и реки, соляные озёры, лесные гущи и старинную веру и прочую вольность» [6, с. 73]); военное предводительство («Впереди на донском жеребце ехал Жох – шапка красная, борода серебристая, очи мудрые, слово протяжное: степной русский царь» [6, с. 74]); мудрый суд (в эпизоде ухода за Урал, в Сибирь).

Вместе с тем воспроизведение традиционных мифо-фольклорных схем и моделей у Платонова не приводит к созданию идеального образа царя/народного заступника. Целый ряд деталей, сюжетных характери-

стик формирует в сознании читателя ощущение «ложности», «мнимости» героя, его целей и судьбы. Решение Ивана Жоха объявить себя государем не было естественным развитием его собственных духовных устремлений, а связано с потребностью использовать жизненную ситуацию: «Дай, – думал, – я себя жирной жизнью угощу – раз она обнаружилась!» [6, с. 72]. Введение в текст топонима *Аушин* вольно или невольно обращает читателей к теме «края, предела», странничества и первых русских землепроходцев, к освоению северо-восточных окраин России. Аушин в русской истории – название камчадальского селения, на месте которого в 1740 году возник Петропавловский острог (ныне Петропавловск-Камчатский). С ним были связаны первые попытки достичь восточного побережья Сибири и Тихого океана. В платоновской версии Аушин – это уже не тот «неведомый край земли», продвижение к которому может прибавить доблести и уважения, а важный элемент хронотопа, подчёркивающий несовпадение ожиданий раскольников и казаков: перед ними «герой», открывающий уже давно открытые дали. Этим образом Платонов подводит читателей к мысли, что истинное обретение смысла жизни возможно лишь через обретение сознания.

Есть ещё одна «червоточина», связанная с образом Ивана Жоха. Она открылась во время пребывания героя в раскольничьем Иргизе: «сведущий знахарь, попытает Жоха за живот, почуял, что в пузе у него завелась змея, которая ночью ползает и нахальничает по всему нутру» [6, с. 70]. Здесь реализован один из традиционных мифо-фольклорных мотивов – мотив змеи/червя, появление которого в творчестве Платонова не случайно. В одной из своих ранних статей писатель утверждает: «человек вышел из червя» [7, с. 88], и этот тезис явно восходит к библейскому источнику: «Тем менее человек, [который] есть червь...» (Иов. 25, 6). Очевидно, что в Библии человек сравнивается по своему ничтожеству с червем. Истинная «ничтожность» личности обнаруживается у Ивана Жоха. Другой возможный ход размышлений писателя связан с мотивом наказания героя за ослушание, за неправедность дел, с выражением презрения и отвращения к нему, поскольку червь служит образом вечной смерти и вечного мучения (Ис. 66: 24).

Пятая глава повествования продолжает тему противопоставления жизни «мнимой», бессмысленной и смутной с «неимоверной жизнью, цветущей уже второй год» [6, с. 78]. Эта новая, настоящая жизнь зародилась в Москве после 1917 года. Через север в районе устья Оби «пять красно-зелёных партизан» решают пробраться в Москву, «к Ленину в соседи». Платонов вновь обращается к мысли о неосознанности своей судьбы героями, заплутавшими в тайге, где «природа не шевелится», а путников окружают «бессмысленные роскошные ландшафты» [6, с. 77]. Обессилевший герой (как это часто бывает у Платонова) находится между жизнью и смертью и мечтает только об одном: «Как, действительно, хорошо перемешаться с сырой старой землёй и застлаться вечным забвением!» [6, с. 78]. Герои оказываются в ситуации, подобной сказочному инициальному переходу, т. е. умиранию в одном качестве и возрождению в другом. Происходящее с ними можно обозначить как обретение себя (=идентификация): «Утром нас так пробрал холод, что мы сразу стали людьми и вспомнили всю свою биографию» [6, с. 78].

В сказочной традиции описан эпизод встречи со стариком «в длинной холстинной рубашке и без порток»; в поэтике легенды изображён «каменный вечный невозможный город» [6, с. 78]. Переправа на лодке, на дно которой поставлены деревянные ведра с сытной пищей, отсылает к похоронному обряду, так же как и «безвозвратное путешествие» к Ледовитому океану. Подобные апелляции к фольклорным универсалиям позволяют автору генерализовать мысль о нереальности, призрачности «надменного и задумчивого» города, напоминающего своей архитектурой ионическую культуру далёкого, давно умершего прошлого. В этом легендарном утопическом мире нет женщин (для Платонова женщина-мать – обязательный элемент мира). В рассказе попутчика-проводника Кузьмы Сорокина, оформленном как вставной эпизод, происходит окончательное развенчание утопической идеи раскольников о «далёкой земле». Вечный Град-на-Дальней реке стал миром «большого достатка и благополучия», «царством покойного богатства и сытой жизни», т. е., по сути, миром мёртвых, а не живых. «Наверно, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда

исконных раскольничьих людей? <...> Всё прочее – вера в правильность двуперстного сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое – было так, лишь для признака дружной хозяйственной жизни» [6, с. 81].

Кузьма Сорокин, как и Иван Жох, совершает неправильный выбор, он из тех, кому так и не открылся «всеобщий исторический смысл жизни», – отправляется из Вечного Града «через Архангельск на юг – к генералу Деникину! Драться с красными» [6, с. 81]. Финал жизни Сорокина предопределён: его убил «таманский командир в камере армавирской тюрьмы в 1920 году» [6, с. 82]. С этой смертью завершается линия Ивана Жоха и его потомков, последователей – тех, кто жил ложной идеей стремления к достатку и благополучию, поэтому и не смог достичь истины. Игумен Георгий, посвятивший жизнь философским поискам, всего лишь «случайность, так сказать жемчужина мечты в том царстве покойного богатства и сытой жизни, что вы прозвали вечным

Градом-на-Дальней реке» [6, с. 81]. Можно предположить, что именно Алексей, от лица которого ведётся повествование, должен был стать тем, кому открылось, по Платонову, «коренное изменение своей судьбы».

Думается, что открытый финал рассказа «Иван Жох» обусловлен не столько незавершённостью замысла автора, сколько непреодолимостью задач, которые возникли перед писателем и мыслителем: раскрыть сложные закономерности исторического развития России, выяснить его мотивы и движущие силы. В целом, несмотря на сюжетную открытость платоновского произведения, его вполне можно рассматривать как художественно самодостаточное, идейно и содержательно исчерпанное – в связи с наличием устойчивого образно-смыслового ядра, воплощением актуальных для писателя идей, что проясняется в процессе последовательного филологического анализа художественного текста.

Список литературы

1. Голованов И. А. Мифологическое моделирование образов «народного заступника» и царя в сказочной прозе Урала // Русское литературоведение в новом тысячелетии: материалы I Междунар. науч. конф.: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 39–48.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. 699 с.
3. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 228 с.
4. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. / сост. и общ. ред. Д. С. Лихачёва и Л. А. Дмитриева. М.: Худож. литература, 1978. 457 с.
5. Платонов А. Возвращение / предисл. С. Залыгина; коммент. Н. Корниенко. М.: Молодая гвардия, 1989. 207 с.
6. Платонов А. Усомнившийся Макар: рассказы 1920-х годов; стихотворения / вступ. ст. А. Битова. М.: Время, 2009. 656 с.
7. Платонов А. Чутьё правды / сост. В. А. Верин. М.: Сов. Россия, 1990. 462 с.
8. Пушкин А. С. История Пугачёва / вступ. ст. и примеч. В. И. Коровина. М.: Сов. Россия, 1983. 136 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
11. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.

References

1. Golovanov I. A. Mifologicheskoe modelirovanie obrazov «narodnogo zastupnika» i carja v neskazochnoj proze Urala // Russkoe literaturovedenie v novom tysjacheletii: materialy I Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t. M., 2002. T. 1. S. 39–48.
2. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. T. 1–4. M.: Russkij jazyk, 1989. T. 1. 699 s.
3. Krinichnaja N. A. Russkaja narodnaja istoricheskaja proza: Voprosy genezisa i struktury. L.: Nauka, 1987. 228 s.
4. Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Nachalo russkoj literatury. XI – nachalo XII v. / sost. i obshh. red. D. S. Lihachjova i L. A. Dmitrieva. M.: Hudozh. literatura, 1978. 457 s.
5. Platonov A. Vozvrashhenie / predisl. S. Zalygina; komment. N. Kornienko. M.: Molodaja gvardija, 1989. 207 s.
6. Platonov A. Usumnivshijsja Makar: rasskazy 1920-h godov; stihotvorenija / vstup. st. A. Bitova. M.: Vremja, 2009. 656 s.
7. Platonov A. Chut'jo pravdy / sost. V. A. Verin. M.: Sov. Rossija, 1990. 462 s.
8. Pushkin A. S. Istorija Pugachjova / vstup. st. i primech. V. I. Korovina. M.: Sov. Rossija, 1983. 136 s.
9. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. T. 1. M.: Russkij jazyk, 1981. 698 s.
10. Tolkovyy slovar' russkogo jazyka s vključenijem svedenij o proishozhdenii slov / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 s.
11. Chistov K. V. Russkaja narodnaja utopija (genezis i funkcii social'no-utopicheskikh legend). SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 540 s.

Статья поступила в редакцию 24.10.2012

УДК 811.111
ББК (Ш) 81

Анна Александровна Иванова,
кандидат филологических наук,
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия), e-mail: ivanovana74@gmail.com

Интенция побуждения в английских высказываниях о мечте¹

В статье рассматриваются способы экспликации интенции побуждения на материале английских высказываний о мечте известных людей, проживающих на территории Великобритании. В качестве адресата в нашем исследовании выступает массовый реципиент, неконкретизованный, обобщённый. Изучение интенции побуждения в рамках нашего исследования представляет особый интерес, поскольку мечта является одним из ключей к пониманию морально-нравственных ценностей внутреннего мира человека как представителя английской лингвокультуры. Интенция побуждения раскрывается через анализ соответствующей стратегии и тактик её реализации. В статье использованы методы, характерные для современной коммуникативной методологической парадигмы: синхронное лингвистическое описание, применяемое при отборе, систематизации и описании эмпирического материала; лингвистическое и социокультурное моделирование; а также приёмы наблюдения, интерпретации, систематизации, классификации и приёмы прагматического описания.

Ключевые слова: коммуникация, интенция, высказывание, стратегия, тактика.

Anna Aleksandrovna Ivanova,
Candidate of Philology,
Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: ivanovana74@gmail.com

The Incentive Intention in the English Statements about Dream

This article deals with the ways of explication of the incentive intention in the English dream utterances of the famous people who are the citizens of Great Britain. The addressee within the frameworks of our research is the mass recipient. It's very important to study the intention of incentive in this paper as a dream is a key to the understanding of moral and ethical values of the representatives of English culture. The intention of incentive is revealed through the corresponding strategy and tactics of its realization. The methods employed in the article are synchronous linguistic description, linguistic and socio-cultural modeling, and also techniques of observation, interpretation, systematization, classification and pragmatics description.

Keywords: communication, intention, utterance, strategy, tactics.

Коммуникативная интенция в высказываниях – это намерение автора донести истинную цель своего высказывания. В рамках нашего исследования рассматриваются высказывания о мечте британских писателей, поэтов, журналистов, учёных и других видных представителей искусства и культуры XX–XXI веков, извлеченные из интернет-источников.

В лингвистику понятие интенции было введено последователями английского логика Джона Остина, одного из создателей классической теории речевых актов, для достижения большей точности в описании

иллокуции и иллокутивной функции – второго уровня анализа высказывания. В появившихся с тех пор определениях интенции обращается внимание на различные её аспекты.

Как обоснованно отмечает М. Л. Макаров, коммуникативные интенции являются отправным пунктом всего процесса общения [7, с. 62]. При этом интенциональность присутствует даже тогда, когда партнёр, которому адресовано то или иное намерение, не реагирует на посыл или интерпретирует его иначе, чем отправитель [9, с. 77].

¹ Статья издаётся при финансовой поддержке гранта No.14.B37.21.0713 Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

О. С. Ахманова приводит определение, согласно которому интенция понимается как потенциальное или виртуальное содержание высказывания. В этом определении интенция противопоставляется актуальному или высказанному содержанию [3, с. 250].

В существующих определениях интенции акцентируются её различные аспекты. «Согласно теории значения П. Грайса, коммуникативное намерение говорящего необязательно должно выражаться эксплицитно, чтобы быть правильно понятым адресатом. В то же время для распознавания этого намерения адресату недостаточно только языковых знаний, обеспечивающих понимание буквального значения высказывания, – необходимо также знание контекстных условий реализации высказывания и другие виды «прагматического» знания, вовлечённые в процесс «исчисления» коммуникативного значения» [5, с. 42].

Поскольку любая коммуникация стратегична, то наличие стратегии предполагает реализацию глобальной коммуникативной цели. Основным принцип стратегического подхода заключается в отборе наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации. При этом стратегический подход ориентирован не на последовательный анализ отдельных уровней языка – от синтаксиса к прагматике, от понимания слов к последовательностям предложений, а на комплексность описания.

Коммуникативные стратегии представляют собой прагматическую категорию, позволяющую адресанту управлять сознанием адресата максимально гибким и эффективным способом. Подобный контроль возможен благодаря когнитивной способности стратегий моделировать картину мира потенциального реципиента.

Рассматриваемую в статье стратегию побуждения реализуют не отдельные языковые средства, а целый комплекс подобных средств.

Стратегия побуждения, будучи сложным коммуникативно-языковым феноменом, реализуется через частные стратегии, эффективное комбинирование которых способствует достижению успешности высказывания. В свою очередь, каждая частная стратегия реализуется через целый инвентарь коммуникативных тактик.

Стратегия побуждения распадается на следующие частные стратегии:

1. Стратегия побуждения мечтать направлена на призыв к человеку мечтать, строить планы на будущее через мечту. Именно мечты позволяют реализовывать всё задуманное и достичь желаемого.

В рамках *стратегии побуждения мечтать* реализуются следующие тактики:

• **Тактика усиления**

Призывая мечтать, авторы многих высказываний используют различные конструкции-интенсификаторы. Цель использования подобных средств заключается в привлечении внимания собеседника к своим мечтам, желаниям и мыслям.

Как пишет С. А. Андросова, «интенсивность предстаёт как отражение усиленной (интенсификация) или ослабленной (деинтенсификация) степени проявления качественного признака величин, сравниваемых через общий эталон, то есть рассматривается как количественная характеристика экспрессивности» [1, с. 39].

В высказываниях о мечте, отнесённых к тактике усиления, наиболее ярко проявляется черта английского национального стиля – эмотивность, которая заключается в широком использовании в речи эмоционально нагруженной лексики и прилагательных в превосходной степени. Эмотивность, по мнению Т. В. Лариной, является важнейшей чертой английского национального коммуникативного стиля [6].

Среди *морфологических средств* усиления можно выделить использование *частицы too* («слишком», «чересчур»).

*You are never **too** old to set another goal or to dream a new dream* (C. S. Lewis).

Основная прагматическая цель, передаваемая частицей *too* в высказывании, – это выражение мысли о том, что возраст не должен препятствовать мечтам.

Использование *превосходной степени прилагательного* является ещё одним морфологическим способом выражения интенсификации. Например:

*The **best** reason for having dreams...* (Ashleigh Brilliant).

*The **saddest** thing I can imagine is to get used to luxury* (Charlie Chaplin).

К этой группе средств, способствующих усилению смысла высказывания, можно отнести слова-интенсификаторы (*greatly, simply*).

Например:

*If you **greatly** desire something... (Brendan Francis).*

Функция подобных лексем в первую очередь заключается в интенсификации экспрессивной окраски высказывания.

К усилению прагматики высказывания относятся также слова и словосочетания, выражающие экстремальные понятия категорий времени (*always, ever, anymore*), пространства (*everywhere*), количества (*whole, all, the only, everything*) и др.

Например:

*He felt that his **whole** life was some kind of dream... (Douglas Adams).*

*Dreaming is an act of pure imagination, attesting in **all** men a creative power... (H. F. Hedge).*

*There just doesn't seem to be a market for something with aspiration **anymore** (Tom Courtenay).*

К синтаксическим средствам усиления относятся синтаксические конструкции, способствующие подчёркиванию, выделению значения качества и тем самым интенсифицирующие оценочные значения.

Неукротимое желание авторов заставить мечтать подчёркивается, например, *инверсией* в утвердительном предложении:

*In dreams **begins responsibility** (William Butler Yeats).*

Вынесение в начало высказывания наречий усиливает его эмоциональную насыщенность, способствует выделению, усилению экспрессии, выражаемой этими языковыми единицами. Например:

***Only** in our dreams are we free... (Terry Pratchett).*

Стремление придать речи некую интенсивность может объясняться желанием сделать речь эмоционально насыщенной.

•Тактика призыва

Одной из важнейших черт английского вербального коммуникативного поведения и коммуникативного сознания признаётся коммуникативная неимпозитивность, проявляющаяся в первую очередь в ограничении использования императива. Подобная тенденция связана с такими английскими коммуникативными ценностями, как автономия личности (*privacy*) и относительно небольшая вертикальная дистанция.

В нашем исследовании всё же встретились императивные высказывания англо-

язычных авторов о мечте. Использование повелительных конструкций можно объяснить с точки зрения темпоральной (проспективной) направленности исследуемых высказываний: обозначаемое императивом действие обычно относится к плану будущего, в отвлечённом значении имеет вневременной характер. Например:

*If you want a vision of the future, **imagine** a boot stamping on a human face – forever (George Orwell).*

Более того, употребление императива может объясняться характером исследуемых высказываний. Подобные высказывания являются монологическими, направленными на массового реципиента. Автор текста, являющийся представителем британской элиты, напрямую не контактирует с адресатом, в связи с чем не нарушает автономию личности.

***Imagine** all the people living life in peace (John Lennon).*

В приведённом примере автор побуждает собеседника к использованию своего воображения, к конструированию в своём сознании ситуации, в которой все люди живут в мире и покое.

*If your world doesn't allow you to dream, **move** to one where you can (Billy Idol).*

Задумываясь над устройством мира, автор, используя императивную конструкцию, призывает реципиента не отказываться от своей мечты, если мир каким-либо образом препятствует этому. Под миром в данном случае метафорически понимается отдельная взятая страна, регион, город и т. д.

Цель следующего высказывания – формирование умения планировать и действовать по плану, умение отсекающее лишнее, так как прагматизм – следование во всём узкопрактическим интересам, соображениям пользы и выгоды.

***Dream** in a pragmatic way (Aldous Huxley).*

По убеждению некоторых авторов высказываний, необходимо ставить перед собой значительные цели. Мечтая о чём-либо глобальном, вы получаете шанс прожить вашу жизнь достойно, воплотив все замыслы в реальность.

***Dream** lofty dreams, and as you dream, so shall you become (James Allen).*

Слова призыва звучат не только по отношению к общественному устройству человечества, к нормам поведения в социуме,

но и по отношению к семейным ценностям. Так, автор следующего высказывания побуждает уделять больше времени семейным отношениям, быть внимательными друг к другу, относиться к окружающим так, как бы вы хотели, чтобы относились к членам вашей семьи посторонние люди.

*I'm quite sensitive to women. I saw how my sister got treated by boyfriends. I read this thing that said when you are in a relationship with a woman, **imagine** how you would feel if you were her father. That's been my approach, for the most part (Orlando Bloom).*

*But **keep on** working and hoping still. For in spite of the grumblers who stand about, somehow, it seems, all things work out (Edgar Guest).*

В представленных примерах наблюдается сочетание императивной и эмотивной семантики в рамках одного языкового знака (глагола в повелительном наклонении).

Интенсификация интенционального смысла повеления на *грамматическом уровне* осуществляется модальными глаголами *must, have (got) to, can*.

*We **must** select the illusion which appeals to our temperament, and embrace it with passion, if we want to be happy (Cyril Connolly).*

Модальный глагол *have to* носит оттенок должностования в английском языке. Он используется тогда, когда действие совершается под влиянием внешних обстоятельств.

*You've **got to** create a dream. You've **got to** uphold the dream. If you can't, go back to the factory or go back to the desk (Eric Burdon).*

В рассматриваемом примере в качестве внешних обстоятельств выступает точка зрения автора высказывания, который не просто призывает к действию, а вместе с тем сообщает о неблагоприятных обстоятельствах, которые могут возникнуть, если человек не будет стремиться к чему-то большему.

Синтаксический параллелизм ('*You've got to create a dream. You've got to uphold the dream.*') придаёт ещё большую настойчивость, некую категоричность высказыванию.

*You **can** plant a dream (Anne Campbell).*

Например, использование в предложении модального глагола *can* в мягкой форме позволяет посоветовать собеседнику «взращивать» свои мечты, то есть детально продумывать все шаги какого-либо дей-

ствия перед претворением его в реальной жизни. Употребление глагола *can* не так категорично побуждает реципиента к действию, как присутствие в высказывании модального глагола *have to*.

Следовательно, языковые средства, выражающие тактику призыва, – это императив и модальные глаголы в функции побуждения к действию. Императив, использование которого нехарактерно для английского национального коммуникативного стиля, в высказываниях о мечте звучит не как грубый приказ или просьба, требующая немедленного исполнения и не как попытка навязать свою волю реципиенту. Через повелительные конструкции выражается намерение автора обратить внимание реципиента на устройство реального мира, на моральные устои общества, задуматься над будущим. Более того, функция императива и модальных глаголов в подобных высказываниях, – не просто констатация факта, а побуждение к действию, к принятию правильных решений, попыткам изменить настоящее. В связи с этим можно считать английский национальный коммуникативный стиль частично импозитивным. Т. Н. Астафурова и А. В. Олянич определяют импозитивность как навязывание своего мнения [2, с. 17]. Под импозитивностью в рамках данного исследования мы понимаем попытки изменить представление реципиента об окружающей действительности, повлиять на представление адресата о будущем, подсказать пути преодоления трудностей.

• Тактика напоминания

Авторы высказываний о мечте через тактику напоминания в мягкой форме предлагают не забывать мечтать, чаще обращаться к своим фантазиям.

Сама природа создаёт все условия для мечтаний, позволяя человеку находить ответы на жизненно важные вопросы.

*Dreams are nature's answering service – **don't forget to pick up** your messages once in a while (Sarah Crestinn).*

В данном высказывании автор, используя отрицательную *императивную* структуру, призывает реципиента не забывать обращаться к своим мечтам.

*Yet it is **in our** idleness, **in our** dreams, that the submerged truth sometimes comes to the top (Virginia Woolf).*

Автор высказывания напоминает, что наши мечты во многом помогают найти нам правду, увидеть истину в каких-либо делах.

There's a long, long trail a-winding into the land of my dreams (Stoddard King).

Повтор прилагательного *long* указывает на то, что путь к претворению желаний в жизнь не всегда является коротким и лёгким.

Используя в высказываниях лексические повторы '*in our ...*', '*in our ...*', '*long, long*' и др., которые в свою очередь ведут к неизбежному образованию синтаксического параллелизма ('*in our idleness, in our dreams*'), авторы пытаются ещё раз переосмыслить те вещи и явления, о которых они размышляют. Подобные конструкции помогают «оттянуть» время принятия важного решения, позволяя ещё раз детально проанализировать сложившуюся ситуацию. С другой стороны, наличие повторов в высказываниях – отражение такой коммуникативно релевантной черты представителей английской элиты, как размеренность, неторопливость.

Синтаксический параллелизм зачастую не только проявляется в пределах одного предложения, но и распространяется на более широкий контекст, реализующийся в некой совокупности высказываний.

To dream anything that you want to dream. That's the beauty of the human mind. To do anything that you want to do. That is the strength of the human will. To trust yourself to test your limits. That is the courage to succeed (Bernard Edmonds).

Смысл инфинитивов в начале предложений (*to dream, to do, to trust*) раскрывается объяснительными конструкциями (*that's the beauty, that is the strength, that is the courage*), напоминающими адресату, почему стоит мечтать и творить. Имплицированный смысл высказывания заключается в осознании того, что мечта – это красота мысли, человеческого разума.

Таким образом, стратегия побуждения мечтать, будучи сложным коммуникативно-языковым феноменом, реализуется целым рядом тактик, эффективное комбинирование которых способствует достижению высокой степени успешности высказывания.

2. Стратегия побуждения претворять свои мечты в жизнь обусловлена интенцией призыва реципиента воплощать все задуманное в реальность.

• Тактика убеждения

Данная тактика применяется, если стратегическая цель – убедить человека претворять всё задуманное в жизнь. Убеждение – один из видов деятельности человека, направленный на изменение поведения или мнения адресата высказывания.

Как уже было отмечено в нашем исследовании, одной из важнейших черт английского вербального коммуникативного поведения является ограничение использования императива. Тем не менее, следует отметить ключевую роль повелительного наклонения при формировании интенции убеждения претворять свои мечты в реальность. Доминантная функция императива в рамках данной тактики – это призыв воплощать свои мечты и фантазии в реальную жизнь.

Необходимо следовать своим мечтам, мечты не существовали бы, если бы не было возможности воплощать их в реальность.

Follow your dreams, because you wouldn't want it so bad if you couldn't have it. The universe gives you these dreams because you can have them. If you're willing to work for it, you can have anything you want (Michael Flatley).

Способность и возможность мечтать дана нам свыше, это значит, что мы должны прилагать все усилия для реализации задуманного. Пытаясь убедить в этом собеседника, авторы прибегают к использованию императивных конструкций в сочетании с союзом *because*, раскрывающим и поясняющим смысл повелительной конструкции. Необходимо следовать за своими мечтами, когда Вселенная даёт тебе возможность мечтать. И если у человека появляется желание работать над тем, чтобы его мечты сбылись, то он обязательно получит всё то, о чём он так долго думал.

Pay attention to your dreams (Eileen Elias Freeman).

Dreams do come true, if we only wish hard enough. You can have anything in life if you will sacrifice everything (James M. Barrie).

В жизни можно достичь определённых высот, если прилагать усилия для реализации задуманного, при этом многим жертвуя. Усиление прагматики убеждения служит использованием *конструкции-интенсификатора (...do come true...)*, образованной

путём постановки вспомогательного глагола *do* перед смысловым глаголом в утвердительном предложении.

Прислушиваясь к своим тайным желаниям и мечтам, люди могут лучше понять себя и правильно выстроить свою будущую жизнь.

В рамках стратегий побуждения проявляется эмотивность английского национального коммуникативного стиля, характеризующаяся использованием средств интенсификации:

- частица *too* (*You are never **too** old to set another goal or to dream a new dream* (C. S. Lewis);

- слова-интенсификаторы (*If you **greatly** desire something...* (Brendan Francis);

- превосходная степень прилагательных (***The best** reason for having dreams...* (Ashleigh Brilliant);

- повелительные конструкции (***Imagine** all the people living life in peace* (John Lennon).

• **Тактика аргументации**

Аргументирование является достаточно продуктивным способом речевого воздействия на адресата, поскольку аргументирование – это не просто выраженный в речи способ рассуждения, но и «инструмент», позволяющий человеку осуществлять эффективное общение в социальной среде. Аргументирование исполняет роль посредника в развитии «обусловленных социальных представлений и моделей обусловленного социального поведения» [8, с. 32–45].

Г. А. Ким выделяет следующие аргументативные приёмы, типичные для аргументативного дискурса: приём апелляции к факту, приём апелляции к авторитету и цитации, приём апелляции к чувствам, приём самолегитимации как признания или подтверждения законности собственного мнения, приём «примыкания к победителю», приём аналогии и абсурда [4, с. 37–44].

Приём апелляции к фактам:

*There is a difference between a **military mission** and the aspiration for the long-term plans for the country. What we want is a stable enough **Afghanistan**, able to look after its own security so we can leave without the fear of it imploding... But let's be clear – it's not going to be perfect* (Liam Fox).

Приём апелляции к авторитету и цитации:

– Апелляция к героям произведений:

*He [**Peter Pan**] is a metaphor for dreams and faith* (Mark Burnett).

– Апелляция к известным событиям:

*At the time of **Woodstock**, I was just 13, but I used to see these exotic hippy creatures and I did look on with envy. How could you not? In an ideal world, I would have loved to have been a hippy – but I might have been a bit strait-laced. It was my fantasy* (Imelda Staunton).

– Апелляция к известным людям:

*I have a fantasy where **Ted Turner** is elected President but refuses because he doesn't want to give up power* (Arthur C. Clarke).

*It wasn't until I saw **James Dean** that I began to think that maybe I could actually do this. Movies didn't have to be just this fantasy with this impossibly handsome guy* (Terence Stamp).

Приём апелляции к чувствам:

Good** can imagine **Evil**; but **Evil** cannot imagine **Good (W. H. Auden).

Через такие категории этики, как Добро и Зло, автор высказывания, используя уже существующие представления о данных понятиях у реципиента, излагает свою позицию.

Burning desire to be or do something gives us staying power – a reason to get up every morning or to pick ourselves up and start in again after a disappointment (Marsha Sinetar).

Аргументация в высказывании выражается в раскрытии смысла главного предложения: если бы не сильное желание что-то совершить, то у человека не было бы такой сильной мотивации к действию, неоткуда было бы взять сил начинать всё сначала после череды неудач.

Умение аргументировать свои поступки и принятые решения является очень важным, так как, имея мотивацию что-то сделать, человек должен полностью осознавать всю важность предпринятых им шагов для претворения мечты в жизнь.

I cling to the fantasy that I could have done something more creative. Like actually writing a script, or writing a book. But the awful truth is that I... probably can't! (Hugh Grant).

Хью Грант, оглядываясь назад, говорит о том, что он мог бы сделать что-то более творческое за всю свою жизнь. Далее он аргументирует это как возможное отсутствие

способностей к написанию сценария или книги, вводя неполное предложение, начинающееся с предлога *like*.

Таким образом, стремление авторов англоязычных высказываний к реализации своих целей послужило поводом для разработки и использования ими определённого набора коммуникативных тактик, призванных выразить побудительную интенцию.

Каждое из указанных языковых средств не может самостоятельно определять интенцию, средства смысловой организации высказывания взаимодействуют в процессе его порождения. Их актуализацией гово-

рящий акцентирует внимание адресата на том или ином смысловом аспекте и распределяет интенции по степени их важности в данном акте речевого общения.

Коммуникативно-прагматическая интенция мечты – ментальная интенция, способствующая размышлениям, аргументации, объяснениям, определениям, утверждениям и отрицаниям.

Спецификой исследуемых высказываний о мечте является полиинтенциональность, заключающаяся в способности одного высказывания одновременно выражать несколько интенций.

Список литературы

1. Андросова С. А., Синельников Ю. Г. Интенсификаторы в структуре характерологических арготических фразеологизмов французского языка // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 39–42.
2. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосемиотика нейтрализации социальных фобий // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. 156 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
4. Ким Г. А. Структурно-прагматические характеристики аргументативного дискурса (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2011. 231 с.
5. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: моногр. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ун-т., 2006. 392 с.
6. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=120239&p=1> (дата обращения: 18.08.2012).
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса: моногр. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
8. Цепцов В. А., Куарье П. Когнитивная модель аргументации // Психол. журнал. 1997. Т. 18. С. 32–45.
9. Merten K. Kommunikation. Eine Begriffs- und Prozessanalyse. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1977.

References

1. Androsova S. A., Sinel'nikov Ju. G. Intensifikatory v strukture harakterologicheskikh argoticheskikh frazeologizmov francuzskogo jazyka // Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2009. № 2 (4). S. 39–42.
2. Astafurova T. N., Oljanich A. V. Lingvosemiotika nejtralizacii social'nyh fobij // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. st. / pod red. N. V. Ufimcevoj, V. V. Krasnyh, A. I. Izotova. M.: MAKS Press, 2010. Vyp. 40. 156 s.
3. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Editorial URSS, 2004. 571 s.
4. Kim G. A. Strukturno-pragmaticheskie harakteristiki argumentativnogo diskursa (na materiale rus-skogo i nemeckogo jazykov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Cheljabinsk, 2011. 231 s.
5. Kulikova L. V. Kommunikativnyj stil' v mezhkul'turnoj paradigme: monogr. Krasnojarsk: Krasnojarsk. gos. ped. un-t., 2006. 392 s.
6. Larina T. V. Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii: copostavlenie anglijskikh i russkikh ling-vokul'turnyh tradicij. M., 2009. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=120239&p=1> (data obrashhenija: 18.08.2012).
7. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa: monogr. M.: Gnozis, 2003. 280 s.
8. Cepcov V. A., Kuar'e P. Kognitivnaja model' argumentacii // Psihol. zhurnal. 1997. T. 18. S. 32–45.
9. Merten K. Kommunikation. Eine Begriffs- und Prozessanalyse. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1977.

Статья поступила в редакцию 2.03.2013

УДК 001:008:82.0
ББК 71

*Мария Геннадьевна Куликова,
аспирант,
Российская академия государственной службы
(Москва, Россия), e-mail: avtoroved@gmail.com*

Авторское произведение: конституирующие и дифференциальные признаки

В статье рассматривается феномен авторского произведения в прикладном аспекте. Автором осуществлена попытка описания совокупности свойств авторского произведения, отличающих его от смежных явлений (культурных артефактов, не являющихся произведением) и определяющих его внутреннюю специфику. В связи с актуальными прикладными задачами автороведения в статье описываются такие свойства авторского произведения, как творческий характер, проявленный в создании существенно нового, оригинальность, уникальность, индивидуальный стиль. Реализация индивидуально-авторских проявлений в произведении происходит на нескольких уровнях: формы и содержания, артикулируемых смыслов. Кроме того, индивидуальное начало может быть проявлено в парадигме «произведение – мир» (через отношение с исходными субстанциональными категориями, через диалог с культурным контекстом и через прагматический выход в реальность).

Ключевые слова: авторское произведение, авторство, автороведение, новизна, уникальность, индивидуальность, оригинальность, целостность.

*Mariya Gennad'evna Kulikova,
Postgraduate Student,
Russian Academy of State Service
(Moscow, Russia), e-mail: avtoroved@gmail.com*

Copyright Works: Constitutive and Distinctive Features

This article is devoted to the phenomenon of authorship and copyright works. There is an attempt to describe a set of particular features of copyright work, which distinguish it from related beings and determine its internal specifics. The specifics of the copyright work are revealed in connection with urgent application tasks in the field of authorship analysis. The particular features are creativity, essentially new, original, unique, and individual style. Individual style of the copyright work and its unique properties are manifested in different levels (form, content, meanings). Besides, individual style can be described through the paradigm 'the work – the world' (in relation to the substantial categories, through connection with the cultural context and through pragmatics).

Keywords: copyright work, authorship, authorship analysis, novelty, originality, uniqueness, individuality, integrity.

Постановка проблемы. Парадоксальным образом сложилось, что такие научные области, как литературоведение, лингвистика, культурология, искусствоведение не задались вопросом о сущности того, что является их непосредственным объектом изучения – авторского произведения. Несомненно, все данные науки, по большому счёту только о том и говорят – именно о сути произведения, в том числе и авторского, однако за пределами внимания литературоведов, культурологов и лингвистов остаётся тонкая, но, как выяснилось, значимая граница, за которой область их интересов заканчивается.

Актуальность исследования той границы, на которой формируется совокупность дифференциальных черт произведения,

отличающих его от всех смежных явлений, возникла по внешним причинам: вопрос пришёл из правовой области. Законодательство Российской Федерации предписывает охрану авторства произведений (Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 4, гл. 70) и достаточно конкретно отграничивает ту сферу, где авторское право действует: согласно ст. 1259 ГК РФ («Объекты авторских прав»), «объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения:

- литературные произведения;
- драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения;

- хореографические произведения и пантомимы;
- музыкальные произведения с текстом или без текста;
- аудиовизуальные произведения;
- произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства;
- произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства;
- произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов;
- фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии;
- географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам;
- другие произведения

К объектам авторских прав также относятся программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения» [7].

Пункт 2 процитированной статьи расширяет перечень объектов авторских прав ещё двумя видами произведений:

«1) производные произведения, то есть произведения, представляющие собой переработку другого произведения;

2) составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда» [7].

Гражданским кодексом РФ определена также и совокупность объектов, которые охраняются авторским правом не подлежат:

«5. Авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования.

6. Не являются объектами авторских прав:

1) официальные документы государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований, в том числе законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного и судебного характера, официальные документы международных организаций, а также их официальные переводы;

2) государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное), а также символы и знаки муниципальных образований;

3) произведения народного творчества (фольклор), не имеющие конкретных авторов;

4) сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (сообщения о новостях дня, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и тому подобное)» [7].

На практике предметом судебных споров всё чаще являются такие объекты, отнесённость которых к одному из перечисленных пунктов не является очевидной. Речь идёт о явлениях маргинального, периферийного свойства – таких культурных феноменов, которые не являются произведениями в чистом виде: издательских проектах, нестандартных формах фиксации творческих результатов, продуктах интеллектуальной деятельности, творческий характер которой вызывает сомнение и др. Для разрешения подобных ситуаций необходим ответ на вопрос: «Что такое (авторское) произведение? Каковы его отличительные признаки?». Очевидно, что ответ на вопрос необходимо искать в гуманитарной области.

Авторское произведение актуализируется как явление, расположенное в смежной области нескольких научно-практических сфер: собственно гуманитарные науки, занимающиеся анализом и интерпретацией произведений (литературоведение, культурология, искусствоведение, науковедение и т. д.); юриспруденция, в пределах которой интерес к произведению возникает в связи с нормами авторского права (ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации); автороведение – прикладное направление, аккумулирующее достижения гуманитарных наук и использующее их для решения конкретных прикладных задач. Гуманитарно-интерпретационное научное направление моделирует понятие произведения, описывает конституирующие свойства данного явления (прежде всего – в рамках собственных рефлексий и проблематики). Гуманитарные области не задавались до сих пор проблемой дифференциации произведений и «непроизведений» в силу неактуальности вопроса внутри самой науки: будь то литературоведение, искусствове-

дение или культурология – все они имеют дело с тем, что априори является результатом творческого труда, обладает определённой эстетической ценностью и в рамках озвученной нами проблематики относится к числу произведений «в чистом виде».

Правовая сфера ставит и разрешает вопросы о случаях наступления авторского права и особенностях правовой охраны тех явлений, которые являются авторскими произведениями. Юридическая наука не ставит вопрос о том, является ли тот или иной объект авторским произведением, поскольку нацелена на реализацию прав там, где они наступают (авторское право, как известно, возникает по факту создания произведения и не требует дополнительных регистраций). Между указанными областями (гуманитарно-интерпретационной и правовой) формируется зазор – проблематика, не находящая отражения ни в одной из данных наук. Речь идёт о признаках произведения, которые делают его именно произведением и отличают от сущностей иного свойства («непроизведений»; явлений, не обладающих категорией авторства).

Как видим, проблема разграничения авторского произведения и не авторского (или не произведения вообще) становится актуальной в связи с конкретными практически задачами: необходимостью дифференцировать объекты, охраняемые авторским правом, и объекты, на которые такое право не распространяется. Данная статья ставит своей целью описать ту сторону феномена произведения, которая осталась за пределами внимания и правоведов, и гуманитариев (культурологов, литературоведов, лингвистов и т. д.). Задачи, которые будут решаться в данной работе, актуальны в рамках прикладной дисциплины – экспертизы или, более узко, судебной экспертизы.

Судебная экспертиза, по определению, представляет собой процессуальное действие, в ходе которого специальные научные познания в той или иной области применяются для разрешения практических задач, возникших в ходе судебных разбирательств. При разрешении споров, связанных с проблемой дифференциации авторских произведений и «непроизведений», востребованы специальные познания в области культурологии, литературоведения,

науковедения, искусствознания. Смежная область, междисциплинарная область, в рамках которой осуществляет решение указанных прикладных задач, называется автороведением.

Автороведение – прикладная область, занимающаяся разрешением конкретных ситуационных задач методами гуманитарных наук при обстоятельствах, требующих установления автора или исполнителя произведений, диагностики свойств автора или исполнителя, а также выявления наличия или отсутствия признаков авторства в продуктах интеллектуальной деятельности, наличия или отсутствия плагиата в произведениях и др.

Для описания совокупности обязательных признаков произведения необходимо осуществить анализ онтологических структурно-функциональных предпосылок, формирующих данную совокупность. На наш взгляд, к таковым предпосылкам необходимо отнести следующие:

1) произведение есть искусственный культурный объект (артефакт) в его противопоставленности естественным природным объектам (внешний онтологический уровень);

2) произведение функционирует в системе артефактов, то есть в ряду смежных явлений артикулируются его дифференциальные черты;

3) произведение есть семиотическая система (внутренний онтологический уровень), состоящая из плана содержания, плана выражения и значения (смыслов);

4) произведение может быть авторским и неавторским; авторство – особая внутренняя онтологическая категория, присущая определённой группе произведений и выражающаяся в совокупности индивидуализирующих приёмов и средств.

Произведение как культурный артефакт. Вне правовой сферы понятие «произведение» функционирует в пределах литературоведения, искусствоведения, культурологии и других гуманитарных областей, употребляется по отношению к объектам искусства, литературы, науки и иным результатам творческого труда. По определению М. М. Гиршмана, «**произведение** (искусства) – продукт художественного творчества, форма существования искусства, результат обработки *автором* того или

иного *материала* (речь, камень, музыкальные тона, полотно и краски и т. п.) с целью создания такого предмета, который является осуществлением смысла, одновременно личного и сверхличного, индивидуального и традиционного; ответного – по отношению к предшествующим предметам того же рода, их замыслам и вместе с тем актуального для созерцателя – адресата в настоящем и будущем; имеющего отношение и к жизненной практике, и к отвлеченной идеологии, но не сводимого ни к тому, ни к другому, т. е. самоценного (*эстетически*, а не практически и идеологически значимого)» [6, с. 193].

Помимо частных свойств, характерных исключительно для художественных произведений, в данном определении отмечены сущностные признаки произведения в более широком понимании (применительно к произведениям в целом – художественным, научным, публицистическим и др.). Произведение возникает как результат преобразования («обработки») объективных, внешних по отношению к субъекту, предметов материалов. Такая сущность произведения следует из того факта, что произведение существует в парадигме артефактов культуры, то есть представляет собой одну из разновидностей того, что в культурологии принято называть артефактом.

Артефакт – «любой целесообразный искусственный объект (вещественный или символический)» [9, с. 475]. Культурная природа артефакта (и произведения, соответственно) заключается в его искусственности (создан человеком), целесообразности (создан намеренно, по предварительному замыслу, а не случайно). Следует отметить, что последний признак исключает из числа артефактов сущности искусственного характера, появившиеся случайно и не являющиеся целенаправленно созданными. Артефактом является только объект, возникший как продукт искусства, умения, технологии. Произведение, будучи разновидностью артефакта, обладает всеми выделенными признаками: представляет собой результат целенаправленной преобразовательной деятельности субъекта, носит искусственный и характер. Данный факт отмечен и в правовых интерпретациях творчества: «Сознательный, интеллектуальный характер деятельности творческого работ-

ника проявляется в том, что до создания произведения оно формируется, складывается в его сознании, представлении. Прообразом произведения служит замысел, который в своём развитии проходит несколько этапов: замысел-идеал, замысел-план, набросок будущего произведения, воплощение замысла, создание произведения» [8].

Ещё один значимый признак артефакта, который во многом определяет и сущность произведения – это «след» творящего субъекта. Культура опосредует два мира: «не-человеческой объективности природы» и «спонтанной человеческой субъективности», культура формирует третий мир – мир «объективированных, вписанных в природу человеческих импульсов и очеловеченной природы» (А. Л. Доброхотов, А. Т. Калинин). Артефакт возникает на пересечении мира природного (объективного) и духовного («субъективного») пространства человека как результат преобразования и интерпретации человеком природы. При этом в результате созидательного акта «изобретение как бы отделяется от изобретателя и становится частью окружающего мира» – переходит в мир природы; внешнее по отношению к субъекту пространство и способно стать теперь тем природным материалом, который будет подвержен преобразованию в ходе дальнейшей деятельности человека. Объективировавшись, отделившись от субъекта, артефакт сохраняет в себе его след, результат его активности, становится как бы «опредмеченным духом», «опредмеченной творческой активностью человека» [9, с. 4–10]. Именно этот след субъекта в результатах его труда и является предметом поиска автороведов, а специфика этого следа становится одной из дифференциальных черт: позволяет отделить произведения авторские (автор как особая разновидность творящего субъекта) и не авторские.

Артефакту как части культуры свойственна повторяемость («элементами культуры являются сознательно или бессознательно воспроизводимые артефакты» [9, с. 8]). Произведение – такой артефакт, который в процессе повторения хранит в себе след единственного создателя. Повторить произведение, не будучи знакомым с первоисточником, невозможно.

Произведение в системе артефактов.

Для описания специфики произведения в ряду смежных явлений (в системе культурных артефактов) и выявления дифференциальных черт произведения, позволяющих отличить его от другого рода артефактов, необходимо ответить на вопрос: каковы отличия между творческим преобразованием природы и нетворческим. При отвлечённо-обобщённом рассмотрении процесса культурного взаимодействия субъекта с объективным миром по большому счёту всякая культурная активность носит творческий характер (при обязательном для неё условии отмеченных ранее целесообразности и искусственности). При обращении же к более частным проявлениям созидательно-преобразовательной активности субъекта возникает необходимость разграничивать в ряду таких проявлений действия творческого характера и действия воспроизведения или производства (не имеющие творческого характера).

Творчество представляет собой процесс по созданию качественно новых ценностей (как материальных, так и духовных) и противопоставлено процессу изготовления, в ходе которого создаются ценности, повторяющие существовавшее ранее. Ср.:

«**Творчество** – деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Деятельность может выступать как творчество в любой сфере: научной, производственно-технической, художественной, политической и т. д. – там, где создаётся, открывается, изобретается нечто новое» [4].

«**Творчество** – конструктивная деятельность по созданию нового» [12].

«**Творчество** – процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности. Творчество представляет собой возникшую в труде способность человека из доставляемого действительностью материала созидать (на основе познания закономерностей объективного мира) новую реальность, удовлетворяющую многообразным общественным потребностям» [14].

«**Творчество** – процесс культурной человеческой деятельности, в результате которого создаются качественно новые материальные и духовные ценности. Творчество – способность человека из доставляе-

мого действительностью материала созидать новую реальность, удовлетворяющую многообразным потребностям человеческой жизнедеятельности» [11].

«**Творчество** – деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью. Творчество специфично для человека, т. к. всегда предполагает творца – субъекта творческой деятельности» [2].

Ключевое отличие творческого созидания от производства (воспроизведения) заключается в создании качественно новых сущностей. Неслучайно именно новизна является дифференциальной чертой как процесса творчества, так и его результатов (произведений), что находит отражение и в законодательных актах, и в теоретических работах по проблемам творчества.

Что есть новое? Новое – то, что ранее не существовало. Предмет обладает признаком новизны в момент появления, по отношению к прошлым предметам и сущностям. Очевидно, что не всякое новое есть результат творчества. Новизна произведения носит существенный характер (касается сути, сущности предмета). «Новизна произведения представляет собой существенное отличие созданного произведения от других, сравниваемых с ним; обновление сущности использованного произведения, изменение его существенных элементов» [10, с. 23]. Творчество есть создание *качественно нового*. Параметр *новизна* определяет свойство предмета через отношение к другим по признаку времени, традиции. Новизна результатов творчества предполагает не формальную новизну (появление нового объекта, сущности). Речь идёт о качественной новизне – то есть наличии у созданного предмета таких свойств и качеств, которые ранее аналогичным и подобным предметам не были свойственны. В этом смысле оригинальность, которую также порой представляют как ключевое свойство продуктов творчества, тождественна «существенной новизне».

Однако об *оригинальности* всё-таки необходимо сказать отдельно. Именно данный признак часто фигурирует в качестве определяющего при дифференциации произведений и «непроизведений» в судебных ситуациях. Эксперта просят оценить ориги-

нальность и самобытность произведения. В частности, об оригинальности идёт речь при исследовании составных и производных произведений. Возникает вопрос: является ли оригинальность существенным признаком произведения и имеет ли этот признак правовую значимость в смысле гл. 70 ГК РФ.

Понятие «оригинальность» используется в общеупотребительном значении, законодателем не указываются какие-либо специфические его значения. В контексте гуманитарных наук такое понятие не терминологично и часто оценочно (если, конечно, не имеется в виду первое, прямое значение слова «оригинальный» – «подлинный, первоначальный»). Переносное значение слова «оригинальность» формируется совокупностью следующих сем: «созданный в результате самостоятельного творчества», «не заимствованный и не переведённый»; «непохожий на других», «чуждый подражательности»; «самобытный» (о человеке); «своеобразный, необычный», «отличающийся природным своеобразием; не зависящий от каких-либо влияний; оригинальный» [13, т. II, с. 639]. Применительно к произведению актуальны смыслы: «созданный в результате самостоятельного творчества», «не заимствованный и не переведённый». Значение слова актуализирует отношения характеризуемого предмета с другими предметами, которые выражаются в полной самостоятельности и отсутствии влияния со стороны другого предмета (произведения). Оригинальность подразумевает отсутствие тождества или существенного сходства с другим. В таком смысле не являются оригинальными, например, подражательные произведения или переводные. Становится понятен вопрос об оригинальности составных и переводных произведений: запрашивается наличие или отсутствие оригинальности на уровне подбора и расположения материала – то есть периферийных областей по отношению к основным частям составного произведения, поскольку неоригинальность последних в такой ситуации очевидна и не актуальна.

Следует отметить, что терминологически правильнее всё-таки говорить о качественной новизне, по крайней мере, в силу того, что такая формулировка снимает двусмысленность. Понятие «оригинальность» по

причине своей многоаспектности не всегда способно описать то ключевое свойство, которое отличит творческое от нетворческого. Например, литературное произведение может не отличаться оригинальностью (не обладать художественной самобытностью по причине подражательности или «бульварности»), но при этом быть творческим (в смысле как законодательном, так и культурологическом). Оригинальность расценивается в определённой системе: в парадигме художественных произведений тот или иной объект может не отличаться по признаку оригинальности от других, но при этом не перестаёт быть произведением. В этой связи наличие или отсутствие оригинальности не свидетельствует о наличии или отсутствии творческого характера.

Как видим, ключевой особенностью произведения, отличающей его от других, артефактов является творческий характер деятельности, проявляющийся в создании качественно нового. Помимо характера активности субъекта (оцениваемой по параметру «творческий / не творческий») произведение от смежных явлений отличает также и специфика самого субъекта. Произведение имеет автора, в то время как производимые или воспроизводимые артефакты имеют исполнителя, который выступает субъектом активной деятельности (корреляция с автором имеется в том случае, когда воспроизводится авторское произведение). Автор и исполнитель отличаются характером деятельности и, соответственно, качеством результата такой деятельности: произведению присуща внутренняя категория авторства, которая находит выражение в конкретных содержательных и формальных свойствах. Артефакту, не являющемуся произведением, такая категория не свойственна.

Творческо-авторская составляющая произведения делает его уникальным (следующий дифференциальный признак). *Уникальность (или неповторимость)* произведения проявляется в том, что произведение рождается как результат диалога автора с миром, содержит субъективную составляющую, «след» автора. И этот «след» не может быть воспроизведён другим субъектом без знакомства с оригиналом: основной критерий, отличающий творчество от изготовления (производства) – уникальность

его результата. Результат творчества невозможно прямо вывести из начальных условий. Никто, кроме, возможно, автора, не может получить в точности такой же результат, если создать для него ту же исходную ситуацию. Таким образом, в процессе творчества автор вкладывает в материал некие несводимые к трудовым операциям или логическому выводу возможности, выражает в конечном результате какие-то аспекты своей личности. Именно этот факт придаёт продуктам творчества дополнительную ценность в сравнении с продуктами производства.

Присутствие автора в созданном артефакте проявляется на содержательно-формальном уровне: совокупность используемых средств и приёмов формирует авторский стиль, который является *индивидуальным* (речь об этом пойдет далее). Следует заметить, что не все произведения, обладая категорией авторства на внутреннем онтологическом уровне, являются авторскими. По признаку «авторское / не авторское» противопоставлены произведения, автор которых персонализирован, произведениям народного творчества, а также произведениям, потерявшим автора (перешедших из числа авторских в число народных, из индивидуальных – в общие).

Таким образом, произведения в системе артефактов дифференцируются от смежных явлений по совокупности признаков: творческий характер, проявляющийся в создании качественно нового, оригинальности (необязательное свойство); категория авторства, проявляющаяся в уникальности, индивидуальности произведения. Противопоставление произведения «непроизведению» осуществляется по субъекту созидательной активности (автор / создатель), и по характеру активности (творчески / не творчески). Ключевыми дифференциальными чертами произведения является творческий характер и категория авторства, которая не присуща другим типам артефактов.

Значим ещё один критерий, позволяющий дифференцировать явления, которые не могут претендовать на статус произведения. В культурологии под артефактом понимаются не только материальные объекты, но и представления, переживания, законы, поступки и т. д. [9, с. 5]. К числу произведений относятся только те артефакты, кото-

рые имеют материальную форму. В законодательстве данный признак описан следующим образом: «3. Авторские права распространяются как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объёмно-пространственной форме» [7]. В культурологическом смысле материальная субстанция является одной из необходимых предпосылок появления произведения (подробнее об этом речь пойдет далее).

Произведение как семиотическая система. Обращение к внутреннему онтологическому уровню произведения обусловлено необходимостью не только описать дифференциальные черты данного явления в ряду смежных, но и выявить конкретные формы проявления категории авторства в произведении. Для того чтобы понять механизм образования индивидуально-авторского субъективного пространства внутри произведения (объективировавшегося артефакта), необходимо рассмотреть его структурно-функциональные особенности.

Предпосылкой возникновения произведения является субстанционально-интенциональный уровень: обязательными условиями появления произведения является наличие объективного мира (материала для преобразования) и творческой активности субъекта (интенций автора). Объективно-природная составляющая произведения содержит субстанцию двух порядков: формальную (материал – совокупность существующих средств и приёмов) и содержательную (содержательный материал, совокупность мыслей, идей). Для описания субстанций, на наш взгляд, удачным является схема, использовавшаяся глоссематикой по отношению к языку: «Как в плане выражения, так и в плане содержания глоссематика выделяет *форму* и *субстанцию*. Таким образом, язык членится на четыре сферы, или стратума: форма выражения, субстанция выражения, форма содержания, субстанция содержания. Форма обоих планов специфична для отдельного языка и не зависит от субстанции, определяемой через понятия *формы* (сети отношений между

элементами того или иного плана) и *материала* (нерасчленённой массы звуков или идей) и трактуемой как материал, расчленённый посредством формы» [3]. Применительно к художественному произведению подобная структура описана М. М. Гиршманом: «Внутреннее единство содержания и формы необходимо отличать от различного рода внешних соответствий того, о чём говорится в произведении, и того, с помощью каких приёмов и средств построен текст. Факты реальной действительности, мысли и чувства писателя сами по себе – не содержание, а предмет художественного изображения или замысел преобразить этот предмет в содержание произведения. Аналогично *приёмы* и выразительные средства не форма, а только лишь материал, из которого она может быть создана» [6, с. 194].

Как видим, произведению свойственно двойное отношение с реальностью: произведение становится частью реальности и одновременно её изображением. Это вновь созданный мир, который не повторяет действительность, но воссоздает её заново. «Чтобы «повторить» неповторимый в своём развитии и постоянном самообновлении мир, его надо «как бы вновь создать», воспроизвести такое индивидуальное явление, которое, не будучи тождественным реальной действительности, в то же время способно выразить её глубинную сущность и ценность жизни» [6, с. 194–195].

Субстанциональный уровень произведения (который по большому счёту произведением ещё не является) в рамках авторского произведения значим по следующей причине. Ключевые субъективно-авторские приметы находят выражение в способах работы с изначальным материалом: способы концептуализации идейного пространства, трансформации общего в индивидуально-частное посредством совокупности приёмов и средств, используемых для выражения авторских смыслов. Изначальная субстанция важна как источник преобразования, по которому можно отследить механизм появления индивидуального или же установить факт доминирования внешних по отношению к субъекту обстоятельств (что сказывается в отсутствии индивидуального на том или ином уровне).

Созидательная интенция автора может быть мотивирована различными фактора-

ми: субъективной творческой интенцией (вдохновением) или внешней практической задачей, что опять-таки сказывается на степени индивидуализированности результата деятельности.

Для описания собственно произведения (его формально-содержательного уровня, языка) уместно использовать трёхчастную семиотическую модель: означающее (форма), означаемое (содержание), значение (смысл). На уровне содержания происходит концептуализация действительности, вычленение из идейно-мыслительной массы значимых для автора элементов, высечение из них форм. На формальном уровне осуществляется выбор средств и приёмов, при помощи которых концептуализированному содержанию автором придаётся форма, огранка.

Необходимо отметить, что ни содержание, с которым работает автор изначально, ни средства, которые он выбирает, сами по себе не являются индивидуализирующими – напротив, они формируют определённую общую совокупность средств. Субъективное начало проявляется в концептуализированном содержательном пространстве произведения и в авторской совокупности средств (то что принято называть «авторский стиль»).

Проблема целостности произведения (прежде всего – художественного) освещена в работах М. М. Гиршмана [5], определяющую смысловую сторону произведения через соседство личных и сверхличных смыслов («предмет, который является осуществлением смысла, одновременно личного и сверхличного, индивидуального и традиционного» [6, с. 193]). Сверхличная (общая, традиционная) составляющая есть некая «культурная морфема» (в терминологии А. Л. Доброхотова и А. Т. Калинкина), внутренняя форма произведения (артефакта): «искусственный предмет наделяется при своём рождении не только прагматическим смыслом, но и некой дополнительной значимостью, предполагающей представление (чаще всего неявное) о «целом» и его смысле. <...> Создание артефакта – это *всегда* то или иное истолкование реальности. При сотворении артефакта предполагается – сознательно или бессознательно, – что это будет часть какого-то целого, и целое таким образом постулируется. <...> эта «программа» достраивания ре-

альной части до своего виртуального целого может быть специально зафиксирована и описана как особая, несомая артефактом «внутренняя форма», культурная морфема» [9, с. 12]. Произведение в своей структуре, с одной стороны, содержит такую культурную морфему (ли совокупность культурных морфем), обеспечивающую изоморфность произведения как культурного феномена другим артефактам. С другой стороны, произведение обладает внутренней целостностью.

Внутренняя целостность произведения проявляется в сращении содержания и формы: «произведение представляет собой внутреннее, взаимопроникающее единство содержания и формы» [6, с. 194]. Содержание произведения не сводится к тому, о чём говорится. Художественное произведение не просто сообщает или указывает, но содержит в себе эстетическую реальность художественного мира. «И как предмет реальной действительности, его осмысление и оценка превращаются в содержание произведения, лишь внутренне объединяясь и преобразаясь в художественном мире, так же любое слово, любое речевое средство и построение становятся художественно значимыми лишь тогда, когда перестают быть просто информацией, когда внешние по отношению к ним жизненные явления оказываются их внутренним содержанием, обретающим словесную плотность, совершающимся в слове» [6, с. 194].

Таким образом, и оформившаяся авторская концепция, и совокупность избранных им средств конституируют произведение (и авторство в нём) только в том случае, если они вписаны в определённое целое. *Целостность* произведения – обязательное условие как существования самого произведения, так и существования индивидуально-авторского начала в нём.

Возвращаясь к описанной ранее сути творчества и признаков авторского произведения (существенная новизна, уникальность, индивидуальность), мы можем констатировать факт, что данные свойства произведения проявляются на нескольких уровнях: на уровне артикулированных в произведении смыслов, на уровне выбора приёмов и средств выражения смыслов, на уровне подбора материала. Качествен-

но новые смыслы (обязательный признак произведения) может быть реализован через новизну формы, содержания или того и другого одновременно. Поскольку новизна реализуется через создание качественно новых элементов, то и в целом проявляется в наличии новых идей (по сравнению с существующими), содержания, формы (средств выражения смыслов). Произведения с новой идеей, оригинальным содержанием и формой изложения обладают существенной, абсолютной новизной.

Уникальное, индивидуальное способно проявляться в целом, применимо к произведению как целостности. Одно из проявлений авторской оригинальности и новизны – это индивидуальный стиль. Под стилем в данном случае понимается «индивидуальная манера, способ, которым исполнено данное речевое акт или произведение» [2, с. 494].

Таким образом, произведение представляет собой разновидность культурного артефакта, искусственного по природе и созданного сознательно. Произведение отличается от смежных явлений (других объектов культуры) творческой составляющей (создание качественно нового на уровне формы или содержания), категорией авторства, материальной выраженностью. Авторство произведения проявляется в индивидуальной стилевой манере (совокупности приёмов и средств, характерных для конкретного творящего субъекта) и в уникальности (невозможности повторить произведение при наличии исходных условий, но без знакомства с первоначальным творением). Целостность произведения реализуется через включённость в некое универсальное целостное смысловое пространство (общее, универсальное в произведении), а также через продуцирование собственной смысловой целостности (уникальные, неповторимые смыслы).

Резюмируя сказанное, можно описать сущность авторского произведения через совокупность его ключевых свойств: качественная новизна формы и содержания, индивидуальная совокупность средств и способов концептуализации мира (категория авторства, авторский стиль), уникальность смысловой целостности.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 37–311.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 1434 с.
3. Булыгина Т. В. План выражения // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/План+выражения/> (дата обращения: 12.07.2012).
4. Гайдено П. П. Творчество // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Творчество/> (дата обращения: 12.07.2012).
5. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2002. 528 с.
6. Гиршман М. М. Произведение // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 193 – 197.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4 от 18.12.2006 N 230-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.11.2006) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf4/> (дата обращения: 12.07.2012).
8. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Изд-во БЕК, 1994. Т. 1. 384 с.
9. Доброхотов А. Л., Калинин А. Т. Культурология: учеб. пособие. М.: Форум : ИНФРА-М, 2010. 480 с.
10. Ионас В. Я. Произведения творчества в гражданском праве. М.: Юридическая литература, 1972. 168 с.
11. История культуры и искусств: словарь терминов и понятий: учеб. пособие для студ. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. 81 с.
12. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. иссл. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
14. Философский энциклопедический словарь / ред. кол. С. С. Аверенцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.

References

1. Berdjaev N. A. Smysl tvorchestva // Berdjaev N. Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. S. 37–311.
2. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. M. Prohorov. 2-e izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1997. 1434 s.
3. Bulygina T. V. Plan vyrazhenija // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969–1978. URL: <http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSJe/Plan+vyrazhenija/> (data obrashhenija: 12.07.2012).
4. Gajdenko P. P. Tvorchestvo // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969–1978. URL: <http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSJe/Tvorchestvo/> (data obrashhenija: 12.07.2012).
5. Girshman M. M. Literaturnoe proizvedenie: teorija hudozhestvennoj celostnosti. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 528 s.
6. Girshman M. M. Proizvedenie // Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij / [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. M.: Izd-vo Kulaginoj; Intrada, 2008. S. 193 – 197.
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Ch. 4 ot 18.12.2006 N 230-FZ (prinjat GD FS RF 24.11.2006) // Konsul'tantPljus. URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf4/> (data obrashhenija: 12.07.2012).
8. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. E. A. Suhanova. M.: Izd-vo BEK, 1994. T. 1. 384 s.
9. Dobrohotov A. L., Kalinkin A. T. Kul'turologija: ucheb. posobie. M.: Forum : INFRA-M, 2010. 480 s.
10. Ionas V. Ja. Proizvedenija tvorchestva v grazhdanskom prave. M.: Juridicheskaja literatura, 1972. 168 s.
11. Istorija kul'tury i iskusstv: slovar' terminov i ponjatij: ucheb. posobie dlja stud. Elec: EGU im. I. A. Bunina, 2010. 81 s.
12. Novejšij filosofskij slovar' / sost. A. A. Gricanov. Minsk: Izd-vo V. M. Skakun, 1998. 896 s.
13. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / RAN, In-t lingv. issl. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz.; Poligrafresur-sy, 1999.
14. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' / red. kol. S. S. Averencev, Je. A. Arab-Ogly, L. F. Il'ichjov [i dr.]. 2-e izd. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1989. 815 s.

Статья поступила в редакцию 19.08.2012

УДК 882.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

*Мария Александровна Пивоварова,
преподаватель русского языка,
Российский культурный центр
(Пекин, КНР), e-mail: mariika_1983@mail.ru*

**Концепт «Спасение» и его образная, дискурсивно-текстовая реализация
в художественном тексте (на материале романа Руслана Киреева «Лот из Содомы»)**

В статье анализируется образная реализация концепта «спасение» в языковом пространстве текста на материале романа Руслана Киреева «Лот из Содомы». Актуальность связана с тем, что проблема анализа художественной образности текста, языковой структуры образа в дискурсе является востребованным направлением современной филологии. Новизна заключается прежде всего в материале исследования – языковая структура образов романа Р. Киреева «Лот из Содомы» не рассматривалась исследователями. В то же время в статье идет речь не только о концепте, но также о его образной, дискурсивно-текстовой реализации в художественном тексте. Автор анализирует языковую и стилистическую реализацию данного концепта и приходит к выводу, что концепт может выступать как компонент структуры определённого образа в художественном тексте. Однако и художественный образ является компонентом языковой композиции. Следует отметить в качестве вывода, что расширяются рамки изучения и познания структуры художественного текста.

Ключевые слова: концепт, ядерный элемент концепта, образ, структура образа, словесные ряды, текст.

*Mariya Aleksandrovna Pivovarova,
Teacher of the Russian Language,
Russian Cultural Centre
(Beijing, People's Republic of China),
e-mail: mariika_1983@mail.ru*

**The Concept of 'Salvation' and its Figurative, Discursive Text Implementation
in Artistic Text (Based on the Novel *Lot Iz Sodoma* by Ruslan Kireev)**

The analyzed issue in this article is the image implementation of the concept 'salvation' in the language space of view of the text based on the novel *Lot iz Sodoma* by Ruslan Kireev. The vitality of this question lies in the fact that the problem of analyzing artistic imagery and language structure of image in the discourse is the demanded trend in modern philology. The novelty is primarily in the material of this research – language structure of images in the novel *Lot iz Sodoma* by R. Kireev has not been considered by philology researchers yet. At the same time the article is not only about the concept but also about its figurative, discursive text realization in the artistic text. The author analyzes the linguistic and stylistic realization of this concept and comes to the conclusion that the concept can be a component of a structure of a certain image in the artistic text. However, the artistic image is a component of linguistic composition. It should be noted as a conclusion that the study and knowledge of the structure of literary text are being extended nowadays.

Keywords: *concept*, kernel element of the concept, image, image structure, words series, text.

Концепты русского языка изучаются как ментальные единицы описания языковой картины мира. Стремление говорящего интерпретировать мир, преобразуя его, пропуская через своё сознание, категоризирует и концептуализирует действительность. Выделяют концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса, например: пе-

дагогическом, политическом, религиозном, публицистическом, художественном и др. Ядро концепта составляют наиболее актуальные для носителей языка ассоциации, периферию концепта – менее значимые ассоциации. Чётких границ концепт, очевидно, не имеет. В разных видах дискурса ядро концепта, его доминантная сема будут

различаться [6, с. 9–16]. По способу отражения в сознании человека информации, заключённой в концептах, они подразделяются на ряд разновидностей. В частности, А. П. Бабушкин, рассматривая концепты как формы репрезентации знаний о разнородных фрагментах действительности, подразделяет их на пять типов [5, с. 3–17]:

1) представление (мыслительная картинка) – обобщённый чувственно-наглядный образ предмета или явления;

2) схема – концепт, представленный некоторой обобщённой пространственно-географической или контурной схемой, это гипероним с ослабленным образом (ср., образ реки как протяжённости);

3) фрейм – совокупность хранимых в памяти ассоциаций; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает всё, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств;

4) инсайт – «упакованная в слове информация о конструкции, внутреннем устройстве или функциональной предназначённости предмета»;

5) сценарий (скрипт) – концепт, который предполагает осведомлённость носителя сознания и языка о последовательности эпизодов во времени. Это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития, то есть фактически фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных элементов.

Для нас интерес представляют первые два типа: во-первых, концепт – это представление образа и, во-вторых, это схема, имеющая структуру. Следовательно, мы говорим о концепте как образе и как о языковой структуре, поскольку текстовая реализация концепта выражается в языковых единицах. В данной статье мы доказываем, как языковое выражение ментальной сущности (концепт) в языковом пространстве текста может являться средством создания образности и иметь образную, дискурсивно-текстовую реализацию. Говоря о самом романе Р. Киреева «Лот из Содомы», нужно сказать, что он имеет экспериментальную форму, характерную для современной прозы. Роман написан в 1982 г., но он опередил время. Многие языковые процессы, получившие развитие в последние года, проявились уже в этом произведении. Однако если языковые процессы на материале совре-

менной прозы изучаются [2; 4; 11], то роман Р. Киреева не изучен в языковом плане. Роман построен в виде оригинального сопоставления современной действительности с библейскими канонами. Итак, рассмотрим концепт «спасение» и его образную реализацию в художественном дискурсе.

Текст – свидетельство духовного опыта, нуждающееся в адекватном истолковании с целью достижения его понимания. Роман «Лот из Содомы» является текстом, в котором стилистически объединены художественный и религиозный дискурс. В отношении религиозных текстов понимать, означает открыть себя духовному содержанию текста и позволить ему оказать спасительное воздействие на душу человека, осмысливающего текст. В связи с этим рассматриваемый роман приобретает ещё большее значение, не только с духовной точки зрения, но и в плане стилистического выражения его смысла.

Лингвокультурный концепт «спасение» является одним из сложных и ключевых понятий христианской культуры, в которое входят объекты и субъекты спасения, источники спасения; инструменты спасения, существуют условия, при которых достигается спасение. Е. З. Лукманова замечает, что важную роль также играет отношение самого человека к спасению, который жаждет его, надеется на него, который должен знать цену спасения [10, с. 162]. В словаре Владимира Даля зафиксированы все данные определения:

1. Спасать – освобождать, выручать, оборонять, защищать, заступиться, подать помощь, избавить от беды. *Спаси утопающего. Не лекарь спасает, а Бог. //*

2. Помогать в достижении небесного царства, вести праведным путём. *Вера спасает. // Благодарить. Уж он мне спасал, спасал за это. // – ся, быть спасаемому. Товар спасётся, а судно погибнет. //*

3. Искать спасенья, помощи в беде, в гибели, рваться всеми силами из опасности. *Спасайся! //*

4. Стараться жизнью своею достигнуть вечного блаженства, искать душе спасенья, спасти душу свою. *Одно спасенье – пост да молитва. //*

5. Спасенье, сост. спасённого. *Медаль за спасение погибавших. //*

6. Спасительный, оберегающий, спасающий от чего-либо. – ность свойство по прилаг. Спасительница, спасающий либо спасший что, кого-либо, избавитель, благодетель. // Иисус Христос, Бог во плоти, Богочеловек, Искупитель [8].

На основе этих данных в качестве ядерных элементов концепта «спасение» выступают единицы – спасать, спасение, Спаситель. Поскольку в романе представлена интерпретация религиозного сюжета, необходимо обращение к трактовке данных единиц и в религиозных текстах.

В религиозном дискурсе, когда человек взывает о помощи, он обращается к Богу «Спаситель», подчёркивая его спасительную силу, «Свет мой» – отмечается просветительная и священная сила, «Учитель» – именно Он наставляет человека на путь истины; «Избавитель» и «Заступник» – поскольку Он спасает человека от жизненных невзгод и защищает от ненавидящих и обижающих его; «Искупитель» – поскольку Он был послан на землю, чтобы спасти человечество, искупив его грехи.

Глагол «спасать» обладает полисемией. Глагольные сочетания имеют широкую валентность:

- 1) спасать от греха,
- 2) избавлять от беды,
- 3) избавлять от врага,
- 4) избавлять душу от смерти,
- 5) не дать погибнуть от физической опасности,
- 6) исцелять, вылечить от болезней, недугов.

В художественном дискурсе возможна реализация всех шести значений в зависимости от контекста.

Само существительное «спасение» является именем концепта и называет культурную ценность. Спасение является ключевым христианским понятием, понимается на разных уровнях:

- 1) индивидуально, как спасение каждой души от греха,
- 2) как священная история, ведущая народ к торжеству Небесного царства,
- 3) космически, как спасение человеческого рода и природного мира [7, с. 204].

В романе «Лот из Содома» спасение рассматривается не просто как спасение от опасности, способной принести физическую гибель человека, но, прежде всего,

как «свободы души от греха», «обновление жизни». Так, спасение определяется как «оправдание», «святость», «мудрость», «вера, надежда, любовь» [1]. Все эти лексические единицы входят в состав словесных рядов, участвующих в образной реализации концепта «спасение» и составляют его интерпретационное поле в дискурсно-текстовой реализации.

Конечно, именно в религиозном тексте реализуются все прямые значения концепта «спасение», но в других типах дискурса, например в художественном произведении, могут реализовываться его переносные, образные значения.

В романе Р. Киреева «Лот из Содома» концепт «спасение» представлен имплицитно, но на его присутствие в контексте указывают лексемы, которые входят в его ядерную и периферийную зоны. Выражается это через образ главного героя Сани Грушко. Все словесные ряды, языковые детали, композиционные отрезки, участвующие в создании данного образа, содержат семантику ядерных элементов концепта «спасение».

Главного героя, памяти которого посвящена книга, зовут *Александр Богданович Грушко*. Повествование начинается именно с его представления, называния его имени: «*Сане Грушко посвящается эта книга. Александру Богдановичу Грушко – его памяти*» [9, с. 275]. Семантика спасения заложена в имени персонажа. Имя *Александр* в переводе с древнегреческого языка означает «защитник», отчество *Богданович* интерпретируется как «данный Богом». Словесный ряд, который репрезентирует концепт «Спасение» в романе и относится к образу главного героя, имеет такие элементы, как «защищать» – «спасать», «данный Богом» – «спаситель», входящие в ядерную зону данного концепта. Автор использует языковой приём игры слов, давая герою фамилию *Грушко*. Первоначально фамилия не вызывает определённых стилистических ассоциаций с концептом «спасения», о фамилии ничего не говорится. Только в середине повествования есть эпизод, который объясняет на языковом уровне связь фамилии героя с концептом «спасение» и свидетельствует о развитии образа в языковой ткани. «*Не любил драться... И это – с детства. «Мирил*

всех, – вспоминала тетя Оля [мама Сани Грушко]. – Зассорится кто, биться начинают, а он – тому словечко, этому, и все, груши едят». Почему-то груши... С тех пор они стали для меня символом Санниного миролюбия...» Данный дискурс объясняет использование языкового приёма игры слов для создания образа главного героя: Грушко – груши, груша – символ миролюбия, миролюбие – путь к спасению. Кроме того, подобное употребление «говорящего имени» в тексте современной прозы свидетельствует о связи со стилистическими приёмами создания образа в классической литературе.

Внешность Сани Грушко также имплицитно выражает концепт «спасение», поскольку в дискурсе, который относится к описанию внешнего облика персонажа, содержатся образные сочетания слов, имеющие семантику слова «Спасатель» в значении «Свет мой». Например, «белоснежные манжеты», «по светлому галстуку», «со своей лёгкой улыбкой», «говорил что-то своим тихим голосом», «мягким своим говорком». Языковые элементы данных словесных рядов: *белоснежный, светлый, лёгкая улыбка, мягкий, тихий голос*, создают образ *светлого* человека, каким может быть, в религиозном понимании, только Спаситель.

В языковой структуре образа главного героя есть лексемы, которые реализуют концепт «спасение» через сравнение его со Спасителем в значении «учитель», то есть тот, кто наставляет на путь истинный: «...его первая воспитательная акция», «влияние Сани на меня было колоссальным. Я буквально в рот ему смотрел. И не я один – весь двор», «смирнёхонько сидели, сгрудившись вокруг вдохновенного сказителя», «вразумлял меня Саня». Выделенные слова и сочетания слов имплицитно указывают на присутствие концепт: воспитательные акции осуществляет, прежде всего, учитель, в широком понимании этого слова; колоссальное влияние также может оказывать учитель на своего ученика. Но Саня Грушко не просто старший товарищ для подростков, выступающий для них в роли наставника-учителя, он *вдохновенный сказитель*, он не просто учит, он *вразумляет*.

Кроме того, что «спаситель» – это «учитель», он ещё и «мудрец». В русском языке

есть устойчивое словосочетание *мудрый совет*: советовать, значит спасать, мудро спасать. Словесный ряд, участвующий в реализации концепта «спасение» в романе «Лот из Содомы» через образ главного героя, также содержит лексемы с семантикой спасение – спаситель – мудрец. Винч называет Саню Грушко мудрецом: «Он ведь мудрец. Самый обыкновенный мудрец. Вы знали это? Догадывались, что под одной крышей с вами живёт мудрец?»

В религиозном понимании концепт «спасение», кроме всего перечисленного, понимается как «возрождение», «обновление жизни», то есть возможность вечной жизни. Главный герой погиб, но он живёт в памяти людей. Сам Саня рассуждал об этом так: «Человек рождается ежедневно и ежедневно умирает. Дабы на утро *возродиться вновь*», герой, от лица которого ведётся повествование, спустя много лет после гибели Сани Грушко вспоминает о том событии: «Я горячо разубеждал всех, кто ещё надеялся – «может, жив?» – но чем горячее разубеждал, чем несокрушимее приводил подробности, *тем меньше верил, что Саня мёртв. Чувство это живо во мне и поныне*. Я берегу его. Лелею. Не позволяю логике и взрослому скепсису разрушить его...». В той части романа, которая является интерпретацией библейского сюжета о Лоте из Содомы, тема возрождения (концепт «спасение») проходит параллельно теме греха (концепт «грех»): « – Человек начал с греха и будет пребывать в нём вечно. – Пока грех не уничтожит его. – Сначала уничтожит, а потом *возродит*».

Название романа – «Лот из Содомы» связано не только с тем, что в романе вторая сюжетная линия посвящена библейскому сюжету о Лоте, но и относится к образу главного героя: между ними проводится образная параллель, но не «уравнительная» (Саня – Лот), а «сравнительная» (Саня похож на Лота). Алексей Алексеевич Ушаков, профессор, в разговоре с героем об Игре призывает его быть Лотом: «Нельзя терпеть эту нечисть! Нельзя! А вы терпите! Вы, который в тысячу раз умнее и благороднее их! Почему? Что заставляет вас играть в их подлые игры?... Чем больше дряни вокруг, тем безжалостнее надо бороться с ней. Слышите, бороться! Пусть даже их десятки, сотни, тысячи, а вы один. Пусть

все вокруг – Содом и Гоморра, но будьте, в таком случае, Лотом». Философские рассуждения на тему, как остаться честным в порочном круге лжи и как обрести «спасение», остаются в романе открытыми для обсуждения. Вопрос, который волновал героя – что действительно есть спасение, для каждого читателя имеет свой ответ.

Таким образом, благодаря тому, что в рамках одного этнокультурного сообщества концепты способны порождать и удерживать в долговременной памяти его членов этнокультурные архетипы (термин, используемый Н. Ф. Алефиренко) [2, с. 288] – подсознательные устойчивые образы, концепт

может в определённых дискурсах актуализировать современные экспрессивно-образные ассоциации, а также оценочные, ценностно-смысловые и культурно-исторические коннотации. Концепт может выступать как компонент структуры определённого образа в художественном тексте. Однако и художественный образ является компонентом языковой композиции. Следует отметить в качестве вывода, что благодаря изучению концепта как компонента текста и образа, расширяются рамки изучения и познания структуры художественного текста.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Спасение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 615.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 360 с.
3. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы): учеб. пособие. Чита, 2010. 244 с.
4. Ахметова Г. Д. Жизнь языка (Фигль-Мигль. Роман «Щастье») // Гуманитарный вектор. Серия «Филология, история, востоковедение» / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. 2012. № 4 (32). С. 7–12.
5. Бабушкин А. П. Типы концептов в сфере лексико-фразеологической семантики языка // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 1996. № 2. С. 3–17.
6. Бугаева И. В. Принять на себя подвиг (о церковной составляющей концепта) // Русский язык и ментальность. Вып. 6 / отв. ред. проф. В. В. Колесов. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 9–16.
7. Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и Жизнь, 1998. С. 204–205.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. М.: Русский язык. 1998. 546 с.
9. Киреев Р. Т. Лот из Sodoma: романы. М.: Центрополиграф, 2001. 510 с.
10. Лукманова Е. З., Карышева А. В. Особенности ядерных элементов и их языковое выражение. Mixtra verborum, 2007: Сила простых вещей: сб. ст. / под общ. ред. С. А. Минаева. Самара: Самар. гум. акад., 2007. С. 161–167.
11. Троицки-Шефер М. Живые языковые процессы в романе Р. Сенчина «Елтышевы» (на фоне немецкого языка) // Учёные записки ЗабГГПУ. Серия «Филология, история, востоковедение» / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. 2012. № 2 (43). Чита. С. 61–65.

References

1. Averincev S. S. Spasenie // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / In-t filosofii RAN, Nac. obshh.-nauchn. fond; pod red. V. S. Stjopina. M.: Mysl', 2001. T. 3. S. 615.
2. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka: ucheb. posobie. M.: Flinta; Nauka, 2010. 360 s.
3. Ahmetova G. D. Jazykovoje prostranstvo hudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoj russkoj prozy): ucheb. posobie. Chita, 2010. 244 s.
4. Ahmetova G. D. Zhizn' jazyka (Figl'-Migl'. Roman «Shhast'e») // Gumanitarnyj vektor. Serija «Filologija, istorija, vostokovedenie» / pod obsh. red. G. D. Ahmetovoj. 2012. № 4 (32). S. 7–12.
5. Babushkin A. P. Tipy konceptov v sfere leksiko-frazeologicheskoj semantiki jazyka // Vestnik VGU. Ser. 1. Gumanitarnye nauki. 1996. № 2. S. 3–17.
6. Bugaeva I. V. Prinjat' na sebja podvig (o cerkovnoj sostavljajushhej koncepta) // Russkij jazyk i men-tal'nost'. Vyp. 6 / otv. red. prof. V. V. Kolesov. SPb.: SPbGU, 2005. S. 9–16.
7. Vasilenko L. I. Kratkij religiozno-filosofskij slovar'. M.: Istina i Zhizn', 1998. S. 204–205.
8. Dal' V. I. Tolkovoj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. / V. I. Dal'. M.: Russkij jazyk. 1998. 546 s.
9. Kireev R. T. Lot iz Sodoma: romany. M.: Centropoligraf, 2001. 510 s.
10. Lukmanova E. Z., Karysheva A. V. Osobennosti jadernyh jelementov i ih jazykovoje vyrazhenie. Mixtra verborum, 2007: Sila prostyh veshhej: sb. st. / pod obshh. red. S. A. Minaeva. Samara: Samar. gum. akad., 2007. S. 161–167.
11. Troitski-Shefer M. Zhivye jazykovye processy v romane R. Senchina «Eltyshevy» (na fone nemec-kogo jazyka) // Uchjonye zapiski ZabGGPU. Serija «Filologija, istorija, vostokovedenie» / pod obsh. red. G. D. Ahmetovoj. 2012. № 2 (43). Chita. S. 61–65.

Статья поступила в редакцию 17.01.2013

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ ORIENTAL STUDIES. HISTORY

УДК 930
ББК 79.3

Андрей Александрович Базаров,
доктор философских наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии,
Сибирское отделение Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: bazarow_andr@mail.ru

Восточная книжная коллекция Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова

Хранение восточной литературы Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова представляет собой собрание раритетных тибетских и монгольских текстов. Совместная научно-исследовательская работа музея и Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН показала, что в него входят несколько десятков единиц раритетного книжного хранения: Ганжур (буддийский Канон) нартанского издания, разделы из Ганжура пекинского издания, отдельные сочинения по религиозной практике и буддийской философии, большинство из которых долгое время были не атрибутированы и не каталогизированы. В ходе научно-исследовательской работы в 2004 г. были сформированы как электронная база данных коллекции, которая позволяет составить исчерпывающее представление о содержании и физических параметрах хранящихся памятников, так и их историко-источниковедческое описание.

Ключевые слова: музей, Восточная книжная коллекция, Забайкалье, раритетная литература.

Andrey Aleksandrovich Bazarov,
Doctor of Philosophy,
Institute of Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: bazarow_andr@mail.ru

Collection of Oriental Books of the Zabaikalsky Krai Museum of Local Lore

The Collection of Oriental books of the Zabaikalsky krai Museum of local lore consists of rare Tibetan and Mongolian texts. Joint collaboration of the museum and the Institute of Buddhist, Mongolian and Tibetan studies of SB RAS showed that the Collection of Oriental books includes dozens of items: Ganzhur (bKa' 'gyur) of Nartang edition, sections of the Ganzhur ("Phal chen" and "Bum") of Beijing edition, separate works on religious practice and Buddhist philosophy, most of them haven't been attributed and cataloged for a long time. Results of research work (2004) were an electronic database of collection, which allows forming a comprehensive opinion on the content and physical parameters of the monuments.

Keywords: museum, Collection of Oriental books, Transbaikal territory, rare literature.

Благодаря географической и политической специфике региона Забайкалья, коллекция восточной литературы Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова стала формироваться практически одновременно с основанием музея (16 апреля 1895 г.) [3]. Согласно музейным инвентарным записям 1895–1899 гг. (первый номер 394, последний 7531) в музей от представителей местного буддизма

поступил ряд раритетных изданий. Первые поступления связаны с 1895–96 гг. Можно сделать предположение, что поступления были инициированы руководителями буддийских монастырей и были приурочены к определённым официальным событиям. Так, в 1895 г. от настоятеля Гусиноозёрского монастыря Балдана Доржиева была получена рукописная книга (6 листов чёрной лаковой бумаги) на тибетском языке. На-

звание текста отсутствует. В пояснительном сопровождении сказано, что текст книги представляет молитву для перерождений в области Шамбалы. В том же году от настоятеля Иройского монастыря Ринчина Лыкдупа Нанзонова поступила рукопись молитвы «Цэмдо»¹ для приобретения долголетия. Текст книги был написан на чёрной лаковой бумаге и обёрнут в красную шёлковую материю. В 1895 г. Цойдак Банзаракцаев, ширетуй Борголзаевского дацана, подарил музею «священную книгу на тибетском языке “Санжад”», выполненную на чёрной бумаге минеральной краской из «девяяти драгоценностей». Одновременно от имени гелонга (монаха) Ацайского дацана Ширапа Лайдупова, были подарены две книги на тибетском языке: «До-дудба» и «Доржи-чжодба». Последняя книга, именуемая текстом «об очищении грехов», написана золотыми минеральными красками на чёрной бумаге. В 1895 г. от Ч. Банзаракцаева поступила рукопись на тибетском языке «Сырн-годради-до». В январе следующего года (1896) от Бонланова Митапа Сугановича поступает буддийский текст на тибетском языке. Особую научную ценность представляет тот факт, что книги, поступившие в музей за 1895–96 гг., были рукописными и очень дорогими. Они писались драгоценными минеральными красками на чёрной лаковой бумаге. В рамках традиционной бурятской культуры данные издания обладали особой ценностью и изготовлялись ради достижения специфических религиозных целей.

Следующая интересная запись под номером 6113 указывает на то, что между 1896–1899 гг. в музей от руководителя буддийской церкви Забайкалья – хамбо-ламы, через временного губернатора области Е. О. Мациевского, поступили 39 ксилографов – «ламайские богослужебные книги и молитвы, отпечатанные посредством дощечек». Названия не указываются.

От известнейшего деятеля буддизма Забайкалья хамбо-ламы Иролтуева Чойдока Доржи Иролтуевича в 1899 г. музеем были получены следующие книги: Чжадамба (книга в шёлковой обертке) – 1 шт.; Юм в шёлковой обертке – 16 шт.; Чжудши (книга по тибетской медицине на тибетском языке) – 1 шт.; Чжудши – 1 шт. (может быть,

иное издание); Лхантаб (справочник по медицине на тибетском языке) – 1 шт.; Лхантаб – 1 шт.; Чжан-Чой-Дон – 1 шт.; Рабель-Догний (богослужебная книга на тибетском языке) – 1 шт. Предполагается, что данные книги были ксилографические (обычно подобная литература печатается) и что они предназначались для временного дацана, построенного в виде выставочного в Чите в 1899 г. Научный интерес вызывает подбор текстов, книги относятся к философскому, религиозно-практическому и медицинскому жанру буддийской литературы. Это означает, что они охватывают всю область книжных увлечений местных буддистов и в определённой степени представляют мир буддийской книги Забайкалья.

Отдельно от предыдущих инвентарных записей стоит запись, указывающая на то, что в 1901 г. от Козина Дмитрия Ниловича поступила книга китайских законов, написанная на монгольском языке.

Судьба вышеуказанных дореволюционных памятников письменности Востока неизвестна. Среди книг, сохранившихся в фондах музея, эти тексты не обнаружены, исключение составляет только шестнадцатитомный Юм. Старейший хранитель музея Мария Ивановна Алферина предполагает, что книги, поступившие в период 1895–1899 гг., могли сгореть в 1914 г. во время пожара в Читинском городском «выставочном» дацане. В настоящее время коллекция тибетской и монгольской литературы состоит из поступлений периода 30-х гг. прошлого столетия. В инвентарной книге музея не были обнаружены сведения о данных поступлениях. Вероятнее всего, источником поступлений были закрывающиеся в это время буддийские монастыри Забайкалья.

Основную ценность современного фонда раритетных книг на тибетском и монгольском языках Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова составляют тексты канонического буддийского сборника Ганжур [тиб. bKa' 'gyur]. В музее хранится Нартанское издание данного сборника – наиболее полный (отсутствует четыре тома из 101), Пекинский на тибетском языке (6 томов раздела «Phal chen» на широких листах – № TF-0013(K)-0017(K)), Пекинский на тибетском языке (16 томов раздела «'bum» на узких листах № TF-0069(K2)-0074(K2), № TF-0113(K2)-

¹ Тибетские названия сочинений, упоминаемые в инвентарной книге музея, даны в соответствии с оригиналом.

0121(K2)), Пекинский на старомонгольском языке (7 томов раздела «Phal chen» на широких листах).

Чтобы понять научную значимость данной коллекции, необходимо, прежде всего, обратиться к вопросу о том, что собой представляет центрально-азиатский буддийский Канон, именуемый Ганжуром (Собрание слов, происходящих от самого Будды) [1]. Относительно истории создания и изданий Ганжура известно, что с VII в. н. э. по IX в. н. э. в Тибете шла активная деятельность по собиранию и переводу с иностранных языков (в основном с санскрита) базовых буддийских текстов. Хотя работы по переводу и собиранию текстов продолжались вплоть до XIII в., их первая систематизация произошла уже в IX в. Целенаправленная деятельность по систематизации огромного числа переведённых книг (определения уровня их авторитетности) в полном объёме происходит в X–XIII вв. Первый рукописный комплект Ганжура и Данжура, получивший название древнеартанского, был составлен по просьбе монгольского Буянту-хана в 1312–1320 гг. в монастыре Нартан. В 1320 г. крупнейший тибетский учёный Будон Ринчендуб создаёт в монастыре Жалу провинции Цанг (на основе артанского собрания) наиболее системный вариант Ганжура и Данжура, который становится эталонным. Считается, что благодаря данному событию труд нескольких поколений индийских и тибетских учёных был завершён. Первые рукописные копии артанского собрания издаются в монастыре «Цал Гунтан» провинции Уй (1347–1351). **Первое ксилографическое издание Ганжура произошло в Пекине в 1410 г.** Данное собрание известно под названием «Ганжур целпа». Оно послужило основой для изданий 1605, 1684–92, 1700, 1717–1720, 1737 гг. и **всех последующих после 1765 г.** В дальнейшем ксилографические издания Ганжура и Данжура были осуществлены в монастырях Дэрге, Нартан и Чонэ в XVIII в. Все эти издания практически не отличаются друг от друга, тем не менее между ними существуют определённые различия по количеству томов и систематизации.

Заказчиком первого ксилографического издания артанского Ганжура был известный регент далай-ламы VII – Соднам Тобчжай (bSod nams stobs rgyas). Грандиозное издание, – пишет А. И. Востриков, –

было осуществлено в необычайно короткий срок – в полтора года, с 26-го числа 8-го месяца года железо-пса (1730) по 26-е число 1-го месяца года воды-мыши (1732), благодаря чему это издание и получило своё название «Волшебная повозка» (rju 'phrul gyi shing rta) [2]. Хранимый в Читинском краеведческом музее сборник принадлежит именно к артанским изданиям Ганжура (1730–1732 гг.).

Артанское издание Ганжура состоит из 101 тома и делится на семь разделов: Виная – 13 томов, Праджняпарамита – 21 том, Буддааватамсака – 6 томов, Ратнакута – 6 томов, Сутры – 30 томов, Махапаринирвана-сутра – 2 тома, Тантры – 21 том. Есть ещё один дополнительный том — «Гарчаг» (специальный библиографический справочник), но он не входит в общее количество томов этого издания. В изучаемом фонде обнаружены два «гарчага»: «bKa' gyur rin po che'i mtsan tho bzhugs so» № TF-0001 (См. Пример 1); «bKa' gyur rin po che'i gsung par srid gsum rgyan gcig rdzu 'phrul shing rta'i dkar chag ngo mtsar bkod pa rgya mtsho'i lde mig ces bya ba bzhugs» № TF-0002.

Структура «артанского» Ганжура.

Виная. Раздел составляют семь трактатов по Винае. В оглавлении тексты группируются следующим образом.

1. «Винаявасту» ('dul ba gzhi), которая состоит из 109 частей и входит в первые четыре тома раздела, содержит правила поведения монахов в общине. В фонде это тома № № TF-0003; TF-0004; TF-0005; TF-0006.

2. «Пратимокша-сутра» (so sor thar pa'i mdo), где кратко излагаются 253 обета, обязательные для каждого члена общины. В фонде это том № TF-0007.

3. «Винаявибханга» ('dul ba nam par 'byed-pa), в котором обеты изложены более подробно и перечислены 90 видов греховных деяний. В фонде это тома № № TF-0008; 0009; 0010.

4. «Бхикшунипратимокша-сутра» (dge slon ma'i so sor thar pa'i mdo). В фонде это том № TF-0011.

5. «Бхикшунивинаявибханга» (dge slon ma'i dul ba nam par 'byed pa), посвящённые правилам поведения для монахинь.

6. «Винаякшудракавасту» ('dul ba phrang tshags kyi gzhi), где детализируются правила поведения монашества. В фонде это том № TF-0012.

7. «Винаюттарагрантха» ('dul ba gzhung bla ma), состоящая из различных молитвенных текстов и благопожеланий. В фонде это том № TF-0014.

Согласно записи из библиографического справочника, в этом разделе отсутствует том «Pha ra».

Праджняпарамита (Sher phyin). В разделе присутствуют четыре группы текстов.

1. «Большая Праджняпарамита» ('bum) состоит из одного обширного трактата «Шатасхасрика-праджняпарамита» (shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag) в 12 томах, который содержит 100 тыс. шлок, разделённых на 303 части. В фонде хранятся 11 томов № № TF-0015–0025, последний том «Na ra» отсутствует. Данному разделу соответствует раздел 16 томов пекинского издания на узких листах [(№ TF-0069(K2)-0074(K2), № TF-0113(K2)-0121(K2)], хранящихся в фонде.

2. «Средняя праджняпарамита» имеет три варианта: большой (rgyas pa), средний ('bring po) и сокращённый (bsdus pa).

Большой (nyi khri) — «Панчавимшати-сахасрика-праджняпарамита» (shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi zhu) — занимает 3 тома и состоит из 25 тыс. шлок, разделённых на 83 части. В фонде хранятся 3 тома № № TF-0026–0028.

Средний (khri brgyad stong) — «Аштасхасрика-праджняпарамита» (shes rab kyi pha rol tu phyin pa khri brgyad stong pa) — в трёх томах и состоит из 18 тыс. шлок, разделённых, на 60 частей. В фонде хранятся 3 тома № № TF-0029–0031.

Сокращённый (sher khri) — «Дашасхасрика-праджняпарамита» (shes rab kyi pha rol tu phyin pa khri ba) — составляет один том и содержит 10 тыс. шлок, разделённых на 34 части. В фонде хранится под № TF-0032.

3. «Краткая праджняпарамита» (brgyad stong) — трактат «Аштасхасрика-праджняпарамита» (shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa), который составляет один том и включает 8 тыс. шлок, разделённых на 24 части, составляет один том и содержит 10 тыс. шлок, разделённых на 34 части. В фонде хранится под № TF-0033/1.

4. В четвёртую группу (sher phyin sna tshags) входят различные сокращения «Праджняпарамиты». Так, к примеру, есть трактаты из 500, 300, 108 и 50 шлок. В фонде данное собрание хранится под № TF-0034/2.

Ратнакута (dKon brtsegs). Название раздела в буквальном переводе означает «собрание драгоценностей». «Ратнакута» состоит из шести томов и 49 глав, в которых собраны главным образом ответы Будды на вопросы его учеников и дано описание местопребывания дхьяни-будд. Фонд обладает всеми томами раздела № № TF-0034–38.

Буддааватамсака (Phal chen). Раздел состоит из одноимённого сочинения в шести томах, включающего 39 300 шлок, разделённых на 115 частей. Здесь трактуется понятие «Будда», приводятся сведения о пантеоне махаяны: история рождения и жизни различных будд, где они обитали, легенды об их подвигах и деяниях на благо веры, перечисляются их достоинства и пр. В фонде данные тома хранятся под № № TF-0039–44, нет последнего шестого тома. Данному разделу соответствует раздел пекинского издания на широких листах (№ TF-0013(K)-0017(K).

Сутры (Mdo mang). Это самый обширный раздел Ганчжура, состоит из 30 томов и 270 трактатов, в которых собраны истории из жизни Будды, истории о прежних перерождениях Будды из древнего жанра литературы — джатаки и аваданы. Фонд хранит полный комплект раздела сутры № № TF-0045–71, TF-0049/1, № TF-0052/1 и № TF-0094.

Махапаринирвана-сутра (Myang 'das). Раздел включает лишь один одноименный трактат, составляющий два тома. В данном сочинении излагается учение, данное Буддой Шакьямуни перед его смертью (махапаринирвана). В работе анализируется отличие между неокончательным достижением нирваны, которого Будда достиг в возрасте 35 лет, и окончательным. Эта сутра представляет собой ценный исторический источник, рассказывающий о последних днях жизни Будды. В фонде данная сутра хранится под № № TF-0072–73.

Тантры (rGyud 'bum). Раздел составляет 21 том и содержит 423 трактата, в которых речь идёт о четырёх степенях тантрийской мистики (кроя-тантре, чарья-тантре, йога-тантре и ануттара-йога-тантре), даются описания мандал различных божеств, техники жертвоприношений, психосоматические методы, приводятся мантры, заклинания, гимны. В гарчаге указываются два типа классификации тантрических текстов: старая и новая. По старой класси-

фикации тантры делились на три раздела: адвайя-тантры, праджня-йогины-тантры и упайя-йогины-тантры. Согласно новой классификации, выделяются четыре раздела: ануттара-йога-тантры, йога-тантры, чарья-тантры и крия-тантры. Очевидно, новая классификация была выработана в связи с накоплением новых переводов текстов, связанных с тантрой. Её создатели стремились связать обе классификации. Так, в гарчаге приводится высказывание Цзонкханы (1357–1419), основателя секты гелугпа в Тибете, о том, что «Аннуттара-йога-тантра» полностью соответствует «Адвайи-тантре». Второй и третий пункты старой классификации были включены как подпункты в группу «йога-тантры» новой классификации.

Фактически раздел «Тантры» нартанского Ганжура состоит из шести групп текстов.

Адвайя-тантры — пять трактатов, относящихся главным образом к системе Калачакры, входят в первый том (№ TF-0074).

1. Вторая группа состоит из двух частей:
а) йогиня-тантры — 62 сочинения (т. 1–7; № TF-0074–80);

б) йога-тантры: тантры методов медитации — 5 сочинений (т. 7 и 8; № TF-0080–81) и тантры мудрости — 10 сочинений (т. 8 и 9; № TF-0081–82).

3. Чарья-тантры — шесть сочинений (т. 10 и 11; № TF-0083–84).

4. Крия-тантры — самая большая группа текстов, включает 281 текст и составляет т. 11–18 (№ TF-0085–89).

5. К тантрам старинных текстов относится 21 трактат (т. 19–21; № TF-0090–92).

6. «Дополнительные тантры» состоят из 27 трактатов. Эти тантры не включены в гарчаг чамдоского издания. В общей сложности в разделе «Тантры» в Ганчжуре нартанского издания насчитывается 423 со-

чинения. Существуют и другие классификации материалов, связанных с тантрийскими культами и практикой, например классификация по персоналии божеств. Различные классификационные системы отражают процесс развития тантрийской мистики и практики, что требует специального изучения.

В разделе Тантры нартанского издания, принадлежащего фонду, отсутствует том «Pha ra».

Помимо нартанского издания в фонде музея имеется три «раздела» сборника пекинского издания Ганжура. Данные сборники являются не менее ценными по сравнению с полным Ганжуром. Пекинские издания отдельных разделов Ганжура не являются остатками от полного собрания, это оригинальные самостоятельные публикации. В середине XVIII в. в Пекине получила распространение деятельность по выпуску отдельных «наиболее значимых» разделов из Ганжура (Юм, Палчен). В Забайкальском краевом краеведческом музее хранятся экземпляры, которые являются археографическим примером данной деятельности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что проведённые в 2004 г. работы позволили сделать внутреннюю инвентаризацию (в соответствии с собственным порядком расставить тома, провести пагинацию страниц и т. д.), создать электронный каталог (база данных в программе Microsoft Access по 22 параметрам) и картотечный каталог, провести первоначальную атрибуцию сочинений.

Научная и культурная значимость коллекции восточных книг Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова бесспорна. Изучение данной коллекции позволит по-новому взглянуть на историю и культуру Забайкальского края.

Список литературы

1. Введение в изучение Ганчжура и Данчжуа: историко-библиографический очерк / Н. Д. Болсохоева [и др.]. Новосибирск: Наука, 1989. 196 с.
2. Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 428 с.
3. Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова: [сайт]. URL: <http://museums75.ru/> (дата обращения: 15.02.2013).

References

1. Vvedenie v izuchenie Ganchzhura i Danchzhua: istoriko-bibliograficheskij ocherk / N. D. Bolsohoeva [i dr.]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 196 s.
2. Vostrikov A. I. Tibetskaja istoricheskaja literatura. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1962. 428 s.
3. Zabajkal'skij kraevoj kraevedcheskij muzej im. A. K. Kuznecova: [sajt]. URL: <http://museums75.ru/> (data obrashhenija: 15.02.2013).

Статья поступила в редакцию 24.01.2013

УДК 94
ББК 63.2

Цымжит Пурбуевна Ванчикова,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии,
Сибирское отделение Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: vanchikova.ts@gmail.com

К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории»¹

Личность Чингис-хана всегда вызывала неоднозначный интерес. В советской историографии он рассматривался как дикий и жестокий завоеватель. В связи с началом демократических перемен появилась возможность объективной оценки его деятельности, роли и места в истории. В статье рассматриваются истоки возникновения культа Чингис-хана на материалах «Белой истории», первого письменного свода законов составленного во второй половине XIII в. первым юаньским императором Хубилай-ханом совместно с тибетскими буддийскими монахами школы Сакья. В работе использованы уникальные сведения статьи Ц. Ж. Жамцарано, в которой им впервые было дано описание памятного мемориала Чингис-хана, основанного по указу императора и находящегося в Ордосе, Внутренней Монголии.

Ключевые слова: Чингис-хан, перерожденец Ваджрапани, возникновение культа Чингис-хана, «Белая история», основной закон Монгольской империи, Ордос, 8 белых юрт, современные интерпретации.

Tsymzhit Purbuevna Vanchikova,
Doctor of History, Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: vanchikova.ts@gmail.com

To the Question of Genghis Khan Veneration: Based on *The White History*

Genghis Khan's personality has always been of ambiguous interest. In Soviet historiography, he was regarded as a wild and cruel conqueror. Due to the beginning of the democratic changes there appeared an opportunity to evaluate objectively his role and his place in the world history. The article deals with the origin of the cult of Genghis Khan according to the materials of *The White History*, the first written code of laws compiled in the second half of the 13th century by the first Yuan emperor Khubilai Khan together with Tibetan Buddhist monks of the Sakya school. In the article unique information from the work by Tsyben Zhamtsarano in which he gives the first description of Genghis Khan's memorial situated in Ordos, Inner Mongolia was used.

Keywords: Genghis Khan, reincarnation of Vajrapani, origin of Genghis Khan's cult, *White History*, the main law of the Mongolian empire, Ordos, eight white yurts, modern interpretations.

Тема статьи тесно связана с проблемой о роли личности Чингис-хана в мировой истории и в истории Монголии соответственно. Имя Чингис-хана не утратило своего политического значения и для современной Монголии, явным подтверждением чему являются многие факты, такие как использование символов государственной власти, установленных Чингис-ханом и его последователями в современных реалиях, возведение памятника Чингис-хана на

центральной площади Улан-Батора перед зданием правительства, проведение государственных обрядов поклонения горе Бурхан-Халдун, официальное установление празднования Дня рождения Чингис-хана 14 ноября каждого года, начиная с 2012 г., названного «Днём монгольской гордости» (Монголын бахархалын өдөр), церемонии принятия воинской присяги перед воинским знаменем Монголии (Хара сулдэ) и многое другое.

¹ Публикация подготовлена в рамках совместного проекта СО РАН и АН Монголии и Министерства образования, культуры и науки Монголии № 17 «Монголия-Сибирь в ретроспективе веков (17–21 вв.)»

Во Внутренней Монголии, в Ордосе, до настоящего времени сохранился и развивается культ почитания Чингис-хана, трансформированного и адаптированного к современным условиям. Всё это актуализирует исследования, посвящённые истории возникновения и функционирования культа Чингис-хана, необходимые для того, чтобы дать объективную оценку данного феномена, выявить его роль и значение в жизни современного общества. Исходя из вышеизложенного, целью статьи является выявление его истоков и установления основ государственного культа почитания Чингис-хана, которые впервые были систематически изложены в «Белой истории» (ᠰᠠᠷᠠ ᠲᠦᠭᠢ), монгольском историко-правовом сочинении, составленном во второй половине XIII в. Хубилай-ханом, в котором Чингис-хан впервые назван перерожденцем буддийского божества Ваджрапани: *vaḥir-a-baani-yin qubilyan temüjin neretü köbegün törijü* [1, с. 36], ставшего гением-хранителем монголов и Монголии.

Как известно, при жизни Чингис-хан не стремился к личному возвеличиванию и обходился именем и титулом всемонгольского хана.

Монголы стали почитать своего великого лидера и основателя государства сразу же после его кончины. После смерти Чингис-хана в 1227 г. его тело было тайно похоронено в соответствии с традиционными монгольскими обычаями.

Рашид-ад-дин в «Сборнике летописей» пишет, что Чингис похоронен на горе Бурхан-Халдун (в верховьях Онона и Толы в Халхе) и что место его погребения охраняется особым караулом из племени урянхат: «В Монголии есть большая гора, которую называют Буркан-Калдун... Чингиз-хан [сам] выбрал место для своего погребения и повелел: «Наше место погребения и нашего урука будет здесь!»... Дело обстояло так: однажды Чингиз-хан был на охоте; в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешил под ним и обрёл некую отраду. Он сказал: «Эта местность – подходящая для моего погребения! Пусть её отметят!». Во время оплакивания люди, которые слышали тогда от него эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры, согласно его повелению, избрали ту местность [для его могилы]. Говорят, [что] в том же самом

году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его [Чингиз-хана] погребения [совершенно] не опознают. Даже старые лесные стражи, охраняющие то место [куругчиян], и те не находят к нему пути. ... Охранители этого великого заповедника [гурук] суть эмиры племени урянкат» [6, с. 233–235].

В монгольских исторических преданиях, например, в «Эрдэнийн эрихэ», в «Алтан тобчи» и других летописях приводятся разные версии о месте захоронения Чингис-хана; например, в «Эрдэнийн эрихэ» сообщается: «Он был сыном Хормуста-тэнгри... Поскольку каждый, умирая, должен оставить своё священное тело на месте, то прах Чингиса-хагана также остался на земле. Его прах поместили в небесном дворце, называемом «Цомцог»» [2, с. 152]. В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, так же и в «Шара туджи», указано, что «Подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэк» [5, с. 242].

Относительно выбора места для возведения восьми белых дворцов-юрт для совершения подношений Чингис-хану и обрядов, связанных с его именем, нет конкретных сведений за исключением монгольской легенды, которая встречается также в нескольких вариантах. В монгольской летописи XVII в. «Шара туджи» об оставлении для почитания реликвий – личных вещей Чингис-хана в местности Муна сказано следующее, что во время похода против тангутов государь отметил хошун Муна: «В мирной державе – удобное кочевье, в разорённой дубраве – убежище. Преследуемый изюбрь ищет защиты!». Когда же процессия с телом достигла «болотца у склона горы Муна, то ступицы одноколки погрязли. Сорок пять аргамаков не смогли сдвинуть». И лишь после речи суннитского Хилугэтэй Багатура, который напомнил государю о родных кочевьях, одноколка двинулась. «С тех пор самый вечный прах его стал опорой для ханов и дзайсанов, стал святыней для всех, стал самыми вечны-

ми устоями, восемью белыми юртами. Ещё раньше, когда Эдзэн-богдо шёл здесь, то любовался местом Муна-хан и повеление сделал, и говорят, что это было причиной того, что теперь ступицы повозки погрязли ... Там, говорят, похоронили рубашку, которую носил, и один чулок» [8, с. 135–137].

В «Алтан тобчи» имеется уточнение о том, что, поскольку среди монголов были распространены «слухи», говорящие, что Чингис похоронен около горы Муна, на самом деле «погребли [в этом месте] только его одежду и чулки [и поставили над ними юрту]», а народу обманно объявили, что хан похоронен здесь [5, с. 242]. Потому, возможно, что в Ордосе были захоронены личные вещи хана под видом настоящей гробницы для того, чтобы удовлетворить потребность народа в почитании хана, а затем, спустя несколько лет, по указу Хубилай-хана вокруг этого места были установлены восемь белых юрт-дворцов.

Действительное место захоронения Чингис-хана до сих пор не установлено и всё ещё является предметом дискуссий.

Официальные же церемонии почитания Чингиса происходят в Ордосе, в местности Баян Чомчук, в Эджен-Хоро. Здесь производятся подношения Чингису-хану, хранятся его реликвии, но не его останки.

Впервые научное описание Эджен Хоро было выполнено в 1910 г. Ц. Жамцарано, который писал: «... в настоящее время, приехав в Эджен Хоро, мы находим весьма жалкую, заброшенную войлочную юрту на кирпичной платформе. Юрта называется «Чомчук»... Она увенчана золотой верхушкой, окон нет, дымовое отверстие почти всегда закрыто, а поэтому в юрте царит полумрак: свет падает через дверь и от лампад. Здесь-то и хранятся реликвии Чингиса...

В северо-западном углу платформы, недалеко от «Чомчук», стоит одна юрточка под названием шан, или сан, т. е. казна... На восточной стороне от Чомчук стоит другая юрточка для сторожа. Все юрты заключены в ограду, сложенную из досок. Ограда охватывает лишь северную половину платформы, так что южная половина платформы совершенно открыта и предназначена для молящихся... В саженях пятидесяти

к северу от Чомчук расположился маленький аул дархатов, примерно 30 семейств» [4, с. 199–200].

Мы не ставим целью дать этнографическое описание культа Чингис-хана. Этот вопрос наиболее полно освещён в работе Ц. Ж. Жамцарано [4], а также в исследованиях С. Д. Дылыкова, К. Сагастера, Е. Кьодо, ученых Внутренней Монголии Сайн-жаргала и Шаралдая и др. [3; 7; 9; 10; 11; 13; 14; 15].

Согласно сведениям дархатов, обряды почитания Чингис-хана начались с Угэдэй-хана (1186–1241), второго великого хана Монгольской империи и третьего сына Чингис-хана.

В «Белой истории» сообщается, что официальное почитание Чингис-хана было установлено Хубилай-ханом (1215–1294), пятым великим ханом Монгольской империи, правнуком Чингис-хана, который законодательно установил культ почитания Чингис-хана: «Хубилай Сэчэн-хаган, воздвигнув восемь белых юрт для всеобщего поклонения Алтан-гэгэну [т. е. Чингис-хану], установил великий... обычай» (yeke yauiqamsiytu-yin tula mingyan altan kürdün-i ergigülügçi qubilai cakravar-un sečen qaγan altan // 1v gegen-ü yerüngkei-yin sitügen naiman čaγan ger-i bayiyulju torγan (?) yeke yosu-yi toytaγaysan anu) [1, с. 28].

Как гласит «Белая история», мемориал в память о Чингис-хане, называемый «Восемь белых юрт» и находящийся в Ордосе, был учреждён Хубилаем [1, с. 28–29] в шестом месяце третьего года его правления, т. е. в 1267 г., по докладу нескольких сановников – сыновей соратников-гвардейцев Чингис-хана [4, с. 195].

Хубилай-ханом было выделено определённое количество монголов (в то время 500 семей) из всех племён Монгольской империи, названных дархатами, которые были отобраны для управления и наблюдения за отправление церемоний и обрядов почитания Чингис-хана и защиты восьми белых юрт (дворцов), которые впервые были изложены в «Белой истории»: «[Возложив] подношение нужных предметов для праздника жертвоприношения четырём временам (dörben čaγ-un tayiγ-a-yin qurim)

на тумэн двенадцати отоков ордосов¹, постановил строго совершать подношения» (takiqu dörben čay-un tayily-a-yin qurim-du kereglekü jüil-i arban qoyar otoγ ordos tümen-dür qatangyadqan takiqu bolγan toytayabai [1, с. 28]. В соответствии с установленными правилами они были освобождены от оплаты всех налогов, податей и военной службы, потому их и называли дархатами, т. е. освобождёнными от налогов или каких-либо обязанностей.

По указу Хубилай-хана была также создана и утверждена административная структура дархатов, которая поддерживалась в течение веков вплоть до настоящего времени. Так, в «Белой истории» говорится: «Из вельмож, по правилам управляющими жертвоприношениями всеобщему [объекту] поклонения, главный – хонджин², второй – илгагчи-тайши³, [следующие] – зайсан⁴, нойоны сорока юрт⁵, четыре

дархата⁶» (ene yerüŋkei-yin šitügen-ü takil tabiy-i yosučilan jakirqu tüšimed-ün terigün qonjin: ded ilγayči tayiši: jayisang: döčün ger-ün noyad dörben darqad [1, с. 28]). В «Белой истории» также упоминается, что всех должностей у дархатов было 61 [Там же]. В период маньчжурского правления, несмотря на коренные изменения, произведённые в традиционной монгольской административной структуре (таких, как установление знамен и сеймов), только административная структура дархатов сохранилась без крупных изменений.

Согласно «Белой истории» общий надзор за правильностью отправления культа и за дархатами принадлежал джинону, который упоминается наравне с ханом и скорее всего им назначался, один из представителей ханского рода: «Штраф с нойонов юрт⁷ взимают хан и джинон⁸ (ger-ün noyad-un anju-yi qaγan ba jinong abtuγai) [1, с. 30]. В период Монгольской империи он был высшим чиновником, ответственным за порядок совершения обрядов. В последующий период, до маньчжурского правления, титул «джинон» стал обозначать чиновника, который, главным образом, ведал государственными делами в дополнение к делам, связанными с проведением обрядов и церемоний. Во времена маньчжуров власть джинона была ограничена, но, тем не менее, он оставался главой дархатов и назначался непосредственно маньчжурским двором. Джинон не был ни дархатом, ни чиновником (ямутад), им мог стать только человек, принадлежавший к золотому роду (altan uruγ) борджигин [4, с. 198].

Судя по тексту «Белой истории», все расходы по содержанию дархатов, по проведению обрядов возлагались на монгольское население, в случае не надлежащего исполнения обязанностей с чиновников взимался штраф. Из содержания «Белой

¹ Двенадцать отоков десяти тысяч ордосов (arban qoyar otoγ ordos tümen). Современное южно-монгольское племя ордосов относится к так называемым «новым племенам», которые возникли в процессе образования монгольского государства, так же как и кэшигтэны и торгуты. Кэшигтэны были телохранителями Чингис-хана, а торгуты – специальной дневной охраной. Ордосы, кэшигтэны и торгуты состояли из особенно надёжных «членов различных племен и их семей, которые с течением времени срослись в новые объединения» [14, с. 223].

² Qonjin – древнемонгольское название одного из восьми чиновников (naiman yamutan), возглавляющих дархатов, в обязанности которого входило исполнение гимна во время жертвоприношения Чингис-хану [4, с. 199]. В комментариях к «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэчэна – «хонджин – название чиновника, отвечающего за правильность церемоний и обрядов» (yosulal-un kereg yabudal-i erkilekü) [12, с. 344].

³ Ilγayči tayiši – этим термином обозначались четыре тайши: nomči tayiši, törüči tayiši, erkilegči tayiši и öljei tayiši. Тайши > от кит. «Тай-ши», переводимого как «великий учитель, наставник», – один из административных институтов, образованных при Чингис-хане. Носители этого титула были одними из высших придворных чиновников. Здесь речь пойдёт о тайши – одном из восьми чиновников, хранителей культа Чингис-хана у дархатов, в обязанности которого входило хранение ключа от сундука с реликвиями Чингиса и его супруги [4, с. 198; 14].

⁴ Судя по тексту, зайсан наряду с тайши возглавлял оток ордосских дархатов, в обязанности которых входило наблюдение за юртой и реликвиями Чингис-хана. Как пишет Ц. Жамцарано: «роль зайсана – распорядительная» [4, с. 198; 14, с. 214].

⁵ Döčün ger-ün noyad – букв. переводится как «нойоны сорока юрт». В данном случае предпочтительней вариант перевода «сорок нойонов юрт», т. к. общеизвестно число юрт, посвящённых Чингис-хану – «восемь белых юрт» (naiman čaγan ger). Нойоны юрт – должность надсмотрщиков за юртами с реликвиями Чингис-хана.

⁶ Четыре дархата – четыре особых ордосских поколения от четырёх приближённых Чингис-хана, которых он за их особые заслуги освободил от налогов и которые являются хранителями культа Чингис-хана, основанного Хубилай-ханом и в их обязанности входит забота о «восемь белых юртах» (см. выше). Четыре дархата вместе с сорока нойонами юрт являются одними из высших служащих в чиновничьем аппарате, список которых приводится в «Чаган тэукэ».

⁷ Нойоны юрт – должность надсмотрщиков за юртами с реликвиями Чингис-хана.

⁸ Джинон – распорядитель, глава над дархатами, назначавшийся ещё со времен Канси указом Богдо-хана.

истории» видно, что в качестве дани для проведения обрядов с населения взимались: айрак, архи, арза¹, войлок, топливо (дрова), скот (лошади, овцы, верблюды). За количеством и качеством предоставляемой дани осуществлялся строгий контроль, в случае отсутствия или плохого качества накладывался штраф, о чём детально повествуется в тексте «Белой истории». Например, «Если не хватает дерева для дворцового становища, то с каждого дерева снимать по одному *boda*². Если не хватает меры войлока [для юрты] или он плохой, то незамедлительно изъять две лошади. Если его совсем не хватает, то нойоны юрт должны платить штраф. Как штраф изъять две девятки [скота] во главе с верблюдом. Если у человека, который приготовил коня, барана, айрак, араки, арза, другой человек отберёт, то наложить [на последнего] штраф – одну девятку скота во главе с верблюдом. Взыскание установленной дани с двенадцати внешних отоков возлагается на нойонов юрт и старейшин» (*terigülegçi-ner*) [1, с. 28–30]. Общий контроль над сбором дани и по сбору штрафов с населения и с провинившихся чиновников должен был осуществляться джиноном.

Наивысшим же чином – ноеном над дархатами был джинон, функции которого были надзирательные и контролирующие. Так, в его обязанности входил сбор штрафов с дархатов: «Штраф с нойонов юрт взимают хан и джинон» (*ger-ün noyad-un anju-yi qaγan ba jinong abtuγai*) [Там же].

Непосредственно для исполнения церемоний официально назначались специальные чиновники – восемь больших ямутад (*naiman yeke yamutad*) с определёнными должностями и ответственностью. Ямутан – чиновник из дархатов, отвечающий за совершение и проведение обрядов подно-

шений и других дел, связанных с восемью белыми юртами и обрядами. В то время как джинон, скорее всего, почётный титул чиновника, который посещает обряды и проводит их от имени монгольского двора, – не отвечает за ежедневные обряды, за которые ответственны ямутад [1, с. 72].

Ц. Ж. Жамцарано приводит названия этих восьми сановников, которые делятся на 2 ранга: 1-го ранга – тайши, тайбу, зайсан, хонджин; рангом ниже: кухо, черби, чинсан и кашха. Как он пишет, ему удалось установить обязанности только некоторых из них: так, например, тайши хранит ключ от сундука, в котором хранятся реликвии Чингиса и его супруги. Тайбу во время жертвоприношений вместе с кашха подаёт высокопоставленным гостям вино в золотых рюмках. Хонджин поёт гимн. Кухо произносит великую и малую речь в честь Чингиса во время кровавых жертвоприношений, а чинсан наговаривает при ворожбе на бараньих внутренностях. Роль зайсана – распорядительная, роль черби – неопределённая, он как бы исполняет особые поручения при дворе [4, с. 198].

Далее идут более мелкие чины, как-то, *галчи* (сухечи), в обязанности которого входит разжигание огня в очаге Чингиса, т. е. перед реликвиями, и поддержание постоянного огня лампы. *Маннайчи* и *табуд* подают блюда и приборы Чингису во время подношения; *иру* зачинает в хоре, когда поют гимн перед и во время жертвоприношения; *чарги-чи* бряцает дощечками во время пира; *тул* режет мясо на соответствующие порции согласно ритуалу и раздает, кому что следует, согласно положению или чину; *хумхачи* наливает вино в бокалы, *харулчи* возвращает бокал от эджена; *иролчи* говорит благопожелания; на празднества приезжает *джилочи*, т. е. конюх, причём *йеке джилочи* – конюх государя, а *бага джилочи* – конюх государыни. Есть номинальные военные звания, как, например, *тумету* – десяти тысячник, *мингату* – тысячник [4, с. 199].

Такова была структура и обязанности дархатов, специальной группы людей, предназначением которых было служить культуре Чингис-хана в Ордосе, в восьми белых дворцах к началу XX в.

Что же касается самих обрядов, то в «Белой истории» сообщается, что специальным указом Хубилая были установлены

¹ Айрак, араки и арза (*ayiraγ, araki, araja*): айрак – кумыс, араки – молочная водка первичной перегонки и арза – водка двухкратной перегонки. Все эти продукты изготавливались из молока. Таким образом, в дань входили и молочные продукты.

² Бодо (*boda, bodu*) – единица измерения скота, состоящая из одной коровы или быка, одной лошади, половины верблюда, семи овец или четырнадцати коз. Бодо – букв. «крупный скот» – условная единица, употребляемая при подсчёте скота разных видов в переводе на одну голову крупного скота. Состав бодо не был постоянным, он мог изменяться. Например, количество скота, составлявшего один бодо, в «Их цааз» равнялось одному коню, одной корове и пяти овцам; два бодо равнялись одному верблюду [3, с. 39].

четыре даты в году («праздники подношений четырёх времён»¹), которые официально вводили культ основателя монгольской государственности – Чингис-хана в государственный годичный цикл праздников, в котором эпизоды жизни Чингис-хана были скоррелированы с важнейшими народными обрядами монголов: 3-го числа первого зимнего месяца отмечался день рождения² Чингис-хана «милагад»³. Поэтому совершать праздник [в честь] отпускания зимней тасумы⁴ в этот день» [1, с. 50]; 21-го числа третьего месяца весны – в день получения первого молока кобылиц: «Когда Чингис-хаган, привязав девяносто девять кобылиц, разбрызгивал белое жертвоприношение»⁵.

¹ Праздники четырёх времён. Возникновение культа почитания духа Чингис-хана было начато Угэдэй-ханом. Официально культ был разработан и утверждён Хубилаем. В соответствии с принципами «двух законов» все проводимые в Юаньской империи празднества делились на религиозные и светские. Первые были связаны с основными событиями из жизни Будды: его рождением, борьбой и победой над инаковерцами, достижением просветления и уходом в нирвану. В эти дни совершались большие богослужения в храмах. Вторые, по аналогии с религиозными, связаны с теми или иными событиями из жизни Чингис-хана. Первые назывались «благодеяния четырёх времён» (*dörben çaу-un buyan*), а вторые – «праздники четырёх времён». Подробные описания проведения празднеств и обрядов, посвящённых Чингис-хану, даны Ц. Жамцарано [4, с. 200–300] и Сайнжаргалом и Шаралдаем [15, с. 22–241].

² Относительно года и дня рождения Чингис-хана нет единого мнения ни в монгольских летописях, ни у исследователей. Большинство учёных склонно считать наиболее точной датой его рождения 1162 г., а день его рождения – 1-е число первого зимнего месяца (хотя согласно «Белой истории»: «в средний зимний месяц» (*ebül-ün dumda-du quluуun-a sar-a yulan šinede*) [1, с. 51], а на третий день после его рождения отмечался праздник его пленения (*tasma*).

³ Милийагад (*miliyaуad < milaуaqи* – «мазать маслом, сметаной изображения онгонов»). Милагад или милагуд – название обряда, проводимого по случаю рождения ребёнка, в данном случае Чингис-хана.

⁴ Тасума (*tasam-a, tasm-a, tasaman*) – тесьма, ремень, узкая полоска кожи. Как отмечает Ц. Жамцарано, так называется зимний праздник, связанный с обрядом пленения Чингис-хана на третий день после его рождения. Согласно обряду, в этот день смотрители юрт открывают сундук Чингис-хана и вынимают содержимое – две подушечки, обвязанные длинным ремешком – тесьмой (*tasum-a*), снимают старую тесьму и заменяют новой. Освободившийся ремень режут на кусочки и раздают молящимся как талисманы [4, с. 228]. Сайнжаргал и Сайшиялту приводят другую мотивацию этого праздника, которую они получили от дархатов, а именно – что этот обряд знаменует собой перевязывание тесьмой пуповины Чингиса после его рождения.

⁵ Белое жертвоприношение (*сауан саcили*) – обычно в качестве подношений божествам приносились молоко, чай, забелённый молоком, зерно, разные продукты и лучшие части мяса, порезанные на мелкие кусочки. В данном случае имеется в виду подношение молоком. В списках CI-III вместо *сауан* дано *сау* («время, сезон»), что может быть переведено как «сезонное».

Поэтому совершать праздник весны в тот день» [Там же]; 15-го числа восьмого (летнего) месяца, когда начиналась дойка кумыса: «[Чингис] шестнадцатого [числа] луны морин (лошади), среднего месяца лета, привязав триста дойных кобылиц, отмечая получение молозива, совершил обряд получения молозива и приплода»⁶. [Потому] совершать праздник лета в тот день» [1, с. 51]. И осенний праздник – 20-го числа среднего осеннего месяца, когда по обычаю прекращается доение кобылиц в день первого самостоятельного выпаса жеребят [Там же]. Помимо этого, согласно Ц. Жамцарано, дархатами ежедневно утром Чингис-хану совершаются небольшие молебствия во время добавления масла в лампаду, которая должна гореть постоянно, и при возжигании благовоний. Кроме того, в начале каждого месяца ему подносят барана и вино [4, с. 200].

Как известно, монголы исконно поклонялись предкам и Вечному синему небу, которым совершались подношения. Согласно Шаралдаю и Сайнжаргалу, все обряды, совершаемые в белых юртах, можно разделить на религиозные (*süsüg-ün tayily-a*), ежемесячные и сезонные [15].

Месячные и сезонные праздники-церемонии (*tayily-a*) имели фиксированное время проведения и размер подношений. Месячные подношения были следующие: праздник Белого месяца проводился в первый день Нового года (*šine-yin nige*) и на третий день (*šine-yin yurban*). О сезонных было сказано выше.

Помимо этих крупных официальных обрядов религиозные обряды совершались и по требованиям паломников. Они могли выбирать подходящий день (или) время для совершения подношений хану. Размер под-

⁶ Получение молозива и приплода – буквальный перевод словосочетания *уурау үрис-йен үрауаусан*, обозначающего древне-монгольский народный обряд, связанный с первой дойкой кобылиц и закваской кобыльего молока и восходящий к культу почитания коня. Основная суть его заключается в совершении жертвоприношения кобыльим молоком божествам и хозяевам местности с целью испрашивания крепкого молодняка и обильных надоев. Этот обряд (*урс гаргах*) сохранился у монголов до наших дней как праздник получения первого кумыса. Порядок проведения этого сезонного праздника, основные обряды, совершаемые во время него, описаны Ч. Содномом [7, с. 29–40]. В связи с установлением культа почитания Чингис-хана монгольские народные календарные праздники были привязаны к отдельным событиям жизни Чингис-хана. (О том, как отмечаются эти праздники, см.: 15, с. 22–122.)

ношений колебался от полкило (kem) масла до крупного рогатого скота (boda mal), в состав которого могли входить лошади, верблюды и быки. Как отмечает Ц. Ж. Жамцарано, чествование Чингиса носит чисто шаманский характер. Все виденные им обряды почитания Чингис-хана отражают религиозные представления монголов XIII в., когда были установлены эти обряды. Три основных момента шаманства, а именно: 1) культ предков (обряд *гарли*); 2) культ огня и 3) почитание тэнгриев сохранились полностью в Эджен-Хоро [4, с. 229].

Наряду с шаманским, как пишет Ц. Ж. Жамцарано, имеется ещё и ламский способ почитания Чингиса. В Эджен-Хоро он видел несколько лам из дархатов, которые на тибетском языке читали гимновосхваление Чингис-хана, возжигали благовонные палочки-худжи и лампадку-зула перед ним, подносили вино. Ламский способ почитания, возможно, был установлен третьим Далай-ламой и пятым Панчен-ламой [4, с. 229].

Итак, из текста «Белой истории» явствует, что при внуке Чингис-хана был официально утверждён государственный культ почитания основателя монгольского государства, в котором Чингис-хан идентифицируется с буддийским божеством Ваджрапани и превращается в верховное божество, небесного покровителя жизни и благосостояния людей. Мы видим также, что был создан специальный слой людей, ответ-

ственных за исполнение и правильность соблюдения культа почитания Чингис-хана, которые сохранили в незыблемости традиции, заложенные ещё в XIII в.

Таким образом, в период правления Хубилай-хана культ почитания предка – основателя государства и династии развивается до культа божества, главного династийного и имперского культа. Важно в этой связи особо обратить внимание на следующее обстоятельство. Несмотря на то, что императорский двор находился на территории многомиллионного Китая, а китайские церемониал и административная система оказали значительное влияние на монгольскую династию во всех отношениях, тем не менее, государственная символика монгольской династии произрастала из традиций монгольской культуры, образа жизни и системы ценностей, хотя и была официально соотнесена с буддийскими религиозными праздниками. Сугубо династийный культ Чингис-хана, его ритуалы и символика никогда не утрачивали связи с корневой основой – образом жизни и духом монгольского народа.

Мы лишь обращаем внимание на то, что в культе Чингис-хана присутствует эволюционная нить преемственности от культа вождя – лидера военного союза до всеимперского культа основоположника Монгольского государства, обожествлённого в последующих поколениях и не потерявшего своего значения до настоящего времени.

Список литературы

1. «Белая история» (Сагап теүке) – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / сост. критического текста и пер. «Белой истории» П. Б. Балданжапова; иссл., сост. коммент., подгот. текста «Белой истории» к публ., пер. и коммент. к «Шаштре хана-чакравартина» и «Шаштре Орунга» Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 2001.
2. Галдан. История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ» / иссл. и коммен. пер. на русск. яз. П. Б. Балданжапова; введение, подгот. к публ., доп. к коммент., пер. глав 45–47 Ц. П. Ванчиковой. Улан-Батор; Улан-Удэ: Адмон, 2012.
3. Дылыков С. Д. Эджен-Хоро // Филология и история монгольских народов. (Памяти акад. Б. Я. Владимирцова). М., 1958.
4. Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // САЖ. Vol. VI, № 3. 1961. P. 194–234.
5. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., иссл. и примеч. Н. Г. Шастиной. М.: Восточная литература, 1973.
6. Рашид ад-дин: сб. летописей / пер. с перс. А. К. Арэндса. М.; Л., 1946.
7. Содном Ч. Гүүний үрс гаргах ёс. Этнографийн тэмдэглэл // Studia Ethnographica. Т. II, fasc. 15. Улаанбаатар, 1965. С. 29–40.
8. «Шара туджи» – монгольская летопись XVII в. / сводный текст, пер., введ. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957.

9. Chiodo Elisabetta. "The Book of the offerings to the Holy Cinggis Qayan". A Mongolian Ritual Text // ZAS. Bd. 22. 1989/1991. C. 190–220; Part II: ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 84–144.
10. Chiodo Elisabetta. History and legend: The Nine Paladins of Cinggis (Yisün örlüg) according to the "Great Prayer" (Yeke öčig) // UAJ. Neue Folge. Bd. 13. 1994. C. 175–225.
11. Chiodo Elisabetta. The Black Standard (qara sülde) of Cinggis Qayan in Baruun Xüree // UAJ. Neue Folge. Bd. 15. 1997/1998. C. 250–254.
12. Sayang Sečen. Erdeni-yin tobči / Kökeöndür yarıyulan tayilburilaba. Köke qota, 1987.
13. Sagaster K. Ein Ritual aus dem heutigen Cinggis-Heiligtum in Ordos // ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 145–151.
14. [Sagaster K.]. Die Weisse Geschichte (Čayan teüke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen, Religion und Kommentiert von K. Sagaster // AF, B. 41. Wiesbaden, 1976.
15. Sayin Jiryal, Šaraldai. Altan ordon-u tayily-a. Begejing, 1983.

References

1. «Belaja istorija» (Čayan teüke) – mongol'skij istoriko-pravovoj pamjatnik XIII–XVI vv. / sost. kritičeskogo teksta i per. «Beloj istorii» P. B. Baldanzhapova; issl., sost. komment., podgot. teksta «Beloj istorii» k publ., per. i komment. k «Shastre hana-chakravartina» i «Shastre Orunga» C. P. Vanchikovej. Ulan-Udje: Izd-vo BNC, 2001.
2. Galdan. Istorija, imenuemaja «Jerdjenijn jerihje» / issl. i kommen. per. na russk. jaz. P. B. Baldanzhapova; vvedenie, podgot. k publ., dop. k komment., per. glav 45–47 C. P. Vanchikovej. Ulan-Bator; Ulan-Udje: Admon, 2012.
3. Dylykov S. D. Jedzhjen-Hopo // Filologija i istorija mongol'skih napodov. (Pamjati akad. B.Ja. Vladimircova). M., 1958.
4. Zhamcapano C. Kul't Chingisa v Opdose. Iz puteshestvija v Juzhnuju Mongoliju v 1910 g. // CAJ. Vol. VI, № 3. 1961. P. 194–234.
5. Lubsan Danzan. Altan Tobchi («Zolotoe skazanie») / pep. s mong., issl. i ppimech. N. G. Shastinoj. M.: Vostochnaja literatura, 1973.
6. Rashid ad-din: sb. letopisej / pep. s peps. A. K. Apendsa. M.; L., 1946.
7. Sodnom Ch. Gyynij yrs gargah jos. Jetnografijn tjemdjegljel // Studia Ethnographica. T. II, fasc. 15. Ulaanbaatar, 1965. S. 29–40.
8. «Shara tudzhi» – mongol'skaja letopis' XVII v. / svodnyj tekst, per., vved. i prim. N. P. Shastinoj. M., 1957.
9. Chiodo Elisabetta. "The Book of the offerings to the Holy Cinggis Qayan". A Mongolian Ritual Text // ZAS. Bd. 22. 1989/1991. C. 190–220; Part II: ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 84–144.
10. Chiodo Elisabetta. History and legend: The Nine Paladins of Cinggis (Yisün örlüg) according to the "Great Prayer" (Yeke öčig) // UAJ. Neue Folge. Bd. 13. 1994. S. 175–225.
11. Chiodo Elisabetta. The Black Standard (qara sülde) of Cinggis Qayan in Baruun Xüree // UAJ. Neue Folge. Bd. 15. 1997/1998. C. 250–254.
12. Sayang Sečen. Erdeni-yin tobči / Kökeöndür yarıyulan tayilburilaba. Köke qota, 1987.
13. Sagaster K. Ein Ritual aus dem heutigen Cinggis-Heiligtum in Ordos // ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 145–151.
14. [Sagaster K.]. Die Weisse Geschichte (Čayan teüke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen, Religion und Kommentiert von K. Sagaster // AF, B. 41. Wiesbaden, 1976.
15. Sayin Jiryal, Šaraldai. Altan ordon-u tayily-a. Begejing, 1983.

Статья поступила в редакцию 19.02.2013

УДК 821.3
ББК 83.3 Даг.

Малик Алиевич Гусейнов,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук
(Махачкала, Россия), e-mail: malik60@list.ru

Актуальное содержание дагестанской дореволюционной литературы (на примере поэзии Маная Алибекова)

В статье рассмотрено не введённое в должной мере в научный оборот литературное наследие дореволюционного кумыкского поэта Маная Алибекова (1861–1920). В первый и единственный раз сборник его произведений был издан в 1925 году. В последующем публиковались отдельные произведения в хрестоматиях, антологиях; его поэзия остаётся не переведённой на русский язык. Также охарактеризованы основные направления, проблематика, поэтика творчества М. Алибекова. Актуальное звучание его поэзии сегодня определяется нашедшей в ней выражение едкой критикой чиновничества, погрязшего во взяточничестве и коррупции, представителей духовенства, пекущихся лишь о собственной выгоде, и т. д., что органично интерполируется в современную действительность.

Кроме того, Манай Алибеков своей поэзией отстаивал общечеловеческие, демократические ценности. В частности, поэт уповал на выборные органы власти, которые стали функционировать в России в начале минувшего столетия, восторженно отзывался о Государственной думе. Именно эти аспекты его творчества, позитивное восприятие Государственной думы, избранной в царский период, явились причиной скептического отношения к его наследию в советский период. По сути, дела поэзия М. Алибекова в целостном виде на долгие десятилетия оказалась вычеркнутой из литературного процесса, характеризовалась дагестанскими литературоведами с оговорками, в усечённом формате. Данная статья призвана продемонстрировать значимость поэзии М. Алибекова, которая востребована современным читателем.

Ключевые слова: дагестанская дореволюционная словесность, литературное наследие и современность.

Malik Alievich Guseynov,
Doctor of Philology, Leading Researcher,
Tsadasy Institute of Language,
Literature and Art, Dagestan Scientific Center,
Russian Academy of Sciences
(Makhachkala, Russia), e-mail: malik60@list.ru

Actual Content of Dagestan Pre-Revolutionary Literature (Based on Manay Alibekov's Poetry)

The literary heritage of Kumyk pre-revolutionary poet Manay Alibekov (1861–1920), which has not been properly studied, is examined in the article. His collection of works was published for the first and only time in 1925. Afterwards separate works were published in readers, anthologies; his poetry hasn't been translated into Russian. The main trends, problems, poetics of M. Alibekov's work are described in this article. Nowadays, topicality of his poetry is determined by sharp criticism of officialdom wallowed in bribery and corruption, representatives of the clergy worrying only about their own interests, that is organically interpolated in the modern reality.

Besides, Manay Alibekov defended the humanitarian, democratic values by his poetry. In particular the poet hoped in elected bodies of power which started to function in Russia at the beginning of the past century, enthusiastically spoke about the Russian State Duma. It is these aspects of his creative work and positive perception of the State Duma elected in the tsarist period that were a reason of skeptical relations to his heritage in the soviet period. In fact, M. Alibekov's poetry in whole turned out to be deleted from literary process for a long period of time. It was described by Dagestan literary critics with limitations, in reduced format. This article appeals to demonstrate the value of M. Alibekov's poetry which is popular among contemporary readers.

Keywords: Dagestan pre-revolutionary literature, literary heritage and the present.

Кумыкская литература, являющая собой одну из составных частей дагестанской литературы, наряду с аварской, даргинской, лезгинской и др., в истории своего разви-

тия обнаруживает немало незаурядных явлений. В ряду представителей литературы дореволюционного периода выделяется, в частности, характеризующаяся ориги-

нальной поэтикой, острым гражданским звучанием поэзия Йырчи Казака, признанного классиком национальной словесности. Классическим воспринимается ныне и наследие других дореволюционных авторов: Магомед-Эфенди Османова, Маная Алибекова, Абусуфьяна Акаева, Нухая Батырмурзаева и др., творчеству которых также свойственны яркая художественная образность, острая постановка социальных проблем.

Заслуживает особого внимания, современного научного осмысления поэзия Маная Алибекова (1861–1920), до сих пор остающаяся не введённой в должной мере в контекст истории национальной словесной культуры. Его наследие, в котором находят выражение проблемы общественной жизни, ценно в немалой степени тем, что переключается с нашей современностью, и потому звучит свежо, актуально и злободневно.

В первый и единственный раз книга поэтических произведений Маная Алибекова издавалась в далёком 1925 году на арабской графике [5]. В последующем лишь отдельные его стихотворения публиковались в антологиях, хрестоматиях. Тем не менее, исследователями внесена определённая лепта в изучение его творчества, в выявление его места и роли в художественном процессе кумыков, всего Дагестана. Наследие Маная Алибекова освещено в трудах А.-К. Ю. Абдуллатипова, З. Н. Акавова, С. М.-С. Алиева, Г. Б. Мусахановой, К. Д. Султанова, Б. Чобанзаде и др. [1; 2; 3; 4; 6; 7].

Манай Алибеков характеризуется в основном как поэт-просветитель, в творчестве которого нашли продолжение традиции, заложенные его предшественниками. Кроме того, будучи продолжателем традиций Йырчи Казака, М.-Э. Османова, Манай Алибеков, по мнению Г. Б. Мусахановой, «идёт дальше в критике пороков и недостатков общества. <...> Никто до него так настойчиво не ставил вопроса о необходимости просвещения, о женском образовании» [4, с. 74].

Уже в ранних своих произведениях поэт актуально высвечивает проблему просвещения народа. В стихах «Обучайте детей» («Яшланы охутугъуз»), «Жалоба кумыкских детей» («Къумукъ яшланы арзасы»), «Жалоба кумыкских девушек из Аксая» («Яхсайдагъы къумукъ къызланы арзалары») подчеркивается важность знаний, образования; развитием просвещения определяется прогрессивное развитие общества. Особую значимость имеет стихотворение «Жалоба кумыкских девушек из Аксая», в котором, наря-

ду с женским просвещением, остро ставятся проблемы равноправия женщин с мужчинами, эмансипации. Сетую на то, что женщины ограничены в правах, автор их устами замечает: «Кумыкские адаты / Адресованы ли только девушкам?» («Къумукъланы адаты / Янгыз къызлагъаму шарт?» [5, с. 77])¹.

Рассуждая о том, что парни женятся, на ком пожелают, девушки задаются вопросом, почему им нельзя выходить замуж по своей воле. Глубокий смысл данного произведения известный дагестанский критик К. Султанов усмотрел в сокрушительном возгласе девушек: «За представителя иной религии, / Скажите, какая девушка вышла замуж?» («Дини башгъа адамгъа / Къайсы къыз эрге баргъан?» [5, с. 78]). «Наряду с равноправием, – считает критик, – здесь встают проблемы религии и нации» [6, с. 85]. Утверждая, что девушки вправе выходить замуж по своей воле, в том числе и за представителей другой нации, автор предстаёт передовым человеком своего времени, – приходит к выводу К. Д. Султанов.

Подобного рода суждений, свидетельствующих о Манайе Алибекове как о прогрессивном поэте, мыслителе, в его творчестве обнаруживается немало. Так, в частности, широкий общественный резонанс имело его стихотворение «Муллы» («Моллалар»), в котором Манай Алибеков критически отозвался о представителях духовенства, живущих не думой о народе, а пекущихся лишь о собственном благополучии.

Поэт с горечью констатирует:

Муллы Аксая²
С каждым днём деградируют.
Народу, селу
Муллы теперь не приносят пользу [5, с. 122].

Яхсайны моллалары
Тёбен бара гъар айда.
Элге – юртгъа моллалар
Энди бермейлер пайда.

Известные современные ему авторы Н. Батырмурзаев, А. Акаев и др. откликнулись на данное произведение, поддержали обличительный пафос Маная Алибекова, обличая негативные процессы в рядах духовенства.

Показательно в данном контексте то, что значительный пласт наследия Маная Алибекова составляет социальная лирика, в которой острой критике подвергаются пороки дагестанской, российской действительности периода его творческой деятельности. В стихотворениях «О хакимах» («Гъакимлер гъакъында»), «Дела хакимов» («Гъакимлени

¹ Подстрочные переводы здесь и далее автора статьи.

² Аксай – родное село автора.

ишлери»), «Положение нашей канцелярии» («Бизин кансаралны гялы»), «Как хакимы руководят нами» («Гъакимлени бизге къарайгъан кюйлери») и мн. др. едкой критике подвергается чиновничье-бюрократический аппарат Дагестана конца XIX – начала XX в. Чиновники, хакимы погрязли во взяточничестве, коррупции, считает автор.

Поэт с горечью пишет в стихотворении «Дела хакимов»:

Пристав Аксая, если дадут,
Берёт (в качестве взятки) даже хлеб.
Если хаким берёт хлеб (в качестве взятки),
То что остаётся говорить [5, с. 87].

Яхсайны пристобу
Берсе этмек де ала.
Гъаким этмек алгъан сонг
Даггы айтма не къала.

Положение канцелярии не менее удручающе («Положение нашей канцелярии»). В ней все озабочены лишь собственной выгодой, обиранием людей, упрочением своего материального благополучия, начисто игнорируя интересы народа. Сетуя на то, что всякий, обратившийся в канцелярию, обязан давать взятку, Манай Алибеков резюмирует:

Не давшему, либо не бравшему [взятку]
Не войти в канцелярию [5, с. 85].

Бермеген, я алмагъан
Кансаралгъа гирмежек.

То есть в канцелярии делать нечего тем, кто-либо не берёт, либо не даёт взятку.

Не остаются без внимания Маная Алибекова различные ухищрённые формы обирания народа, в частности в виде штрафов. Очевидный произвол власть имущих, по мнению поэта, проявляется в штрафах, якобы за грязь вокруг магазинов, которой на самом деле нет («О том, как хакимы взимают штраф» – «Гъакимлени штраф алагъан кюйлери»), за водопой скота в якобы не положенном месте, хотя это в селе заурядное явление («О том, как хакимы руководят нами» – «Гъакимлени бизге къарайгъан кюйлери»). И что интересно, штрафы эти не идут в казну, замечает поэт, а оседают в карманах чиновников разного ранга и мастей.

Возмущение чиновничьим произволом в стихотворении «О том, как хакимы взимают штраф» приводит к воплю отчаяния:

Маленькие начальники пишут,
Старшие начальники подписывают, –
Ложью, обманом
До каких пор будут править [5, с. 88].

Гиччи гъакимлер язуп,
Къол басып оър гъакимлер,
Ялгъан айтып алдатып,
Къачангъа ерли бийлер.

Наследие Маная Алибекова, в котором освещаются неблагоприятные деяния начальников, чиновников, погрязших во взяточничестве, коррупции, органично интерполируется в сегодняшнюю действительность, в которой также наблюдаются указанные явления, и имеют тенденцию к усилению, что свидетельствует о серьёзной коррозии нравственных ценностей. Данного рода произведения Маная Алибекова и сегодня звучат актуально и свежо.

Глубокое понимание текущей общественной, политической жизни родного народа, Дагестана, России наглядно выражается в поэмном наследии Маная Алибекова. В частности, в поэмах «Жалоба кавказских гор» («Кавказ тавланы арзугъалы»), «Русско-японские войны» («Рус-япон давлар») автор критически характеризует как внутреннюю, так и внешнюю политику царской России, подвергая обличению уже собственное государственные устои. Персонифицируя Кавказ, используя форму повествования от его лица («Жалоба кавказских гор»), автор осуждает колониальную политику царизма, обусловившую отсталость народов Кавказа в культурной, экономической и иных сферах.

Освещая события русско-японской войны («Русско-японские войны»), стремясь выявить причины поражения в ней России, автор отмечает её отсталость, и не только в военно-техническом отношении, игнорирование властью интересов народа, приведших к пропасти между ними – властью и народом.

Логичным в данном контексте, в контексте поэзии Маная Алибекова видится стихотворение с символическим названием «Свобода» («Гъюррият»). В ней поэт восторженно отзываясь по поводу созыва Государственной думы, избранной из представителей народа. Манай Алибеков, в своём творчестве метко вскрывавший язвы, пороки общества, обличавший власть, утратившую доверие народа, свои надежды на улучшение ситуации естественным образом возлагал на новый орган власти.

Мажорная тональность произведения отражается в следующих строках:

Всякому делу хорошие законы
Пусть напишет наша Дума.
Пусть хоть теперь закончатся
Гнёт, смута, разбой.

Лампада свободы
Зажжётся в нашей Думе,
Везде будет светить
Электрический фонарь [5, с. 106].

Гъар ишге арив закон
Бизин Думабыз этсин.
Зулму, питне, талавур
Энни сама да битсин.

Эркинликни чырагъы
Бизин Думада январ,
Гъар ерде шавла берир
Электрически панар.

Стихотворение «Свобода» звучит гармонично в контексте поэзии Маная Алибекова, отражая его демократические взгляды, общественно-политические устремления. Более того, оно органично вписывается в контекст дореволюционной кумыкской словесности, обеспокоенной критической ситуацией в обществе, звавшей к переменам во властных структурах, ориентированной на усиление национального сознания.

С сожалением приходится констатировать, что одним из камней преткновения во введении в должный оборот наследия Маная Алибекова в советский период служило наличие в его творческом багаже именно этого произведения – «Свобода». В восторженном отношении к Думе, функционировавшей в дореволюционный, царский период, усматривались его мелкобуржуазные иллюзии. Кроме того, наследие Маная Алибекова, как и ряда других дореволюционных авторов – М.-Э. Османова, Н. Батырмурзаева и др., с утверждением социалистических доктрин в литературе и искусстве, с 1930-х годов почти

на полвека начисто было вычеркнуто из художественного процесса как не отвечающее критериям официальной идеологии.

Подытоживая рассмотрение поэзии Маная Алибекова, следует отметить, что одними из характерных особенностей его поэтики являются гражданственность, публицистичность. Его весомая роль в истории кумыкской, всей дагестанской литературы заключается в том, что он, как никто другой из современных ему авторов, последовательно и основательно обличал чиновничью бюрократию, посвятив этой теме более десятка стихотворных произведений. Наследию Маная Алибекова характерно то, что, метко обнажая пороки общества, указывая народу на корень бед, он настойчиво звал его к прогрессу, к усвоению достижений мировой культуры и цивилизации.

Художественное наследие Маная Алибекова, как и творчество иных кумыкских, дагестанских классиков словесности, имеет ценность непреходящую. Художественный мир поэта нам близок и понятен. К сожалению, это обусловлено и тем, что проблемы, водившие его пером, продолжают волновать и ныне живущих. Он писал о том, о чём болит его душа, и находит отклик в наших сердцах. Однако значимость его поэзии не только в том, что она учит противостоять коррупции, взяточничеству, меркантилизму. Через лично виденное и пережитое поэт высвечивает вечные, нетленные ценности человеческого бытия – исконные нравственно-этические, духовные, этнонациональные ценности. А эти ценности непреходящи.

Список литературы

1. Абдуллатипов А. К.-Ю. История кумыкской литературы (до 1917 года). Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра РАН, 1995. 214 с.
2. Акавов З. Н. Диалог времён. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1996. 325 с.
3. Алиев С. М.-С. Дорога в современность. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1977. 147 с.
4. Мусаханова Г. Б. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала: Изд-во Дагестанского фил. АН СССР, 1959. 116 с.
5. Собрание сочинений Маная Алибекова (Манай Алибекзадени мажмуа асары). Буйнакс: Изд-во Дагполит-просвета, 1925. 146 с. (На кум. яз.)
6. Султанов К. Д. Литература кумыков. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1964. 213 с. (На кум. яз.)
7. Чобанзаде Б. Заметки о языке и словесности кумыков // Известия восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та. Баку: Третий интернационал, 1926. 104 с. (На азерб. яз.)

References

1. Abdullatipov A. K.-Ju. Istorija kumyjskoj literatury (do 1917 goda). Mahachkala: Izd-vo Dagestan-skogo nauchnogo centra RAN, 1995. 214 s.
2. Akavov Z. N. Dialog vremjon. Mahachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo, 1996. 325 s.
3. Aliev S. M.-S. Doroga v sovremennost'. Mahachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo, 1977. 147 s.
4. Musahanova G. B. Oчерki kumyjskoj dorevoljucionnoj literatury. Mahachkala: Izd-vo Dagestanskogo fil. AN SSSR, 1959. 116 s.
5. Sобрание sochinenij Manaja Alibekova (Manaj Alibekzadeni mazhmua asary). Bujnaks: Izd-vo Dagpolitprosveda, 1925. 146 s. (Na kum. jaz.)
6. Sultanov K. D. Literatura kumykov. Mahachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo, 1964. 213 s. (Na kum. jaz.)
7. Chobanzade B. Zametki o jazyke i slovesnosti kumykov // Izvestija vostochnogo fakul'teta Azerbajdzhanskogo gos. un-ta. Baku: Tretij internacional, 1926. 104 s. (Na azerb. jaz.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2013

УДК 930.2
ББК 63.2

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии,
Сибирское отделение Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: kuraslv@yandex.ru

Вторая мировая война и Монголия: современная российско-монгольская историография¹

В статье анализируются публикации российских и монгольских учёных последних лет, в которых рассматривается степень участия Монголии во Второй мировой войне. При этом особое внимание уделяется финансовой и материальной помощи, а также моральной поддержке Советского Союза со стороны Монголии и участию Монголии в боевых действиях на заключительном этапе войны, когда монгольские войска во взаимодействии с войсками Западного фронта участвовали в разгроме Квантунской армии. Не обойдены вниманием и события на р. Халхин-Гол, которые стали объектом пристального внимания японских и западноевропейских учёных, которые действия японской стороны представляют как превентивные, возлагая тем самым всю ответственность за последствия войны на монгольскую и советскую стороны, а саму войну трактуют как инцидент.

Важным аспектом статьи стал анализ результатов Крымской конференции по послевоенному устройству мира, что способствовало признанию независимости и суверенитета Монгольской Народной Республики западными державами.

Особенно подчёркивается общность позиций российских и монгольских учёных по ключевым вопросам.

Ключевые слова: современная российская и монгольская историография, Халхин-Гол, Вторая мировая война, помощь фронту, Дальневосточная военная операция.

Leonid Vladimirovich Kuras,
Doctor of History, Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: kuraslv@yandex.ru

Mongolia in World War II: Modern Russian–Mongolian Historiography

The article analyzes contemporary publications by Russian and Mongolian scientists studying the extent of Mongolia's participation in World War II. Special emphasis is laid on Mongolian financial and material assistance, as well as moral support to the Soviet Union. Attention is paid to Mongolia's military participation in combat operations at the final stage of the war, when Mongolian troops in coordination with the Soviet Western front troops contributed to the defeat of the Kwantung Army. The battles of Khalkhin-Gol, which are nowadays firmly in the focus of attention of Japanese and Western scholars interpreting the Japanese actions as preventive and placing responsibility for the consequences of this war on Mongolian and Soviet sides and presenting the war as incident, are also considered in this study.

The analysis of the results of the Yalta Conference, which contributed to recognition of Mongolia's independence and sovereignty by Western powers, forms an important aspect of this article.

Keywords: contemporary Russian-Mongolian historiography, Khalkhin-Gol, World War II, help to the front, Far East military operation.

Проблема истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны – одна из наиболее изучаемых в российской и зарубежной историографии, что обусловлено трагедией событий, принесших многомиллионные жертвы не только на полях сражений, но и мирного населения.

Сегодня историография этих событий стало полем идеологических битв и коллизий. Это в полной мере касается и участия Монголии во Второй Мировой войне, особенно событий на Халхин-Голе, начало которых стало предтечей мировой войны, а завершение – совпало с её началом. Не

¹ Публикация подготовлена при поддержке Проекта СО РАН, АН Монголии, МинОКН Монголии «Монголия-Сибирь в ретроспективе веков. XVIII–XXI вв.» № 17.

случайно Президент Российской Федерации Д. А. Медведев свой официальный визит в Монголию в 2009 г. приурочил к празднованию 70-летию юбилея победы Вооруженных сил СССР и МНР над войсками Японии и Маньчжоу-Го, в истории которой ещё не написана последняя страница [7, с. 57].

Ярким свидетельством идеологических коллизий стал международный научный симпозиум «Халхингольское сражение (Номонханский инцидент) в мировой истории: познавая прошлое и обсуждая будущее», состоявшийся 2–5 июля 2009 г. в Улан-Баторе по инициативе Главного архивного управления Монголии, японской Ассоциации глобальных исследований Секигути и Института истории Академии наук Монголии, при спонсорской поддержке нескольких фондов и организаций Японии, США, Кореи, участие в котором приняли учёные 10 стран: Россия, Монголия, Япония, США, Великобритания, Франция, Германия, Китай, Южная Корея, Тайвань. Дав объективную оценку основным докладам, прозвучавшим на симпозиуме, российские учёные В. В. Грайваронский и С. Г. Лузянин отметили, что «с течением времени становится всё более очевидным, что события на Халхин-Голе не были незначительным пограничным конфликтом, что они оказали непосредственное и весомое влияние на условия возникновения Второй мировой войны, расстановку сил ведущих держав, ход и конечные результаты глобального конфликта, на формирование новой системы международных отношений в регионе и мире» [16]. Итоги симпозиума, а затем торжества, проходившие в Монголии, посвящённые 70-летию победы советско-монгольского боевого содружества на р. Халхин-Гол, имеющиеся многочисленные публикации и подвигли нас на выявление степени изученности поставленной проблемы.

Наиболее значимые работы российских и монгольских учёных последних лет, получившие широкий резонанс у научной общественности, представляют собой совместные издания, что говорит как об общности взглядов на проблему, так и научной значимости проблематики. Наряду со сборниками статей «Вторая Мировая война Монголия» [10], «Халхин-Гол. 1939–2009» [53], «Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке» [49], доку-

ментальное двухтомное издание «Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946» [50] и, наконец, юбилейное издание «Халхин-Гол: 1939», опубликованное в дни всенародного празднования 70-летия победы на р. Халхин-Гол и получившее широкое признание в кругах российской и монгольской общественности [54]. В том же году был опубликован сборник по материалам международного научного симпозиума «Халхингольское сражение (Номонханский инцидент) в мировой истории: познавая прошлое и обсуждая будущее» [52].

Сборник «Вторая мировая война и Монголия» представлен, главным образом, статьями монгольских учёных Ч. Дашдаваа «Историческое значение участия Монголии во Второй мировой войне», Ж. Базарсүрэн «Вторая мировая война и геополитика Монголии», К. Дэмбэрэл «Идеология и внешняя политика в период Второй мировой войны», Н. Хишигт «Движение монгольского народа за помощь фронту Великой Отечественной войны», Л. Алтанзаяа, Ц. Энхчимэг «О помощи, оказанной СССР МНР в годы Великой Отечественной войны в области образования», Д. Гомбосүрэн «Участие Монголии в войне против Японии и политические итоги», Ж. Болдбаатар, Д. Батбаяр «Монголо-советские культурные отношения в период Второй мировой войны».

Статья профессора Ч. Дашдаваа выходит за рамки заявленной темы и фактически раскрывает историю внешней политики Монголии, направленную на всемерную поддержку борьбы против фашизма и милитаризма. Наибольший интерес представляет материал, раскрывающий содержание массовой помощи и моральной поддержки Монголии советскому народу. Эта помощь оказала неоценимую поддержку Советскому государству. Она выражалась в создании фонда, в который вносились золотые и серебряные украшения, деньги, меховые вещи, продукты питания, оказывалась донорская помощь, военной техникой, тягловой силой, племенным скотом.

Особое внимание автор уделяет решениям Крымской конференции по послевоенному устройству мира, где в Соглашении по Дальнему Востоку указывалось одно из важнейших условий – «Сохранение статуса-кво Внешней Монголии (МНР)», что означа-

ло признание независимости и суверенитета Монгольской Народной Республики со стороны США, Англии и СССР [18, с. 12].

Автор не обошёл стороной и проблему участия монгольских воинских частей в ходе военных действий, которые, в тесном взаимодействии с войсками Забайкальского фронта, в августе 1945 г. участвовали в разгроме Квантунской армии.

Статью профессора Ч. Дашдаваа существенно дополняет публикация Н. Хишигт, которая подробно и полно раскрывает проблему помощи монголов фронту в годы Великой отечественной войны, которые, как советский тыл, отдавали последнее для достижения победы. Причём цифры этой безвозмездной помощи ошеломляют [55].

В рассматриваемом сборнике, пожалуй, наибольший интерес представляет статья Ж. Базарсурэна, рассмотревшего проблему Второй мировой войны с точки зрения геополитики Монголии. При этом автор выделил ключевые моменты, обусловленные особым интересом Японии к Монголии, позиции китайских властей, политикой России и, наконец, позицией и политикой самой Монголии, которая превратилась в точку пересечения интересов России, Китая и Японии. Политика Монголии в годы войны как раз и представляет наибольший интерес, что было обусловлено стремлением руководства страны и желанием монгольской нации объединить Северную и Южную Монголию и создать единое Монгольское государство. При этом автор также уделяет внимание решениям Крымской конференции, которые, наряду с последующим советско-китайским договором от 14 августа 1945 г., всеобщим плебисцитом в Монголии в октябре 1945 г. и признанием гоминьдановским правительством результатов данного плебисцита и независимости МНР, завершили долгий процесс международного признания государства «в силу счастливого совпадения геополитических интересов СССР и национальных интересов МНР» [3, с. 12]. При этом монгольские учёные высказывают мнение, что «с точки зрения всей монгольской диаспоры это было событием, узаконившим окончательный раздел нации согласно существующему тогда международному праву, и что оба термина – и «Внешняя Монголия», и «статус-кво» – на-

всегда увековечили невозможность включения хотя бы Южной Монголии в состав независимого монгольского государства» [23].

Несомненный интерес представляет статья Д. Гомбосурэна, посвящённая непосредственному участию монгольских воинских частей в военных действиях против Японии с 27 июля по 2 августа 1945 г. [14]. Прежде всего, автор обращает внимание на серию мобилизационных мероприятий; затем, на попытку перевода экономики страны на военный лад, что не предпринималось даже в период боев на Халхин-Голе; на вооружение и снаряжение частей монгольской армии с помощью Красной Армии; создание телефонных и кабельных узлов связи, взлетно-посадочных площадок и полевых аэродромов, оборонительных узлов, командных пунктов и складов. Исследователь подчёркивает, что именно после этих мероприятий на базе Вооружённых сил МНР была создана «Южная группа» под командованием генерал-лейтенанта И. А. Плиева и его заместителя с монгольской стороны генерал-лейтенанта Ж. Лхагвасурэна, влившаяся в состав Забайкальского фронта под командованием маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Д. Гомбосурэн подробно описал ход боевых действий, что позволяет говорить о весомом вкладе «Южной группы» в разгром Квантунской армии.

Несомненный интерес представляет многолетнее направление исследования Н. Хишигт, посвящённое патриотическому движению трудящихся Монголии по оказанию помощи фронту Великой Отечественной войны.

Весьма симптоматичным является тот факт, что сборник открывают и завершают выступления российского и монгольского дипломатов: Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Монголии О. М. Дерковского [22] и старейшего дипломата Монголии Б. Жаргалсайхан [27], которые представляют несомненную ценность общностью позиций в оценке итогов Второй мировой войны.

От российской стороны сборник представлен лишь одним материалом, который, тем не менее, стал отправной точкой для будущего совместного российско-монгольского гранта по истории Халхин-Гола. Это статья, к сожалению, рано ушедших из

жизни иркутского учёного, доктора исторических наук, профессора Н. Н. Щербакова и учёного, дипломата В. Ц. Ганжунова «И. И. Кузнецов – видный исследователь истории Второй мировой войны», где особый упор делается на работы учёного о героях Халхин-Гола [59].

В 2009 г. был опубликован российско-монгольский Вестник международного центра азиатских исследований «Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы» [53]. Сборник можно структурировать по следующим проблемам: новые взгляды и подходы к проблеме – Ариунболд Гончигийн, Гомбосурэн Дандэвсурэнгийн, В. Г. Дацышен, О. И. Торский [15; 17; 20; 47]; традиционная проблематика, связанная с патриотическим движением в Монголии – Цэдэнжанцангийн Дэмчигсурэн [21]; историография и источниковедение различных аспектов проблемы Халхин-Гол – Ю. В. Кузьмин, А. А. Гавриков, С. И. Кузнецов, В. В. Бузаева, О. В. Бережных [38; 11; 5; 4]; японская составляющая событий у р. Халхин-Гол – В. В. Есипов, Г. Г. Дуринов, Л. Н. Крайнова [26; 24; 39]; персоналии – Г. В. Булыгин, Чулуунбаатар Лувсандэв, Н. Е. Единархова, Дашнямын Гангаа [6; 42; 25; 12]; воспоминания – А. А. Гавриков, Т. Саухина и А. Саухина [11; 51]; правовые аспекты советско-монгольских отношений – А. В. Бычков, Б. Д. Цыбенков [8; 56].

Тогда же, в 2009 г. в Японии были опубликованы материалы «Круглого стола», проводившегося в преддверии празднования 70-летия победы советско-монгольского военного содружества у р. Халхин-Гол [52]. Здесь особенно следует выделить выступления российских и монгольских исследователей, которые дали объективную научную и политическую оценку событий 1939 г. и выступили с резкой отповедью попыток японских и западных учёных дезавуировать исторические события и придать им статус небольшого пограничного инцидента и, более того, обвинить российскую и монгольскую сторону в развязывании боевых действий. Прежде всего, следует выделить доклады профессора Ч. Дашдаваа [19], член-корреспондента РАН Б. В. Базарова [2], профессора С. Г. Лузянина [43], профессора Б. Шагдара [58] и совместное выступление участника боевых действий у р. Халхин-Гол, профессора Н. И. Ганина

и профессора В. В. Грайворонского [13]. Конечно, геополитические аспекты Халхингольских событий прозвучали в российской историографии значительно раньше, в публикациях В. Н. Вартанова [9] и В. П. Зимонина [28]. Но сейчас, в пылу научной дискуссии, опираясь на новые архивные документы, они получили особое звучание.

В конце августа 2009 г., в дни празднования торжеств, посвящённых 70-летию победы советско-монгольского военного сотрудничества у р. Халхин-Гол, в рамках российско-монгольского научного гранта был подготовлен альбом «ХАКХ ГОЛ: 1939. Халх Голын Ялалтын 70 жилийн ойд зориулав». Улаанбаатар–Москва. 2009 («Халхин-Гол: 1939. Посвящается 70-летию победы битвы на Халхин-Голе». Москва–Улан-Батор, 2009), осью которого стало, фактически шестое издание известного сибирского советского историка, доктора исторических наук, профессора И. И. Кузнецова, посвящённое героям Халхин-Гола [29]. Причём пять из них было издано в период 1964–1984 гг. в Монголии (два издания на монгольском и три издания на русском языке) [30; 31; 32; 33; 34].

О значимости указанной темы говорит совместный грант Министерства образования, науки и культуры Монголии (МиОКН) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «От Халхин-Гола до линкора Миссури», рассчитанный на три года (2009–2011). В рамках гранта 27–28 сентября 2010 г. в г. Улан-Батор была проведена международная научная конференция, материалы которой опубликованы. В числе опубликованных докладов: Б. В. Базаров, В. Б. Базаров «Битва на Халхин-Голе в свете восточно-азиатской геополитики: исторический опыт и уроки 1930-х»; Ч. Дашдаваа «Вторая мировая война и Монголия: независимость и суверенитет страны»; В. Б. Базаров «Монголия во Второй мировой войне: борьба за независимость»; Х. Шагдар «Дальневосточная военная операция: проблемы военного искусства»; Н. Хишигт «Всенародное движение помощи фронту Великой Отечественной войны Советского Союза»; Б. Базарсурэн «Геополитика Монголии и Вторая мировая война»; Э. А. Николаев «Геополитическое партнёрство России и Монголии во Второй мировой войне»; Л. В. Курас «Монголия во Второй мировой войне: современная российско-монголь-

ская историография»; С. И. Кузнецов «Хирота Коки: дипломат и проводник «активной» политики на континенте» [37].

В рамках этого же гранта (руководители проекта Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас) подготовлен и издан уникальный фотоальбом, в котором собраны и систематизированы 114 фотографий о всенародной помощи монголов советскому народу и участии монгольских воинских подразделений в боях против Японии [44], который предвосхищают аналитические статьи: «Монголия в 1940–1945 годы» (Л. В. Курас), «Помощь монгольского народа Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны» (Н. Хишигт); «Дальневосточная военная операция» (Х. Шагдар). В том же году в рамках этого же гранта издан сборник документов о российско-монгольском военном сотрудничестве в период Второй мировой войны [48]. Завершением гранта стало издание сборника статей участников проекта на монгольском языке: с российской стороны – Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков; с монгольской стороны – Ж. Базарсурэн, С. Ганболд, Х. Шагдар, Н. Хишигт, Г. Мягмарсамбуу [45].

Если проблемы, поднятые российскими и монгольскими учёными, уже звучали неоднократно, а в настоящих изданиях получили дальнейшее развитие, то исследование профессора Иркутского государственного университета С. И. Кузнецова, сына профессора И. И. Кузнецова – это принципиально новое направление в изучении проблемы «Монголия и Вторая мировая война». Конечно, российская, да и

монгольская историография располагает серьёзными исследованиями о стратегических планах Японии, её участии в боевых действиях и, особенно, о судьбе японских военнопленных. Однако статья С. И. Кузнецова посвящена жизни и практической деятельности одного из видных идеологов японского милитаризма Хирота Коки [37]. Развитие этого направления сможет существенно обогатить мировую историографию Второй мировой войны.

Следует также обратить внимание на появление первых историографических и источниковедческих исследований, касающихся советско-монгольского сотрудничества в годы Второй мировой войны. К сожалению, они пока не касаются всего спектра этого сотрудничества на протяжении всего периода войны, а в большей мере рассматривают лишь события у р. Халхин-Гол [46; 38; 36; 40; 41; 1]. Тем не менее, начало этому направлению исследования положено, что может стать основой к новому витку российско-монгольского научного сотрудничества.

Таким образом, интерес к проблеме истории Монголии в годы Второй мировой войны, участия молодого государства в военных операциях против Квантунской армии, всемерная помощь и патристическое движение трудящихся Монголии в поддержку Красной Армии и особенно боевое содружество советских и монгольских войск в период боев у р. Халхин-Гол – это богатейший материал для начала комплексного и всеобъемлющего российско-монгольского историографического исследования.

Список литературы

1. Аюшеева И. Г. Война на Халхин-Голе в оценках советской и российской научной исторической литературы: в контексте советско-японских отношений // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited by Imanishi Junko and Husein Borjigin. Fukuyoshi (Япония), 2009. С. 479–485.
2. Базаров Б. В. Битва на реке Халхин-Гол в свете восточно-азиатской геополитики: исторический опыт и уроки 1939 г. // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited by Imanishi Junko and Husein Borjigin. Fukuyoshi (Япония), 2009. С. 23–59.
3. Базарсурэн Ж. Вторая мировая война и геополитика Монголии // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 10–18.
4. Бережных О. В. Освящение событий на Халхин-Голе в центральной советской прессе // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 210–215.
5. Бузаева В. В. Война на Халхин-Голе 1939 года в советской и монгольской историографии // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 205–210.
6. Булыгин Г. В. Герой Советского Союза И. С. Мясников – уроженец Тайшетского района Иркутской области (по мемуарным источникам) // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 53–60.
7. Бушуева Т. С. Халхин-Гол: взгляд через 70 лет. Малоизвестные страницы предистории Второй мировой войны // Отечественная история. 2009. № 5. С. 34–51.
8. Бычков А. В. Правовые основы советско-монгольского военного сотрудничества // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 95–101.
9. Вартанов В. Н. Влияние событий на Халхин-Голе в 1939 г. на военно-историческую ситуацию на Дальнем Востоке // Халхын голын дайн туухэн унэний эрэлд. УБ., 1995. С. 39–48.
10. Вторая Мировая война Монголия: сб. ст. / ред. Б. В. Базаров, Ч. Дашдаваа. Улан-Батор, 2009. 112 с.
11. Гавриков А. А. Роль парторганизации и политработников в советских войсках во время Хасанского и Халхингольского конфликтов: по материалам советской историографии и архивных фондов ГАИО // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 136–141.

12. Гангаа Д. Некоторые факты из жизни Уржина Гармаева // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 122–136.
13. Ганин Н. И., Грайворонский В. В. Война на берегах Халхин-Гола – знаковое событие накануне Второй мировой войны // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukyosha (Япония), 2009. Т. 23–59. С. 277–289.
14. Гомбосурэн Д. Участие Монголии в войне против Японии и его политические итоги // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 71–79.
15. Гончигийн А. Халхинголская война и независимость Монголии // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 17–31.
16. Грайворонский В. В., Лузянин С. Г. Война на Халхин-Голе: место в мировой истории // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С.156–164.
17. Дандэвсүрэнгийн Г. Новый взгляд на боевые действия у р. Халхин-Гол в монгольской и российской истории // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 31–39.
18. Дашдаваа Ч. Историческое значение участия Монголии во Второй мировой войне // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 3–25.
19. Дашдаваа Ч. Халх голынтулалдааны туухийнсудалгааны зарим асуудал // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukyosha (Япония), 2009. С. 19–23.
20. Дашицен В. Г. Неизвестная война. К проблеме официальной позиции советского руководства по конфликту на Халхин-Голе 1939 г. // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 39–46.
21. Дэмчигсүрэн Ц. Война на реке Халхин-Гол. Её влияние на патриотизм монгольского народа // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 225–233.
22. Дерковский О. М. Читателям сборника «Вторая мировая война и Монголия» // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 3–8.
23. Дугэрсүрэн М., Гомбосурэн Ц. Монгол Улсын ХХ зууны гадаад бодлогын туухэн тойм. УБ., 2004. 172 с.
24. Дуринов Г. Г. Японская авиация на Халхин-Голе // Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 145–147.
25. Единархова Н. Е. Штрихи к портрету участников боёв на Халхин-Голе // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 65–70.
26. Есипов В. В. Японо-германские отношения накануне Второй мировой войны: скрытые противоречия // Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 88–95.
27. Жаргалсайхан Б. Из книги воспоминаний старейшего дипломата Монголии «Волею судьбы», раздел «Статус Монголии» // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 94–109.
28. Зимонин В. П. Халхин-Гол и начало Второй мировой войны. Геополитический анализ // Халхын голын дайн, орчин үе. УБ., 1999. С. 17–25.
29. Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола – Герои Советского Союза – Герои МНР // ХАЛХ ГОЛ: 1939. Халх Голын Ялалтын 70 жилийн ойд зориулав. Улаанбаатар; Москва, 2009. Халхин-Гол: 1939. Посвящается 70-летию победы битвы на Халхин-Голе. Москва; Улан-Батор, 2009. С. 189–217.
30. Кузнецов И. И. Подвиги героев Халхин-Гола. Улан-Удэ, 1964. 94 с.
31. Кузнецов И. И. Богатыри Халхин-Гола. Улан-Батор, 1967 (на монг. яз.). 124 с.
32. Кузнецов И. И. Халхын-Голын баатруд (Герои Халхин-Гола). Улан-Батор, 1978. 128 с.
33. Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола. Улан-Батор, 1981 (на русск. яз.). 125 с.
34. Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола. Улан-Батор, 1984. 143 с. (на русск. яз.).
35. Кузнецов С. И. События на Халхин-Голе в трудах сибирского историка // Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 5–15.
36. Кузнецов С. И. Халх голын баатруудын туух судлаач (Историография Героев Халхин-Гола) // ХАКХ ГОЛ: 1939. Халх Голын Ялалтын 70 жилийн ойд зориулав. Улаанбаатар-Москва. 2009. Халхин-Гол: 1939. Посвящается 70-летию победы битвы на Халхин-Голе. Москва-Улан-Батор, 2009. С. 71–76.
37. Кузнецов С. И. Хирота Коки: дипломат и проводник «активной» политики на континенте // От Халхин-Гола до линкора «Миссури»: сб. ст. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2010. С. 130–138.
38. Кузьмин Ю. В. Спорные проблемы войны на Халхин-Голе в российской историографии // Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 46–53.
39. Крайнова Л. Н. Япония в 30-х годах: стратегические планы и военная разведка // Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 219–235.
40. Курас Л. В., Ганжууров В. Ц. Профессор Илья Кузнецов – Халх Голын Туух Судлаач (Профессор Илья Кузнецов – историограф Халхин-Гола) // ХАКХ ГОЛ: 1939. Халх Голын Ялалтын 70 жилийн ойд зориулав. Улаанбаатар-Москва. 2009. Халхин-Гол: 1939. Посвящается 70-летию победы битвы на Халхин-Голе. Москва-Улан-Батор, 2009. С. 61–70.
41. Курас Л. В., Ганжууров В. Ц. Профессор И. И. Кузнецов – летописец Халхин-Гола (К 85-летию со дня рождения профессора И. И. Кузнецова) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2010. С. 89–98.
42. Лувсандэв Ч. К вопросу уточнения военных заслуг Ч.Шарийбу, командира 6-й кавалерийской дивизии Тамцак Булага // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 60–65.
43. Лузянин С. Г. Дипломатическая история Халхин-Гола // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukyosha (Япония), 2009. С. 177–189.
44. Монголия во Второй мировой войне. Фотоальбом. Иркутск: Оттиск, 2011. 96 с.
45. Монгол ба орос дэлхийн хоёрдугаар дайны жилуудэд. Эрдэм шинжилгээний огууллийн эмхтгэл. Улаанбаатар-Улан-Удэ, 2011. 264 с.
46. Никифоров Н. И. События у Реки Халхин-Гол: некоторые вопросы военного источниковедения // Халхын гол: туухэн үнэний эрэлд. УБ., 1995. С. 3–17.
47. Торский О. И. Война на Халхин-Голе: причины, ход, результаты // Халхин-гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 181–198.
48. Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.): сб. док. Иркутск: Оттиск, 2011. 192 с.

49. Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. ст. М., 2001. 276 с.
50. Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946. Документы и материалы: в 2 ч. М.: Улан-Удэ, 2008. Ч. I. 349 с.; Ч. II. 326 с.
51. Саухина Т., Саухина А. Воспоминания маршала Г. К. Жукова как исторический источник войны на Халхин-Голе // Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 76–88.
52. 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukuyosha (Япония), 2009. 600 с.
53. Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. 72 с.
54. ХАКХ ГОЛ: 1939. Халх Голын Ялалтын 70 жилийн ойд зориулав. Улаанбаатар-Москва. 2009. Халхин-Гол: 1939. Посвящается 70-летию победы битвы на Халхин-Голе. Москва; Улан-Батор, 2009. 255 с.
55. Хишигт Н. Движение монгольского народа за помощь фронту Великой Отечественной войны // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 52–66.
56. Цыбенков Б. Д. К вопросу о правовых основах советско-монгольских отношений // Халхин-Гол. 1939–2009. К 70-летию победы. Вестник междунар. центра азиатск. иссл. 16/2009. Иркутск, 2009. С. 101–107.
57. Цыренова М. Г., Стрелова О. Ю., Аюшиева И. Г. Халхин-Гол: место памяти. По материалам II Междунар. образов. проекта «Современное историческое образование в России и Монголии» (Хабаровск-Улан-Удэ-Улан-Батор, 2009 г.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 175 с.
58. Шагдар Б. Халхын голын дайн-Цэргийн урлагт // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukuyosha (Япония), 2009. С. 155–177.
59. Щербиков Н. Н., Ганжуров В. Ц. И. И. Кузнецов – видный исследователь истории Второй мировой войны // Вторая мировая война и Монголия. Улан-Батор, 2005. С. 110–117.

References

1. Ajusheeva I. G. Vojna na Halhin-Gole v ocenkah sovetской i rossijskoj nauchnoj istoricheskoy literatury: v kontekste sovetско-японских отношений // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukuyosha (Япония), 2009. С. 479–485.
2. Bazarov B. V. Bitva na reke Halhin-Gol v svete vostochno-aziatskoj geopolitiki: istoricheskij opyt i uroki 1930 gg. // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukuyosha (Япония), 2009. С. 23–59.
3. Bazarov B. V. Vtoraja mirovaja vojna i geopolitika Mongolii // Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija. Ulan-Bator, 2005. С. 10–18.
4. Bereznyh O. V. Osvjashhenie sobytij na Halhin-Gole v central'noj sovetской presse // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 210–215.
5. Buzaeva V. V. Vojna na Halhin-Gole 1939 goda v sovetской i mongol'skoj istoriografii // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 205–210.
6. Bulygin G. V. Geroj Sovetskogo Sojuza I. S. Mjasnikov – urozhenec Tajshetskogo rajona Irkutskoj oblasti (po memuarum istochnikam) // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 53–60.
7. Bushueva T. S. Halhin-Gol: vzgljad cherez 70 let. Maloizvestnye stranicy predistorii Vtoroj mirovoj vojny // Otechestvennaja istorija. 2009. № 5. С. 34–51.
8. Bychkov A. V. Pravovye osnovy sovetско-mongol'skogo voennogo sotrudnichestva // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 95–101.
9. Vartanov V. N. Vlijanie sobytij na Halhin-Gole v 1939 g. na voenno-istoricheskiju situaciju na Dal'nem Vostoke // Halhyn golyn dajn tyhyhen ynjelij jerjeld. UB., 1995. С. 39–48.
10. Vtoraja Mirovaja vojna Mongolija: sb. st. / red. B. V. Bazarov, Ch. Dashdavaa. Ulan-Bator, 2009. 112 с.
11. Gavrikov A. A. Rol' partorganizacii i politrabotnikov v sovetских vojskakh vo vremja Hasanskogo i Halhingol'skogo konfliktov: po materialam sovetской istoriografii i arhivnyh fondov GAIO // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 136–141.
12. Gangaa D. Nekotorye fakty iz zhizni Urzhina Garmava // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 122–136.
13. Ganin N. I., Grajvoronskij V. V. Vojna na beregah Halhin-Gola – znakovoe sobytie nakanune Vtoroj mirovoj vojny // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukuyosha (Япония), 2009. Т. 23–59. С. 277–289.
14. Gombosurjen D. Uchastie Mongolii v vojne protiv Japonii i ego politicheskie itogi // Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija. Ulan-Bator, 2005. С. 71–79.
15. Gonchigijn A. Halhingolskaja vojna i nezavisimost' Mongolii // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 17–31.
16. Grajvoronskij V. V., Luzjanin S. G. Vojna na Halhin-Gole: mesto v mirovoj istorii // Problemy Dal'nego Vostoka. 2010. № 1. С. 156–164.
17. Dandjevsurjengijn G. Novyj vzgljad na boevye dejstvija u r. Halhin-Gol v mongol'skoj i rossijskoj istorii // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 31–39.
18. Dashdavaa Ch. Istoricheskoe znachenie uchastija Mongolii vo Vtoroj mirovoj vojne // Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija. Ulan-Bator, 2005. С. 3–25.
19. Dashdavaa Ch. Halh golyntulaldaany tyhyhinsudalgaany zarim asuudal // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Edited By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukuyosha (Япония), 2009. С. 19–23.
20. Dashicen V. G. Neizvestnaja vojna. K probleme oficial'noj pozicii sovetского rukovodstva po konfliktu na Halhin-Gole 1939 g. // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 39–46.
21. Djemchigsurjen C. Vojna na reke Halhin-Gol. Ejo vlijanie na patriotizm mongol'skogo naroda // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. С. 225–233.
22. Derkovskij O. M. Chitateljam sbornika «Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija» // Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija. Ulan-Bator, 2005. С. 3–8.

23. Dugjersurjen M., Gombosurjen C. Mongolon Ulsyn HH zuuny gadaad bodlogyn tyyhjen tojm. UB., 2004. 172 s.
24. Durinov G. G. Japonskaja aviacija na Halhin-Gole // Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 145–147.
25. Edinarhova N. E. Shtrih k portretu uchastnikov bojev na Halhin-Gole // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 65–70.
26. Esipov V. V. Japono-germanskie otnoshenija nakanune Vtoroj mirovoj vojny: skrytye protivorechija // Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 88–95.
27. Zhargalsajhan B. Iz knigi vospominanij starejshego diplomata Mongolii «Voleju sud'by», razdel «Status Mongolii» // Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija. Ulan-Bator, 2005. S. 94–109.
28. Zimonin V. P. Halhin-Gol i nachalo Vtoroj mirovoj vojny. Geopoliticheskij analiz // Halhyh golyn dajn, orchin ye. UB., 1999. S. 17–25.
29. Kuznecov I. I. Geroi Halhin-Gola – Geroi Sovetskogo Sojuza – Geroi MNR // XALX GOL: 1939. Halh Golyn Jalaltyn 70 zhilijn ojd zoriulav. Ulaanbaatar; Moskva, 2009. Halhin-Gol: 1939. Posvjashhaetsja 70-letiju pobedy bitvy na Halhin-Gole. Moskva; Ulan-Bator, 2009. S. 189–217.
30. Kuznecov I. I. Podvigi geroev Halhin-Gola. Ulan-Udje, 1964. 94 s.
31. Kuznecov I. I. Bogatyri Halhin-Gola. Ulan-Bator, 1967 (na mong. jaz.). 124 s.
32. Kuznecov I. I. Halhyn-Golyn baatrud (Geroi Halhin-Gola). Ulan-Bator, 1978. 128 s.
33. Kuznecov I. I. Geroi Halhin-Gola. Ulan-Bator, 1981 (na russk. jaz.). 125 s.
34. Kuznecov I. I. Geroi Halhin-Gola. Ulan-Bator, 1984. 143 s. (na russk. jaz.).
35. Kuznecov S. I. Sobytiya na Halhin-Gole v trudah sibirskogo istorika // Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. C. 5–15.
36. Kuznecov S. I. Halh golyn baatruudyn tyyh sudlaach (Istoriografija Geroev Halhin-Gola) // XAKX GOL: 1939. Halh Golyn Jalaltyn 70 zhilijn ojd zoriulav. Ulaanbaatar-Moskva. 2009. Halhin-Gol: 1939. Posvjashhaetsja 70-letiju pobedy bitvy na Halhin-Gole. Moskva-Ulan-Bator, 2009. C. 71–76.
37. Kuznecov S. I. Hirota Koki: diplomat i provodnik «aktivnoj» politiki na kontinente // Ot Halhin-Gola do linkora «Missuri»: sb. st. Ulan-Bator; Ulan-Udje, 2010. C. 130–138.
38. Kuz'min Ju. V. Spornye problemy vojny na Halhin-Gole v rossijskoj istoriografii // Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 46–53.
39. Krajnova L. N. Japonija v 30-h godah: strategicheskie plany i voennaja razvedka // Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 219–235.
40. Kuras L. V., Ganzhurov V. C. Professor Il'ja Kuznecov – Halh Golyn Tyyx Sudlaach (Professor Il'ja Kuznecov – istoriograf Halhin-Gola) // XAKX GOL: 1939. Halh Golyn Jalaltyn 70 zhilijn ojd zo-riulav. Ulaanbaatar-Moskva. 2009. Halhin-Gol: 1939. Posvjashhaetsja 70-letiju pobedy bitvy na Halhin-Gole. Moskva-Ulan-Bator, 2009. S. 61–70.
41. Kuras L. V., Ganzhurov V. C. Professor I. I. Kuznecov – letopisec Halhin-Gola (K 85-letiju so dnja rozhdenija professora I. I. Kuznecova) // Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik. Irkutsk, 2010. S. 89–98.
42. Luvsandjev Ch. K voprosu utochnenija voennyh zaslug Ch. Sharjibu, komandira 6-j kavalerijskoj divizii Tamcak Bulaga // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 60–65.
43. Luzjanin S. G. Diplomaticeskaja istorija Halhin-Gola // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Ediites By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukyosha (Japonija), 2009. S. 177–189.
44. Mongolija vo Vtoroj mirovoj vojne. Fotoal'bom. Irkutsk: Ottisk, 2011. 96 s.
45. Mongol ba oros djelhijn hoerdugaar dajny zhilydyjed. Jerdjem shinzhilgejenij oguullijn jemhtgjel. Ula-anbaatar-Ulan-Udje, 2011. 264 s.
46. Nikiforov N. I. Sobytiya u Reki Halhin-Gol: nekotorye voprosy voennogo istochnikovedenija // Halhyn gol: tyyhjen ynjelij jerjeld. UB., 1995. S. 3–17.
47. Torskij O. I. Vojna na Halhin-Gole: prichiny, hod, rezul'taty // Halhin-gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 181–198.
48. Rossijsko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo ot Halhin-Gola do linkora «Missuri» (1939–1946 gg.): sb. dok. Irkutsk: Ottisk, 2011. 192 s.
49. Rossijska i Mongolija. Novyj vzgljad na istoriju vzaimootnoshenij v HH veke: sb. st. M., 2001. 276 c.
50. Rossijsko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo. 1911–1946. Dokumenty i materialy: v 2 ch. M.: Ulan-Udje, 2008. Ch. I. 349 c.; Ch. II. 326 s.
51. Sauhina T., Sauhina A. Vospominanija marshala G. K. Zhukova kak istoricheskij istochnik vojny na Halhin-Gole // Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 76–88.
52. 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Ediites By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukyosha (Japonija), 2009. 600 s.
53. Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. 72 s.
54. XAKX GOL: 1939. Halh Golyn Jalaltyn 70 zhilijn ojd zoriulav. Ulaanbaatar-Moskva. 2009. Halhin-Gol: 1939. Posvjashhaetsja 70-letiju pobedy bitvy na Halhin-Gole. Moskva; Ulan-Bator, 2009. 255 s.
55. Hishigt N. Dvizhenie mongol'skogo naroda za pomoshh' frontu Velikoj Otechestvennoj vojny // Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija. Ulan-Bator, 2005. S. 52–66.
56. Cybenov B. D. K voprosu o pravovyh osnovah sovetско-mongol'skih otnoshenij // Halhin-Gol. 1939–2009. K 70-letiju pobedy. Vestnik mezhdunar. centra aziatsk. issl. 16/2009. Irkutsk, 2009. S. 101–107.
57. Cyrenova M. G., Strelova O. Ju., Ajushieva I. G. Halhin-Gol: mesto pamjati. Po materialam II Mezhdunar. obrazov. proekta «Sovremennoe istoricheskoe obrazovanie v Rossii i Mongolii» (Habarovsk-Ulan-Udje-Ulan-Bator, 2009 g.). Ulan-Udje: Izd-vo BGU, 2012. 175 s.
58. Shagdar B. Halhyn golyn dajn-Cjergijn urlagt // 70 Years Since the Nomnhat Incident (Battle of Khajkhyn Gol): Collection of Treatises in the International Symposium in Ulaanbaatar. Ediites By Imanishi Junko anHusel Borjigin. Fukyosha (Japonija), 2009. S. 155–177.
59. Shherbakov N. N., Ganzhurov V. C. I. I. Kuznecov – vidnyj issledovatel' istorii Vtoroj mirovoj vojny // Vtoraja mirovaja vojna i Mongolija. Ulan-Bator, 2005. S. 110–117.

УДК 81–22.4
ББК Д 4 (1)

Магомед Абдулкадирович Магомедов,
кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский научный центр Российской академии наук,
Институт языка, литературы и искусства
(Махачкала, Россия), e-mail: araderihm@mail.ru

Некоторые синтаксические функции основных и местных падежей в аварском языке

В статье проводится функциональный анализ основных и местных падежей в аварском языке. Описаны как локативные, так и абстрактные значения местных падежей. Отмечается, что абсолютив выражает субъект непереходного глагола, употребляется и как составная часть сказуемого. Эргатив, в основном, используется для выражения субъекта переходного глагола-сказуемого. Родительный падеж выступает в качестве косвенного дополнения, а дательный выполняет функцию субъекта при различных глаголах. Местные падежи широко употребляются как в пространственных, так и непространственных значениях. В пространственном значении имена существительные в местных падежах выполняют обычно функции обстоятельств места. В непространственных значениях они выполняют функции дополнения, могут быть именной частью составного сказуемого. Имя существительное в форме локатива может быть именной частью составного сказуемого.

Ключевые слова: дагестанские языки, местные падежи, функциональный анализ, выражения субъекта и объекта

Magomed Abdulkadirovich Magomedov,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Tsadasy Institute of Language, Literature and Art,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences
(Makhachkala, Russia), e-mail: araderihm@mail.ru

Some Syntactic Functions of Common and Locative Cases in the Avar Language

This article deals with the functional analysis of the common and locative cases in the Avar language. It describes both locative and abstract meanings of locative cases. The absolutive case is pointed out to express the subject of an intransitive verb and is also used as a part of the compound predicate. The ergative case is mainly used to express the subject of a transitive verb of a predicate. The genitive case serves as the indirect object, and the dative case performs the function of a subject in different verbs. The locative cases are widely used both in spatial and non-spatial meanings. The nouns in spatial meanings in locative cases perform the functions of adverbial modifiers of place. In non-spatial meanings they perform the functions of an object, and they can be a predicative. The noun in the form of a locative can be predicative.

Keywords: the Dagestan languages, locative cases, functional analysis, expressions of subject and object

I. Основные падежи. Номинатив (абсолютив). Данный падеж, как известно, в первую очередь, выражает субъект непереходного глагола: *Гьерекідерил къварилъухъ ма-г1арда жамаг1атальлъул г1ачиязда вук1ун вугила къват1иб росул1а вач1арав цо мискинав чу¹* (М.Г.) «В араканском ущелье на горе общественные коровы пас [букв. «на коровах был»] из другого села пришедший один бедный человек». В предложении с переходным глаголом сказуемым номинатив выступает в функции объекта (прямого дополнения): *Инсуцца ц1ц1удул ругьуналда йод бахана* «Отец орла рану йодом помазал» (С. С.).

¹ Все текстовые примеры даются транскрипцией.

Номинатив употребляется как составная часть сказуемого: *Гьеб тавбу гьаби ц1акъ гьабизе бигъаяб, пайда к1удияб иш буго* (У. Т.) «Это покаяние очень легко делаемое, пользы большое дело есть». Существительное в форме именительного падежа выступает и в роли обращения: – *Ле вас, мун г1ажалалда гьун вугин, – нахье-нахье къан вуго жалакъуриссее* (Р.Х. Д.). «Эй, мальчик, ты ведёшь себя неразумно [говоря], назад начал пятиться жалатлуринец». Встречается существительное в номинативе и в качестве приложения в конструкции типа: *Вах1, вацц Лабазан, боц1ц1и гьабизе ккани, ва гьеб нухда бил1ине гьабизе кка-*

нани, Мах1мудицца г1адин г1емерал ишал рил1ине гьаризе лъазе къвариг1уна, ва гьеб гурегги, Мах1мудил г1адинал лъик1ал, х1алалал, ях1 бугел васалги къвариг1уна (Д. Б.) «Вах, брат **Лабазан**, чтобы завести скот и его выращивать (букв. «по дороге идти чтобы заставить»), нужно уметь продвигать много дел, как Махмуд, как и у Махмуда нужно иметь хороших, знакомых, честных сыновей».

В предложениях с пропущенным вспомогательным глаголом, номинатив выполняет функцию сказуемого: *Жакъа – мутаг1ул, метер – муг1алим* (К.) «Сегодня – **ученик**, завтра – **учитель**».

Номинатив может осложняться различными частицами, которые придают дополнительные оттенки значений. Частица – **гун**, присоединяемая к форме номинатива, придаёт ему значение совместности: *Жегги абунила г1адамацца, цадахъ г1емерал г1адамалгун гурони унгеян* (ХI. И.) «Ещё сказали люди, пойдти только **вместе [с]** большим количеством людей».

Формат **-лъун** придаёт значение временного занятия: *Гьагъале, гьоссда гьанже лълъиццаго абиларо чияда ццеве хъазахълъун х1алт1улев вук1арав чийилан* (Д. Б.) «Вот, ему теперь никто не скажет, [что] он перед кем-то работал **работом** [букв. казакком]».

Элемент **-г1ан** может присоединяться к любой знаменательной части речи. Присоединённый к форме аллатива, он выступает в функции частицы: *Столалдег1ан ваче гьав вас, суратал рихъизе «Ближе к столу приведите этого мальчика, [чтобы] фотографии посмотреть»*. Присоединяемый к основным падежным формам имени, или к другим частям речи, он выступает в функции союза: *Г1алиг1ан г1емер х1алт1улев чи гьеч1о нижер колхозалда «Как Али много работающего человека нет в нашем колхозе»*.

Эргатив, в первую очередь, используется для выражения субъекта переходного глагола-сказуемого: *Амма ч1ух1арав жалакъуриссесс гьасухъ г1инт1амун гьеч1о* (Р.ХI. Д.) «Но, гордый **жалатлуринец** его не послушался»; *Халкъалъль инссие баркала къун буго* (Р.ХI. Д.) «Народ **отцу** спасибо сказал (букв. дал)»; *К1одоцца, т1ад кверги бахъулаго, г1акдада абубеб бук1арабщинаб х1еренаб раг1и* (М.КI.) «**Бабушка**, рукою сверху проведя, корове говорила столько ласковых слов».

Эргатив употребляется также в функции орудного (инструментального) косвенного дополнения. При этом сказуемое, выраженное глаголом, может быть как переходным, так и непереходным, ср.: *Гьерек1дерил мег1ерги тун, эрпелдерил маг1арде цвараб мехалда, вехъассда дандч1ванила кутакалда къач1а-к1ат1арал, месед-г1а-рацалъль гвангъизабураб ярагъги барал, гьоркъ ч1ч1оларел г1адал чуялги рек1арал, микъго чот1ахъан* (М.П.) «Перейдя араканскую гору, дойдя до эрпелинской горы, чабан встретился с очень нарядно одетыми, обвешанными **золотом-серебром** инкрустированным оружием, оседлавшими необузданных коней восьмью всадниками».

Имя существительное в эргативе часто используется в значении различных обстоятельств:

1) причины: *Кивниги лъалхъич1олъийлъ гьав лълъик1алан ссвакана* (С. С.) «**Из-за того**, что нигде **не останавливался**, он достаточно устал»;

2) времени: *Лъабго къоялъль ц1ц1удуцца я гьан, я лълъин к1алдибе босич1о* (С. С.) «**Три дня** орёл ни мяса, ни воды в рот не брал»;

3) образа действия: *Щамхалханассеги гьассиеги хъизаналъльеги г1ураб рет1елхъитги къунила, гьав берцинаб х1алалъль нухда рег1анила* (М.П.) «Шамхалхан тоже ему и жене достаточно одежду-обувь дал, и его красивым **образом** проводил».

В форме эргатива могут быть и вводные слова: *Талих1алъль, гьеб гьедиг1ан щун батич1о* (С. С.) «**К счастью**, она [река] не так сильно разлилась».

Родительный падеж выступает в качестве косвенного дополнения: *Цо нухалъль дов г1ачивехъассул ч1ч1ужуялъль жиндирго россасда гьадин абунила* (М.П.) «Однажды того **пастуха** жена своему мужу так сказала». Значение принадлежности подразделяется на:

1) самую принадлежность: *ясалъльул тетрадь* «тетрадь девочки»;

2) отношение вещества и количества: *роп1ул хъап* «мешок зерна»;

3) часть-целое: *х1амил г1ин* «ослинное ухо»;

4) признак и его носитель: *к1к1алазул гьварилъи* «глубина ущелий»;

5) предмет и материал: *маххул чанагъ* «железные сани»;

6) субъект – действие или состояние: *бидул къаби* «давление крови»;

7) временное отношение: *иххдалил кьо* «весенний день» и др. [5, с. 47].

Иногда косвенное дополнение, как отмечается в специальной литературе, трудно отличить от определения:

Гьалдолеб ц1аяльул ц1ураб каранзул, Кагъат кодобе кье, кьурда ч1валеб бакъ (М.)

«Горящим (букв. кипящим) огнём заполненной **груди**, письмо в руки отдай солнцу, освещающее скалу». Здесь, видимо, в качестве определения к *кагъат* «письмо» выступает форма генитива *каранзул* «груди». Принадлежность (притяжательность), выраженная формой родительного падежа совпадает с формой родительного падежа приимённого дополнения, т. е. этот вопрос решается на уровне семантики, а не словосочетания или предложения: *Хочбарил кеч1 ах1ана* может быть понято двояко: «Хочбара песню спели» и «О Хочбаре песню спели».

Некоторые исследователи допускают возможность выражения генетивом субъекта в притяжательной конструкции: *Т1айгибил т1оццерессел дарсал рук1инч1о цколалда*. «У Тайгиба в школе не было первых уроков». По этому поводу А. А. Бокарев [5, с. 187] пишет: «Сами по себе материалы литературного диалекта (т. е. диалекта, лежащего в основе литературного языка. – М. М.) не дают основания для того, чтобы родительный падеж при формах глагола **бук1ине** «быть» рассматривать как форму грамматического подлежащего (субъект владения)». По-видимому, следует говорить о возможностях употребления генитива в качестве косвенного дополнения и субъекта. Эти возможности напрямую связаны с семантикой предложения, а не с его структурой. На уровне синтаксиса предложения, тем более синтаксиса словосочетания, говорить отдельно о генитиве, как о выразителе субъекта невозможно. Тогда следует признать и за другими падежами субъектные функции. Ср: *Г1алил буго чу* «У Али есть лошадь», *Г1алихъ буго чу* «У Али (сейчас) есть лошадь», *Г1алил буго кьвак1и* «У Али есть храбрость», *Г1аликь буго бак1* «Под Али есть табуретка».

Дательный падеж выступает в качестве субъекта при различных глаголах: *Ханасс ах1ун яч1арай яс гьардхъанассе рек1ее г1унила* (М. М.). М. Е. Алексеев, Б. М. Атаев [4, с. 49] отмечают возможность обозначения субъекта дательным падежом

и при таких предикатах: *Дие заман гьеч1о мунгун васандизе* «У меня нет времени с тобой играть»; *Т1оццебе ц1акъго зах1мат бук1ана Къаландарие Т1айгибидасса ват1альун* «Сначала очень трудно было **Каландару**, расставшись с Тайгибом»; *Цо заманалдассан бац1иеги царееги к1и-к1и т1инч1 гьабун буго* «Через некоторое время **у волка и лисы** по два детёныша родились». М. Абдуллаев, Я. Сулейманов [2, с. 180] отмечают следующие глаголы, при которых субъект должен стоять в дативе: **х1ажалъизе** «нуждаться», **къабуллъизе** «подходить», **къвариг1ине** «понадобиться»: *Нил1ее ц1акъ х1ажат руго ракъ безн гьабулел жал* «Нам» очень нужны землю удобряющие вещи, *Дие къвариг1ун буго кьоккун багъулеб тула* «**Мне** нужна стойко дерущаяся собака».

Кроме отмеченных случаев, подлежащее в дативе выражается именами и при следующих предикатах: *Дие ч1ч1ужу гьарун йиго // Дие ч1ч1ужу абун йиго* «**За меня** [букв. «мне»] жена засватана» // *За меня* [букв. «мне»] жена помолвлена; *Дие ч1ч1ужу ячун йиго* «Я женат» (букв. «Мне женщина приведена есть»). Значение активности заключена в эргативной конструкции *Дицца ч1ужу ячун йиго* «Я женат» (букв. «Мною жена приведена есть»).

Дательный падеж обозначает также и косвенное дополнение (адресат действия): *Цо чиясссе к1иго чиги бойила* (К.) «Одному человеку и два человека – войско [есть]».

II. Пространственные падежи. Все пространственные падежи в зависимости от нахождения объекта в пространстве и характера движения, обозначаются следующими названиями:

1) **локатив** (показатели **-а, -Ø**), выражающий нахождение предмета в пространстве: 1) на (над), 2) около, 3) внутри сплошной среды, 4) под, 5) внутри полого пространства);

2) **аллатив** (показатель **-е**), выражающий движение к чему-либо, находящемуся соответственно на отмеченном в локативе положении;

3) **элатив** (показатели **-а, -сса**), выражающий движение от чего-либо, находящегося в указанном в локативе положении;

4) **транслатив** (показатель **-н**), выражающий движение через что-либо, находящегося в указанном в локативе положении. В специальной литературе [6, с. 40; 5, с. 49] формы элатива и транслатива рассматри-

ваются как варианты одной формы или подчёркивается мысль о формальном слиянии транслатива с элативом (с падежом удалення). По нашему мнению, нельзя говорить о формальном слиянии транслатива и элатива. В литературном языке и в северном наречии в целом эти два падежа не взаимозаменяемы и имеют чёткие самостоятельные значения. Трудности, связанные с использованием форм элатива и транслатива в непространственных значениях представляются южного наречия, где транслатив имеет отличные от литературного языка суффиксы, нельзя переносить на использование транслатива в пространственном значении. Известные примеры, приводимые Г. И. Мадиевой [6, с. 44]: *Дун Мах1ачхъалапалде Буйнакскиялдассан вач1ана* «Я в Махачкалу через Буйнакск приехал» и *Дун Мах1ачхъалапалде Буйнакскиялдасса вач1ана* «Я в Махачкалу из Буйнакск приехал» демонстрируют чёткое различие транслатива и элатива. Ср. также: *Дун кьодасса ана* «Я сошёл с моста» («Я ушёл с моста») и *Дун кьодассан ана* «Я прошёл через мост». В непространственных значениях использование транслатива и элатива в литературном языке не поддаётся систематизации, поэтому очень часто имеет место использование этих двух падежей вместо друг друга, например: *Должно быть Дицца досдассан г1арза хъвана* «Я написал на него (букв. «через него») жалобу». Часто в газете «Истина» встречаем *Дицца досдасса г1арза хъвана* в том же значении. Представители северного наречия, второе предложение понимают по-своему: «Я с него жалобу списал». Такая путаница особенно усилилась в последнее время, когда ослабли требования к средствам массовой информации, как к хранителям чистоты родного языка и родной речи.

Местные падежи широко употребляются как в пространственных, так и непространственных значениях.

1. Пространственные значения. В своём исконном пространственном значении имена существительные в местных падежах выполняют обычно функции обстоятельств места.

Локативы. *Инссуца ц1ц1удул ругъуналда (1) йод бахана* (С.С.) «Отец орла рану йодом помазал»; *Гьерек1дерил кьварильухъ (II) маг1арда жамаг1атальгъул г1ачиязда вук1ун вугила кьват1уб росул1а вач1арав цо мисскинав чи* (К.) «В Ара-

канском ущелье в горах общественный скот пас из другого селения приехавший один бедный человек» *Гьанже росул1 (III) ц1ц1алк1ал гьарулев устарги гьеч1ила* (М.К1.) «Теперь в селении сита делающего мастера нет, мол». *Ганч1икъ (IV) борохь бегун батана* «Под камнем змея лежала»; *Рокъоб (V) льльим бук1унч1о* «Дома воды не было».

Аллативы. *Л1укъараб ц1ц1умги баччун, Махсуд кват1уч1ого г1иуде (I) щвана* (С.С.) «Раненного орла [на себе] таща, Махсуд скоро к отаре пришёл», *Дов иццухъе (II) ана* «Он к роднику пошёл».

Иногда различие обстоятельств и косвенного дополнения, выраженных формами местных падежей (и не только) вызывает затруднение (Об этом см: [5, с. 180]. А. А. Бокарев [5, с. 180] пишет: «... Попытка определить различие между обстоятельством и дополнением по степени сохранения предметного содержания основана, очевидно, на неверном отождествлении синтаксических категорий с морфологическими, членов предложения с частями речи».

Так, в предложении: *Хадуб, кеч1 л1уг1араб мехаль, эмен жулазул бет1ергъанасухъе (алат. II) жулги босун вач1ун вуго* (Р.Х1.Д.) «Потом после окончания песни, отец, к хозяину метел, метлу взяв пришёл [оказывается]». Форма аллатива II *бет1ергъанасухъе* «к хозяину» как бы сохраняет своё исконное пространственное значение, хотя оно здесь и отличается от обычно выражаемого данным падежом значения «движение к чему-либо, чтобы стать около него», и в то же время это значение плавно переходит в непространственное значение обладания. В подобных сочетаниях чаще используется послеложное сочетание локатива I (*бет1ергъанасуда аск1ове*). Смысл предложения можно понять двояко: 1) «Пришёл к хозяину метел, взяв с собой метлу» 2) «Пришёл к хозяину метел, чтобы метлу ему отдать». В зависимости от контекста, в котором данное предложение фигурирует, форма аллатива II может отвечать на вопросы «к кому?» или «куда?». В первом случае она (эта форма) выражает косвенное дополнение, во втором – обстоятельство места.

Г1емериссел гьел Гуржиял1е (III) унел рук1ун руго (У.Х1.) «Большинство из них в Грузию шли [оказывается]». *Кето столальгъукъе (IV) т1урана* «Кошка убежала под стол».

Элативы. *Ма г1арацилан, эбелалъль ссумкаялъльуссаги (V) бахъун, аза-азар гъурущальлъул лъабго кагъат бегъана йичарухъанальлъухъе* «На деньги», говоря, мать, **из сумки** вытащив, три бумажки тысячерублевых подала продавщице». Элатив II не может самостоятельно обозначать своё исконное пространственное значение «удаление объекта от ориентира, находящегося рядом с объектом». Для этого используется послеложная конструкция элатив II + послелог, например, *Дун х1обохъа нахъе ана* «Я отошёл от столба», нельзя *Дун х1обохъа ана*. Форма элатива II самостоятельно может выражать непространственные значения и выступать в предложении в функции косвенного дополнения. Предложения типа *Васассухъа юссана эбел* [6, с. 54] «От сына вернулась мать» нельзя понимать уже в пространственном значении, здесь имеет место значение «находилась в гостях» без обозначения пространства (ср.: *Васасса асск1осса* (послелог) *нахъе ана эбел*) 1) «От сына отошла мать» 2) «От сына ушла мать».

Транслатив. *Г1али къодассан(I) ана* «Али прошёл **через мост**»; *Гъале гъанже такссиялдаги рек1ун эбелгун цадахъ шагъаральлъул къват1азухъан(II) тукабазде хьитал ралагъизе унеб мехальлъги доба рик1к1ада хут1араб росдал ссипат цецебе т1амулэб бук1ана Субайбатиде* «Вот и сейчас на такси, вместе с матерью **по** городским **улицам** [букв. «через городские улицы»] в поисках обуви когда ехала, там далеко оставшегося села очертаня стояли перед глазами Субайбат»; *Салул1ан(III) унеб бугоан борохъ* «**По песку** [букв. «через внутри»] ползла [букв. шла] змея».

Столалъльукъан(IV) бекерун ана кету «Из под стола [букв. через под столом] побежала кошка». *Дун рокъоссан(V) вач1ана* «Я пришёл из дома [букв. «через дом внутри»]». Данное предложение обозначает: «Я пришёл сюда, заходя домой, но, не задержавшись там». Транслатив следует различать от форм с косвенной речью, образованных при помощи цитатных частиц **-ан, -ян**: *Киг1ан цо ц1ц1алк1уялъльухъан ц1еххана йичарухъаналда* «Сколько за одно сито», – спросили у продавщицы».

2. Непространственные значения. Имена существительные в местных падежах широко используются для передачи неместных (непространственных) значений. Они выполняют функции дополнения: *К1одоцца, т1ад кверги бахъулаго, г1акдада абулеб бук1арабщинаб х1еренаб раг1и* (M.KI.) «Бабушка, глядя, **корове** столько тёплых слов говорила».

Имя существительное в форме локатива может быть именной частью составного сказуемого: *Ассдаги ккун буго **рак1алде**, шариг1ат гъабизе ватилин гъосс жив ах1улеван* (У.Т.) «Он тоже подумал [букв. ему тоже **в сердце** попало], что шарият делать мол зовёт он меня»; *Балагъидал ц1ц1удул мегъед г1иссинал малъаз **будухъ** бан бугоан* (С.С.) «Когда посмотрел, орла грудь зайца маленькими когтями **в кровь** поцарапана была».

Иногда одна форма локатива может быть использована вместо другой, например, форма аллатива I вместо аллатива II: *Ниж ххункарасде (алат. I) (ср. ххункарасухъе алат. II) унел ругоян абула эз* (А.Н.) «Мы к хункару идём, скажут они».

Следует отметить и такое обстоятельство, что частицы и послелоги невозможно присоединить к транслативам.

Список литературы

1. Абдуллаев З. Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М.: Наука, 1971. 450 с.
2. Абдуллаев М., Сулейманов Я. Аварский литературный язык. Махачкала: Дагучпедгиз, 1965. 261 с. (На авар. яз.)
3. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. 288 с.
4. Алексеев М. Е., Атаев Б. М. Аварский язык. М.: Academia, 1997. 144 с.
5. Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 277 с.
6. Мадиева Г. И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1980. 160 с.

References

1. Abdullaev Z. G. Ocherki po sintaksisu darginского jazyka. M.: Nauka, 1971. 450 s.
2. Abdullaev M., Sulejmanov Ja. Avarskij literaturnyj jazyk. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1965. 261 s. (Na avar. jaz.)
3. Alekseev M. E. Sravnitel'no-istoricheskaja morfologija avaro-andijskih jazykov. M.: Nauka, 1988. 288 s.
4. Alekseev M. E., Ataev B. M. Avarskij jazyk. M.: Academia, 1997. 144 s.
5. Bokarev A. A. Sintaksis avarского jazyka. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 277 s.
6. Madieva G. I. Morfologija avarского literaturnogo jazyka. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1980. 160 s.

Статья поступила в редакцию 24.01.2013

УДК 291.4
ББК 86.2

Олег Сергеевич Ринчинов,
кандидат физико-математических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии,
Сибирское отделение Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: o.rinchin@gmail.com

О религиозной ситуации на Тайване

В статье дан анализ общего состояния религиозной сферы на Тайване (непризнанная Китайская Республика). Приведён краткий обзор истории и нынешнего состояния ряда основных религиозных деноминаций, в частности буддизма, даосизма, христианства, ислама, игуаньдао, китайских и аборигенных народных верований. Описаны направления и способы государственного регулирования в отношении религии на разных этапах современной истории Тайваня. Особое внимание уделено состоянию законодательной базы в религиозной сфере и мерам, предпринимаемым государством для её совершенствования. В целом состояние духовной среды на Тайване представляется благополучным вследствие укрепления гражданских свобод, общей демократизации политической и общественной жизни островного государства в последние 25 лет. Тайваньское общество сумело изжить последствия 40-летнего тоталитарного режима, который управлял религиозной сферой жёсткими репрессивными методами.

Ключевые слова: Тайвань, свобода совести, религиозный плюрализм, толерантность, буддизм, даосизм, игуаньдао, христианство, религиозное законодательство, фольклор-религия, верования аборигенов

Oleg Sergeevich Rinchinov,
Candidate of Physics and Mathematics,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: o.rinchin@gmail.com

On Religious Situation in Taiwan

This paper describes the general state of religious affairs in Taiwan (unrecognized Republic of China). A brief overview of the history and current state of several major religious denominations is given, in particular Buddhism, Daoism, Islam, Christianity, Yiguandao, Chinese folk religion and aboriginal beliefs. The main features of state religious regulation in different periods of Taiwan's history are observed. Special attention is paid to the religious legislation in the Republic of China (Taiwan), and the measures taken by the state to improve it. In general, the spiritual environment in Taiwan is regarded to be rather prosperous as a result of the strengthening of civil liberties and general democratization of the political and social life of the island nation in the last 25 years. Taiwanese society managed to get rid of the consequences of the totalitarian regime that had ruled the religious sphere by strong repressive methods for 40 years.

Keywords: Taiwan, freedom of conscience, religious pluralism, tolerance, Buddhism, Taoism, Yiguandao, Christianity, religious legislation, folk religion, Aboriginal beliefs.

На Тайване укоренились многие религии, включая как традиционные для китайского общества, так и пришедшие из других частей земного шара, а также широкий спектр новых религиозных движений различного происхождения. На острове наблюдается одна из величайших в мире плотностей культовых сооружений, а большинство населения – даже те, кто формально не причисляет себя к какой-либо конфессии и не посещает храмы на регулярной основе – вовлечено в духовные практики, берущие

начало в той или иной религии. Религиозные обряды не ограничиваются стенами храмов, повседневная жизнь тайваньцев также насыщена религиозными символами, обычаями и ритуалами.

В настоящее время на Тайване свобода совести гарантирована статьями 7 и 13 действующей Конституции Китайской республики, которая была принята в 1946 г. [14]. Несмотря на длительный, почти сорокалетний режим военного положения, во время которого действовали жёсткие ограничения

в религиозной сфере, к настоящему времени реальная практика в отношении свободы совести вполне соответствует этим конституционным нормам. По свидетельствам международных наблюдателей [16], Тайвань на сегодня представляет собой одно из наиболее гармоничных в религиозном плане государств в мире.

Можно выделить основные черты, характеризующие религиозную ситуацию на Тайване:

- высокая степень религиозной толерантности;
- синкретическая религиозность большинства верующих;
- обилие религиозных символов и практик, используемых в повседневной жизни [13, с. 287].

Согласно данным Министерства внутренних дел, в декабре 2009 г. на Тайване было зарегистрировано 1684 религиозных и общественных организаций, из которых 827 – на центральном уровне, 857 – на местном. Они принадлежали 27 зарегистрированным религиям и религиозным течениям. Хотя государственная регистрация религиозной организации не обязательна, обладающие ею и соответствующие требованиям получают налоговое освобождение. В 2009 г. на Тайване было зарегистрировано 15118 культовых мест [13, с. 288]. Согласно правительственным данным, в 2005 г. свою принадлежность к той или иной религиозной конфессии указывали более 80 % населения Китайской Республики [12, раздел 22 «Религия»].

Перечень зарегистрированных религиозных конфессий выглядит следующим образом:

1. Ассоциация Святого духа за объединение мирового христианства (Церковь Объединения преп. Муна).
2. Буддизм.
3. Вера Бахаи.
4. Всемирная организация Божественного света (Церковь Махикари 世界真光文明教).
5. Даосизм.
6. Игуаньдао (一貫道).
7. Ислам.
8. Китайское наследие и источники нравственности (Сюаньмэньчжэньцзун 玄門真宗).
9. Конфуцианство (Чжунго жуцзяохуэй, 中國儒教會).
10. Лиизм (Лицзяо, 理教).

11. Протестантизм.
12. Путь детей (Хайцзыдао, 亥子道).
13. Римская католическая церковь.
14. Святая религия Китая (Чжунхуашэн, 中華聖教).
15. Тибетский буддизм.
16. Учение Великого пути Майтрейи (Милэдадао, 彌勒大道).
17. Учение Вселенского императора Майтрейи (Юйчжоумилэхуан, 宇宙彌勒皇教).
18. Учение Высшего единства (Тайицзяо, 太易教).
19. Учение Жёлтого императора (Сюаньюань, 軒轅教).
20. Учение Изначального спасения (Общество красной свастики) (Сяньтяньцзю, 先天救教).
21. Учение Небесного закона (Тэнрикё).
22. Учение Небесного императора (Тяньди, 天帝教).
23. Учение Небесного Пути (Тяньдао, 天道教).
24. Учение Небесной добродетели (Тяньдэ, 天德教).
25. Хуанчжун (黃中).
26. Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормонизм).
27. Церковь сайентологии.

Наибольшее число последователей насчитывают религиозные традиции, берущие начало в материковом Китае. Это разные школы буддизма, даосизм и другие верования, характерными чертами которых, особенно на повседневном уровне, являются политеистичность и синкретичность, высокая степень конвергенции друг с другом. Например, бодхисаттве *Гуаньинь* (觀音), изначально буддийскому божеству, также поклоняются даосы и приверженцы народных верований. Адепты *игуаньдао* (一貫道) почитают одновременно как *Гуаньинь*, так и Иисуса, и Мохаммеда. Освящённое в конфуцианской этике поклонение предкам также широко соблюдается на Тайване вне зависимости от религиозной принадлежности. Монотеистические религии, в первую очередь христианство, исповедует относительно небольшая часть населения Тайваня; некоторое число последователей есть у ислама.

Духовные практики на Тайване часто имеют форму медитации и психофизических упражнений, не связанных напрямую ни с какой религиозной традицией. Напри-

мер, *Фалунь Дафа* (法輪大法, «Великий закон колеса Дхармы»), больше известная как *Фалуньгун* (法輪功, «Практика колеса Дхармы»), зарегистрирована на Тайване как светская ассоциация; она заявляет о тысячах последователей. Эта группа практикует *цигун* (氣功), комплекс упражнений, которые объединяют элементы боевых искусств и дыхательных техник и которые, как утверждается, способствуют циркуляции энергии *ци* (氣) в теле.

С древних времён и до рубежа XVI–XVII вв. Тайвань был заселён в основном австронезийскими народами, чьи религиозные верования являлись комбинацией анимизма и поклонения предкам. Китайские традиционные религии в их простейших формах были принесены на Тайвань ранними ханьскими переселенцами из юго-восточных провинций материкового Китая. В 1624 г. на острове обосновалась Голландская Ост-Индская компания, основавшая фактории в юго-западной части Тайваня. Протестантские миссионеры начали проповедовать среди ханьцев и аборигенов. Первые католические священнослужители на северном побережье Тайваня появились в 1626 г. в основанных испанцами форпостах в непосредственной близости от нынешних Цзилуна и Даньшуйя (округ Тайбэй). Эти поселения имели тесные связи с испанскими владениями на Филиппинах и существовали до 1642 г., пока голландцы не выдворили испанцев с острова.

Вторая половина XVII в. характеризуется усилением потока переселенцев из провинций материкового Китая, лежащих на противоположном берегу Тайваньского пролива – Фуцзяни и Гуандуна. Это было связано с активным противостоянием минских лоялистов под руководством Чжэн Чэнгуна и его потомков против маньчжурской династии Цин. Тайвань, с которого в 1662 г. были изгнаны европейские колонисты, стал основной базой сопротивления [3].

После перехода в 1683 г. под цинское правление, Тайвань, ханьское население которого (принадлежащее в основном народностям *хокло* и *хакка*) поддерживало всесторонние контакты с материком, на 200 лет оказался в мейнстриме китайской народной культуры с характерными для неё религиозными представлениями, духовными практиками и ритуалами. Сюда были за-

несены и такие формы религии, как *игуань-дао* и ислам, имевшие достаточно широкое распространение в южных провинциях материкового Китая. Присутствие христианства на острове было восстановлено лишь в XIX в. учреждением пресвитерианской миссии (1865 г.) [4, с. 38].

В 1895 г., в результате поражения Цинского Китая в Первой японско-китайской войне, Тайвань стал колонией Японии. Колониальные власти были в достаточной степени толерантны по отношению к религиозным верованиям местного населения; японские буддийские, христианские и новорелигиозные организации стремились включить остров в сферу своего влияния. Последствия 50-летнего периода японского правления к настоящему моменту практически полностью изжиты, оставив мало следов в религиозном ландшафте Тайваня [2, с. 136].

В 1945 г. Тайвань был возвращён в лоно Китая. Здесь был установлен республиканский режим, а с 1949 г. остров стал последним прибежищем националистического правительства Гоминьдана, потерпевшего поражение в гражданской войне с коммунистами. В этот период наблюдалась новая волна появления религий, которые принесли с собой беженцы из материкового Китая [13, с. 289].

На Тайвань была перенесена политическая система Китайской Республики, были номинально установлены законодательные и регулирующие нормы республиканского периода. Но диктаторский и чрезвычайно репрессивный режим Чан Кайши стремился подчинить все сферы общественной жизни, в том числе и религиозную, своему полному и жесточайшему контролю. На острове был введён режим военного положения, продолжившийся почти 40 лет. Были существенным образом ограничены конституционные свободы слова, собраний и совести. Мероприятия, предпринятые правительством в религиозной сфере, были направлены на избавление от наследия колониального периода, подавление самоидентификации тайваньцев, предупреждение и нейтрализацию «социалистической» ориентации, которую власти усматривали в деятельности многих религиозных организаций [9].

В этих целях правительством Чан Кайши были воссозданы унитарные религиозные

ассоциации – своеобразные проправительственные агентства по управлению конфессиями, в первую очередь буддийской и даосской. Любая религиозная группа, чтобы получить официальное признание, была обязана вступить в соответствующую ассоциацию, за которой было закреплено исключительное право рукоположения новых духовных лиц и лишения сана. Правительство ограничивало строительство культовых сооружений, расходы местных общин на ритуальную активность и т. д. Применялись и ещё более жёсткие меры: так, была полностью запрещена деятельность синкретического религиозного движения *игуаньдао*, «еретического» с точки зрения властей [6].

Бурное экономическое развитие Тайваня в 1960–70-е гг. коренным образом изменило социальную структуру общества. Вырос средний класс, укрепилась буржуазия, что потребовало изменений в политической структуре государства. С начала 1970-х гг. началась постепенная демократизация политической жизни. В середине 1980-х гг. Гоминьдан отказался от монополии на власть – в 1986 г. была основана Демократическая прогрессивная партия, а в 1987 г. было отменено военное положение. В 1989 г. было принято новое гражданское законодательство, в котором все ограничения периода диктатуры были сняты. Это привело к мощному всплеску религиозной активности и появлению большого числа новых религиозных групп, наблюдающемуся и по сию пору.

Ниже представлен краткий обзор основных конфессий, присутствующих в религиозном ландшафте Китайской Республики на Тайване.

Буддизм на Тайвань принесли переселенцы из провинций Фуцзянь и Гуандун. Его наиболее ранней формой было учение вегетарианства – *чжайцзяо* (齋教). Этой формы мирского буддизма, сложившейся при династии Мин (1368–1644), придерживалось несколько сект, каждая из которых предлагала собственный синкретический комплекс элементов буддизма, даосизма, неоконфуцианства и народных верований, но все разделяли приверженность вегетарианской диете [17, с. 40]. Во второй половине XVII в. на остров прибыли первые

буддийские монахи из Фуцзяни, принеся с собой более организованные формы религии.

В период японской оккупации (1895–1945) японские буддийские секты стремились распространять свои учения среди населения Тайваня, но не смогли преуспеть в этом. К концу колониального периода только 28 тыс. тайваньцев ассоциировали себя с японскими буддийскими организациями [2, с. 125]. Вместе с тем, эта ситуация имела определённое положительное влияние на собственно тайваньские буддийские организации – они были вынуждены усилить схоластическую подготовку священнослужителей, глубже заняться публикацией и распространением религиозной литературы, учреждением школ и предоставлением социальных услуг.

Оживление собственно китайских форм буддизма было связано с прибытием мастеров Дхармы в волне беженцев, переселившихся на Тайвань в конце 1940-х гг. в результате поражения партии Гоминьдан в гражданской войне в Китае. В период военного положения (1949–1987) буддийские общины были обязаны вступать в Буддийскую ассоциацию Китайской республики (中國佛教會), единственную уполномоченную организацию для буддистов на Тайване. Националистическое правительство восстановило традиционные для китайского буддизма практики, в том числе целибат и вегетарианство, которые не были обязательными для монахов в традициях японского буддизма. Главным средством управления было то, что только БАКР имела право осуществлять рукоположение духовных лиц и по своему усмотрению лишать сана. Священнослужители, не имевшие аккредитации БАКР, рассматривались государством как лица, не имеющие определённого места жительства и занятий, и к ним применялись санкции, предусмотренные чрезвычайно жёстким законом против бродяжничества [2, с. 128].

Давление государства начало постепенно ослабевать со второй половины 1960-х гг., особенно благотворно на этот процесс повлияла кампания «Китайского культурного ренессанса», затеянная властями в пике культурной революции, проводимой маоистским режимом в КНР [15]. Однако ограничения, в том числе монопольное

положение БАКР, были сняты полностью только после принятия нового гражданского законодательства в 1989 г.

По мере демократизации государства количество буддийских организаций выросло многократно, возрос и масштаб их деятельности. Главенствующей на Тайване ныне является модернистская доктрина «гуманистического буддизма», которая делает основной упор на активное участие мирян в жизни буддийской общины и развитие социальных услуг – распределения гуманитарной помощи, образования и здравоохранения [5].

Период 1960–90-х гг. характерен появлением целого ряда харизматичных духовных лидеров, чья активная деятельность немало способствовала популярности буддизма среди жителей Тайваня в посттоталитарные годы.

• Мастер Чжэнъянь (證嚴法師, 1937) основала Буддийский гуманитарный фонд *Цыцзи* (佛教慈濟慈善事業基金會) в Хуаляне (восточное побережье) в 1966 г. Её фонд фокусируется на гуманитарной, образовательной, культурной деятельности и здравоохранении. Эта организация получила международное признание за способность мобилизовать волонтеров и финансирование для широкомасштабных программ гуманитарной помощи жертвам природных катастроф. *Цыцзи* поддерживает деятельность госпиталя, университета, Центра клеточных технологий, телевизионного канала «*Даай*» (大愛電視).

• Мастер Синьюнь (星雲法師, 1927) учредил монастырь *Фогуаншань* (佛光山) и Международную ассоциацию Фогуан (國際佛教會世界總會) в Гаосюне на юге Тайваня в 1967 г. С той поры орден учредил несколько образовательных институтов и более чем 200 храмов по всей стране. Ныне под эгидой ассоциации действуют университеты *Фогуан* в округе Илань и *Наньхуа* в округе Цзяи, дистанционный (онлайн) буддийский колледж *Тяньянь* и колледжи по всему острову, предлагающие непрерывное образование в разных областях. В сфере масс-медиа действуют собственный телеканал и газета «*Жэньцзяньфубао*» (人間福報).

• Мастер Шэнъянь (聖嚴法師, 1931–2009) основал организацию *Фагушань* (法鼓山) в округе Тайбэй. *Фагушань* имеет разветвленную сеть отделений на Тайване и за

его пределами. Преп. Шэнъянь был основателем и первым председателем Всемирного совета религиозных лидеров, он учредил несколько буддийских образовательных учреждений и написал более 100 книг, раскрывающих разные аспекты буддийской доктрины.

• Мастер Вэйцзюэ (惟覺法師, 1928) начинал с преподавания чань-буддизма для небольшой группы в городке Ваньли (округ Тайбэй). По мере роста числа последователей, мастер построил первый монастырь *Линцюаньсы* (靈泉寺). Позже он основал более крупный *Чжунтайчаньсы* в округе Наньтоу и разместил там штаб-квартиру своей миссии. Ныне организация имеет 90 медитационных центров на Тайване и более десяти за рубежом.

• Мастер Синьдао (心道法師, 1948) основал буддийское общество *Линцзюшань* (靈鷲山佛教教團), имеющее отделения во многих странах Азии. Более всего он известен как учредитель Музея мировых религий (世界宗教博物館), созданного в 2001 г. в Тайбэе. Он также учредил международную неправительственную организацию «Глобальная семья за любовь и мир» (愛與和平地球家), которая содействует межрелигиозному сотрудничеству и продвижению программ гуманитарной помощи.

Наряду со школами, имеющими корни в традиционном китайском буддизме, на Тайване наблюдается и развитие различных форм тибетского буддизма. Первыми иерархами тибетской традиции были Чжанча-хутухта и Ганжурва-хутухта, которые бежали от ужасов гражданской войны в Китае. В 1959 г. на Тайвань прибыли и начали давать учения тибетские ламы Гэлэг Ринпоче и Минжур Ринпоче.

Практики *Ваджраяны* получили широкую популярность на Тайване, особенно в интеллектуальной среде, в 1980-х гг. после прибытия лам, бежавших из Тибета из-за конфликтов с пекинским правительством. На Тайване были основаны десятки учебных центров тибетского буддизма, в 1997 г. был учреждён Тибетский религиозный фонд Его Святейшества Далай-ламы (達賴喇嘛西藏宗教基金會). Сам Далай-лама 14-й трижды посетил Тайвань с пасторскими визитами – в 1997, 2001 и 2009 гг. В то же время в ноябре 2012 г. лидеру тибетского буддизма было отказано в визите на Тайвань, что

связано, по всей видимости, с потеплением тайваньско-китайских отношений в период президентства Ма Инцзю и нежеланием нынешнего руководства островного государства идти на обострение этих отношений.

Даосизм. Термин «даосизм» может обозначать как религиозный даосизм (даоцзяо, 道教), так и философское учение даосизма (даоцзя, 道家). Последнее занимается толкованием происхождения космоса и места человека в нём, и базируется на трактате «Даодэцзин» (道德經) мыслителя Лаоцзы (老子, VI в. до н. э.), современника Конфуция, и сочинениях Чжуанцзы (4 в. до н. э.). «Дао» дословно означает «дорога» или «путь» и рассматривается как изначальная жизненная сила, которая пронизывает всю Вселенную. Даосская мысль делает акцент на «недеянии» (無為), или действии без борьбы, спонтанности, индивидуальной свободе, мистическом опыте и пребывании в гармонии с природой и дао.

Религиозный даосизм оформился в Китае примерно в I-м в. н. э. Эта политеистическая традиция с корпусом священных текстов и живыми красочными ритуалами объединяет элементы философии Лаоцзы с идеями других школ и делает упор на достижение бессмертия. Лаоцзы и другие мудрецы почитаются в ней как божества.

Со времени появления даосизма на Тайване в XVII в. были ассимилированы многие народные культы и традиции. Даосизм активизировался с прибытием из Китая даосских священнослужителей после Второй мировой войны. Среди них был Чжан Эньпу (張恩溥), патриарх в 63-м поколении секты Тяньшиицзяо (天師教) или Чжэньицзяо (正一教), одной из наиболее популярных в даосизме. Её основатель Чжан Даолин (張道陵) жил во время династии Восточная Хань (25–220 гг.). Ему поклоняются как Небесному Учителю (天師).

С учреждением Чжаном Эньпу даосского братства в 1950 г. и основанием Даосской ассоциации Китайской республики в 1966 г. даосизм стал более организованной религией. Как и в буддизме, в течение последних нескольких десятилетий даосские группы активно вовлечены в предоставление социальных услуг; они прилагают усилия к передаче более глубокого понимания основ даосизма, различных его практик, нацеленных на достижение здоровья и просветления.

Учение игуаньдао, название которого можно перевести как «всеобъемлющий путь», выросло из школы Сяньтяньдао (先天道), основанной Хуан Дэхуэем в 17 в.

Игуаньдао учит, что все религии следуют одному «пути». Его последователи поклоняются большому числу святых, включая Лаоцзы, Конфуция, Будду Шакьямуни, Иисуса Христа, Мухаммеда, но выше всех почитают Бога чистоты Мин Мин Шанди (明明上帝). Приверженцы также практикуют различные конфуцианские ритуалы и групповые обряды в семейных храмах. Личное очищение и служение являются основными принципами нравственной философии этой религии.

Синкретизм этого учения, с одной стороны, способствовал его быстрому распространению в период после Второй мировой войны, с другой, вызвал обвинение в «ереси» со стороны государства и привёл к запрету *игуаньдао* в 1951 г. и его нелегальному существованию вплоть до 1987 г.

Игуаньдао пропагандирует вегетарианство, его последователи содержат многие вегетарианские рестораны на Тайване. Эта конфессия ведёт активную международную деятельность, всемирная штаб-квартира *игуаньдао* учреждена в 1996 г. в Эль-Монте, Калифорния.

Христианство. Первые испанские миссионеры-доминиканцы появились на Тайване в 1619 г., но в XVII в. закрепиться на острове христианским миссиям не удалось. Вновь они вернулись лишь во второй половине XIX в., в период упадка династии Цин и поражений имперского Китая в войнах с европейскими державами.

Среди протестантских деноминаций особо выделялась Пресвитерианская церковь, во многом благодаря деятельности ранних миссионеров, таких как канадский врач и пастор Джордж Маккэй (George L. MacKay). Преп. Маккэй прибыл на Тайвань в 1871 г. и посвятил свою жизнь улучшению жизни жителей острова. В 1879 г. он открыл первый на острове госпиталь западной медицины в Даншуе, там же учредил Оксфордский колледж (牛津學堂) для подготовки местных миссионеров.

В 1884 г. преп. Маккэй основал первую современную женскую школу в Даньшуе (淡水女學堂). Годом позже Пресвитерианская церковь учредила первую на Тайване

среднюю школу западного стиля в Тайване, которая в настоящее время называется Средняя школа Чжанжун (長榮高級中學).

В начальный период японской оккупации колониальное правительство проводило политику невмешательства по отношению к христианству и позволило японским протестантским деноминациям учредить церкви на Тайване. Во время второй Китайско-Японской войны (1937–1945) эти религиозные группы подвергались большему контролю и ограничениям, и колониальные власти препятствовали их деятельности в местных общинах.

Христианство получило новый импульс в своём развитии после Второй мировой войны, с наплывом католического и протестантского духовенства из материкового Китая. Предоставляя различные социальные услуги (с помощью зарубежных христианских церквей), в том числе распределение гуманитарной помощи, христианство получило популярность в 1950–60-х гг. Количество католиков выросло в 10 раз, число протестантских деноминаций увеличилось с трёх до 40. Согласно правительственным данным 2005 г., общее число христиан составляло более 900 тыс. человек (4,8 % всех верующих) [12]. Это число включает все христианские деноминации, включая Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормонскую) и Церковь объединения (Муна). Особенно велика доля среди аборигенного населения Тайваня, которое массово обращалось в католичество благодаря активной деятельности миссионеров в этих общинах. Деятельности христианских организаций способствовал мягкий режим государственного регулирования – в отличие от буддизма и даосизма, для них не создавался унитарный орган управления, они не попадали под действие «Акта о надзоре за храмами», регулировавшего религиозную сферу. Во многом это было связано с тем, что руководство Гоминьдана (диктатор Чан Кайши сам придерживался протестантизма методистского толка) благоволило христианской культуре, полагая, что её распространение способствует модернизации Тайваня и его скорейшей интеграции с западным миром [11, с. 12].

В 1952 г. представитель Святого Престола Римской католической церкви в Китае перенёс резиденцию из Гонконга на Тай-

вань, что активизировало строительство новых храмов и привлечение верующих. В 1967 г. в Тайбэе была основана Китайская поместная епископальная конференция (天主教會臺灣地區主教團), высший управляющий орган католической церкви на Тайване [7]. В настоящее время Конференцию возглавляет архиепископ Джон Хун.

Помимо христианских деноминаций, имеющих западное происхождение, существуют и так называемые «независимые протестантские церкви», основанные китайскими верующими. Церковь истинного Иисуса (真耶穌教會) была основана ещё в материковом Китае, а Христианская церковь Хлеба жизни (靈糧堂) – после 1949 г. на Тайване.

Ислам впервые появился на Тайване около 300 лет назад с мигрантами из округа Цюаньчжоу в материковой части провинции Фуцзянь. С течением времени мусульманская община постепенно сокращалась из-за смешанных браков и принятия местных обычаев. Вторая японо-китайская война (1937–1945) и жёсткий контроль со стороны японских колониальных властей привели к практически полному разрыву связей с мусульманами в материковом Китае.

Вторая волна иммиграции мусульман имела место после войны. Сначала появились негоцианты-мусульмане из южных провинций Китая, за ними последовали сторонники Гоминьдана. В течение 1960–70-х гг. правительство приняло на Тайване группы военнослужащих армии Гоминьдана, которые после 1949 г. продолжали вооружённую борьбу с силами Китайской компартии и её союзников на территории Бирмы (Мьянмы). Многие из тех солдат были исповедовали ислам.

В последние годы мусульманская община на Тайване выросла за счёт тысяч индонезийских гастарбайтеров и иностранных студентов. Мусульмане сформировали несколько организаций, ведущая из которых – Китайская мусульманская ассоциация (КМА, 中國回教協會), в ведении которой находится сертификация халяльной пищи. КМА призвана способствовать развитию межгосударственных отношений со странами исламского мира. Её штаб-квартира расположена в Большой мечети в Тайбэе (臺北 清真寺), которая была построена в 1960 г. и ныне признана объектом религи-

озного наследия. Мусульманскую общину Тайваня обслуживают также Тайбэйская культурная мечеть (臺北文化清真寺), мечети в Таюане, Тайчжуне, Тайнани и Гаосюне.

Народные верования, или *фольк-религия*, играют важную роль в религиозной жизни тайваньского общества. Они уходят корнями в традиционные китайские политеистические религиозные представления, различные сезонные обряды и праздники. Основными практиками фольк-религии являются паломничество, гадание, вызывание духов, геомантия, поклонение трём классам сверхъестественных существ: богам, духам и предкам; календарные религиозные ритуалы, общинные и территориальные культовые мероприятия.

Обширный пантеон фольк-религии является калькой политической структуры и властной бюрократии имперского Китая. Он состоит из сотен мужских и женских божеств, заимствованных из буддизма, даосизма и китайских легенд, а также обожествлённых за выдающиеся качества и заслуги исторических фигур.

Главой пантеона считается Нефритовый император (玉皇大帝). Центральными фигурами являются Конфуций и *Вэнчаньди* (文昌帝), которые покровительствуют образованию, *Шэньнун* (神農) – сельскому хозяйству и медицине, *Мацзу* (媽祖) – мореходству, *Тайцзые* (太子爺) прогоняет злых духов, *Ванье* (王爺) борется с эпидемиями. На местном уровне отправляют правосудие *Чэнхуан* (城隍) и охраняющее божество *Тудигун* (土地公). Определённые общины также почитают местных божеств-покровителей, например, представители общины *холо* – выходцы из района Чжанчжоу провинции Фуцзянь – поклоняются *Кайчжан-шэньвану* (開漳聖王), а народность *хакка* почитает Хозяев Трёх гор (三山國王).

Особенно характерен для Тайваня культ богини *Мацзу* (Мать-прародительница) – обожествлённым духом *Лин Монян* (林默娘), предположительно проживавшей на острове Мэйчжоу у берегов провинции Фуцзянь во времена династии Сун (960–1279). Существует поверье, что эта женщина, обретя сверхъестественные способности ещё при жизни, лечила людей и спасала от опасностей моряков и рыбаков в море, а затем стала богиней моря. Свидетельством огромной популярности культа

Мацзу на Тайване являются более 400 посвящённых ей храмов и особые ритуалы-шествия, во время которых её изображение несут в паланкине во главе процессии, чтобы распространять её благоволение. Такие зрелища можно увидеть по всему острову. Крупнейшее из них, *Дацзя Мацзу Жаоцзин* (大甲媽祖遶境), проходит в нескольких округах центрального и южного Тайваня и продолжается в течение 8–9 дней в третьем лунном месяце (обычно выпадающем на март или апрель).

Религиозные верования аборигенно-го населения Тайваня изначально носили характер анимизма – веры в многочисленных духов, представленных в разных формах: духи природных объектов, умерших людей, живых существ, призраки. Эти духи представлялись благоприятствующими или вредящими, имеющими возможность повлиять на судьбу как отдельного человека, так и общины. Считалось необходимым испросить волю духов при выполнении каких-либо важных дел, для установления причины заболевания, во время природных и социальных катаклизмов.

В языках тайваньских аборигенов имеется множество обозначений для этих божеств, духов предков и других сверхъестественных сил: *rutux, anito, hanito, habon, kawas*. Эти понятия относятся к системам верований, которые различаются в определённой степени. Их можно отнести к двум категориям, обозначенным как системы *anito* и *kawas*.

В мировоззрении *anito* духи существуют во всех существах и природе, откуда они черпают силы, чтобы влиять на благополучие общины. Этой системы придерживаются аборигенные группы *атаял, бунун, сайсият, сирайя, цзоу, ями*.

В системе *kawas* духи воплощаются в конкретные формы, со своим специфическим характером, местом и направлением. Верующими в этой системе являются племена *кетагалан, пайван, пинуюмаян, рукай*.

В последнее столетие аборигенные народы Тайваня были в значительной степени христианизированы, и традиционные верования утратили своё прежнее значение. Сейчас зрелищные имитации старинных ритуалов стали частью туристических аттракционов. Например, большое число зрителей привлекает фестиваль *малевак*, проводимый племенем *пайван* на юге острова [12].

Религиозное образование и просвещение. Несколько частных учреждений высшего образования, аффилированных с христианскими и буддийскими организациями, предлагают программы религиозного образования на Тайване. Это университеты Алетейя (Aletheia University 真理大學), Тунхай (Tunghai University 東海大學), протестантские Чжунъюань (Chung Yuan Christian University 中原大學) и Чжанжун (Chang Jung Christian University 長榮大學); католический Фужэнь (Fu Jen Catholic University 輔仁大學); буддийские университеты Фогуан (Fo Guang University), Хуафань (Huafan University 華梵大學), Сюаньцзан (Hsuan Chuang University 玄奘大學), Наньхуа (Nanhua University) и Цыцзи (Tzu Chi University). В Государственном университете Чжэнчи (National Chengchi University 國立政治大學) преподаются программы религиоведения, в нём также имеется центр изучения ислама.

Музей мировых религий (世界宗教博物館), расположенный в районе Юнхэ городского округа Тайбэй, открылся 9 ноября 2001 г. под патронажем буддийского фонда *Линцзюшань*. Музей собирает и экспонирует артефакты многих религий.

Законодательные инициативы в религиозной сфере. В 2004 г. Законодательный Юань одобрил изменения в Закон о частных школах (私立學校法), в существенной степени облегчившие подготовку духовенства и получение духовного образования. Ранее дипломы, выданные образовательными учреждениями, основанными частными фондами или религиозными организациями, не признавались Министерством образования. Пересмотренный закон позволяет религиозным колледжам и университетам выдавать дипломы государственного образца и тем самым повышает их привлекательность для студентов, желающих получить религиозное образование. Первым религиозным образовательным учреждением, получившим аккредитацию согласно новому закону, стал Буддийский колледж Фагу (Dharma Drum Buddhist College), предлагающий ныне ряд курсов как для монахов, так и для светских студентов [16].

Изменения коснулись также и законодательства об обязательной военной службе. Призывникам, которые из-за своих религиозных взглядов не могут проходить военную подготовку, была предоставлена

возможность запросить альтернативную службу. Так, в декабре 2005 г. такую службу проходили 154 верующих – 126 свидетелей Иеговы, 27 буддистов и 1 приверженец *Игуаньдао*.

Несмотря на *де-факто* благополучную религиозную ситуацию на Тайване, в законодательстве Китайской республики до сих пор отсутствует универсальное нормативное регулирование религиозных организаций. Единственным законом, направленным на государственное администрирование буддийских и даосских организаций, является «Акт о надзоре за храмами» (監督寺廟條例), принятый ещё в 1929 г. [10, с. 112] Этот закон устанавливал государственный контроль за имуществом и доходами религиозных общин, требуя выделения доверенного лица в организационной структуре и регулярной (на полугодовой основе) публичной отчётности [1]. Его действие изначально не распространялось на христианские организации. «Акт...» явно устарел и не способен в должной степени регулировать многостороннюю деятельность религиозных организаций в современном демократическом обществе. Так, понятие «храм» определяется в законе 1929 г., скорее, как собрание материальной собственности – зданий, культовых предметов, религиозной литературы, нежели как ассоциация верующих, обладающая различными правами, в том числе и имущественными. Такая неопределённость юридического статуса религиозных ассоциаций доставляет определённые неудобства как в хозяйственных аспектах их деятельности, так и не связанных напрямую с ритуально-обрядовой стороной – просветительстве, образовании, благотворительности и т. д. Особенно это проявляется при выросших за последние десятилетия размерах церковных структур и их сложной организации.

В связи с этим в октябре 2000 г. Министерство внутренних дел учредило Консультационный комитет по религиозным делам с целью выработки единых норм регулирования для различных типов религиозных организаций, деятельность которых подчиняется разным нормативным актам. В его состав были включены шесть представителей академического сообщества, девять буддистов, девять даосистов, три католика, пять протестантов, пять представите-

лей *игуаньдао*, и по одному представителю от ислама, *хайцзыдао*, *тяньдэ*, *тэнрикё*, *тяньди* и *церкви Махикари* [10, с. 133].

В течение нескольких лет Министерством были разработаны четыре проекта Закона о религиозных организациях, которые были одобрены Исполнительным Юанем и переданы для утверждения в Законодательный Юань, но ни один из них не нашёл поддержки законодателей [8].

По состоянию на октябрь 2012 г. на рассмотрении в Законодательном Юане находятся два проекта Закона о религиозных организациях. Один подготовлен депутатами от Демократической прогрессивной партии Линь Цзялуном и Ли Цзюньи, другой выдвинут Исполнительным Юанем. В общих чертах эти проекты схожи. В них предлагается определить отсутствующий ныне единый юридический статус для религиозных организаций. Устанавливается освобождение религиозных организаций от уплаты налогов на прибыль, строения, земельные участки. Предлагается не облагать пожертвования религиозным организациям налогами на наследство и дарение. Другой важной мерой является возможность приобретать в собственность государственные земли, которые использовались в религиоз-

ных целях более пяти лет. Легальный статус предполагается предоставить домовым святилищам. В целях предотвращения злоупотреблений в религиозной сфере предлагается ввести сертификацию религиозных работников.

* * *

Религиозная ситуация на Тайване в настоящее время, несмотря на недавнее тоталитарное прошлое, представляется достаточно благополучной, вполне соответствующей демократическим нормам. Государство равноудалено от религиозных конфессий. Оно осуществляет чёткое разграничение сфер деятельности религиозных организаций, не мешая последним активно действовать и развиваться для обслуживания духовных запросов населения, в области социальной поддержки малоимущих слоёв. Религиозное развитие не принимает радикальных форм благодаря эффективности государства и общему высокому уровню социального развития тайваньского общества. Есть все основания, чтобы признать тайваньский опыт плюрализации духовной сферы в 1980–2000-х гг. одним из наиболее благополучных для посттоталитарных стран.

Список литературы

1. Акт о надзоре за храмами: [Online]. URL: http://www.moi.gov.tw/english/english_news/news_detail.aspx?sn=284&type_code= (дата обращения: 16.02.2013).
2. Бигенхаймер Маркус. Освобождение китайского буддизма – перестройка и переопределение Китайского буддизма на Тайване // Буддизм в глобальной перспективе / ред. Калпакам Санкарнараян. Мумбай: Сомайя Пабликэйшнз, 2003. С. 122–146.
3. Чарльз Брюер Джонс. Буддизм на Тайване: религия и государство, 1660–1990. Гонолулу: Изд-во ун-та Гавайев, 1999. 233 с.
4. Чэнтянь Гуо. Религия и демократия на Тайване. Олбани: Изд-во ун-та штата Нью-Йорк, 2008. 161 с.
5. Дэвид Шак, Синьхуан (Майкл) Сяо. Социально активные буддийские группы на Тайване // Китайские перспективы (China perspectives). 2005. Том 59. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/2803> (дата обращения: 16.02.2013).
6. Юньфэн Лю, Байрон Джонсон, Родни Старк. Дерегуляция и религиозный рынок на Тайване: аналитическая записка // Социологический ежеквартальный журнал (The Sociological Quarterly). 2008. Том 49. С. 139–153.
7. История католической церкви на Тайване. URL: http://www.catholic.org.tw/dominicanfamily/taiwan_history_english.htm (дата обращения: 16.02.2013).
8. Хо И. Религиям нужно законодательство // Тайбэй Таймс (Taipei Times). Сент. 12, 2012. С. 4. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2012/09/12/2003542569> (дата обращения: 16.02.2013).
9. Лалиберте Андре. Регулирование религиозной деятельности на Тайване: от государственного контроля до невмешательства? // Журнал текущих китайских вопросов. 2009. Vol 38. No 2. С. 53–83.
10. Лиин Пэнсюань. Развитие и основные проблемы религиозного законодательства на Тайване // История, время, значение и память: представления социологии религии / ред. Б. Джонс Денисон. Лейден, Нидерланды: Брилль, 2011. С. 111–144.

11. Ричард Мадсен. Дхарма при демократии: религиозный ренессанс и политическое развитие на Тайване. Беркли: Изд-во ун-та Калифорнии, 2007. 191 с.
12. Тайваньский ежегодник 2006. Тайбэй: Правительственная служба информации, 2006. 576 с.
13. Тайваньский ежегодник 2010. Тайбэй: Правительственная служба информации, 2010.
14. Конституция Китайской республики. URL: http://www.taiwandocuments.org/constitution01.htm#C001_ (дата обращения: 16.02.2013).
15. Тайваньская академия: изучение китайской культуры в полном объеме. URL: http://newsletter.teldap.tw/news/InsightReportContent_en.php?language=en&nid=5296&lid=602 (дата обращения: 16.02.2013).
16. Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда США. Доклад о религиозной свободе в мире 2007. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2007/90134.htm> (дата обращения: 16.02.2013).
17. Вэйи Чэн. Знаменитые буддийские монахины в современном Тайване: тихое феминистское движение // Журнал буддийской этики (Journal of Buddhist Ethics). 2003. Том 10. С. 40–56.

References

1. Akt o nadzore za hramami: [Online]. URL: http://www.moi.gov.tw/english/english_news/news_detail.aspx?sn=284&type_code= (data obrashhenija: 16.02.2013).
2. Bigenhajmer Markus. Osvobozhdenie kitajskogo buddizma – perestrojka i pereopredelenie Kitajskogo buddizma na Tajvane // Buddizm v global'noj perspektive / red. Kalpakam Sankarnarajan. Mumbaj: Somajja Pablikjeshnz, 2003. S. 122–146.
3. Charl'z Brjuer Dzhons. Buddizm na Tajvane: religija i gosudarstvo, 1660–1990. Gonolulu: Izd-vo un-ta Gavajev, 1999. 233 s.
4. Chjentjan' Guo. Religija i demokratija na Tajvane. Olbani: Izd-vo un-ta shtata N'ju-Jork, 2008. 161 s.
5. Djevid Shak, Sin'huan (Majkl) Sjao. Social'no aktivnye buddijskie gruppy na Tajvane // Kitajskie perspektivy (China perspectives). 2005. Tom 59. URL: <http://chinaperspectives.revues.org/2803> (data obrashhenija: 16.02.2013).
6. Jun'fjen Lju, Bajron Dzhonson, Rodni Stark. Dereguljacija i religioznyj rynek na Tajvane: analiticheskaja zapiska // Sociologicheskij ezhekvartal'nyj zhurnal (The Sociological Quarterly). 2008. Tom 49. S. 139–153.
7. Istorija katolicheskoj cerkvi na Tajvane. URL: http://www.catholic.org.tw/dominicanfamily/taiwan_history_english.htm (data obrashhenija: 16.02.2013).
8. Ho I. Religijam nuzhno zakonodatel'stvo // Tajbjej Tajms (Taipei Times). Sent. 12, 2012. S. 4. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2012/09/12/2003542569> (data obrashhenija: 16.02.2013).
9. Laliberte Andre. Regulirovanie religioznoj dejatel'nosti na Tajvane: ot gosudarstvennogo kontrolja do nevmeshatel'stva? // Zhurnal tekushhix kitajskih voprosov. 2009. Vol 38. No 2. S. 53–83.
10. Liin Pjensjuan'. Razvitie i osnovnye problemy religioznogo zakonodatel'stva na Tajvane // Istorija, vremja, znachenie i pamjat': predstavlenija sociologii religii / red. B. Dzhons Denison. Lejden, Niderlandy: Brill', 2011. S. 111–144.
11. Richard Madsen. Dharma pri demokratii: religioznyj renessans i politicheskoe razvitie na Tajvane. Berkli: Izd-vo un-ta Kalifornii, 2007. 191 s.
12. Tajvan'skij ezhegodnik 2006. Tajbjej: Pravitel'stvennaja sluzhba informacii, 2006. 576 s.
13. Tajvan'skij ezhegodnik 2010. Tajbjej: Pravitel'stvennaja sluzhba informacii, 2010.
14. Konstitucija Kitajskoj respubliki. URL: http://www.taiwandocuments.org/constitution01.htm#C001_ (data obrashhenija: 16.02.2013).
15. Tajvan'skaja akademija: izuchenie kitajskoj kul'tury v polnom ob#eme. URL: http://newsletter.teldap.tw/news/InsightReportContent_en.php?language=en&nid=5296&lid=602 (data obrashhenija: 16.02.2013).
16. Bjuro po voprosam demokratii, prav cheloveka i truda SSHA. Doklad o religioznoj svobode v mire 2007. URL: <http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2007/90134.htm> (data obrashhenija: 16.02.2013).
17. Vjeji Chjen. Znamenitye buddijskie monahini v sovremennom Tajvane: tihoe feministское dvizhenie // Zhurnal buddijskoj jetiki (Journal of Buddhist Ethics). 2003. Tom 10. S. 40–56.

Статья поступила в редакцию 12.01.2013

УДК 81'24:811.512.156
ББК 81.2 (2Рос.Тув)

Чечек Сергеевна Цыбенова,
аспирант,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии,
Сибирское отделение Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: tschechek@mail.ru

**О языковой компетенции тувинцев
(результаты социолингвистического анкетирования)**

Статья посвящена вопросам языковой компетенции тувинцев. На материале социолингвистического исследования рассматриваются формы и степень владения тувинским (родным) и русским (вторым) языками. Дается анализ уровня их языковой компетенции во владении письменными («читаю» и «пишу») и устными («понимаю» и «говорю») формами. На основе проведенного исследования было выявлено сближение письменных и расхождение устных форм в использовании указанных языков. Подобную картину языковой компетенции тувинцев автор объясняет экстралингвистическими факторами. В работе также изучена взаимосвязь данных форм с социально-демографическими параметрами респондентов. Были проанализированы такие параметры, как возраст, образование, профессиональная принадлежность. Результаты корреляционного анализа показали, что уровень языковой компетенции тувинцев во владении тувинским (родным) и русским (вторым) языками и их использование во многом зависят от внешних факторов.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая компетенция, владение языком, корреляционный анализ, Тува, тувинский язык, тувинцы

Chechek Sergeevna Tsybenova,
Postgraduate Student,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: tschechek@mail.ru

On Language Competence of the Tuvans (Results of Sociolinguistic Survey)

The article focuses on the questions of language competence of the Tuvans. The forms and the levels of their language competence in using the Tuvan language (mother tongue) and Russian (second language) are considered on the basis of the sociolinguistic survey. Written (reading and writing) and oral (understanding and speaking) forms of the language usage are paid special attention to. The result shows the convergence of written forms and the divergence of oral ones in the usage of the languages given. The author explains it by extralinguistic factors. The article also studies the correlation between these forms and the respondents' social characteristics. Such parameters as their age, education and occupation are considered. The correlation analysis reveals that the levels and the forms of the Tuvans' language competence are more dependent on the extralinguistic factors.

Keywords: sociolinguistics, language competence, language usage, correlation analysis, Tuva, the Tuvan language, Tuvans.

Языковая ситуация как сложное и многоаспектное явление состоит из ряда компонентов, среди которых при изучении ее сущности «немаловажным, если не первостепенным, значимым» считается языковая компетенция [1, с. 14]. Термин «языковая компетенция» в социолингвистике не имеет однозначной трактовки и тесно связан с понятием «владение язы-

ком» [2, с. 49]. Поэтому в широком смысле языковую компетенцию в российской социолингвистике чаще рассматривают как владение языком своей национальности, русским и другими языками, а также их использование в различных ситуациях [12, с. 86]. В узком понимании это собственно лингвистический уровень владения язы-

ком, подразумевающий знание и владение грамматической и словарной сторонами языка [9, с. 260].

Для выявления уровня языковой компетенции современных тувинцев, т. е. насколько и как хорошо они владеют родным (тувинским) и русским языками в рамках социолингвистического анкетирования, проведённого нами в 2009–2010 гг., был задан вопрос «Какими формами тувинского и русского языков Вы владеете?». Всего опросом было охвачено 635 респондентов различных возрастных и социальных групп тувинского населения Республики Тыва. Основной целью анкетирования было выявление особенностей функционирования тувинского языка и фиксация его современного состояния. Поэтому комплексный характер исследования предполагал целесообразность широкого понимания «языковой компетенции» как владение языком, подразумевающее «умение не только пассивно воспринимать, но и активно использовать язык» [9, с. 38].

Согласно методике, разработанной бурятскими социолингвистами [3], степень владения языком, или языковую компетенцию, можно оценить по тому, как индивиды

понимают, говорят, читают и пишут на том или ином языке. В соответствии с этим выделяют следующие формы владения языком: «понимаю», «говорю», «читаю» и «пишу». Данные формы принято разграничивать на устные («понимаю» и «говорю») и письменные («читаю» и «пишу») или на активные («говорю» и «читаю») и пассивные («понимаю» и «пишу»). При этом каждая из четырёх форм оценивается по таким параметрам, как «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и «не владею». Многолетняя практика проведения социолингвистических опросов показала, что такое разграничение оправдано, т. к. позволяет респондентам более дифференцированно подойти к оценке своей языковой компетенции в том или ином языке, и вполне адекватно отражает реальную картину владения языком.

Проведённое обследование показало, что уровень владения родным (тувинским) языком у тувинцев пока ещё достаточно высок. Так, на нём очень хорошо говорят и хорошо понимают 97,1 % респондентов, говорят – 94,7 %, читают – 88,8 % и пишут – 86,3 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Формы и степень владения тувинским и русским языками (%)

Регион	Степень	По-тувински					По-русски				
		оч. хор.	хор.	удовл.	плохо	не влад.	оч. хор.	хор.	удовл.	плохо	не влад.
Республика Тыва N = 635	понимаю	57,6	39,5	2,5	0,3	-	36,2	52,8	9,9	1,1	-
	говорю	47,9	46,8	4,9	0,5	-	20,6	55,4	20,8	3,1	-
	читаю	49,6	39,2	8,7	2,4	0,2	32,3	55,7	10,1	1,9	-
	пишу	43,3	43,0	9,4	3,8	0,5	26,1	55,1	16,2	2,5	-
Город N = 315	понимаю	59,4	36,5	3,5	0,6	-	40,0	51,1	8,3	0,6	-
	говорю	50,8	41,0	7,3	1,0	-	22,5	52,4	22,5	2,5	-
	читаю	52,1	35,2	9,2	3,2	0,3	35,2	54,4	9,2	1,6	-
	пишу	44,8	40,6	9,2	4,8	0,6	29,8	54,3	14,6	1,3	-
Село N = 320	понимаю	55,9	42,5	1,6	-	-	32,5	54,4	11,6	1,6	-
	говорю	45,0	52,5	2,5	-	-	18,8	58,4	19,1	3,8	-
	читаю	47,2	43,1	8,1	1,6	-	29,4	57,5	10,9	2,2	-
	пишу	41,9	45,3	9,7	2,8	0,3	22,5	55,9	17,8	3,8	-

Такой результат в условиях относительно однородного этнического состава населения очевиден: в Туве 77 % населения являются коренными жителями – тувинцами, на долю русскоязычного населения приходится 20 %, другие национальности составляют 3 % [6]. Поэтому языковая среда, являясь одним из детерминирующих факторов в языковой ситуации Тувы, оказывает огромное влияние не только на формирование языковой компетенции, но и на языковое поведение и ориентации тувинцев.

Несмотря на это, по-тувински не читают 0,2 % и не пишут 0,5 % респондентов, тогда как оценку «не владею» формами русского языка никто не указал. Из всех форм тувинского языка наиболее низкими оказались показатели письменных форм «читаю» и «пишу». Вероятно, это связано с тем, что навыки чтения и письма на родном языке формируются и развиваются только в рамках школьного образования, после окончания школы их применение носит сугубо ограниченный, индивидуальный характер. Так, в повседневной жизни тувинцы в основном пишут только частные записки и письма. При этом большинство респондентов указали, что предпочитают отправлять телефонные сообщения на русском языке, мотивируя это удобством употребления его словоформ и привычкой. В целом с развитием и внедрением новых коммуникационных технологий использование письма на любом языке сокращается, поэтому индивидууму удобнее позвонить, чем написать и потратить время.

Необходимо указать и на использование письменной формы тувинского языка в официальных сферах. В государственных органах, организациях и предприятиях почти вся деловая документация ведётся на русском языке, кроме официально переводимых законов и нормативно-правовых актов. В высших и средних учебных заведениях при записи лекций также преимущественно используется русский язык. Впрочем, не следует забывать и о становлении и развитии письменной традиции самого тувинского языка, который считается младописьменным языком, а его графические нормы претерпели значительные реформы: до 30-х гг. тувинцы пользовались старо-монгольской письменностью, с 1930 г. перешли на латиницу, а с 1941 г. используют кириллицу.

Относительно русского языка опрос выявил преобладание в сторону оценки «хорошо» для всех его форм, доля их стабильна – не ниже 50 %. Общая доля «очень хорошо» и «хорошо» владеющих формами русского языка выглядит следующим образом: «понимаю» – 89 %, «говорю» – 76 %, «читаю» – 88 % и «пишу» – 81,2 %. Наиболее сложными для респондентов оказались навыки говорения (76 %), что, в первую очередь, объясняется отсутствием полноценной русской языковой среды в республике; следовательно, и отсутствием языковой практики. Поэтому при разговоре на русском у тувинцев часто наблюдаются интерферентные явления со стороны родного (тувинского) языка, а для молодёжи, выходцев из центральных районов и города, характерно развитие смешанной речи.

Общий анализ показал сближение значений письменных форм обоих языков, т. е. читают по-тувински 88,8 % респондентов, тогда как по-русски 88 %; пишут по-тувински 86,3 %, а по-русски 81,2 %. Такая незначительная разница свидетельствует не только о недостаточном использовании письменных форм тувинского языка, но и об отсутствии мотивации к их использованию. Наибольший разрыв наблюдается между устными формами: по-тувински понимают 97,1 % респондентов, а по-русски – 89 %, если по-тувински говорят 94,7 %, то по-русски всего 76 %. Поскольку навыки понимания и говорения закладываются в раннем детстве и предполагают постоянную языковую практику, то в ситуации относительно однородного этнического состава населения основным фактором, воздействующим на формирование указанных навыков, можно считать языковую среду.

Таким образом, сегодня в целом по Туве уровень владения русским языком у коренных жителей относительно низкий. По мнению деятелей культуры, науки, образования это результат миграции за пределы республики в 1990-е годы русского населения, что привело к сокращению русского языкового пространства [10, с. 3]. Относительно тувинского языка выявлено, что тувинцы более компетентны во владении его устными формами, чем письменными. Несмотря на практически однородное тувиноязычное окружение, они достаточно хорошо владеют письменными формами русского языка.

Полученные нами результаты также были подвергнуты корреляционному анализу, т. е. выяснялось, какие социально-демографические факторы влияют на уровень языковой компетенции тувинцев во владении тувинским и русским языками. Были отобраны такие параметры респондентов, как «возраст», «образование» и «профессиональная принадлежность»,

которые рассматривались по двум положительным уровням – «очень хорошо» и «хорошо».

По первому параметру определилось шесть возрастных групп, которые распределены по десятилетиям, а именно лица, родившиеся: 1) с 1940 по 1950 гг.; 2) с 1951 по 1960 гг.; 3) с 1961 по 1970 гг.; 4) с 1971 по 1980 гг.; 5) с 1981 по 1990 гг.; 6) в 1991 г. и позднее, но не младше 16 лет (см. рис. 1).

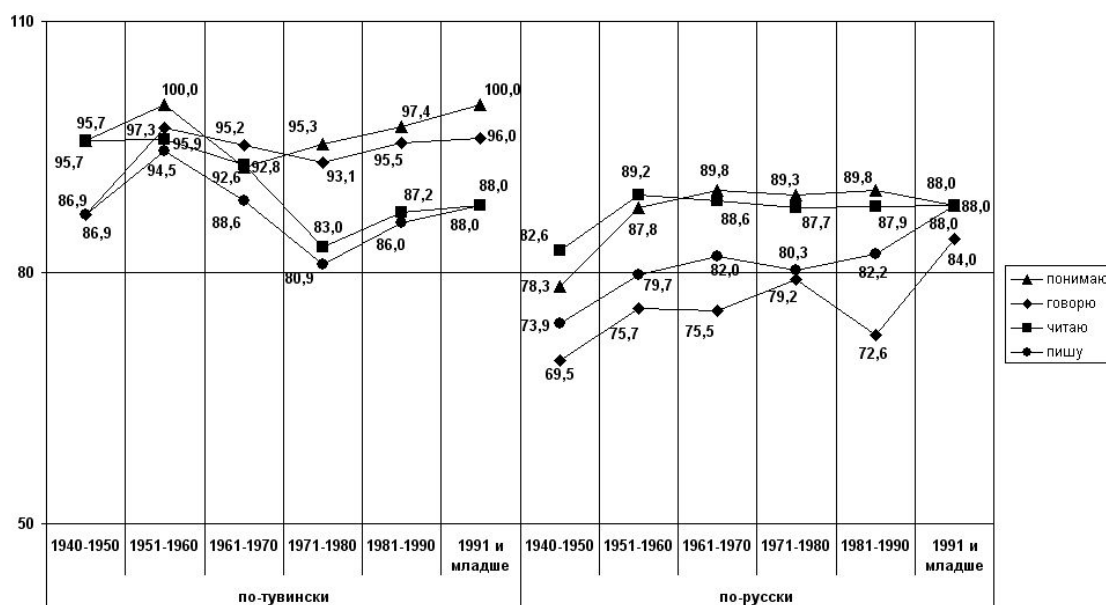

Рис. 1. Формы и степень владения тувинским и русским языками в зависимости от возраста (%)

Из выделенных групп более слабое знание тувинским языком (кроме устных форм) выявлено у лиц, родившихся с 1971 по 1980 гг. Очевидно перепад значений у данной группы обусловлен изменением языковой ситуации и усилением роли русского языка в советские годы. Показатели последующих поколений имеют возрастающий характер. Это, безусловно, связано с моментом начала национального возрождения после распада Советского союза, когда в 1992 г. был принят Закон «О языках в Тувинской АССР», предусматривавший постепенное повышение уровня коренизации тувинской школы включительно по 9-й класс, т. е. переход в этих классах на преподавание всех предметов на родном языке [8].

Высокие показатели определились у респондентов, родившихся с 1951 по 1960 гг. Их языковая компетенция формировалась

в период, когда в тувинских школах преподавание до 7 класса включительно велось на тувинском языке, кроме русского языка и литературы. Именно обучение детей на родном языке сыграло решающую роль в их овладении нормами литературного языка [7, с. 62]. Введение всеобщего семилетнего образования на родном языке привело к расширению не только сети школ, но и охвату обучением абсолютного большинства детей соответствующего возраста [4, с. 40]. Следует добавить, что в Туве преподавание всех предметов (кроме родного языка) в 8–10-х классах и в средних специальных учебных заведениях с начала 1950-х годов стало вестись также и на русском языке [5, с. 7]. Возможно, поэтому начиная с третьей группы наблюдается разрыв между устными и письменными формами тувинского

языка, а значения письменных форм русского с каждым последующим поколением только повышаются.

В связи с вышесказанным думается, что возрастные характеристики влияют на уровень языковой компетенции менее активно. Например, общеизвестно, что чем моложе носители языка, тем слабее владение родным языком и, наоборот, чем старше индивид, тем лучше он знает свой родной язык. Тогда как полученные результаты говорят о том, что языковая компетенция у тувинской молодёжи почти такая же высокая, как и у старшего поколения, т. е. на уровень языковой компетенции во владении родным языком больше воздействуют внешние факторы.

Рис. 2 демонстрирует зависимость уровня языковой компетенции от образования. Анализом было определено две группы:

1) лица с высшим и неполным высшим образованием; 2) лица, имеющие среднее специальное и общее среднее образование. Выявлено, что устными формами тувинского языка активнее владеет вторая группа (респонденты со средним специальным и общим средним образованием), тогда как письменными владеют респонденты с высшим и неполным высшим образованием. Следовательно, чем ниже образовательный уровень индивида, тем интенсивнее он использует устные формы родного языка и, наоборот, чем выше, тем лучше владение письменными. Однако с ростом образовательного уровня возрастает и уровень владения вторым языком, о чём свидетельствует корреляция данного параметра с формами русского языка, которая повышается от общего среднего до высшего образования.

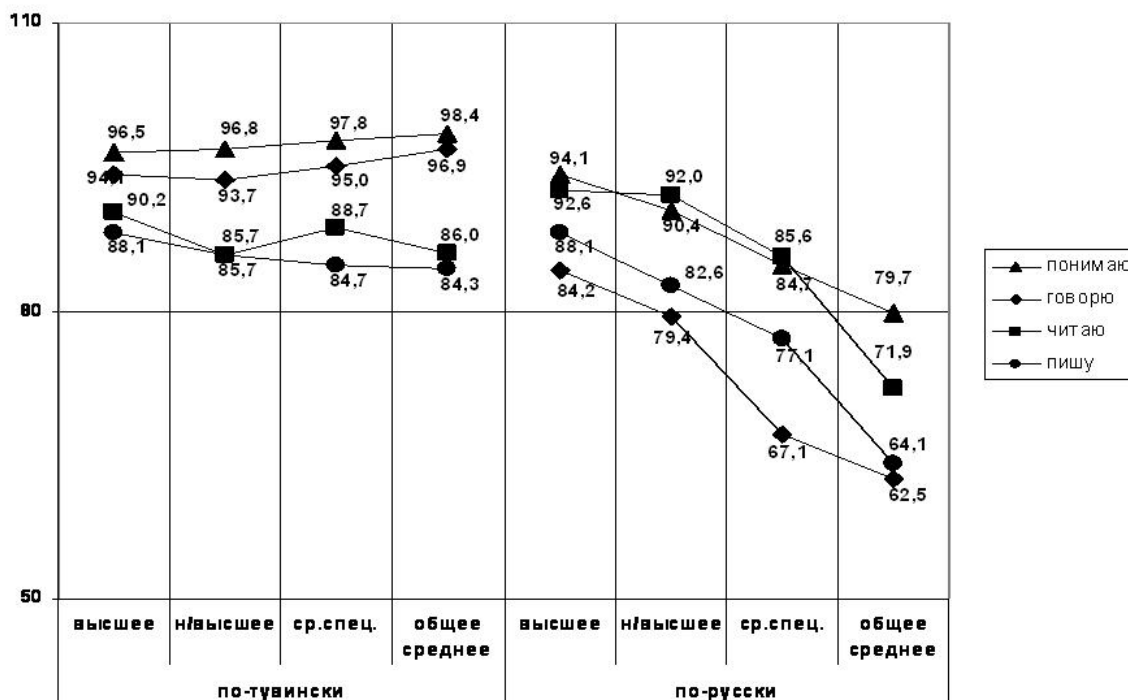

Рис. 2. Формы и степень владения тувинским и русским языками в зависимости от образования (%)

Для рассмотрения последнего параметра «профессиональная принадлежность» респонденты были подразделены на 15 профессиональных групп в зависимости от сферы деятельности. Результаты показали, что у всех представленных групп уровень владения тувинским языком доста-

точно высокий – не ниже 80,0 %. Вероятно, это объясняется тем, что в традиционной культуре тувинцев не существовало особой профессиональной дифференциации и подавляющее большинство, независимо от трудовой деятельности, сегодня в целом хорошо владеет родным языком. При этом

анализ показал, что некоторые профессиональные группы более компетентны во владении русским языком, другие во владении тувинским, что, несомненно, говорит о коррелятивных отношениях между уровнем языковой компетенции респондентов и их профессиональной принадлежностью.

Так, наибольший перепад значений между данными по формам обоих языков выявлен у работников сельского хозяйства, физического труда и неорганизованных лиц. Основанием для их выделения стали относительно низкие значения показателей по русскому и достаточно высокие показатели по тувинскому языку, причём

по сравнению с остальными они читают и пишут по-русски слабее. Исходя из того, что каждому виду человеческой деятельности сопутствует определённая сфера общения, мы полагаем, что уровень языковой компетенции зависит от характера коммуникативной сферы. Например, вышеупомянутым группам характерно менее интенсивное общение, они занимаются более «традиционными» видами деятельности, где особого владения русским языком не требуется. В большинстве случаев они работают в моноэтничных коллективах и преимущественно используют тувинский язык (см. табл. 2).

Таблица 2

Формы и степень владения тувинским и русским языками в зависимости от профессиональной принадлежности (%)

профес- сии	Сфера деятельности																
	производств.			непроизводственные													
	работники			специалисты						служащие			духовенство	предприниматели	обслуживающий персонал	студенты	не организован
	сельского хозяйства	физического труда	инженерно-технического профиля	аппарата управления	сферы образования	сферы культуры	здравоохранения	надзорных и контролирующих служб	аварийных служб	Суда и юридических органов							
формы																	
	понимаю																
по-тувински	95,0	97,3	88,6	92,8	99,1	96,9	96,8	100,0	100,0	96,4	87,5	93,8	100,0	98,6	100,0		
по-русски	75,0	75,7	85,7	97,7	92,9	93,7	87,1	93,5	81,3	90,9	50,0	93,8	95,5	88,9	83,4		
	говорю																
по-тувински	100,0	91,8	91,4	95,3	96,4	93,8	93,5	93,5	100,0	92,7	87,5	87,6	95,4	95,9	97,3		
по-русски	65,0	64,9	65,7	90,5	85,7	84,4	64,6	82,6	62,5	85,5	50,0	68,8	75,0	73,6	66,6		
	читаю																
по-тувински	100,0	86,5	80,0	88,1	90,2	93,8	90,3	82,6	100,0	81,8	87,5	87,5	95,5	87,5	91,7		
по-русски	80,0	62,1	82,9	97,6	92,9	96,9	88,7	93,5	87,5	85,4	75,0	93,8	91,0	93,0	72,2		
	пишу																
по-тувински	90,0	83,7	85,7	88,1	86,6	90,7	82,3	80,5	100,0	81,9	62,5	81,3	90,9	90,3	88,9		
по-русски	65,0	48,6	82,8	92,8	87,5	90,7	83,9	87,0	87,6	78,2	37,5	87,5	87,5	88,9	75,0		

Отдельно выделяется социальная группа духовенства (представители буддийской сангхи), для которых характерны самые низкие показатели владения как тувинским, так и русским языками: по-тувински они понимают, говорят, читают 87,5 % и пишут 62,5 % и, соответственно, по-русски: 50 %, 50 %, 75 %, 37,5 %. Во-первых, возможно, это связано со спецификой их деятельно-

сти, которая предполагает большую практику во владении и использовании тибетского и монгольского языков. Во-вторых, как правило, большинство послушников и практикующих лам являются выходцами из Эрзинского, Тес-Хемского районов, расположенных на границе с Монголией. Для коренных жителей, носителей юго-восточного диалекта тувинского языка, характерно

тувинско-монгольское двуязычие, которое распространено в указанных районах издавна. Соседство с Монголией способствует сохранению данного типа двуязычия: монгольский язык в разговорной форме до сих пор функционирует на территории приграничных населённых пунктов Качык, Нарын, Морен. В-третьих, постоянных русских поселений, в отличие от северной и северо-восточной Тувы, в данном ареале не имелось. Знакомство с русскими здесь происходило гораздо позднее, в период ТНР, и особенно после вхождения в состав СССР [11, с. 143].

Более стабильны показатели профессиональных групп работающих в интегрированных сферах деятельности. Зачастую это лица с высшим и неполным высшим образованием, имеющие коммуникативные контакты с различными людьми (посетителями, клиентами, воспитанниками, учащимися, пациентами и т. д.). Для них характерно хорошее владение обоими языками, в зависимости от ситуации общения они без особых затруднений могут переключаться с одного языка на другой. Это специалисты аппарата управления, надзорных и контролирующих служб, сферы образования, культуры, здравоохранения, служащие суда и юридических органов, работники инженерно-технического профиля и аварийных служб, предприниматели, обслуживающий персонал и студенты. Уровень владения тувинским языком у перечисленных групп колеблется от 80 % до 100 %, разрыв между устными и письменными формами языка сохраняется.

Наиболее компетентными во владении тувинским языком оказались работники аварийных служб (пожарники, спасатели) у которых отмечены предельные значения по всем его формам (100 %). Формами русского языка активнее владеют специалисты аппарата управления, и, как оказалось, по-русски читают и пишут они лучше, чем

по-тувински. Не исключено, что на уровень языковой компетенции влияет не только характер коммуникативной сферы, но и адаптационный период к условиям жизни в той или иной среде (городская/сельская; русскоязычная/тувиноязычная).

Таким образом, можно констатировать, что устными формами своего родного языка тувинцы пока владеют достаточно хорошо. Но, по справедливому замечанию татарских исследователей, «умение хорошо говорить ещё не означает высокую степень владения письменной формой языка» [13, с. 29], что наглядно подтверждается результатами проведённого исследования. Безусловно, это связано не только с внешними факторами, но и с внутренними законами развития самого языка: поскольку многим языкам исторически была свойственна устная традиция передачи информации из поколения в поколение, то за литературную основу национального языка обычно брали народно-разговорную форму. Поэтому давность письменной традиции в формировании языковой компетенции играет немало важную роль.

Из всех форм русского языка тувинцы лучше владеют его письменными формами, что прежде всего обусловлено более развитым коммуникационным пространством (радио, телевидение, газеты, журналы), которое способствует укреплению навыков чтения и письма. При этом показатели формы «пишу» выше, чем «читаю», в силу активного применения письменной формы русского языка при ведении как производственных дел, так и записи лекций, личной корреспонденции. Поэтому сегодня большинство тувинцев являются носителями пассивного типа билингвизма: обладая навыками понимания и чтения на русском языке, полноценно синтезировать устный и письменный текст на нём они затрудняются.

Список литературы

1. Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации // Вестник ВЭГУ. 2007. № 29–30. С. 14–23.
2. Галимьянова В. Р. Языковая ситуация как социолингвистическая проблема: монография. Нефтекамск: РИО НФ БашГУ, 2007. 116 с.

3. Дырхеева Г. А. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект) / Г. А. Дырхеева, Б. Ж. Будаев, Т. П. Бажеева; отв. ред. В. И. Рассадин; РАН, Сиб. отд.-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. Улан-Удэ, 1999. 142 с.
4. Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Избранные труды: науч. издание. Кызыл: Тываполиграф, 2009. 248 с.
5. Монгуш Д. А., Татаринцев Б. И. Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве. Кызыл. 1985. 218 с. С. 3–15.
6. Население по национальности и полу по Республике Тыва. Кызыл, 2005. 13 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Террит. орган федер. службы гос. статистики по РТ).
7. Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл, 1973. 193 с.
8. Селиверстова Г. М. Родной язык не нужен? Как решить проблемы двуязычия // Учительская газета. 2007. 8 янв. URL: <http://www.ug.ru/issues07/?action=topic&toid=2682> (дата обращения: 13.05.2010).
9. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с. С. 182.
10. Русский язык в Туве // Тувинская правда. 2007. 18 окт. № 124 (16475).
11. Уланова А. Э.-Г. Русские лексические заимствования в монгольском языке юго-восточных тувинцев // Русский язык в Туве. Кызыл. 1985. 218 с. С. 142–151.
12. Функционирование языков в многонациональном государстве: Россия и Вьетнам. М.: Советский писатель, 2008. 451 с.
13. Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань: Магариф, 2002. 208 с.: табл.

References

1. Ajupova L. L., Salihova Je. A. Rol' jazykovej kompetencii i cennostnyh orientacij individa pri opisanii jazykovej situacii // Vestnik VJeGU. 2007. № 29–30. S. 14–23.
2. Galim'janova V. R. Jazykovaja situacija kak sociolingvisticheskaia problema: monografija. Neftekamsk: RIO NF BashGU, 2007. 116 s.
3. Dyrheeva G. A. Burjatskij jazyk: sovremennoe sostojanie (sociolingvisticheskiy aspekt) / G. A. Dyrheeva, B. Zh. Budaev, T. P. Bazheeva; otv. red. V. I. Rassadin; RAN, Sib. otd.-nie. In-t mongolo-vedenija, buddologii i tibetologii. Ulan-Udje, 1999. 142 s.
4. Mongush D. A. Tuvinskij jazyk i pis'mennost'. Izbrannye trudy: nauch. izdanie. Kyzyl: Tyvapoli-graf, 2009. 248 s.
5. Mongush D. A., Tatarincev B. I. Problemy izuchenija funkcionirovanija russkogo jazyka v Tuve // Rus-skij jazyk v Tuve. Kyzyl. 1985. 218 s. S. 3–15.
6. Naselenie po nacional'nosti i polu po Respublike Tyva. Kyzyl, 2005. 13 s. (Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 g.: Territ. organ feder. sluzhby gos. statistiki po RT).
7. Sat Sh.Ch. Formirovanie i razvitie tuvinskogo nacional'nogo literaturnogo jazyka. Kyzyl, 1973. 193 s.
8. Seliverstova G. M. Rodnoj jazyk ne nuzhen? Kak reshit' problemy dvujazychija // Uchitel'skaja gazeta. 2007. 8 janv. URL: <http://www.ug.ru/issues07/?action=topic&toid=2682> (data obrashhenija: 13.05.2010).
9. Slovar' sociolingvisticheskih terminov. M., 2006. 312 s. S. 182.
10. Russkij jazyk v Tuve // Tuvinskaja pravda. 2007. 18 okt. № 124 (16475).
11. Ulanova A. Je.-G. Russkie leksicheskie zaimstvovanija v mongol'skom jazyke jugo-vostochnyh tvincev // Russkij jazyk v Tuve. Kyzyl. 1985. 218 s. S. 142–151.
12. Funkcionirovanie jazykov v mnogonacional'nom gosudarstve: Rossija i V'etnam. M.: Sovetskij pisatel', 2008. 451 s.
13. Jazyk i jetnos na rubezhe vekov: Jetnosociologicheskie ocherki o jazykovej situacii v Respublike Tatarstan. Kazan': Magarif, 2002. 208 s.: tabl.

Статья поступила в редакцию 24.12.2012

УДК 81–22С. Х.
ББК Д 4 (1)

Сабрина Ханалиевна Шихалиева,
доктор филологических наук, доцент,
Дагестанский научный центр Российской академии наук,
Институт языка, литературы и искусства
(Махачкала, Россия), e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

О сферах функционирования дагестанских литературных языков

В статье исследуются сферы функционирования дагестанских литературных языков. Результаты социолингвистического опроса констатируют факт доминирующего положения дагестанских литературных языков во всех сферах личной и общественной жизни дагестанцев-селян. Дается характеристика языковой ситуации в Республике Дагестан и проблемы функционирования дагестанских литературных языков в современном мире. Проведенный анализ позволяет оценить динамику развития социальных функций дагестанских литературных языков в общественных сферах. Выявлено, что официальное признание государственного статуса дагестанских литературных языков укрепило их позиции в неофициальных сферах, но не способствовало дальнейшему функциональному развитию. Возможный выход видится в планировании взвешенной и продуманной языковой политики, которая содействовала бы подъёму и расцвету не только дагестанских литературных языков, но и языков Дагестана в целом.

Ключевые слова: социолингвистика, функционирование, внеязыковые причины, государственный язык, неофициальная сфера, статус, динамика.

Sabrina Khanalievna Shikhalieva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Tsadasy Institute of Language, Literature and Art,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences
(Makhachkala, Russia), e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

On Spheres of the Dagestan Literary Languages Functioning

The article concerns the spheres of the Dagestan literary languages functioning. The results of a social-linguistic poll state the fact of the dominating status of the Dagestan literary languages in all spheres of personal and social life of the Dagestan villagers. The article gives a characteristic of the language situation in the Republic of Dagestan and reveals the problems of the Dagestan literary languages functioning in the modern world. The correlations between the Dagestan literary languages functions reveal dynamic tendencies in their social functions development and determines quantitative parameters of their functioning. It is observed that the official acknowledgement of the state status of the Dagestan literary languages has strengthened their positions in non-official spheres, but failed to promote its further functional development. A probable way out is seen in circumspect and considered language politics that would promote the rise and flourishing of not only the Dagestan literary languages, but also the Dagestan languages in whole.

Keywords: sociolinguistics, functioning, extra language reasons, state language, non-official sphere, status, dynamics.

С точки зрения теории и практики социолингвистики проблема функционального развития языков относится к числу наиболее актуальных. В особенности значимой и сложной является её диахронический аспект, необходимость изучения которого обусловлена тем, что он даёт ключ к пониманию современных проявлений. Так, языковая ситуация во многих национальных регионах России сегодня является

коммуникативно неравновесной, т. е. наблюдается количественная и качественная неравнозначность общественных функций, выполняемых государственными языками (русским и дагестанскими). Объектом нашего анализа являются дагестанские литературные языки, получившие статус литературных в 20–30-е г. XX в., к ним относятся аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский.

Сегодня функционирование языков в Республике Дагестан во многом определяется этническим типом поселения, национальным составом организации и профессиональной специализацией самого учреждения (в сельском поселении). Это обусловлено тем, что функциональность дагестанских литературных и русского языков, обслуживающих один социум, зависит от исторически сложившегося распределения между этими языками различных сфер их применения. Функциональная сторона дагестанских литературных языков в этом отношении всё ещё остаётся недостаточно исследованной и разработанной областью в дагестановедении.

Современное состояние языковой ситуации в Республике Дагестан показывает, что в становлении и развитии функциональной стороны дагестанских литературных языков огромную роль сыграл русский язык. Длительные и интенсивные контакты русского языка с вышеперечисленными языками, преимущественно обусловленные внеязыковыми причинами, привели к значительным внутриязыковым изменениям. Русский язык функционировал в качестве второго языка дагестанцев, с той лишь разницей, что прежде, эту функцию выполняли дагестанские языки, а в наши дни – русский.

Дагестанские литературные языки на современном этапе благополучно сохранившимися и функционально развитыми. Такой статус дагестанских литературных языков обусловлен, в первую очередь, различными экстралингвистическими факторами. Так, географически труднодоступный и обособленный регион изначально не способствовал массовому проникновению русскоязычного населения. Поэтому в силу численного преобладания коренного сельского населения (67,02 %) родные (дагестанские литературные) языки применялись более интенсивно, чем русский язык. Однако социолингвисты отмечают, что функциональная нагрузка языка зависит не только от экстралингвистических факторов, но и от исторически сложившегося функционального узуса [1, с. 134].

Прямых или косвенных лингвистических данных по этноязыковому взаимодействию дагестанских языков с русским существует немного. Большая часть из них относится к рубежу XIX–XX вв., когда укрепилась на-

ционально-территориальная государственность. Поэтому картину их функционального взаимодействия необходимо воссоздавать в широком культурно-историческом контексте. История первых контактов русско-дагестанских связей и влияний в письменных источниках (фольклор, технические и строительные приёмы, методы хозяйствования) датируется XVIII – началом XIX в., что было связано с неравномерностью социально-экономического развития и определёнными различия в политической структуре [2, с. 3]. Тесно общаясь с русскими, дагестанцы понимали преимущества знания русского языка для работы в промышленности, торговле, на транспорте. Русским языком владели лишь те дагестанцы, которые имели регулярные контакты с русским населением, поскольку «...в Дагестане не было объективных предпосылок для овладения русским языком в массовом масштабе» [2, с. 17].

Реальные возможности для укрепления позиций русского языка и расширения его общественных функций появились в годы 1921–1944 гг. «Понимание этого чрезвычайно важного для развития нашего общества явления возможно лишь с учётом широко историко-социологического фона» [3, с. 286]. В этот период русским языком удовлетворительно владела лишь часть населения, большинство в котором было представлено интеллигенцией. Объективными причинами «удовлетворительного владения» русским языком стали нехватка учителей, неполный охват детей обучением в школе, однородность национального состава населения. Что касается родного языка, то до середины 1940-х годов он обслуживал практически все общественные сферы и широко использовался как в своей устно-разговорной (до 1930), так и письменно-литературной форме. В связи с созданием национальной письменности, дагестанские литературные языки начали широко применяться не только в делопроизводстве, но и использоваться в различных политико-массовых мероприятиях, они стали языками преподавания и изучения. Известно, что ведение документации на родном языке осуществлялось и на местах, и в центральных органах до начала 40-х гг. [5, с. 59].

В процессе распространения дагестанско-русского билингвизма постепенно из-

менилась и функциональная нагрузка взаимодействующих языков. «Границы сознательного воздействия общества на язык, языковые права личности и языковые права нации, гражданство и язык, государственный и официальный язык, языковой суверенитет личности, охрана языков малочисленных народов – эти и ряд других сложнейших проблем языкового законодательства, вызванного ростом национального самосознания народов, стали активно дискутироваться в прессе, на радио и телевидении последних десятилетий» [4, с. 17]. Однако использование того или иного языка в основном зависело от национального состава организации и типа населённого пункта. Партийные конференции в районных центрах, на предприятиях и в организациях, где работали представители разных национальностей, как правило, проводились на русском языке. Документы партийных и советских органов публиковались на русском и дагестанских литературных языках. Следовательно, отличительной чертой дагестанских и русского языков с середины 1940-х до конца 1960-х гг. было их софункционирование в различных общественных сферах. В 70-х гг. XX в. с выдвиганием в стране идеи объединения всех народов СССР в новую историческую общность – «дагестанский народ с общим языком межнационального общения – русским языком, и с единой советской интернациональной культурой на основе русской культуры, расширил роль русского языка» [3, с. 286.]. Доминирующее положение русского языка обусловило переход дел в республике на русский язык, рост влияния его литературной формы, что привело к ослаблению функционального развития не только дагестанских литературных языков, но и всех литературных языков Дагестана (ногайский, татский, кумыкский и др.).

Результаты нашего социолингвистического опроса констатируют факт доминирующего положения дагестанских литературных языков во всех сферах личной и общественной жизни дагестанцев-сельчан. Например, в семейном кругу общаются на родном языке с дошкольниками 99,8 % и со школьниками 100 % родителей. В процессе трудовой деятельности 99,5 % работающего населения предпочитало общаться на родном языке. Также 88,2 % респондентам

было понятнее читать литературу, слушать лекции и смотреть театральные постановки на родном языке. Поэтому главнейшим средством общения дагестанцев не только в семье, но на работе и досуге является родной язык.

Картина функционального развития не только дагестанских литературных языков, но и других национальных языков России, несомненно, меняется с распадом СССР в начале 90-х. Новый период в истории функционирования дагестанских литературных языков начинается с юридических вопросов о статусе языков, которые разрешились не сразу.

В 90-е годы на фоне бурного нарастания идей суверенизации республики и определённого пика национального самоутверждения принимается закон, где русский язык определён как «официальный язык в СССР, язык межнационального общения», а дагестанские литературные языки провозглашены государственными языками на территории Дагестана. Закон ставил целью обеспечение создания необходимых условий для свободного развития и расширения общественных функций дагестанских литературных языков и особо выделял, что признание этих языков государственными не должно привести к языковой дискриминации, каким-либо привилегиям и ограничениям в пользовании другими языками.

Государственный статус дагестанских литературных языков был подтверждён, а русский язык на территории Республики Дагестан действует как общефедеральный государственный язык. Дагестанские литературные и русский языки равноправно употребляются во всех сферах общения, регламентируемых законодательством, в том числе на всех предприятиях, учреждениях и организациях, а также органами власти и управления. Однако придание государственного статуса не привело к полноценному развитию и расширению общественных функций дагестанских литературных языков, в том числе в силу несовершенства и не разработанности вопросов государственной языковой политики.

В настоящее время «позиции языка в современном мире мощно поддерживаются его местом в системе образования» [6, с. 8], и русский язык являлся ключом для получения высшего образования, поэтому

родители предпочитали обучать детей на русском языке. Вследствие этого функция родного языка в качестве языка обучения в дальнейшем всё более сужается. Соответственно отпала необходимость в переводе на родные языки различных школьных учебников. Обучение на родном языке ведётся только в начальных классах.

В начале 90-х гг. в России ухудшается положение дагестанских литературных языков: сокращается число желающих его изучать, количество времени, отводимого на его изучение, уменьшается. В настоящее время и 2 000 дагестанцев владеют русским языком на разных уровнях, из них 17,7 % – свободно говорят; 82,23 % – читают и пишут. В сельских школах дагестанцы изучают русский язык, более 800 учащихся изучают его по углублённой программе. Показательно, что количество часов, отводимых на изучение русского языка, увеличилось.

Родной язык наиболее интенсивно функционирует в неофициальных сферах общения. Из 100 респондентов, опрошенных в 2009 г. в рамках пилотажного опроса, 95 % в семейно-бытовой сфере постоянно общаются на родном языке. Хотя языковые предпочтения городской и сельской семьи отличаются, межпоколенная передача родного языка в дагестанской семье не прерывается и в наши дни.

Также результаты опроса показали, что при общении с родственниками – 93 % и с друзьями – почти 86 % респондентов предпочитают общаться на родном языке. При этом использование языков зависит от воз-

раста собеседников: чем они моложе, тем меньше общение на родном языке, что особенно характерно для городской молодёжи. Однако возрастные границы существенного значения в использовании родного языка в сфере духовной культуры не имеют. Так, почти 96 % респондентов, независимо от возраста, в культовых местах всегда общаются только на своём родном языке. Процессы возрождения традиционных верований дагестанцев и традиционной культуры способствовали усилению позиций родного языка в этой важной сфере.

В интегрированных сферах управления и делопроизводства доминирует русский язык. Родной язык не получил широкого распространения в данных сферах в силу большого функционального ресурса русского языка. Однако результаты опроса констатируют, что в процессе трудовой деятельности родной язык используют 60 %, а в общественных местах 57,73 % респондентов, что говорит о его достаточно высоком функциональном статусе. Русский язык доминирует в официальных сферах общения. Так, почти 73 % респондентов в государственных учреждениях разговаривают на русском языке. В сфере СМИ (87,62 %) и при чтении как художественной (почти 74 %), так и специальной литературы (72 %) приоритет также отдаётся русскому языку, что закономерно, учитывая его высокую терминологическую базу и огромное эфирное время, занимаемое федеральными каналами (см. табл.).

Использование родного и русского языков в различных сферах общения (%)

	Родной			Русский		
	обычно	иногда	редко	обычно	иногда	редко
Дома, в семье	95,0	4,0	1,0	15,29	48,23	36,47
На работе/учебе	50,0	42,63	7,36	59,59	38,38	2,02
В обществ. местах	37,73	55,05	7,21	44,89	51,02	4,08
В гос. учреждениях	23,33	42,85	33,80	72,91	25,00	2,08
В культовых местах	95,91	2,04	2,04	8,86	22,78	68,35
С родственниками	93,0	7,0	–	6,17	43,20	50,61
С друзьями	65,85	32,12	2,02	22,22	50,00	27,77
При чтении: худ. лит.	48,42	22,10	29,47	73,95	21,87	4,16
Спец.лит.	25,31	25,31	49,36	72,04	26,88	1,07
Периодики	46,66	23,33	30,0	80,85	17,02	2,12
При просмотре и прослушивании теле- и радиопрограмм	37,23	38,29	24,46	87,62	12,37	–
При личной переписке	25,91	32,58	31,50	56,17	25,84	17,97
При написании лекций	15,67	14,86	60,45	91,20	7,69	1,09

Таким образом, пройдя в своём функциональном развитии несколько статусов от функционально доминирующего языка до функционально дополняющего и вспомогательного, дагестанские литературные языки остаются основным средством общения дагестанцев. Можно сказать, использование языков зависит от характера и «традиционности» той или иной сферы. По нашим наблюдениям, в случае более или менее хорошего знания родного языка всеми членами семьи, общение в городских условиях происходит как на родном, так и на русском языках, «причём речь может спонтанно переходить с одного языка на другой» [7, с. 18].

Официальное признание государственного статуса дагестанских литературных языков укрепило их позиции в неофициальных сферах, и оно способствует интенсивности применения их в официальных, но отнюдь не дальнейшему функциональному развитию. Необходимость во владении рус-

ским языком, его социальная потребность с каждым годом возрастает. Официальное признание государственного статуса дагестанских литературных языков укрепило их позиции в неофициальных сферах, и оно способствует интенсивности применения их в официальных, но отнюдь не дальнейшему функциональному развитию.

В современных условиях глобализации, характеризующихся выдвиганием на первый план культур экономически сильных стран, создающих новые формы неравенства и ослабляющих позиции языков и культур малых народов, ЮНЕСКО призвало народы всего мира принять «новую глобальную этику» [8, с. 87]. Возможный выход видится в планировании взвешенной и продуманной языковой политики, которая содействует подъёму и расцвету не только дагестанских литературных языков, но и языков Дагестана в целом.

Список литературы

1. Алексеев М. Е. Язык и общество в современной России и других странах: материалы междунар. конф. М.: Институт языкознания РАН, 2010. 194 с.
2. Атаев Б. М. Проблемы этнолингвистической жизни народов Дагестана // В сб.: Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН, 2008. 554 с.
3. Гамзатов Г. Г. Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН, 2008. 554.
4. Гюльмагомедов А. Г. Лингвоэкология: специфика описания вымирающих языков: материалы регион. науч. конф. «Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии». Махачкала: Изд-во ДГУ, 1997. 48 с.
5. Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1994. 254 с.
6. Магомедханов М. С. Языковая ситуация на Северном Кавказе в историческом аспекте // Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы междунар. конф. М.: Институт языкознания РАН, 196. 479 с.
7. Михальченко В. Ю. Словарь социоллингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
8. Cronin Michael. Translation and Globalization. London, New York: Rutledge, 2003. P. 103.

References

1. Alekseev M. E. Jazyk i obshhestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah: materialy mezhdunar. konf. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2010. 194 s.
2. Ataev B. M. Problemy jetnolingvisticheskoj zhizni narodov Dagestana // V sb.: Dagestan i Severnyj Kavkaz v svete jetnokul'turnogo vzaimodejstvija v Evrazii. Mahachkala: Institut jazyka, literatury i iskusstva DNC RAN, 2008. 554 s.
3. Gamzatov G. G. Dagestan i Severnyj Kavkaz v svete jetnokul'turnogo vzaimodejstvija v Evrazii. Mahachkala: Institut jazyka, literatury i iskusstva DNC RAN, 2008. 554.
4. Gjul'magomedov A. G. Lingvojekologija: specifika opisaniya vymirajushhih jazykov: materialy region. nauch. konf. «Sovremennye problemy kavkazskogo jazykoznanija i tjurkologii». Mahachkala: Izd-vo DGU, 1997. 48 s.
5. Gasanov M. R. Oчерki istorii Tabasarana. Mahachkala: Izd-vo DNC RAN, 1994. 254 s.
6. Magomedhanov M. S. Jazykovaja situacija na Severnom Kavkaze v istoricheskom aspekte // Sociolingvisticheskie problemy v raznyh regionah mira: materialy mezhdunar. konf. M.: Institut jazykoznanija RAN, 196. 479 s.
7. Mihaľchenko V. Ju. Slovar' sociolingvisticheskih terminov. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2006. 312 s.
8. Cronin Michael. Translation and Globalization. London, New York: Rutledge, 2003. R. 103.

Статья поступила в редакцию 24.01.2013

УДК 930
ББК 63.2

Цэндмаа Энхчимэг,
кандидат исторических наук,
Институт истории Академии наук Монголии
(Улан-Батор, Монголия), e-mail: rigvady@yahoo.com

Монголизмы в «Бабур-наме»

В статье дан обзор монгольских терминов, сохранившихся в одном из самых ценных источников по истории Средней Азии XV–XVI вв. Монголизмы, использованные в историческом источнике Средней Азии XV–XVI вв. – Записках Захир ад-дин Мухаммед Бабура – «Бабур-наме», написанном спустя 200 лет после падения Монгольской империи, можно свести к таким пяти группам, как этнонимы монгольских родов и племен (аймаков), понятия и термины, которые сам автор считает монгольскими, административно-правовые и военные термины, слова, распространённые в Средней Азии посредством монголов, и слова алтайской языковой семьи. По своему содержанию первые четыре группы монголизмов в «Бабур-наме» преобладают над последней, что свидетельствует о значительном влиянии монголов и его сохранении в данном регионе.

Ключевые слова: джалайр, барлас, каучин, орлат, Алача, Карши, орчин, туман, Улус моголов, курук Абыяр, барангар, джавангар, уран, тархан, даруга, гурган, караул, багатур.

Tsendmaa Enkhchimeg,
Candidate of History, Institute of History,
Mongolian Academy of Sciences
(Ulan-Bator, Mongolia), e-mail: rigvady@yahoo.com

Mongolisms in *Babur-Nama*

The paper reviews Mongolian terms preserved in one of the most valuable sources on history of Central Asia in the XV–XVI centuries *Memoirs of Zahirad-Din Muhammad Babur (Babur-nama)*. Mongolian borrowings in this treatise written 200 years after the fall of the Mongol Empire can be summarized in five groups such as ethnonyms of Mongolian clans and tribes (aimaks), concepts and terms that the author himself considers to be Mongolian, administrative, legal and military terms and words spread in Central Asia by the Mongols and the words of the Altaic language family. By its content, the first four groups of mongolisms in *Babur-nama* prevail over the latter indicating a considerable influence of the Mongols and its preservation in the region.

Keywords: jalair, barulas, qauchin, orulat, alachi, Qarshi, orchin, tuman, Mogul Ulus, kurug Abyar, barangar, javangar, uran, tarqan, daruga, kurgan, karaul, bagatur.

Прямой потомок Тамерлана, основатель империи Великих моголов в Индии – Бабур, почти всю свою жизнь проведший на полях сражений, основную часть своих записок посвятил описанию военных экспедиций.

Высоко одарённый, разносторонне талантливый автор даёт меткое описание политического, административного устройства не только своей родной Ферганы, но и других областей Средней Азии, уделяет не меньшее внимание описанию природы, флоры и фауны, приводит топонимику и даёт географическое описание завоёванных им областей и этимологию многих исторических терминов того времени.

Записки Бабура хронологически охватывают события периода 1494–1528 гг. Его записки разделены на три части: «Фергана», «Кабул» и «Хиндустан». Из них по содержанию монголизмов отличается первая часть. Это объясняется во многом тем, что Фергана входила в состав Чагатайского улуса, и тем, что основная часть моголов Моголистана в начале XV века перебралась в Фергану [1, с. 15–16].

Монголизмы и исторические термины в «Бабур-наме» условно можно подразделить на 5 групп. В первую группу можно включить названия монгольских родов и племён (аймаков).

В записках упоминаются названия таких монгольских родов и аймаков, как *джалайр*, *барлас*, *каучин*, *орлат*, которые были переданы в удел Чагатай-хану в составе 4 тысяч воинов и переведены в Среднюю Азию, где впоследствии они вошли в основной состав моголов Моголистана [1, с. 153]. Хотя эти роды и аймаки ко времени Бабура в течение двух веков были уже ассимилированы в тюркской среде, но в XV–XVI вв. они всё ещё сохраняли некоторые элементы родной культуры.

Джалайры, барласы, барины являются монгольскими родами и аймаками, названия которых перечислены в «Сокровенном сказании монголов». Если в «Сокровенном сказании» они приведены в сочетании с именами собственными: Баарин Усун убугун, Жалайр Бала нойон [2, § 216] и т. д., то точно в таком же порядке они приводятся и в «Бабур-наме»: Шейх Абд аллах Барлас [1, с. 29], Джунанд Барлас [1, с. 85], Сейид Касим ишиг-ага Джалаир [1, с. 55, 78, 89], Тулун Хожа Барин [1, с. 39, 52] и др. Из этих родов и аймаков в «Сокровенном сказании» приведён рассказ о происхождении рода баарин. Согласно нему, род баарин происходит от сына Бодончара – Бааридая [2, § 41].

В записках Бабура неоднократно упоминаются имена людей из рода Каучин: Али Мазид Каучин [1, с. 13, 14, 55], Касим бек Каучин [1, с. 14, 16, 18], Мир Шах Каучин [1, с. 40, 55] и др. Этимология слова «каучин» восходит к монгольскому слову «хуучин» (хаучин), что означает «старый, древний». По всей видимости, это самое первое упоминание данного монгольского аймака. В монгольских же исторических источниках он приводится в связи с событиями лишь XVII в. Хуучины входили не только в состав восточных монголов, но, по сведениям некоторых источников, в XVII – в первой половине XVIII в. они были в составе Ойратов.

В записках Бабура приводятся также названия ещё двух других монгольских родов – Чарас и Бекчик, которые боролись между собой за право сражаться на правом и левом флангах боевого строя [1, с. 6]. Упомянутый здесь род Чарас, возможно, восходит к ойратскому аристократическому роду Чорос, часть которого откололась и вошла в состав моголов, вследствие чего его название несколько видоизменилось в «чарас».

Во вторую группу монголизмов «Бабур-наме» входят те понятия и термины, которые сам автор считает монгольскими. Приведём некоторые из них. Младший брат Султан Махмуд-хана – Султан Ахмед-хан, дядя Бабура, прославился под именем Алача-хан. По этому поводу в записках отмечено: «Говорят, будто причина, почему его назвали Алача, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют “алачи”, а так как Султан Ахмед-хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли алачи, от частого употребления [слово алачи] превратилось в Алача» [1, с. 11].

Возможно, в данном случае слово *Алача* действительно происходит от монгольского корня *ал* и образует слово *алаачи*, т. е. убийца.

Бабур пишет, что слово *Карши* является монгольским словом. Согласно ему: «“Карши” – могольское название, *кладбище* на могольском языке будет *карши*. Вероятно, такое наименование появилось после завоевания [Мавераннахра] Чингис-ханом» [1, с. 47]. В историографии Чагатайского улуса принято считать, что слово *Карши* восходит к монгольскому слову *харши*, что означает *дворец*.

К третьей группе монголизмов в «Бабур-наме» можно отнести административно-правовые и военные термины. Необходимо отметить, что эта группа терминов получила широкое распространение у народов Евразии.

Народы Средней Азии в составе Монгольской империи входили в состав военно-административной системы монголов, поэтому и в XV–XVI вв. они сохраняли и использовали административно-правовые и военные термины монгольской эпохи.

В записках Бабура широко употреблены термины *туман* и *орчин* [1, с. 21, 49, 100–104].

Слово *туман* происходит от числительного *тум* – 10 тысяч, т. е. *тьма*, а термин *орчин* означает «округа, вокруг». Оба термина обозначают военно-административные единицы Монгольской империи. В Чагатайском улусе административная реформа была проведена прямым потомком Чагатая – Кебек-ханом (1318–1326) [3, с. 61]. По запискам Бабура можно проследить географию распространения данного термина в его время: «Орчин Хунака» [1, с. 21–122],

«туман Сагаричи» [1, с. 20], «туман Шавдар» [1, с. 64], «туман Барин» [1, с. 78], «туман Нарин» [1, с. 128] и др.

«В Самаркандской области есть хорошие туманы и округа. Большой округ под пару Самаркандской области – Бухарский... От Бухары тоже зависит несколько туманов» [1, с. 64]. «В области Самарканда есть хорошие туманы. К ним принадлежит Сугудский туман и туманы, примыкающие к Сугуду... Ещё один туман Шавдар» [1, с. 64]. «Между Андижаном и Кашгаром их называют орчин» [1, с. 131].

Бабур пишет о некой «богатырской доле», которой удостоивался отличившийся в бою воин. «Богатырская доля – это древний обычай у моголов. На каждом пиршестве или трапезе всякий, кто вырвался вперёд из рядов и [лихо] бился клинком, получает эту долю» [1, с. 43].

Ещё при жизни Чингис-хан разделит территории завоёванных стран и выделил уделы своим четырём сыновьям. Эти уделы назывались улусами. В том же значении Бабур использует данный термин: «улус моголов» [1, с. 9–10], «казахский улус» [1, с. 12].

В записках отмечено, что в округе Самарканда есть «курук Абьяр» [1, с. 53]. В данном случае Абьяр название местности, а слово «курук» – это, по всей видимости, монгольское слово *хориго* или *хороо*. Слово *хориго* или *хорио* в значении «запрет, запрещение», и *хоруга* – в смысле курень, ограда в монгольском языке широко используются и поныне. Следовательно, «курук Абьяра», возможно, означает «запретный курень Абьяра» или «заповедник Абьяр». В «Сборнике летописей» отмечено, что ещё до образования Великого Монгольского государства места захоронений хаганов и нойонов монголы называли «курук», «Великий курук» [4, с. 125–159].

Военная организация Бабура была устроена по принципу Чингис-хана, основывалась на десятичной системе и подразделялась на крылья, которые назывались *барангар*, *джавангар* [1, с. 209]. По контексту ясно, что термины *барангар* и *джавангар* происходят от монгольского *баруун гар* и *зуун гар*.

Уран – монгольский термин. По мнению Бабура, каждое племя имеет свой *уран* и *уран* бывает двух родов. Например, у одного племени *уран* – «дурдана», у другого –

«туккай» или «лулу». А «второй уран – один для всего войска» [1, с. 105]. Отсюда можно считать, что один *уран* был племенной, а другой – общевойсковой. Кроме этого, во время войны *уран* служил паролем. Согласно Бабуру, «на войне *ураном* устанавливаются два слова: во время битвы при встрече один человек говорит одно слово, а другой говорит второе слово, чтобы таким путём отличить друзей от врагов и распознать своего от чужого» [1, с. 124].

Уран – это монгольское слово, имеющее значение «вперёд, призыв» (*урагшаа*, *уриа*). По мнению российского исследователя Т. А. Бертагаева, *уран* происходит от монгольского слова *урагшаа*, а *ура* у средневековых монголов был племенным *ураном* [5, с. 175].

Бабур в своих записках упоминает о тактике ведения боя у узбеков. Так, например, в каждом сражении узбеки использовали тактику *тулгама*, суть которой сводилась к внезапному нападению спереди и сзади на противника. «Они [узбеки – Ц. Э.] напали спереди и сзади, и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама» [1, с. 106]. По нашему мнению, слово *тулгама*, возможно, имеет монгольское происхождение. Слово *тулгама* на монгольском языке означает «внезапность, молниеносность» [6, с. 2066]. Поэтому оно по смыслу совпадает с узбекской тактикой внезапного нападения на врага.

Административно-правовые и военные термины, встречающиеся в «Сокровенном сказании», повторяются и в «Бабур наме». Это такие термины, как тархан [1, с. 36–37], нукер [1, с. 10, 14, 21], нойон [1, с. 171], бахадур [1, с. 14, 320], аймак [1, с. 125, 184], караул [1, с. 210], гурган [1, с. 11, 32], даруга [1, с. 39], курчи [1, с. 56], ям (дзам) [1, с. 351] и др.

Необходимо отметить, что почти все эти термины во времена Бабура использовались в своём исконном значении.

Тархан (дархан) является своеобразным социальным институтом средневековой Монголии. Впервые Чингис-хан возвёл в тарханы своих нукеров, которые боролись вместе с ним за образование государства, и они пользовались такими привилегиями, как беспрепятственная аудиенция с ханом, присвоение военной добычи и прощение 9 проступков. Институт тарханства был распространён в странах, входивших в состав

Монгольской империи. Не вызывает сомнений то, что многократно встречающиеся в «Бабур-наме» Абд ал-Али тархан [1, с. 21–22], Айгу тимур бек тархан [1, с. 22], Мазид бек тархан [1, с. 28–29] и др. тарханы являются не кузнецами, а прослойкой людей, пользующихся особыми привилегиями.

Нукер – это военная дружина племенной знати, возникшая при разложении родовых отношений. «В обязанности нукера входило несение военной службы господину, охрана особы господина на полях сражений, ... в мирное время он служил гонцом, участвовал в облавной охоте, принимал участие во дворце и по хозяйству» [7, с. 146]. Обязанности у нукеров ханов и нойонов из «Бабур-наме», по-видимому, были идентичны, и согласно Бабуру, нукеры находились под защитой своих ханов и нойонов.

Аймак. В записках Бабура данный термин использован в том же значении, что монгольский аймак XIII века. «Четвёртая группа состояла из аймаков, проживающих в областях Ийнальчик, Никудари, Кашгал и Кундуз» [1, с. 125], «изнурённые и ограбленные нукеры его [Шейбани-хана – Ц. Э.] прибыли вместе с другими аймаками в мою ставку платить дань» [1, с. 125].

Караул – в монгольском языке «карагул» – означает «охрана» [8, с. 183]. В «Бабур-наме» данное слово употреблено в этом же значении.

Нойон. В записках данное слово употреблено в сочетании с именами собственными. «Нойон бек Термези» [1, с. 171], «нойон Кукельташ» [1, с. 83, 91, 97–99]. Кукельташ имеет смысл «молочный брат». По всей вероятности, титул нойон применялся как в первоначальном значении, так и в качестве имени собственного.

Бахадур. По мнению Т. А. Бертагаева, «багатур»- «это смельчак, отличившийся в бою» [5, с. 175]. В «Бабур-наме» данное слово употреблено в том же смысле: Шейх Али бахадур [1, с. 12], Мухаммед Хумаюн бахадур [1, с. 320]. Здесь бахадур выступает в качестве звания.

Даруга. В период Монгольской империи в городах и областях завоеванных стран монголы назначали «даругу» в качестве наместников. Согласно сведениям «Записок», данная должность была в обиходе в Средней Азии в XV–XVI вв. и применялась в исконном значении. «Эта крепость является

местопребыванием Яр-яйлакского даруги» [1, с. 70], «Едет Юсуф даруга» [1, с. 137], «Даруга Санг-Зара сделал крепость» [1, с. 94].

Гурган. По мнению монгольского историка Д. Гонгора: «В XII – начале XIII в. существовала прослойка знатных людей под названием “гурган”. Борджигины, как правило, состояли в брачных отношениях с представительницами других знатных родов. Поэтому появилась аристократическая группа людей, которая пользовалась этими брачными связями в своих политических интересах» [7, с. 157]. После распада Монгольской империи в Средней Азии продолжала существовать группа лиц под этим названием, состоявшая в брачных отношениях с представительницами рода Чагатай-хана. В имени «Мухаммед Хусейн Гургана» [1, с. 21] из «Бабур-наме» слово «гурган», скорее всего, имеет значение «зять». Надо отметить, что предок Бабура – Тамерлан гордился своим титулом «Эмир гурган» – «эмир-зять», который стал носить после женитьбы на Мульк Ханум Султан – дочери Казан-хана, прямого потомка Чагатай-хана.

Ям (дзам). При благоустройстве своей страны Бабур первым делом издал указ об учреждении ямской службы. «Учредить через каждые 18 курухов (36 км.) *ямы* с 6 конями» [1, с. 351]. По смыслу данного предложения можно понять, что речь идёт именно о конно-почтовых ямах. Как пишет Т. А. Бертагаев, слово *ям* происходит от монгольского слова *дзам* (дорога) [5, с. 175].

Тамга. Монгольское слово тамга была в обиходе во времена Бабура. Если раньше этим термином обозначали налог, взимаемый с ремесленников, то позднее им стали называть пошлины на все товары.

В «Бабур-наме» приведены монголизмы, распространённые в Средней Азии посредством монголов. Например, слово *бахши* в Записках использовано в смысле «костоправ». «Чтобы лечить мою рану, ко мне прислали монгольского костоправа по имени Атиге Бахши – моголы называют костоправа бахши» [1, с. 127].

В названиях флоры и фауны в «Бабур-наме» встречаются термины, которые, возможно, имеют монгольские корни. Например, *теке* [1, с. 441] – монг. *техи* – горный козёл, кулан [1, с. 142] – монг. *хулан* – дикая лошадь светлой масти, *буте* [1, с. 140] – монг. *бут* – куст, кустарник, *табулгу* [1, с. 15] – монг. *тавилга* – порода дерева.

Некоторые топонимы привлекают наше внимание. Например, *Шиберту* [1, с. 129] – это местность с густой порослью дерева, *Итмак дабани* [1, с. 49] – монг. *даваа* – перевал, *Чаган* – монг. *чагаан* – белый.

Кроме этого, в записках встречается метрический термин *аргамчи* [1, с. 348]. Аргамчи – аргамжи – на монгольском означает кожаный ремень длиной в 10–15 м.

Было бы ошибкой считать, что все рассмотренные выше монголизмы были унаследованы от Монгольской империи. Возможно, в период Монгольской империи в Средней Азии были распространены в основном военно-административные термины и этнонимы, а другие монголизмы были заимствованы в предшествующие эпохи. Кроме этого, монгольский и тюркский языки принадлежат к одной языковой семье, поэтому неизбежно в обоих языках есть идентичные слова с одним тем же значением. И считать их монгольскими было бы ошибкой.

Например, в «Бабур-наме» есть такие слова алтайской языковой семьи, как *марал* [1, с. 14], *бузу* [1, с. 14], *булук* [1, с. 39], *арак* [1, с. 227], *ака* [1, с. 191], *чечег* [1, с. 181], *арча* [1, с. 140] и др.

Итак, монголизмы, использованные в историческом источнике Средней Азии XV–XVI вв. – Записках Захир ад-дин Мухаммед Бабура – «Бабур-наме», написанном спустя 200 лет после падения Монгольской империи, можно свести к таким пяти группам, как этнонимы монгольских родов и племён (аймаков), понятия и термины, которые сам автор считает монгольскими; административно-правовые и военные термины; слова, распространённые в Средней Азии посредством монголов, и слова алтайской языковой семьи. По своему содержанию первые четыре группы монголизмов в «Бабур-наме» преобладают над последней, что свидетельствует о значительном влиянии монголов и его сохранении в данном регионе.

Список литературы

1. Бабур-наме: пер. М. Селье. Ташкент, 1958.
2. Монголын нууц товчоо. УБ., 2006.
3. Энхчимэг Ц. Монголын Цагадайн улс (Монгольский Чагатайский улус). УБ., 2006.
4. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.-Л., 1952.
5. Бертагаев Т. А. Монголизмы в русском языке // *Studia mongolica*. Т. I. Fasc. 9. УБ., 1973.
6. Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. УБ., 2008.
7. Гонгор Д. Халх товчоон. II боть. УБ., 1978.
8. Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // *ЗВОИРАО*. Т. XX. Вып. II–III. СПб., 1911.

References

1. Babur-name: per. M. Sel'e. Tashkent, 1958.
2. Mongolyn nuuc товчоо. UB., 2006.
3. Jenhchimjeg C. Mongolyn Cagadajin улс (Mongol'skij Chagatajskij улус). UB., 2006.
4. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej. T. I. Kn. 1. M.-L., 1952.
5. Bertagaev T. A. Mongolizmy v russkom jazyke // *Studia mongolica*. T. I. Fasc. 9. UB., 1973.
6. Mongol hьelnij dьelgьerjenguj tajlbar tol'. UB., 2008.
7. Gongor D. Halh товчоон. II bot'. UB., 1978.
8. Vladimircov B. Ja. Tureckie jelementy v mongol'skom jazyke // *ZVOIRAO*. Т. II. Вып. II–III. SPb., 1911.

Статья поступила в редакцию 19.01.2013

УДК 947
ББК Т 3(2)4

*Наталья Владимировна Эйльбарт,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: ejlbart@mail.ru*

Московский поход Сигизмунда III в польских документах государственного архива Швеции

В статье рассказывается о походе польского короля Сигизмунда III на Московское государство в 1609–1613 гг. На основании польских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции, автор излагает причины, по которым польский король решил напасть на Россию, а также результаты данного Московского похода, повлекшего за собой экономические и политические проблемы для Речи Посполитой. Особое внимание уделено отношению польской и литовской аристократии к российской политике Сигизмунда III, а также реакции католической церкви на королевские намерения вести войну с Московским государством и соединить его с Речью Посполитой посредством личной унии. Автор впервые цитирует ранее не введённые в научный оборот письма польских и литовских сановников своему королю, отражающие их мнения в отношении российской политики монарха.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Московское государство, Сигизмунд III, королевич Владислав, русско-польская война, польские и литовские сенаторы, Государственный архив Швеции.

*Nataliya Vladimirovna Eyl'bart,
Doctor of History, Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: ejlbart@mail.ru*

Campaign of Sigismund III to Moscow in Polish Documents of Riksarkivet

The article tells about the campaign of the Polish King Sigismund III in Muscovy in 1609–1613. On the basis of Polish documents kept in the State Archives of Sweden (Riksarkivet), the author presents the reasons why the Polish king decided to attack Russia, as well as the results of the Moscow campaign that caused the economic and political problems for the Polish-Lithuanian Commonwealth. Special attention is paid to the Polish and Lithuanian nobility attitude to the Russian policy of Sigismund III, and the reaction of the Catholic Church on the royal intention to wage war with Moscow and connect it with the Polish-Lithuanian Commonwealth through a personal union. The author is the first to cite letters of Polish and Lithuanian dignitaries to their king, which haven't been introduced to science yet. These letters reflect their views on the Russian policy of the monarch.

Keywords: the Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovite state, Sigismund III, prince Vladislav, the Russian-Polish war, Polish and Lithuanian senators, Riksarkivet.

В 2009–2010 гг. автору этой статьи довелось работать с дошедшими до нас польскими документами, относящимися к Смутному времени и отложившимися в фондах Государственного архива Швеции в результате вывоза их с территории Речи Посполитой во времена польско-шведской войны 1655–1660 гг. Значительная их часть до сих пор ещё не была введена в научный оборот; в то же время эти рукописные источники позволяют переосмыслить и несколько иначе взглянуть на Смуту XVII века как на эпоху, имеющую для Речи Посполитой не менее трагические последствия, чем для России, и которую можно было бы назвать общей трагедией славян. Обратимся

в данной статье к кульминационному этапу Смутного времени – походу польского короля Сигизмунда III на Россию в 1609–1613 гг.

Согласно свидетельству современника событий епископа Станислава Любенского, замысел похода на восток возник у Сигизмунда III ещё в 1607 году. В апреле 1607 года его величество отправил на воеводские сеймики своих послов, которые говорили шляхте: «Сейчас неподходящее время для объявления Московии войны и возвращения провинций, оторванных ею от Речи Посполитой, [но] от этого король все не далёк» [22, s. 136]. Упомянем здесь более подробно о причинах, побудивших польского короля пуститься на столь рискованное предприятие, как ведение войны с

Московским государством, и о тех выгодах, которые в случае успеха сулила Сигизмунду III Московская кампания. В результате Сандомирского рокоша авторитет польского монарха упал и Сигизмунд, похоже, надеялся, что «маленькая победоносная война» восстановит в глазах подданных его пошатнувшуюся репутацию. «Когда в результате последней гражданской войны авторитет государя был поколеблен», – отмечал современник событий Станислав Кобежицкий, – «он восстановит его удачным походом и при этом освободит Польшу от безнаказанно слоняющихся вооружённых отрядов, кои лучше и славнее бы было, чтобы скорее сражались с неприятелем, чем с крестьянами» [21, s. 50]. Таким образом, Московская война была для Сигизмунда III одним из способов удержать польскую корону; но прежде всего главной целью его жизни стало возвращение шведского трона, утрата которого наложила отпечаток на всю его последующую политику. По воспитанию и мировоззрению Сигизмунд был шведом, отечеством в его глазах была Швеция, а Польша служила своего рода разменной монетой в его борьбе за «наследственную корону». В Речи Посполитой ходили весьма нелицеприятные слухи о короле, якобы готовом отдать Польшу Габсбургам, а самому при помощи немцев вернуть шведскую корону. Опасаясь потерять и польский трон, доказывая свой патриотизм, начиная Московский поход, Сигизмунд III провозгласил в Люблине, что использует свои победы только во благо Речи Посполитой и ничего не возьмет для себя и своей семьи. Такое заявление, повторенное затем в Вильно, должно было склонить мнение польской и литовской шляхты в пользу монарха. По словам Кобежицкого, Сигизмунд рассчитывал на то, что «за полным наилучших планов государем двинулись бы магнаты и отборные отряды шляхетской молодёжи, желающие участвовать в великолепной демонстрации хвалы и преславных дел: посему не будет нехватки продовольствия и денег от доброжелательных королю чинов, кои выразят согласие на войну на общем сейме» [21, s. 50–51]. По-видимому Сигизмунд поверил в таковую радужную картину, нарисованную ему советниками, но главным аргументом для него в пользу Московской войны стал, на наш взгляд, Выборгский трактат, заключённый между

Василием Шуйским и Карлом IX. Здесь не только было больно уязвлено самолюбие Сигизмунда, но в его глазах возникла реальная угроза утраты польского престола. Мало того, что ещё бывший польский посол в Россию Николай Олесницкий пугал короля слухами о самозванце, мнимом сыне короля Стефана Батория, коего Шуйский якобы собирался «создать» и посадить на польский трон [1], в Польшу доходят известия о том, что царь Василий финансирует Карла IX в его походах на Инфляндию. Согласно сохранившейся в Государственном архиве Швеции анонимной реляции «Причины и советы Московской войны», об этом Сигизмунду III сообщил стоящий в Инфляндии литовский гетман Ян Карл Ходкевич, узнавший о русско-шведском договоре от шведских пленников. «Карл, взявши деньги от вашего государя», – говорил Ходкевич в 1615 г. на переговорах с русскими послами, – «нанял на них разных чужеземцев против инфляндских замков его королевского величества... и пошёл на войска его королевского величества» [2]. «Обнаружилось наверняка, – констатирует автор реляции «Причины и советы Московской войны», – что чужеземные мощные войска, которые Карл так часто приводит в Инфляндию, росли из московских сокровищ и изобилия» [3]. Таким образом, союз Шуйского и Карла грозил Сигизмунду утратой польской короны, поэтому ради будущего своей династии и своего собственного в Польше он просто вынужден был чем-то ответить и, несмотря на меланхоличность, свойственную его характеру, действовал в этой связи последовательно и решительно.

Уверенности в успехе ему придали ещё несколько обстоятельств. Автор реляции «Причины и советы Московской войны» сообщает, что «Смоленск благодаря расположению одной особы обещали [нам] сдать» [3]. Возможно, этой «доброжелательной особой» являлся смоленский воевода князь Иван Семенович Куракин, в последующем выказывавший симпатию Сигизмунду III и полякам. В той же реляции отмечено: «Вновь дали знать из Москвы, что первейшие бояре этого государства и немалая часть простых людей огорчены несчастливом царствованием Василия Шуйского. Видя, что он тратит казну, а отпора польским людям дать не может, они хотели восстать против него и замыслили пере-

мены. А доброжелатели из этого народа всё предупреждали [нас] и зывали, веря в то, что здесь отзовутся и объявятся те, которые в то время имели об этом основательные известия и советовали, чтобы его королевское величество, не ожидая сейма, не упускал okazji такого великого и доброго дела» [3]. Помимо подобных благоприятных для короля вестей, ему также были сообщены достаточно утешительные сведения велижским старостой Александром Гонсевским, совершившим в июле 1609 г., ещё до начала похода Сигизмунда под Смоленск, рейд к Великим Лукам, дабы выяснить умонастроения москвитян в отношении прихода польского монарха в Россию. Здесь Гонсевский узнал о возможных планах датского короля Кристиана IV напасть на Московское государство со стороны Ивангорода [4], что несомненно ещё более ослабило бы Шуйского и сделало его менее опасным для Сигизмунда, к тому же великолуцкие воеводы весьма благосклонно высказались в отношении прихода польского короля [5]. Об этом Гонсевский тотчас же доложил Сигизмунду, и, несомненно, его сведения были очень весомы для монарха. Гонсевский пользовался в Речи Посполитой репутацией знатока российских дел, Кобежицкий характеризовал его как «мужа чрезвычайного ума и расторопности. Никто лучше него не знал натуры этих людей, и никто подробнее не изучил и не постиг их чувств, скрываемых особенно искусно» [21, с. 161].

Несомненным оскорблением для аристократических кругов Речи Посполитой стало задержание в плену знатных гостей, приехавших в Москву на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек, многие из которых были связаны близкими кровными узами с влиятельными польскими политиками. Ещё бóльший накал в польском обществе вызвало поведение Шуйского на мирных переговорах с послами Сигизмунда III в 1607–1608 гг. На вышеупомянутых переговорах 1615 г. польская сторона утверждала: «Это перемирие бывший государь ваш князь Василий Иванович Шуйский насильно получил от послов и посланников его королевского величества, поскольку послов около трёх лет, а посланников более года насильно держал в Москве и не хотел их отпускать, пока они не должны были согласиться на такое перемирие и на такие договорные записи, какие он сам и бояре его хотели и

какие вы сами написали... А государь ваш князь Василий Шуйский, несмотря на наказ его королевского величества, насильем вырвал перемирие на три года и ещё к тому же в крестоцеловальную запись вынудил добавить одиннадцать месяцев» [2]. Оправдывая нарушение ими мирного договора, поляки, в частности А. Гонсевский, утверждали, что «всякое перемирие, полученное от послов насильем, ничего не стоит» [2]. Они обвиняли Шуйского в том, что он «делал, что ему хотелось, а послы и посланники, жажда освобождения своего от него, как из плена египетского, по принуждению целовали крест на примирительных грамотах» [2]. Не исключено, что на момент подписания польско-российского перемирия 1608 г. послы Сигизмунда III были в курсе воинственных королевских намерений, с лёгкостью предоставив Шуйскому письма в пограничные литовские и инфляндские замки, предписывающие не пропускать подданных Речи Посполитой к тушинскому самозванцу. Примечательно, что по возвращении своих послов в Краков, Сигизмунд «приказал разослать письма свои по пограничным крепостям, чтобы людей московских не зацепляли, людей военных у тушинскому самозванцу не пропускали. Другие же письма изволил приказать написать к князю Роману Рожинскому, князю Вишневецкому и ко всем польским и литовским людям, которые с ними своевольно были при тушинском самозванце, чтобы они, согласно договору и первым письмам посольским, от самозванца с Московской земли ушли прочь и крови не проливали» [2]. Разумеется, такие приказы польский король отдавал не ради соблюдения мирного договора с Шуйским, но с целью ослабления собственного соперника – Тушинского вора, потому как уже мнил себя московским царём, ободрённый донесениями о слабости царя Василия.

Итак, долго решавшийся на Московскую войну Сигизмунд III переходит, наконец, к активным действиям. В январе 1609 г. в Кракове на консультациях в сенате он ставит в известность магнатов и высшее духовенство относительно своих намерений, однако это вызывает далеко не однозначную реакцию. В вышеназванной реляции «Причины и советы Московской войны» упоминается, что несколько сенаторов высказали мнение: «Трудно удержать преиму-

щество над врагом, если таковое будет» [3]. Большая же часть польской и литовской аристократии ведёт себя индифферентно, как бы совершенно не интересуясь королевскими планами и намерениями, если они не касаются их лично. Сигизмунд, не уверенный в реакции депутатов сейма, вовсе не выносит вопрос о войне на обсуждение в нижнюю палату, здесь говорится только об одном налоге на Инфляндскую войну и «на устранение опасностей для Речи Посполитой», на что депутаты соглашались, ни слова не проронив о войне с Московским государством. Таким образом, приходится констатировать равнодушие подавляющего большинства польского общества к Московской войне, которое со временем под влиянием тех трудностей, в которые ввергли Речь Посполитую действия короля, станет ей враждебно. А пока, опираясь на узкий круг своих сторонников из числа аристократов и небольшую часть близкого ко двору католического духовенства, Сигизмунд III начинает Московский поход, сделав по дороге в Люблине и Вильно заявления в собраниях шляхты о том, что «не желает [ничего] присоединить ни себе, ни потомкам своим, но всё присоединит к Речи Посполитой» [3].

Несмотря на советы особо воинственных представителей королевского окружения, предлагавших сразу углубиться на русскую территорию и занять Москву, Сигизмунд придерживался скорее выжидательной позиции, с сентября 1609 г. осаждая Смоленск и, видимо, надеясь на появление в своём лагере «доброжелательных московских бояр». Посольство противников Шуйского во главе с М. Г. Салтыковым и В. М. Масальским, прибывшее к королю под Смоленск в январе 1610 года, лишь отчасти оправдало ожидания монарха, предложив московскую корону его сыну Владиславу. Однако, по словам С. Кобежицкого, «в уме короля вследствие уговоров нескольких его советников установились совершенно другие взгляды» [21, s. 163]. Его величество сам желал царствовать в России, соединив её с Речью Посполитой посредством личной унии, и, похоже, готов был ради этой войны принести в жертву благосостояние и безопасность своих польских и литовских подданных. С другой стороны, сразу же после своего прихода в Россию король вёл себя отнюдь не как беспощадный за-

воеватель, но предпринимал шаги к тому, чтобы склонить на свою сторону местное население. Он, например, по свидетельству С. Кобежицкого, дважды в день ежедневно посещал богослужения в православном монастыре святых Бориса и Глеба под Смоленском [21, s. 190], а сразу же после прихода к этому городу через своих военачальников уверил местное население в том, что «в течение всего времени с жёнами своими и детьми в своих домах будут целы» [2]. По-видимому, к вмешательству Сигизмунда в российские дела сначала благосклонно относились и значительные силы московской знати как в самой столице, так и в Тушино, надеявшейся, что король будет способен «унять кровопролитие» и восстановить мир и порядок в государстве. Королевский дворянин Ян Добек, посланный к столице зимой 1609–1610 гг. для выяснения умонастроений «московских граждан», доносил своему монарху, что «сердца москвитян» склоняются к нему, а «Господь подаёт это государство вашему королевскому величеству» [6]. Поэтому даже после похода гетмана Станислава Жолкевского к Москве и присяги населения столицы Владиславу, несмотря на разумные доводы гетмана, Сигизмунд упрямо продолжает затягивать дело и доходит до того, что открыто показывает своё недовольство действиями Жолкевского. Вообще, по-видимому, король весьма ревниво относился к возвышению собственного сына до положения московского царя, поскольку похоже приказал уничтожить оригинал русской присяги Владиславу, составленный 27 августа 1610 года, который, по свидетельству С. Кобежицкого, бесследно пропал [21, s. 141]. Коронный гетман пытался оправдать свои действия в письме монарху из Москвы, доказывая, что дела «иначе быть не могли» и «Краков не сразу строился», имея в виду постепенное достижение желаемого [7]. По возвращении в лагерь под Смоленск, на заседании сената Жолкевский произносит речь, где говорит о своём опыте общения с «москвитянами» и между прочим приводит слова, сказанные ему боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым: «Если его королевское величество будет добывать это государство для сына, вся земля легко склонится к этому, если же для самого себя, будет великое кровопролитие, и это может стать [причиной] распада этой земли» [8].

Но данные убеждения несколько не подействовали на Сигизмунда, он продолжал упрямо идти к намеченной им цели даже тогда, когда всё новые и новые трудности ставили под вопрос успех всей кампании. Говоря о характере короля, С. Кобежицкий отмечал: «Король всю свою жизнь упорно следовал раз принятому решению... Его не убеждали ни удобный случай, ни благоприятные обстоятельства, ни дельная аргументация. За своё упрямство он был жестоко наказан: потерял наследственное королевство и московский скипетр, к тому же потерпел много поражений. Всё это он принимал с каменным лицом, как будто выслушивание жалоб возмущённого народа и отступление от своих планов было ниже его достоинства» [21, с. 175]. Королевская игра в затягивание переговоров о московском троне для Владислава началась сперва под Смоленском, когда монарх, по совету братьев Потоцких, потребовал от смолян двойной присяги (на имя сына и собственное), на что получил следующий ответ: «Трудно жить под двумя государями». На контраргумент королевского окружения о том, что «сын и отец единое целое», смоляне говорили: «Это только на небе, на земле и отцу, и сыну нужно своё» [8]. Для гибкого политика подобные обстоятельства послужили бы поводом к пересмотру своих действий, но Сигизмунд продолжал упрямо настаивать на избранном курсе. Ни король, ни его окружение не почувствовали для себя опасности в перемене умонастроений жителей Москвы, о чём с тревогой извещал в своих письмах уже в январе 1611 года начальник польского гарнизона в российской столице А. Гонсевский. «Видя некоторую перемену к худшему в настроениях здешних людей, я послал к его королевскому величеству, извещая об этом», – доносил он своему патрону Жолкевскому, отмечая, что если король прибудет в Москву один, без сына, «то это наверняка привело бы к великому и бесчисленному кровопролитию» [9]. В целом, Гонсевский был более реалистичен в плане умонастроений в столице, отмечая, что «с этим народом нужно вести дела очень осторожно», в отличие от Жолкевского, уверявшего короля в том, что в Москве он «бочкой водки купил многих людей и склонил их к услугам вашего королевского величества» [8]. Нужно сказать, что Гонсевский в полном смысле слова «ходил по лезвию бритвы»,

пытаясь, с одной стороны, обезопасить польский гарнизон от русских, а с другой – предотвратить бунт самих польских солдат, коих измучило безденежье и суровая зима. Воспользовавшись наступлением шведов на Новгород, Гонсевский попробовал под этим предлогом отправить часть «служивых людей» из Москвы, «дабы, живя дома, они не распространяли бунты» [10]; однако те отказывались идти без польских солдат, а последние, в свою очередь, без денег. «Мы вместе с панами полковниками и панами ротмистрами сопротивляемся злу, как только можем», – уверял Гонсевский короля в январе 1611 года [10], однако уже в марте в Москве вспыхивает восстание, приведшее к пожару столицы и голоду.

При таком неблагоприятном для короля течении событий практически «чудом» (как об этом пишет и С. Кобежицкий, и бывший в королевском лагере ксендз-секретарь Якуб Задзик) становится падение Смоленска в июле 1611 года и вступление туда польских войск после почти двухлетней осады. Однако главный вопрос в ведении войны – вопрос денежных средств, оставался для Сигизмунда нерешённым, без поддержки сейма у него были связаны руки. Варшавский сейм, прошедший в сентябре-ноябре 1611 года, утвердил только два налога на Московскую войну, этого было явно недостаточно для удержания ситуации в столице под контролем, поэтому 2 марта 1612 г. король обратился к сенаторам с письмами, вопрошая их о способах спасения положения. По-видимому Сигизмунд надеялся, что расчувствовавшиеся магнаты и высшее духовенство дадут на продолжение войны личные средства, таким образом удастся избежать потери времени на созыв внеочередного сейма и сил на убеждение депутатов. Однако полученные королём ответы в подавляющем большинстве были малоутешительны и показывали действительное отношение польской правящей верхушки к московской политике своего короля.

В бумагах Сигизмунда III, попавших в Государственный архив Швеции, содержится около двух десятков писем сенаторов, являющихся ответом на вышеупомянутый королевский запрос, сделанный монархом 2 марта 1612 г. Большая часть из них представляет собой отписки, призывающие короля ничего не делать без решения сейма. Хочется особо выделить восемь из

этих писем (от четырёх светских и четырёх духовных сенаторов), в которых, на наш взгляд, содержатся интересные размышления, касающиеся Московской войны. Начнём с того, что из авторов приведённых писем только один сенатор, русский воевода Станислав Гольский (сторонник двора и воинственной партии Потоцких), предложил реальный и быстрый способ спасения положения: личные средства сенаторов. «Это [положение] не спасёт ничто, оно требует денег», – пишет Гольский королю [11] и далее отмечает, как на одном из заседаний сената предложил отдать на военные цели годовой доход со всех старост в Речи Посполитой, которые, согласно праву, сенаторы арендовали на условиях уплаты четверти доходов (квартиры) королю. Однако, по словам русского воеводы, на его призыв откликнулся только львовский архиепископ Ян Замойский. Остальные сенаторы «повесили носы», «они предпочитают, чтобы у них это вырвали [враги], чем дать какую-то часть [добровольно]», – констатирует Гольский. Письмо его достаточно жёстко, безо всяких преамбул и придворной лести он предупреждает короля: «Если мы всего этого не сделаем и не соберём значительной суммы..., [то] кровавые труды и слава вашего королевского величества умалются, и то, что ваше королевское величество достигли на глазах у всего света, заложив великий фундамент к овладению столь великим и богатым государством в мире, с тяжёлой скорбью опасаясь, придётся всего [этого] лишиться» [11].

Письмо другого светского сенатора, витебского воеводы Яна Завиши, носит резко выраженный антивоенный характер; анализируя шаткую ситуацию в Москве, он призывает короля закончить эту войну. «Мне эта московская миссия скорее не по вкусу, потому как и в то время, когда его милости пану коронному гетману присягали в столице, мне сия вещь не казалась основательной, потому что принесли присягу только одни осаждённые, не склоняя [к этому] другие провинции и большие города и без их позволения, похоже, что не столько из охоты, сколько под давлением, спасаясь в этом взрыве и ужасном замешательстве», – писал Завиша Сигизмунду [12]. Как ярый охранитель шляхетских прав и свобод, он также призывал короля ничего не делать без согласия чинов.

Письмо краковского воеводы, бывшего рокошанина Николая Зебжидовского, вероятно, продолжавшего испытывать ненависть к Сигизмунду, написано довольно жёстко и раздражительно. Кажется, воевода и не находил нужным скрывать своё отношение к действиям короля, и, по-видимому, не без удовольствия констатировал, что умонастроения шляхты «смущены больше, чем когда-либо, так что без великого милосердия Божьего трудно обещать хороший конец» [13]. Таким образом, по его мнению, и повторный сейм не принес бы Сигизмунду желаемого результата.

Сандомирский воевода Юрий Мнишек, отец свергнутой царицы Марины, без сомнения, продолжавший поддерживать притязания дочери на московскую корону, отвечал королю, тем не менее, довольно льстивым и дипломатичным письмом, в котором убеждал монарха «как верный и доброжелательный» подданный в том, что только сейм может «спасти дело в основе». На самом деле это привело бы к проволочкам, и под таковой маской ревнителя законов пан Юрий думал об интересах собственной семьи, которые отнюдь не совпадали с королевскими. В отличие от достаточно прямого в своей неприязни к Сигизмунду Зебжидовского, в манере Мнишка было маскировать свои истинные чувства и намерения; в письме к королю он даже отмечал, что готов на определённые жертвы ради внеочередного сейма: «Что же, пускай наши затраты и сеймовые невзгоды уступят таким неотложным потребностям Речи Посполитой... Мне кажется, что любой предпочтёт снести тяготы, нежели из-за таковых конфедераций не только выпустить из рук то, что ваше королевское величество с отвагой заполучили, но и ожидать какую-либо опасность для отечества» [14]. Однако, как показывают другие польские документы Государственного архива Швеции, в действительности Мнишек действовал совсем не в пользу короля. Об этом можно судить по постановлениям Опатовского сеймика Сандомирского воеводства, где избирались послы на общий сейм и на решения которого пан Юрий должен был оказывать исключительное влияние. Например, на одном из заседаний вышеупомянутого сеймика в 1611 г. близкий к семье Мнишек шляхтич Горайский заявил, что Московский поход Сигизмунда «начался неуместно и не по заведённому порядку»; кроме того, покорение Московского государ-

ства «не может покрыть не только один, но и несколько налогов, и если оный столь часто вынуждены будем давать, он всем опротивеет, и свобода сего не допустит» [15]. Таким образом, Опатовский сеймик был против налогов на Московскую войну, и хотя пан Мнишек очень редко бывал как в Сандомире, так и на Опатовском сеймике, но весьма активно действовал на нём через своих подчинённых. Этот сеймик продолжал оставаться оппозиционным к политике короля вплоть до смерти Юрия Мнишка в мае 1613 г., только в 1614 г. сменивший пана Юрия на должности сандомирского воеводы Збигнев Оссолинский, посетивший Опатов, склонил сандомирскую шляхту к тому, дабы она утвердила шесть налогов на военные цели [23]. Кроме того, в 1612–1613 гг. Юрий Мнишек на деле поддерживал польских конфедератов, пришедших в Речь Посполитую из Московского государства, кои отказывались подчиняться королю и требовали от него выплаты заслуженного жалованья. Часть солдат, составлявших польский гарнизон в Москве, ещё до его капитуляции 1612 года ушла из русской столицы и провозгласила «конфедерацию столичного войска», выбрав своим предводителем некоего Юзефа Теклинского. Конфедераты расположились под Кросно, на территории саноцкого староства, принадлежавшего Мнишку, и оттуда слали свои требования королю. По-видимому, Юрий Мнишек видел в этих конфедератах, многие из которых служили ещё в тушинском войске Лжедмитрия II, ту оппозиционную Сигизмунду силу, которая поможет ему оказать давление на короля и обратить ситуацию как в Польше, так и Московском государстве в пользу своей семьи и, в частности, дочери Марины. Судя по всему, не без участия своего воеводы Опатовский сеймик в 1613 г. поддержал требования конфедератов к королю и призвал его пустить на оплату солдатам «сокровища, вывезенные из столицы», а также обратить на эти цели все налоги [16].

Рассуждения католических духовных сенаторов относительно способов разрешения трудностей, возникших у Сигизмунда III в свете Московского похода, были весьма пространны и отнюдь не свидетельствовали о поддержке монарха католической церковью. Все они, по сути, отсылали короля к созыву внеочередного сейма, ревниво ограждали церковные доходы от налогов на войну и деликатно умалчивая о денеж-

ном вопросе, в избытке давали Сигизмунду политические советы. Краковский епископ Петр Тылицкий предлагал монарху уладить дела «[при помощи] какого-либо добродетельного москвитянина, посадив его на престол и поддерживая его, а он чтобы выплатил долг [нашим] солдатам, составил Лигу с государствами вашего королевского величества и был помощником вашего королевского величества в шведских делах» [17]. Хелмский епископ Юрий Замоиский советовал Сигизмунду немедленно отправляться в Северскую землю, считая, что поднявшие бунт солдаты, «услышав о приходе вашего королевского величества, могут остаться и дать склонить себя к добросердечным переговорам» [18]. Перемышльский епископ Станислав Сетинский не исключал возможности «уступить чаяниям и просьбам этих московских людей» и отпустить Владислава царствовать в Россию, убеждая короля поспешить в Москву с войском «таким сильным, какое только можно будет собрать» [19]. Варминский епископ Симон Рудницкий, сокрушаясь по поводу взбунтовавшихся солдат, рекомендовал монарху обо всём советоваться на сейме [20].

Таким образом, в результате король и немногочисленная придворная партия, поддерживающая его начинания, должны были действовать собственными силами в самый критический для них момент развития московских событий, когда, с одной стороны, действия Сигизмунда вызвали неприязнь русского населения, а с другой – наёмные солдаты угрожали миру и порядку внутри самой Речи Посполитой. Однако, следуя зову собственных амбиций, король всё же берёт с собой сына и осенью – зимой 1612–1613 гг., так и не созвав сейм, отправляется к Москве. Вернувшись назад ни с чем, король вновь столкнулся с неприязнью подданных; в самой Польше росло недовольство, что неурядицы в России перекинутся и на неё, ведь вернувшиеся с войны солдаты составили целых три конфедерации (львовскую, брестскую и быдгощскую), требуя от Сигизмунда уплаты денег. «Этот солдатский бунт», – пишет С. Кобежицкий, – «был самым грозным среди тех, которые когда-либо случались в Польше. Наёмники заключили постыдный союз, давая тем самым наихудший пример на будущее. С этого времени дерзкие бунты и подобные конфедерации часто повторялись» [21,

s. 204]. И хотя сейм, собравшийся в Варшаве в феврале 1613 г., утвердил 9 налогов на уплату жалования конфедератам, но отныне запретил королю вербовать солдат без согласия всех чинов на сейме. По словам С. Кобежицкого, «люди были измучены непрекращающимися поборами и уже вздыхали о сладостном мире» [21, с. 239]. Можно заключить, что необдуманная политика Сигизмунда III, не пользующаяся поддержкой у подавляющего большинства польского общества, нежелание короля считаться с реальными возможностями и действи-

тельным положением дел, ввергли в хаос его собственное государство. Как отмечал тот же С. Кобежицкий, «ошибки двух-трёх людей привели Речь Посполитую на край пропасти», а «король, равно как и его советники, познали большое разочарование в деле, в котором всецело были уверены» [21, с. 207, 202]. Исходя из этого, можно утверждать: российская Смута вовлекла в свой омут и Речь Посполитую, которую всю последующую почти двухвековую историю потрясали конфедерации, смуты и вторжения внешних врагов.

Список литературы и источники

1. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8599. P. 458–465. Письмо Н.Олесницкого Сигизмунду III от 8 августа 1607 г.
2. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. P. 68–73. Ответ их милостей господ великих послов Короны Польской и Великого княжества Литовского, данный великим послам Московского государства.
3. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. P. 270–281. Реляция «Причины и советы Московской войны».
4. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. P. 60. Письмо А. Гонсевского Сигизмунду III от 30 июля 1609 г.
5. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. P. 57–59. Письмо А. Гонсевского Льву Сапеге от 26 июля 1609 г.
6. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. P. 94. Письмо Я. Добка Сигизмунду III.
7. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. P. 105. Письмо С. Жолкевского Сигизмунду III от 26 сентября 1610 г.
8. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 79, Senatoris Protokoll.
9. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. P. 77. Письмо А. Гонсевского С. Жолкевскому от 14 января 1611.
10. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. Письмо А. Гонсевского Сигизмунду III от 21 января 1611 г.
11. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Письмо С. Гольского Сигизмунду III от 6 апреля 1612 г.
12. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Письмо Я. Завиши Сигизмунду III от 12 апреля 1612 г.
13. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/S. Письмо Н. Зебжидовского Сигизмунду III от 18 марта 1612 г.
14. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Письмо Ю. Мнишка Сигизмунду III от 3 апреля 1612 г.
15. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8598. Речь пана Горайского на сеймике в Опатове.
16. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 119. Резолюции Опатовского сеймика.
17. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 103. Письмо П. Тылицкого Сигизмунду III от 18 марта 1611 г.
18. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90. Письмо Ю. Замойского Сигизмунду III от 23 марта 1612 г.
19. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Письмо С. Сетинского Сигизмунду III от 28 марта 1612 г.
20. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/J. Письмо С. Рудницкого Сигизмунду III от 21 марта 1612 г.
21. Kobierzycki S. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. Wrocław, 2005. S. 37–239.
22. Łubeński S. Pisma pośmertne Stanisława Łubeńskiego biskupa, podkanclerzego koronnego. Petersburg i Mohilew, 1855. 175 s.
23. Ossoliński Z. Pamiętnik. Warszawa, 1983. 249 s.

References

1. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8599. R. 458–465. Pis'mo N.Olesnickogo Sigizmundu III ot 8 avgu-sta 1607 g.
2. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. R. 68–73. Otvet ih milostej gospod velikih poslov Korony Pol'skoj i Velikogo knjazhestva Litovskogo, dannyj velikim poslam Moskovskogo gosudarstva.
3. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8596. R. 270–281. Reljacija «Prichiny i sovety Moskovskoj voj-ny».
4. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. R. 60. Pis'mo A. Gonsevskogo Sigizmundu III ot 30 ijulja 1609 g.
5. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. R. 57–59. Pis'mo A. Gonsevskogo L'vu Sapege ot 26 ijulja 1609 g.
6. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8597. R. 94. Pis'mo Ja. Dobka Sigizmundu III.
7. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. R. 105. Pis'mo S. Zholkevskogo Sigizmundu III ot 26 sentjab-rja 1610 g.
8. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 79, Senatoris Protokoll.
9. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. R. 77. Pis'mo A. Gonsevskogo S. Zholkevskomu ot 14 janvarja 1611.
10. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8601. Pis'mo A. Gonsevskogo Sigizmundu III ot 21 janvarja 1611 g.
11. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Pis'mo S. Gol'skogo Sigizmundu III ot 6 aprilja 1612 g.
12. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Pis'mo Ja. Zavishi Sigizmundu III ot 12 aprilja 1612 g.
13. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/S. Pis'mo N. Zebzhidovskogo Sigizmundu III ot 18 marta 1612 g.
14. Riksarkivet. Extranea Polen, Vol. 90. Pis'mo Ju. Mnishka Sigizmundu III ot 3 aprilja 1612 g.
15. Riksarkivet. Skokloster Samlingen, E 8598. Rech' pana Gorajskogo na sejmike v Opatove.
16. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 119. Rezoljucii Opatovskogo sejmika.
17. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 103. Pis'mo P. Tylickogo Sigizmundu III ot 18 marta 1611 g.
18. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90. Pis'mo Ju Zamojskogo Sigizmundu III ot 23 marta 1612 g.
19. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/L. Pis'mo S. Setinskogo Sigizmundu III ot 28 marta 1612 g.
20. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.90/J. Pis'mo S. Rudnickogo Sigizmundu III ot 21 marta 1612 g.
21. Kobierzycki S. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. Wrocław, 2005. S. 37–239.
22. Łubeński S. Pisma pośmertne Stanisława Łubeńskiego biskupa, podkanclerzego koronnego. Petersburg i Mohilew, 1855. 175 s.
23. Ossoliński Z. Pamiętnik. Warszawa, 1983. 249 s.

Статья поступила в редакцию 20.11.2012

МЕДИАЛИНГВИСТИКА MEDIA LINGUISTICS

УДК: 81'1
ББК: Ш 100

*Юлия Валерьевна Газинская,
ассистент кафедры журналистики и связей с общественностью,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: u-gazinskaya@mail.ru*

Тема как базовый элемент конструирования политической реальности Украины в дискурсе СМИ России и Украины

В исследовании политический дискурс рассматривается как лингвистическая категория, представляющая собой тематически соотнесённые в событийном аспекте тексты. Тексты интерпретируют дискурс, который, в свою очередь, истолковывает власть. СМИ, аккумулирующие общественно-политические темы, не только конструируют политическую реальность, но и способствуют актуализации языковых номинаций субъектов политической действительности. Фиксация таких явлений позволяет изучить язык политики в неразрывной связи с жизнью и определить специфические особенности ментального мира (система языковых форм), а также объяснить тот факт, что способы репрезентации политической картины мира обусловлены культурным (ментальным) контекстом, где знания представлены классификацией действительности в определённых категориях. Процесс формирования знания (идеи и смыслы, конструирующие значение) связан с процессом интерпретации действительности. Следовательно, посредством изучения тем и их понятийно-смысловой организации в СМИ России и Украины конструируется модель современного политического дискурса. В свою очередь, конкретные тексты и языковые номинации, репрезентирующие инфорпространство, составляют базис для описания политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, конструирование реальности, тематика, языковые номинации.

*Yuliya Valer'evna Gazinskaya,
Assistant, Department of Journalism and Public Relations,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: u-gazinskaya@mail.ru*

Topic as a Basic Element of Political Reality Construction in Ukraine in the Discourse of Russian and Ukrainian Mass Media

In the article the political discourse is considered as a linguistic category, which is presented in the form of texts thematically correlated in the event aspect. Texts interpret the discourse which, in its turn, interprets the power. Mass-media accumulating socio-political issues not only construct political reality, but also contribute to the actualization of linguistic nominations of the subjects of political reality. Fixation of such phenomena allows one to learn the language of politics in close connection with life and to determine the specific characteristics of the mental world (the system of linguistic forms), and also to explain the fact that representation modes of the political picture of the world is explained by the cultural (mental) context, where knowledge is represented by the classification of reality in certain categories. The process of knowledge formation (ideas and meanings constructing the value) is associated with the process of interpreting reality. Therefore, by studying the topics and conceptual-semantic organization of the mass media in Russia and Ukraine, the model of contemporary political discourse is constructed. In turn, the specific texts and language categories/nominations, which represent informative space, constitute the empirical basis for the description of the political discourse.

Keywords: political discourse, construction of reality, subject matter, language nominations.

Динамические процессы в политике Украины (оранжевая и бело-голубая революции, «газовая война», экономический кризис, выборы президента Украины в 2010 году и многие другие темы) получили своё отра-

жение в русскоязычной прессе не только Украины, но и России – государства, заинтересованного в выражении отношения СМИ России к современным проблемам украинского народа. Так, по мнению И. Н. Кошман,

«реальный мир – ситуация существования и диалога украинской и русской культур» [8, с.159], что транслируется в СМИ обеих стран. Широкий спектр политических вопросов, общность культуры и языков определили развитие двухсторонних отношений в вербальной деятельности СМИ. По мнению С. А. Ланцовой, «в настоящее время образ Украины воспринимается массовым сознанием молодых россиян как государство с неустоявшимся суверенитетом, где утвердился “проамериканский, марионеточный” режим В. Ющенко» [9, с. 326]. Учёный утверждает, что «основу для такого восприятия создают российские СМИ... Постоянно делается акцент на украинизацию русскоязычного населения, высказываются опасения по поводу превращения Украины в «троянского коня Запада» на постсоветском пространстве» [9, с. 327]. Политтехнолог А. Окара полагает, что «глядя из России, можно сделать вывод лишь об имидже Украины, но крайне сложно понять закономерности её развития. Московская точка зрения на происходящее там отличается от киевской, львовской или донецкой хотя бы в силу географического фактора. Да и некоторые московские “штатные украиноведы”, формирующие представления об Украине в российском информационном пространстве и в информационных сетях, связанных с принятием стратегических государственных решений, заняты не постижением страны, а скорее, идеопропагандой либо политтехнологическим бизнесом» [1]. В рамках вышеуказанных мнений становится очевидным, что политические процессы в событийной парадигме, конструируемые в текстах СМИ, находятся под пристальным вниманием современных учёных. Это определяет потребность в работах, анализирующих проблему власти слова в формировании общественного мнения и конструировании политической реальности в дискурсе СМИ. Дискурсивный анализ позволяет понять, какие реалии (факты, образы, символы и др.) актуализируются в то или иное время и как они отображены в СМИ. Таким образом, язык политики невозможно изучать без учёта общественно-политической ситуации в Украине (поскольку это информационный повод для написания новых текстов и аккумуляции их в другом национальном дискурсе, российском). Именно поэтому, анализируя дискурс по языковым данным, как подчёркивает В. З. Демьянков, «боковым зрением» исследователь смотрит

на фон – политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора» [4].

Политические процессы в сфере СМИ виртуализируются (языковая «упаковка»), а политическая реальность (принципы функционирования СМИ) – конструируется. Так, И. В. Ерофеева отмечает, что «мир, представленный в тексте, виртуален... Благодаря профессиональным усилиям журналистов мы переживаем отсутствие деления реальности на истинную и иллюзорную» [5, с. 11]. В свою очередь С. А. Ланцова подчёркивает, что именно «искусственная реальность своей яркостью, эпатажем или драматургией скрывает настоящую политическую борьбу и политическую реальность» [9, с. 329]. Борьба за интерпретацию событий в СМИ направлена на привлечение внимания потребителя информации к аккумуляруемой проблемной области, что влечёт за собой использование особых речевых инструментов и языковых средств. Понимая дискурс, читатель воспринимает мир как «настоящий, реальный», адаптируя полученную из СМИ информацию к своему жизненному опыту. Так трансформируется картина мира.

Политическая сфера представляет собой важный фрагмент языковой картины мира, анализ которой позволяет воссоздать специфические ментальные особенности (например, такие языковые формы, как номинации и др.). Поэтому конструирование политической действительности определяется когнитивной сущностью языка. С одной стороны, конструирование – когнитивный (внутренний) процесс, где язык представлен с точки зрения освоения мира человеком. Здесь функционируют идеи и символы определенной ментальной сферы, конструирующие значение для дальнейшей интерпретации. Но знания не являются информацией до тех пор, пока они не будут представлены в СМИ [3]. Ведь, по мнению Е. А. Кожемякина, «центральным предметом медиадискурса являются не столько, например, политические процессы, сколько способы их описания и передачи знания о них» [6]. Поэтому конструирование, с другой стороны, – «внешний» процесс отбора актуальных смыслов (преобразование информации в СМИ), который определяет «наполняемость» информационного пространства. Логично, что только в сумме двух вышеуказанных процессов в сознании потребителя конструируется политическая реальность.

Итак, в СМИ знания формируются за счёт аккумуляции общественно-политических тем, содержание которых раскрывается во взаимодействии множества других текстов. Событийный (псевдособытийный) повод даёт возможность транслировать информацию в другом национальном дискурсе, особенно если она значима для него. С учётом вышесказанного, современный политический дискурс СМИ определяется как важностью изучения его тематического своеобразия, так и актуализацией языковых номинаций (как ментальных сущностей, составляющих картину мира) в период общественно-политических всплесков. Поэтому целью данного исследования является анализ тематической составляющей политического дискурса, где тема (аккумулируемая политическая реалья) конструируется различными когнитивными и эмотивными смыслами в рамках множества политических текстов. В свою очередь, фиксация языковых номинаций даёт возможность рассмотреть язык СМИ в неразрывной связи с жизнью и определить факторы (общественно-политическая ситуация), влияющие на формирование языковых закономерностей.

Дискурсивный анализ политической коммуникации в целом позволяет проследить динамику концептуальных переменных, в данном случае – тем. Однако содержание дискурса за счёт большого количества таких переменных невозможно поставить в определённые рамки, этот круг может быть значительно шире. Так, в книге «Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики» отмечается, что «даже хорошо подготовленный исследователь-эксперт не в состоянии одновременно «отслеживать» в тексте столько тем, сколько позволяет его оперативная память» [2, с. 18]. Для подробного изучения тематического корпуса дискурса необходимо комплексное исследование – проведение мониторинга, что не входит в наши задачи. Ограниченные рамки статьи позволяют нам лишь фрагментарно выявить «дискурсивную» закономерность, замеченную, в частности И. В. Ерофеевой: «текст СМИ, вытекающий из реальности и создающий реальность» [5, с. 4]. Мы попытаемся доказать, что СМИ моделируют мир политики в сознании читателя; в свою очередь, социально-исторические условия порождают те или иные обсуждаемые проблемы или актуализируют политические реалии. Иначе го-

воря, как подчёркивает и В. Е. Чернявская, «уровень дискурсивного анализа начинается там и тогда, когда исследователь задаётся вопросом, «какие условия позволили отправителю сообщения связать с этими словами этот смысл... Каковы условия, которые в определённой эпохе и в определённой ситуации подвели высказывание к определённому смыслу» [14, с. 79].

Итак, темы выполняют ведущую роль в конструировании политической реальности в дискурсе СМИ, ведь через отдельные информационные потоки у адресата формируется более полное представление о каких-либо политических процессах, образуется некая модель политического дискурса. Информация представлена здесь как «оперативное знание, используемое информационно-психологической системой в динамическом процессе», – отмечается в книге В. Д. Поповой [12, с. 162]. Способствуют этому именно СМИ, так как они наиболее быстро реагируют на все изменения в общественном сознании, а политическая тематика занимает ведущее место в газете.

Методика анализа материала такова: через текстовые отрывки разных изданий в конкретный исторический период мы выявляем обсуждаемую тему и раскрывающие её содержание когнитивные смыслы. В свою очередь, в текстах на определённую тематику обнаруживаем номинации (реалии), семантические признаки которых раскрывают целое событие или аккумулируемый в СМИ образ. Таким образом, анализ публицистических текстов проводится по двум направлениям: филологическому (лингвистический анализ с учётом подачи информации) и общественно-политическому (анализ с использованием методов моделирования социально значимых смыслов). Фиксированные номинации претворяют в жизнь определённую семантику, поэтому политический дискурс в рамках данного исследования рассматривается с позиций репрезентации смыслов. Картина мира в текстах СМИ продуцирует определённые понятия. В свою очередь понятия, представленные конкретными лексемами, включающими в себя определённые смыслы, обращены к реальности «украинского мира» [8, с. 163]. Последним шагом в рассмотрении материала является определение взаимосвязи внутритекстового языкового «наполнения» с внешними факторами (экстралингвистическими) – общественно-

политической ситуацией, породившей высказывание, и параметров её трансляции в СМИ (украинская политическая реальность представлена в СМИ России и Украины неодинаково: в рамках русского языка продуцируются реалии украинского мира).

Для фрагментарного рассмотрения исследуемой проблемы мы выявили три базисных темы (заметим, они членятся на множество подтем), описывающих украинскую политическую реальность в дискурсе СМИ России и Украины. Они интересны для нас с точки зрения проблем, значимых для обеих стран. Это **тема «Россия-Украина» (взаимодействие на разных уровнях)**, которая интерпретирована в СМИ «газовой войной», вытеснением русского языка из украинского образовательного и культурного пространства, отношениями политиков и т. д. **Тема революций в Украине:** «бело-голубая» и «оранжевая». **Тема выборов президента Украины в 2010 году:** образы центральных политических фигур (Юлия Тимошенко, Виктор Янукович, Виктор Ющенко) и предвыборные баталии, направленные на дискредитацию противников.

Заметим, круг тем и их подсмислов в СМИ может быть значительно расширен, ведь в рамки анализа невозможно включить абсолютно все темы. Важно понять, каков механизм когнитивно-дискурсивного моделирования политической действительности – это ключевой момент анализа. После определения его принципов выбранная методика исследования текстов (как результата дискурса) будет применима и к другим проблемным областям, которые предполагается рассмотреть в исследовании.

В рамках анализируемого нами периода одними из самых первых, – бурно обсуждаемых в СМИ событий Украины, – стали «оранжевая» и «бело-голубая» революции. И. Н. Кошман в работе «Об особенностях картины мира (на материале русскоязычных публицистических текстов Украины)» утверждает, что «начиная с событий осени 2004 года, бело-голубые выступают в качестве оппонентов помаранчевым» [8, с. 162]. Понятие «революция» в этот период, на наш взгляд, оттеснило даже базовое для постсоветской политики понятие «демократия», так как символизировало «переворот». Содержание понятия – далее темы, формируется как предельно сложное и важное для осмысления актуальной политики Украины. Рассмотрим, как оно

конструируется в языковом плане. В лексеме «оранжевая», или, как называют её в Украине, «помаранчевая» (коннотация идейной символики), входит не только традиционно цветковое значение, но и идеологическое: *Таки оно случилось: Ноев ковчег спущен на воду. Ной, как положено, присутствовал лично и руководил процессом. То есть демократы оранжевой породы числом 10 партий как бы стали одним избирательным блоком «прообразом» единой партии имени Ющенко* («Всеукраинская газета» № 110, 2007). Специфическое национальное понятие является ментальной сущностью в картине украинского мира, но аккумулируется и в российском информационном пространстве. Цвет трактуется как символ автономной сферы образа политического движения. Вербальным символом, кроме цветкового, является слово «майдан» – площадь, где проходили акции протеста в рамках революции. Думается, лексема «майдан» стала символической и в описании других митингов, например в рамках выборов президента Украины в 2010 году: *И люди будут стоять на «майданах», рискуя подхватить воспаление лёгких. Может, проводить выборы летом?* («Комсомольская правда в Украине». 2010. № 36). Номинация «оранжевая» представлена и другим когнитивным смыслом – «политическая деятельность как убеждение», зачастую этот смысл передаётся в текстах СМИ образно: **«Оранжевая» лиса и чёрная пантера: женские уловки, мужские мозги** («КП». 2008. 28 августа). Метафоризация как способ смыслопостроения в газетном тексте обеспечивает высокий воздействующий эффект высказывания за счёт влияния на эмоционально-волевую сферу адресата. Ещё один когнитивный смысл лексемы «оранжевая» связан с борьбой – противопоставлением другим политическим силам. Этот смысл реализуется посредством оценочности, например, тактикой дискредитации оппонента: *Есть в украинской политике понятия настолько объективные, что в них разбирается уже любой гражданин Украины. Тут надо сказать нашим оранжоидам, они так упорно и долго лгали, что народ уже на лету отличает правду от лжи* («Рабочая газета». 2009. № 4). В данном примере стоит обратить внимание на суффикс и окончание *оиды*, транслирующие одну из языковых форм в системе украинского языка, но овеященные в лексеме русского языка. Из при-

меров становится понятным, что семантика одного понятия/темы *оранжевой революции* раскрывает целое событие. Г. Г. Почепцов в работе «Оранжевые революции и ненасильственные методы свержения власти» отмечает, что «оранжевая революция позиционировала себя как прогрессивная, как движение в будущее в отличие от регрессивного движения в прошлое своих противников. Это была ценностная, идейная революция, в рамках которой Виктор Ющенко закрепил за собой образ «европейского политика», несущего «европейский образ жизни» [13]: *Украинский президент Виктор Янукович пообещал подписать уже одобренный радой закон, обязывающий вывешивать в День Победы вместе с государственными флагами красные знамена. Решение вернуть советскую символику – ещё один шаг по возвращению Украины к прежнему, «до-оранжевому» укладу и укреплению дружбы с Москвой* («Коммерсантъ». 2011. № 80).

Что касается *бело-голубой революции*, И. Н. Кошман отмечает, что «в русских текстах Украины лексема *бело-голубой*, помимо кодифицированного словарями цветового значения, реализует политическое значение «относящийся к сторонникам Партии регионов» – и значение субстантива, возникшее на его основе – «тот, кто поддерживает Партию регионов». Так, данная лексема овеществляет актуальное национально-специфическое понятие, которое включает в себя смыслы: идеология, пространство, деятельность, противопоставление [8, с. 160]. Можно констатировать, что в рамках темы «революции» в информационном поле России и Украины актуализируются понятия *«оранжевая революция»* (и производные от неё лексемы и выражения – *«демократы оранжевой породы»*, *помаранчевая, оранжеюиды и т. п.*) и *бело-голубая революция (бело-голубые власти, бело-голубой регион и др.)*. «Лингвистическим выражением этой оппозиции являются контекстуальные антонимические пары *помаранчевый – бело-голубой* или *оранжевый – бело-голубой*», отмечает И. Н. Кошман [8, с. 162].

Следующей проблемной областью в дискурсе СМИ является тема **Россия-Украина (взаимодействие на разных уровнях)**. В рамках «большой» темы мы рассмотрим газовый конфликт, который в СМИ репрезентирован *«газовой войной»*. Аккумулируемая метафорическая модель войны способствовала использованию журналистами

языковых средств образности: *Газовая война закончится. Запах останется* («Киевские ведомости». 2009. 17 января). Так конструируется первый когнитивный смысл аккумулируемого понятия – борьба между государствами. Близка нашим воззрениям трактовка этого понятия В. А. Масловой, которая в работе по когнитивной лингвистике истолковывает одно из характерных признаков концепта «война» как «состояние вражды, борьба между лицами или гражданами; ссора, перебранка» [11, с. 185]: *Смотришь российское ТВ с комментарием госмузей и закипаешь негодованием к злобредным хохлам. Из отечественных телевизоров узнаешь, что «злобредные москальи» намеренно игнорируют предложения ГИС Писаревка и Валуйки. В общем, газовая война идёт. Информационный дым коромыслом стоит. В открытых тактико-технических действиях любой воюющей стороны важно знать скрываемые стратегические смыслы* («Факты». 2009. 17 января). Ещё один когнитивный смысл понятия *война как конфликтная ситуация (не насилие)*: *«В газовой войне между Киевом и Москвой открыт дипломатический фронт, а плацдармом на нём стал саммит»* («Факты». 2009. 17 января). Продолжением обсуждения в СМИ этой темы – «газовой войны» – стало *«газовое дело»* Юлии Тимошенко, образ которой в СМИ транслируется образной номинацией *«Газовая принцесса»* (URL: <http://www.ua.rian.ru/analytics/20100207/78299986.html>): *Сегодня Печерский райсуд столицы начнёт слушание «газового» дела Юлии Тимошенко, которое она называет «судилищем»* («Факты». 2011. № 1). *Помимо уголовных дел о поставках газа и «киотских деньгах», которые инкриминируются Генпрокуратурой, Юлии Тимошенко могут аукнуться события середины 90-х, в бытность её главой корпорации «Единые энергетические системы Украины (ЕЭСУ)»* («Сегодня». 2011. № 144). Итак, даже в рамках краткого обзора становится понятным, что когнитивные смыслы темы «война»/«газовая война» реализуют значение «конфликтной ситуации» и аналогию «война между Россией и Украиной», но никаким образом не вооружённое насилие. То есть братские страны в информпространстве представлены как «воюющие» (интерпретация темы, по нашему мнению, в большей степени такова). С позиций вы-

шеуказанной проблемной области – международное взаимодействие – в трактовке СМИ интересны также темы: украинизация русского населения (вопросы языковой политики), Черноморский флот и т. д.

Ещё одной проблемной областью анализа является тема **выборов президента Украины** в 2010 году, которая в СМИ интерпретирована образами (имиджами) центральных политических фигур, например, Юлии Тимошенко и Виктора Януковича. Кроме того, предвыборными баталиями (реализуются тактиками уничтожения противника): *«От того, кто выиграет президентские выборы на Украине, зависят отношения Москвы и Киева на многие годы. При президенте Тимошенко о парламентской демократии наши соседи могут забыть. Как человек с кавказскими корнями, Юлия Владимировна любит шашлык с кровью. При Януковиче на Украине будет жёсткий, но более справедливый режим»* («Аргументы и факты». 2010. № 7). Отметим, что последними политическими событиями Украины, актуальными и в информпространстве России, на наш взгляд, является именно аккумуляция образов, в первую очередь Юлии Тимошенко (один из микромотивов темы – возможное избиение политика в тюрьме) (URL: http://www.utro.ua/ru/politika/yanukovich_prokomentiroval_vozmozhnoe_izbienie_timoshenko1335435979), а также ранее – «газовое дело», оранжевая революция. Так аккумулируются имиджевые характеристики образа в СМИ, выраженные в номинациях: **Леди Ю.** («Комсомольская правда в Украине». 2010. № 36), **Газовая принцесса, революционерка** и т. д. Подтверждением гипотезы о том, что смысл определённой номинации может репрезентировать целое событие или образ, может стать семантический анализ слова **«Бандюкович»** («АиФ». 2010. № 6), один из когнитивных смыслов которого – факт наличия судимости ныне действующего президента Украины Виктора Януковича. В данную парадигму можно включить и образную номинацию **«Тимошенница»** («АиФ». 2010. № 6). Вышеуказанные примеры подтверждают мнение Е. А. Кольцовой о том, что «языковые номинации по своей сути являются виртуальными, они используются как средство актуализации номинаций в актах речи в условиях знаковой ситуации, когда обозначение непосредственно соотносится с обозначенным объектом» [7]. То есть на

уровне всего лишь одного признака языковой номинации, который положен в её основу, можно выявить семантические признаки целого события [7], следовательно – обсуждаемой темы.

В дополнение ко всему вышеотмеченному хотелось бы добавить, что, по мнению исследователей, в частности Ю. А. Мартыновой, в современном информационном пространстве СМИ «знак “Россия” противопоставлен другому ключевому знаку – “украинские власти”, причём Россия репрезентируется исключительно со знаком “+”, а “украинские власти” – со знаком “–” [10]. Мы поддерживаем данную точку зрения и можем утверждать, что знаки «+» и «–» противопоставлены и в украинском национальном дискурсе, что подтверждает проведённый анализ. И это, по нашему мнению, естественный процесс, ведь политическая дихотомия «свой (хороший) – чужой (плохой)» присуща языку политики в принципе и моделируется в текстах СМИ за счёт положительной/отрицательной оценочности, а также отбором фактов и языковыми средствами их интерпретации. Бинарная оппозиция «свой-чужой» распространяется и на выбор метафор, аналогий, символов, стереотипов и т. п. Также, по мнению И. Н. Кошман, «обнаруживаются различия в “смысловом наполнении” ментальных структур, которые в русской речи Украины и русской речи метрополии вербализуют одинаковые лексемы» [8, с. 159].

Проведённый анализ исследуемой проблемы позволил нам сделать следующие выводы. Политическая реальность осуществляется и конструируется в дискурсе СМИ (принципы функционирования информации в журналистике), политические процессы – в публицистических текстах (журналистская интерпретация). Поэтому важно понять, какими средствами конструируется смысл на уровне медиатекста [6] и как многочисленные смыслы, аккумулируемые СМИ, интерпретируют тему/действительность в информпространстве. Дискурс раскрывается через систему многочисленных текстов на определённую тему (как событийный повод). В свою очередь темы (реалии) формируются многочисленными когнитивными смыслами (обусловленными общественно-политической ситуацией и ментальной сферой). Это своеобразная когнитивная цепочка: конструирование смысла на уровне текста/обсуждаемая тема – осмысление

ситуации через призму множества смыслов/оценка реалий – «достраивание» к жизненному опыту. Так в сознании читателя моделируется виртуальная реальность. Поскольку картина мира нации продуцирует знания – в данном случае понятия (лексемы), отражающие национальные специфические реалии украинского мира, в СМИ возникают и аккумулируются такие номинации, как *оранжиды*, *бело-голубые власти*,

Леди Ю., *Тимошенница*, *Бандюкович*, «газовая война», «Газовая принцесса» и т. п. Причина возникновения новых и актуализации многих ранее неактуальных для языкового сознания общественно-политических реалий, на наш взгляд, связана с динамикой общественно-политической ситуации в Украине. Многочисленность обсуждаемых в СМИ тем (Россия-Украина) даёт возможность для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Андрей Окара. Украинские дискурсы и российская парадигма. URL: <http://www.politua.ru/concept/1456.html> (дата обращения: 08.12.10).
2. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
3. Володина М. Н. Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. 760 с.
4. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> (дата обращения: 07.12.11).
5. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.
6. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ массовой коммуникации. URL: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_kozhemyakin.htm (дата обращения: 24.11.11).
7. Кольцова Е. А. Языковые номинации в гендерном аспекте. URL: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/anglistika-articles/yazykovye-nominatsii> (дата обращения: 30.11.11).
8. Кошман И. Н. Об особенностях картины мира (на материале русскоязычных публицистических текстов Украины) // Речевая коммуникация в современной России: материалы II Междунар. конф. / под ред. О. И. Иссерс: в 2 т. Т. 1. Омск: Вариант-Омск, 2011. Т. 1. С. 388.
9. Ланцова С. А. Восприятие образа Украины молодёжной аудиторией // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 117. С. 326–330.
10. Мартынова Ю. А. Проблема выбора метода исследования при изучении «Языка власти». URL: www.bibliofond.ru/view.aspx?id=467850 (дата обращения: 11.05.11).
11. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
12. Попова В. Д. Информационная политика: учебник / под общ. ред. В. Д. Попова. М.: Изд-во. РАГС, 2003. 463 с.
13. Почепцов Г. Г. Оранжевые революции и ненасильственные методы свержения власти. URL: <http://psyfactor.org/lib/or-4.htm> (дата обращения: 30.11.11).
14. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

References

1. Andrej Okara. Ukrainskie diskursy i rossijskaja paradigma. URL: <http://www.politua.ru/concept/1456.html> (data obrashhenija: 08.12.10).
2. Baranov A. N., Mihajlova O. V., Satarov G. A., Shipova E. A. Politicheskij diskurs: metody analiza tematicheskoj struktury i metaforiki. M.: Fond INDEM, 2004. 94 s.
3. Volodina M. N. Jazyk sredstv massovoj informacii: ucheb. posobie dlja vuzov / pod red. M. N. Volodinoj. M.: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2008. 760 s.
4. Dem'jankov V. Z. Interpretacija politicheskogo diskursa v SMI. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> (data obrashhenija: 07.12.11).
5. Erofeeva I. V. Aksiologija mediateksta v rossijskoj kul'ture (reprezentacija cennostej v zhurnalistike XXI veka). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009. 340 s.
6. Kozhemyakin E. A. Diskurs-analiz massovoj kommunikacii. URL: http://www.gmj.sfedu.ru/v2i1/v2i1_kozhemyakin.htm (data obrashhenija: 24.11.11).
7. Kol'cova E. A. Jazykovye nominacii v gendernom aspekte. URL: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/anglistika-articles/yazykovye-nominatsii> (data obrashhenija: 30.11.11).
8. Koshman I. N. Ob osobennostjah kartiny mira (na materiale ruskojazychnyh publicisticheskikh tekstov Ukrainy) // Rechevaja kommunikacija v sovremennoj Rossii: materialy II Mezhdunar. konf. / pod red. O. I. Issers: v 2 t. T. 1. Omsk: Variant-Omsk, 2011. T. 1. S. 388.
9. Lancova S. A. Vosprijatie obraza Ukrainy molodjozhnoj auditoriej // Izvestija Rossijskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. SPb., 2009. № 117. S. 326–330.
10. Martynova Ju. A., Problema vybora metoda issledovaniya pri izuchenii «Jazyka vlasti». URL: www.bibliofond.ru/view.aspx?id=467850 (data obrashhenija: 11.05.11).
11. Maslova V. A. Kognitivnaja lingvistika. Minsk: TetraSistems, 2005. 256 s.
12. Popova V. D. Informacionnaja politika: uchebnik / pod obshh. red. V. D. Popova. M.: Izd-vo. RAGS, 2003. 463 s.
13. Pochepcov G. G. Oranzhevyje revoljucii i nenasil'stvennyje metody sverzhenija vlasti. URL: <http://psyfactor.org/lib/or-4.htm> (data obrashhenija: 30.11.11).
14. Chernjavskaja V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstvija: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2006. 136 s.

Статья поступила в редакцию 15.01.2013

УДК 8:05
ББК Ш09:Ч612

Ирина Викторовна Ерофеева,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: irina-jour@yandex.ru

Свобода слова как концепт современного медиатекста

В статье представлен лингвокультурологический анализ концепта свобода слова, который встроен в актуальную канву доминирующих информационных потоков современных СМИ. Автор утверждает, что отношение к свободе слова в России обусловлено дихотомическим сознанием российского человека, объективированным в лексемах «свобода» и «воля».

На основе обширного эмпирического материала (более 100 медиатекстов) формулируется содержание концептуального поля конструкта. С учётом общего содержания, этимологии и истории концепта выделяются следующие фреймы: «свобода есть счастье», «свобода для – соборности и любви к другому человеку», «свобода от – есть ограничения: обязанность, порядок, уважение, истина», «свобода – путь/пространство, духовные усилия и выбор», «свобода как средство достижения высоких целей общества», «свобода, лишённая ограничений и ответственности, это проявление всеобъемлющего чувства воли». Дифференциация когнитивных структур свободы и воли позволяет продемонстрировать полярные культурные коды и различные проявления свободы слова в СМИ.

Ключевые слова: медиатекст, концепт, свобода слова, воля, национальная модель мира, дихотомическое сознание, репрезентация.

Irina Viktorovna Erofeeva,
Doctor of Philology, Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: irina-jour@yandex.ru

Freedom of Speech as a Concept of Modern Media Text

The paper presents linguistic-culturological analysis of the concept 'freedom of speech' that is integrated into the dominant information flow of the modern mass media. The author states that in Russia attitude to freedom of speech is caused by dichotomous consciousness of a Russian man, objectified in lexemes *svoboda* and *volya*.

The content of a conceptual field of a construct is formulated based on the extensive empirical material (more than 100 media texts). The following frames are focused on taking into consideration the general content, etymology and the concept's history: '*svoboda* is happiness', '*svoboda* for – conciliarism and love to another person', '*svoboda* from – there are some restrictions: duty, order, respect, truth', '*svoboda* – way/space, moral efforts and choice', '*svoboda* as a means to high ends of a society', '*svoboda* without restrictions and responsibility is manifestation of a comprehensive sense of freedom'. Differentiation of the cognitive structures of *svoboda* and *volya* enables to demonstrate the polar codes and different expressions of freedom of speech in the mass media.

Keywords: media text, concept, freedom of speech, *volya*, national model of the world, dichotomous consciousness, representation.

В современном медиадискурсе концепт *свобода слова* – один из самых популярных и востребованных, его активно эксплуатируют как в политических, так и культурных коммуникациях. Сегодня свобода слова объявляется абсолютной ценностью, и мы всё более обеспокоены её отсутствием в нашей стране, в чём регулярно нас убеждают различные отечественные и зарубежные исследования. Так, согласно данным

международной организации «Репортёр без границ», опубликованным в декабре 2012 года, Россия занимает 142-е место из 179 по уровню развития свободы прессы.

Свобода слова является важнейшим правом человека, закреплённым в статье 29 Конституции РФ. Стандарты международной права легли в основу конституционной трактовки свободы слова, которая должна обеспечивать возможность публич-

но выражать своё мнение или убеждение в СМИ, на митингах, собраниях и т. п. Осново-полагающее личное право любого человека нашло отражение во Всеобщей декларации прав человека, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Свобода слова в СМИ – достаточно сложная, объёмная и неоднозначная тема, вбирающая многоцветье взглядов, разные ракурсы интерпретации и варианты решения, в первую очередь, политических проблем. Мы поставили перед собой задачу выявить возможные первопричины столь разительного воплощения свободы слова в медиатексте. Концептуализированная сфера данного конструкта демонстрирует коллективные знания, обусловленные историей России и приоритетами национального менталитета. Языковая личность автора медиатекста в процессе творчества репрезентирует ключевые смыслы конструкта, и, на наш взгляд, полярность позиций в сфере свободы слова в СМИ, несомненно, подкреплена духовным опытом российского человека.

Ядром указанного концептуального поля является сема «отсутствие внешних ограничителей и стеснений в праве человека свободно выражать свои мысли» (см.: Ожегов, с. 693). В словарном и научном дискурсах дефиниция свободы слова распадается на утилитарную составляющую (когда свобода слова опирается на частную собственность и является следствием политической активности государства) и либеральную (когда акцент делается на естественном праве человека, на его объективной потребности и ценности свободы напрямую связана с этической стороной вопроса). Тем не менее, сфера понимания свободы слова, в том числе в её национальной специфике, пространна и не ограничена. Остановимся на ключевых для российской модели мира фреймах данного конструкта.

Для мировой цивилизации свобода слова есть *приоритетная ценность жизни*, важнейшая потребность свободного человека. В 1644 году английский поэт Д. Мильтон назвал свободу даром Божьим, сегодня мы её обозначаем как важнейшую потребность человека, являющуюся целью и условием подлинно человеческой жизни. Но, если в англоязычном мире свобода встроена в ассоциативный ряд с Правом, то в

русской ментальности она приближена к Счастью (Антология концептов. С. 181). Аналогично тому, как мы томительно ждём и предвкушаем счастливые мгновения нашей жизни, мы тоскуем и по свободе. Тоска по отсутствию в жизни ограничений – актуальное переживание для русича, «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – точно заметило «солнце русской поэзии».

Сегодня часто артикулируется стереотип, что свободы у России не было, поэтому русский человек склонен жить в рабстве, он – несамостоятельное пассивное существо, стремящееся к подчинению, покорности или к анархии (ср.: А. Максимов: Русский народ – народ с трагической судьбой, в первую очередь потому, что ему никак не удавалось пожить в свободе. АИФ. 2008. № 17. С. 10). Исследователь русской цивилизации О. А. Платонов по этому поводу пишет: «среди бездн неправды и заблуждений, которыми окутана русская история, самыми лживыми, пожалуй, являются рассуждения о несвободе как отличительной черте русской жизни» (62, с. 101).

Крайние взгляды на свободу в родном Отечестве связаны с дихотомической формацией русской души, её неотъемлемым природным качеством. В основу нашего национального мировосприятия легли два противоположных начала: природная, языческая стихия и аскетизм монашеского православия. В слиянии двух источников – дерзкой воли и духовной свободы – спрятан кладёзь наших желаний, мыслей и поступков. Паремииологический комплекс русского языка, повествующий о свободе и несвободе, принципиально двуполярен. Культ покорности, подчинения и кроткого смирения, как высших добродетелей, объективирован в паремиях: Что миром положено, так тому и быть, Что мир порядил, то Бог рассудил, Человек ходит – Бог водит; Чему быть, того не миновать; Никто от своего року не уйдет. Одновременно у нас есть другие пословицы и поговорки, воспевающие свободу: На бога уповай, да сам не плошай; Коли сам плох, так не даст и Бог; В поле своя воля; Чья сила – того и воля; Дан собаке мосол – хоть ешь, гложь, хоть вперёд положи; и др. Идеологическая модальность *свободы* в нашей национальной модели мира распростёрлась от «Послушание паче поста и молитвы» до «Смиренную собаку и кочет бьёт».

С. А. Глузман в своих исследованиях говорит о России как о ментальном пространстве, объединившем два мифа: западный миф Города и восточный миф Книги. Восточный человек Книги пассивен, он предпочитает действовать по указке сверху; напротив, в античном мифе Города человек свободен, ему не нужен поводырь и повелевающий голос извне [4].

Современная журналистика активно репрезентирует противоречивую модель. С одной стороны, она неистово не принимает любые формы цензуры и сопротивляется даже разумным законодательным поправкам (например, по поводу освещения террористических актов в СМИ); с другой стороны, артикулирует необходимость общественного контроля и правительственной заботы, что позволит оградить аудиторию и мораль граждан от таблоидной вольницы.

Дихотомические порывы русской души вербализируются в лексемах «свобода» и «воля», которые, несмотря на то, что позиционируют имя единого концепта, фокусируют различные культурные коды. Общее и разное данных когнитивных структур стало предметом исследования в работах Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е. В. Урысон, А. Г. Лисицина и др. Слова «воля» и «свобода» принадлежат к древнему слою исконной лексики, но воля имеет индоевропейскую основу, а свобода – славянскую (подробнее: Антология. С. 34–35).

Категория свободы – достояние общечеловеческое. В России данное слово стало востребованным в XVIII в. вместе с развитием идей Просвещения, но оно явно конкурировало с более родной и близкой народу волей. С течением времени «свобода» стала краеугольным камнем общественно-политического тезауруса. Корневое ядро слова позволяет выстроить следующий лексический ряд: свобода – особенность – особа – сам/свой. Подобное личностное противопоставление подчёркивает логическое присутствие какой-либо общности/общества, в рамках которого свобода может быть соотносена, реализована, и человек вправе действовать по своей воле.

Свобода – категория не столько личностная, сколько общественная, она выражает состояние гражданина. Именно данная сема конструкта плодотворно легла на национальную почву. Преобразован-

ный в «свободу для соборности и любви к другому человеку», он отражает культ братства и коллективизма, которые испокон веков почитаемы в России. О. А. Платонов ассоциирует свободу с полнотой национального бытия во всём богатстве его проявления, это «пребывание, собравшись целиком», – отмечает исследователь [12, с. 104]. Спектр акцентов в концептуальном поле «свобода» в отечественной модели мира *сместён со сферы политики в сферу духа*. Мы 400 лет жили в режиме абсолютной монархии, ещё 70 – в тоталитарном государстве большевиков, и мы не изменяли своему предназначению и оставались ценителями своей свободы. «Просто-напросто тяжёлые испытания, доставшиеся на долю россиянина, научили его жертвовать своими личными правами во имя существования Российского государства», – пишет И. К. Пантин [11, с. 35]. Следствием особого русского пути стала свобода межличностных отношений (подробнее: Сергеева [14, с. 154]), в России актуальна неприязнь к условностям – тонкостям этикета, градируванному статусом человека и социальными барьерами, мы более ценим искренность взаимоотношений, нежели принадлежность к какому-либо классу.

В национальной модели мира русского человека свобода, в первую очередь, есть внутренняя свобода, которая идентична свободе духа. Отечественная литература и философия, противопоставляя мирское и духовное, постулировала «свободу в Боге» и связывала её с соблюдением божественных заповедей (Н. А. Бердяев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. С. Хомяков, М. П. Погодин, К. С. Аксаков и др.). «Русский человек на протяжении своей культурной и естественной истории, – пишет С. А. Глузман, – искал не свободы, но смысла [4, с. 264]. Времена меняются, а ключевая сема «духовности свободы, её внутреннего смыслового содержания» остаётся неизменной. В современном медиатексте свобода репрезентирована как высочайшая добродетель: свобода без добра – это зло (НГ, 2012, 20 августа); нравственность – это свобода, высота свободы, ценность свободы, религия свободы, во имя веры и свободы, между свободой и вседозволенностью (здесь и далее выборка: Российская газета, Независимая газета, Комсомольская Правда, АиФ. 2010–2013).

История отечественной классической журналистики развивалась по тем же законам национального мировидения, когда именно истина способна сделать автора действительно свободным. Начиная с публицистики XVI в. (Максим Грек, митрополит Даниил, Иван Пересветов и др.), актуальный текст был ориентирован на глубокую саморефлексию, на постановку смыслопорождающих вопросов: «почему смятенна душа, а жизнь создана «кровью убогих»?; «кто мы»?; «откуда пошли?»; и «что нас ждёт в этом мире завтра?». В свободной журналистике, как в зеркале, отражается внутреннее богатство автора: его мужество, стойкость, честность, умение понимать и любить, различать добро и зло. Ежегодно наши журналисты побеждают в конкурсе на Премия Арёма Боровика «Честь. Мужество. Мастерство».

Ценностные потребности коммуникатора и мотивация подобной свободы превращают её в действие. «Свобода, как отвлечённая категория, создаёт условия для волеизъявления и практического действия», – отмечает Б. Я. Мисонжников [9, с. 99]. И в данном контексте ещё одна черта российской модели мира – русское правдоискательство – оттеняет некоторые грани интерпретации общечеловеческой категории «свобода». Поиск правды, истины и своего пути – внутренняя духовная доминанта русской национальной личности, что подтверждают многочисленные паремии: Кто за правду горой, тот истинный герой; На правду нет суда; За правду Бог и добрые люди; Не в силе Бог, а в правде; Правда – свет разума; Без правды веку не изживёшь; и т. д. Европейская манера индивидуалистической культуры «не замечать» российскому человеку непонятна, для него дело чести вмешаться и изменить ситуацию, ведь бездействие расценивается как знак трусости, равнодушия и эгоизма.

Наш человек ощущает себя странником на жизненном пути, испещрённом взлётами и падениями, дорог много, свобода выбора – ответственна и томительна, но шаг вперёд или назад сделать необходимо.

В русле идей национальной философии Мераб Мамардашвили пишет: «Отец заповедовал нам вечную жизнь и свободу. То есть обязал нас к вечной жизни и свободе. Мы

вечны, если живы, и нужно идти к тому, что в принципе нельзя знать. А на это способны только свободные существа. И само это движение есть проявление свободы» (с. 257).

В современном медиатексте ассоциативно-семантическая сеть свободы аккумулярована вокруг фрейма «свобода – это путь/ пространство, духовные усилия и выбор»: завоевания свободы, бороться за свободу, отстаивать свободу, свобода выбора, / туннель свободы, лабиринт свободы и т. д.

Тяжёлая путь-дорога испытывает не столько тело, сколько душу, которая в России существует в безграничной свободе пространства. Перед ней открываются дали, и «нет очерченного горизонта перед духовными её очами» (Н. Бердяев). Путь свободного человека – универсальный символ судьбы и самореализации, сопряжённый с неизбежными усилиями самоопределения. Не случайно свобода в информационном пространстве ассоциируется со стихией (воздух свободы, голос свободы, ветер свободы) и многоцветием чувств (горькая на вкус свобода, сладкое чувство свободы, головокружение от свободы и т. д.).

Духовно-общественное ядро конструкта «свобода», определило актуальность фрейма «свобода от...». Идеологическая модальность свободы ставит данное слово в один ассоциативный ряд с конструктами: обязанность, порядок, уважение и др. Свобода – это «возможность проявления своей воли на основе осознания законов природы и общества» (Антология, с. 37), ею нельзя злоупотреблять. Чтобы свобода волеизъявления не обернулась хаосом, необходимо её упорядочить определёнными условиями, которые позволят мыслить и действовать в соответствии со своими желаниями и правами окружающих людей. *Свобода невозможна без ограничений*, и то и другое – парное единство, необходимое взаимодополнение.

Смысловое развёртывание данного фрейма активно представлено в СМИ. В современном медиатексте свобода позиционируется как ограниченное пространство: территория свободы, свобода от греха, свобода совести, цена свободы и т. д. Законодательство и судебная практика выработали систему ограничений свободы слова. Уголовный кодекс, Закон о СМИ, Этический

кодекс журналиста утверждают необходимость уважения прав и репутации других лиц, не допускают пропаганду и агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть, вражду или превосходство. Ограничение свободы выступает необходимой гарантией нерушимости личного пространства человека, оно охраняет права и свободу желаний каждого: «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека» или «разрешено всё, что не мешает другим».

Свобода ограничена и правом собственности на ресурс, позволяющий передавать информацию. Свобода слова напрямую связана с возможностью транслировать и получать медиапродукт (подробнее см: Свобода сло.).

Ещё один фрейм концептуализированной сферы «свобода» органично вписался в национальную философию бытия российского человека, особенность темпоральной картины мира которого заключается в исключительной концентрации на будущем. Наш соотечественник живёт не столько сегодня, сколько верит в завтра, он устремлён в будущее, питая его надеждами и мечтами о благополучии. Дело в том, что свобода не является самоцелью, она – средство, вспомогательная ценность для достижения высочайших целей и благ. Свобода служит и жертвует собой на пути к идеалу, Мы ощущаем себя истинно свободными лишь в процессе достижения общих целей (А. Н. Уайтхед). Борьба за свободу слова, питаемая русским духом коллективизма, перерастает в консервативное отстаивание интересов большинства, что влечёт за собой игнорирование внимания к исключительности индивидуальных позиций.

Свобода, будучи категорией социальной, подразумевает *ответственность* перед обществом за содеянное и сказанное. «Истинная свобода заключена в сердце» (Ж. Руссо) свободного журналиста, способного выражать свои мысли и суждения независимо, но с чувством ответственности за слово. «Нет свободы без нравственной ответственности», – цитируют в заголовке Митрополита Кирилла «Аргументы и Факты» (22 августа. 2008). Когда же свобода и ответственность оказываются на разных

полюсах, естественно рождаются отрицательные коннотации, обрамляющие вербальную репрезентацию данной ситуации: свобода по расчёту, свобода как гаджет (Выборка: Российская газета, АиФ. 2012).

Но более мощный отрицательный психоэстетический фон, как правило, связан с сугубо национальным конструктом «воля». В отличие от универсальной и общефилософской свободы, *воля* окрашена в народный колорит и трудно переводима на другие языки. Лексема имеет индоевропейские корни [1, с. 34–35] и означает процесс свободного – без стеснений и ограничений – абсолютного волеизъявления, это уже не состояние, а всеобъемлющее чувство. В словаре Владимира Даля «воля» стоит в одном лексическом ряду с «властью» и «силой»: «свобода – своя воля, простор, возможность действовать по-своему, без неволи, рабства и подчинения чужой воли». Воля – категория личностная, связанная с устремлениями и потребностями конкретного человека, она противостоит общественной свободе, лексическая макроструктура концепта вбирает семы: велеть, желание, хотение, независимость, самостоятельность. Именно данные значения объективированы в пространстве современного медиатекста: политическая, последняя воля; воля к жизни; моя/его воля, народная воля, политическая воля, воля президента, воля случая (н-р: «Мисс Москва получила корону вопреки воле любимого». Комсомольская Правда. 2012. 17 июля). Воля способна быть разной по интенсивности и качеству (н-р, в медиатексте: сильная/слабая воля, негибкая, добрая воля и т. д.), но она всегда имеет исконную привлекательность для русского человека: Своя волюшка – раздолюшка; Кто живет на воле, тот спит подоле.

Воля выросла из широкой русской натуры, души пространной и свободной. Активность воли распространяется на все сферы жизни человека, от политики до личного бытия. Газеты первых лет Советской власти активно эксплуатировали данную лексему: «Вольное слово», «Вольный дискуссионный листок», «Вольная воля», «Вольная община», «Вольница». Современные издания в атмосфере не табуированной свободы слова выбирают иной тип вольницы:

«Полезны нам покой и воля – чуть табака, чуть алкоголя» (Комсомольская Правда. 2011. 16 октября).

Семантический и коннотативный ореол воли исторически обусловлен. Известно, что казачество («вольное казачье братство») возникло как результат бегства смелых и предприимчивых людей от притеснений государства на волю и свободу (подробнее см.: Сергеева [14, с. 154]). Источником освоения грандиозных пространств России было страстное желание независимости. Люди бежали за свободой в леса и степи, чтобы быть хозяевами своей жизни и земли, быть вольными как птица: «Птица не сеет, не жнёт, а вольно живёт».

Символическим релевантом воли стала неумная разрушительная стихия – разгул, когда душа разворачивается, и человек существует по своим собственным законам, когда нарушение общественных запретов и норм доставляет высшую степень наслаждения. Озверевшая кровопролитная воля permanently царствовала на Руси: смуты, Разин, Пугачёв, 1917 год и др. На пути утверждения «народной воли» нет правых и виноватых, есть всепоглощающий вихрь разрушения, «бунт бессмысленный и беспощадный», столь парадоксально-привлекательный для русского человека: «Весь мир до основанья мы разрушим...».

Воля аккумулирует желание ускользнуть от произвола власти, она демонстрирует пренебрежение к закону, антиправовой уклон русской культуры закреплён в паремиях: «До Бога высоко – до царя далеко», «Не пойман – не вор». Фрейм «воля не равна закону» питает информационное пространство современных таблоидных СМИ, свободных от нравственных табу и запретов и ориентированных на психоматериальные ценности. Текстовое развёртывание конструкта «воля» осуществляется в традиционном ментальном поле: в сфере сексуального и агрессивного инстинктов, а также атмосфере безответственности ввиду одержимости желанием своеволия.

Тем не менее, в дихотомическом сознании российского человека бунтарство

граничит с крайней формой духовной распущенности – разнузданностью и оно осуждается: Дай себе волю – найдёшь лихую долю; Волю дать – добра не видать; Дай сердцу волю, заведёт тебя в неволю; Жить на воле – умереть в чистом поле; Дай чёрту волю, живьём проглотит; Воля и добрую жену портит; Воля велика, да тюрьма крепка и др.

Свобода слова, ассоциированная с волей, как правило, связана с усилиями по привлечению внимания искушённой аудитории, с использованием технологий, активизирующих чувственную сферу человека. Техническое своеволие лишено смысла и когнитивного содержания, оно держит человеческий интеллект в заданных параметрах и не способствует трансляции истинной свободы. Если я знаю массу вариантов: чем кормить мою кошку, что и кто сегодня в тренде, как сделать волосы шелковистыми, а себя привлекательным для противоположного пола, то я ещё не обладаю свободой выбора, и свободу духа как корреляты свободы слова мне СМИ не предоставили.

«Две великие опасности грозят человеческой свободе, – писал И. Ильин, – во-первых, недооценка свободы, ведущая к легкомысленному отречению от нее; и, во-вторых, злоупотребление свободой, ведущее к разочарованию в ней и утрате её» [5, с. 371]. В лабиринтах своеволия, освобождаясь от смыслов, норм и запретов, мы становимся всё более зависимыми от нравственного беспредела и хаоса.

Чтобы русская воля обрела черты свободы, необходимо её тотальное напряжение, воля может быть одухотворена, наполнена высшим национальным смыслом, и тогда она действительно способна быть номинирована как свобода слова.

Тем не менее, одно остаётся безусловным: и свобода, и воля составляют корневые семы нашей национальной традиции, которые склонны к неоднозначному синтезу ментальной плоскости и её многогранному медиавоплощению в современных СМИ.

Список литературы

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стренина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
3. Булгаков С. Н. Христианский социализм. Споры о судьбах России. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 350 с.
4. Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетейя, 2010. 332 с.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
6. Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А. Свобода личности в массовой коммуникации / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 308 с.
7. Лисицын А. Г. Анализ концепта свобода – воля – вольность в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 259 с.
8. Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
9. Мисонжников Б. Я. Свобода СМИ: основания практического императива // Журналистика в мире политики: гуманистическое измерение: материалы секционного заседания конф. «Дни петербургской философии-2006» / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2007. 204 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
11. Пантин И. К. Национальный менталитет и история России // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 22–36.
12. Платонов О. А. Русская цивилизация. М.: Роман-газета, 1995.
13. Розанов В. В. Опавшие листья. М.: АСТ, 2001. 592 с.
14. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 6-е изд. М.: Флинта; Наука, 2008. 320 с.

References

1. Antologija konceptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Strenina. M.: Gnozis, 2007. 512 s.
2. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 346 s.
3. Bulgakov S. N. Hristianskij socializm. Spory o sud'bah Rossii. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1991. 350 s.
4. Gluzman S. A. Mental'noe prostranstvo Rossii. SPb.: Aletejja, 2010. 332 s.
5. Il'in I. A. Put' k ochevidnosti. M.: Respublika, 1993. 431 s.
6. Korkonosenko S. G., Kudrjavceva M. E., Sluckij P. A. Svoboda lichnosti v massovoj kommunikacii / pod red. S. G. Korkonosenko. SPb.: Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2010. 308 s.
7. Lisicyan A. G. Analiz koncepta svoboda – volja – vol'nost' v russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1995. 259 s.
8. Mamardashvili M. K. Moj opyt netipichen. SPb.: Azbuka, 2000. 400 s.
9. Misonzhnikov B. Ja. Svoboda SMI: osnovanija prakticheskogo imperativa // Zhurnalistika v mire po-litiki: gumanisticheskoe izmerenie: materialy sekcionnogo zasedanija konf. «Dni peterburgskoj filosofii-2006» / red.-sost. S. G. Korkonosenko. SPb., 2007. 204 s.
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka / Rossijskaja AN; Rossijskij fond kul'tury. 3-e izd., ster. M.: AZ##, 1996. 928 s.
11. Pantin I. K. Nacional'nyj mentalitet i istorija Rossii // Voprosy filosofii. 1994. № 1. S. 22–36.
12. Platonov O. A. Russkaja civilizacija. M.: Roman-gazeta, 1995.
13. Rozanov V. V. Opavshie list'ja. M.: AST, 2001. 592 s.
14. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedenija, tradicii, mental'nost'. 6-e izd. M.: Flinta; Nauka, 2008. 320 s.

Статья поступила в редакцию 14.01.2013

УДК 81'42
ББК 81.001.3

*Елена Валерьевна Парахневич,
ассистент кафедры журналистики,
Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия), e-mail: parahnevich@mail.ru*

Виртуальный дискурс журнала «Путь»: интерактивность и гипертекстуальность

В статье выдвигается гипотеза о том, что философско-религиозный дискурс журнала «Путь» (1925–1940) выступает как дискурс виртуальный, формирующий метареальность русского религиозного сознания первой половины XX века. Также устанавливаются его конститутивные признаки: интерактивность и гипертекстуальность.

Выбор в качестве объекта исследования крупнейшего религиозно-философского журнала эмиграции «первой волны» неслучаен – будучи дискуссионным изданием, в котором ни одно идеологическое направление не являлось доминирующим, «Путь» зафиксировал важнейшие особенности современной ему эпохи, в частности полифоничность мышления и многообразие точек зрения, отсутствие системности идей и мнений, усиление философской рефлексии.

На основе методологических работ исследуется природа понятий «виртуальный дискурс», «интерактивность», «гипертекстуальность» и «интертекстуальность». Анализ особенностей информационного обмена с аудиторией позволяет сделать вывод о существовании симметрии отношений автора и читателя и ярко выраженной диалогичности разных форм (имплицитной и эксплицитной), что, в целом, находит выражение в явлении интерактивности. Фрагментарность религиозно-философского дискурса и нелинейный характер текстов, возможность их прочтения с помощью ассоциативных связей в соответствии с индивидуальными потребностями каждого читателя свидетельствуют о его гипертекстуальности.

Ключевые слова: «первая волна» эмиграции, дискурс, виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность.

*Elena Valer'evna Parakhnevich,
Assistant, Department of Journalism,
Volgograd State University
(Volgograd, Russia), e-mail: parahnevich@mail.ru*

Virtual Discourse of Journal *Put'*: Interactivity and Hypertextuality

The paper is devoted to a hypothesis that philosophical and religious discourse of the journal *Put'* (1925–1940) is a virtual discourse which forms metareality of the Russian religious set of mind of the first half of the twentieth century. The article investigates its constitutive features such as interactivity and hypertextuality.

The choice of the object of the study is not accidental because the religious and philosophical journal of Russian emigration of 'the first wave' is a debatable journal where none of ideological directions is dominant. *Put'* adequately covers the most important features of the contemporary epoch such as polyphony of mentality and diversity of points of view, the lack of systematization of ideas and opinions and increasing philosophical reflection.

The paper explores the nature of the concepts 'virtual discourse', 'interactivity', 'hypertextuality' and 'intertextuality' on the basis of methodological research. Analysis of communication brings us to the conclusion that relations between authors and readers are symmetric and different dialogic forms (implicit and explicit) are externalized in the phenomenon of interactivity. Fragmentariness of the religious and philosophical discourse, nonlinear texts, and the possibility to read them through associative links in accordance with individual needs of each reader indicate its hypertextuality.

Keywords: the first wave of emigration, discourse, virtuality, interactivity, hypertextuality.

К середине 20-х годов русские эмигранты поняли утопичность своих надежд на падение советского строя и возвращение домой. Если до этого времени они жили

ностальгической надеждой однажды вновь обрести «Святую Русь», то теперь они осознали, что возвращение к прошлому невозможно. Перед ними встала непростая

задача – ассимилироваться в новой среде, сохранив при этом ценности и идеалы родной культуры. При этом, как отмечает Марк Раев, «эмигранты сознательно стремились вести русскую жизнь. Даже попав в чуждое окружение, они хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали» [18, с. 17]. Это желание в любой ситуации, даже на чужбине, оставаться русскими, в сочетании с тенденцией идеализировать прошлое и отрицать, возможно, положительные последствия революции, не могли не найти отражение в создаваемых ими текстах. Потеряв стабильность, эмигранты искали утешение в религии, ставшей для них неотъемлемой частью менталитета. Однако обращение к вере автоматически означало, что в центре повседневной жизни оказывается институт церкви, что не могло не отразиться в религиозно-философском дискурсе периодических изданий эмиграции, поскольку «смысловая энтропийность журнальных текстов не может существовать “сама по себе”, другими словами, является продуктом некоторых условий своего существования, порождением определённых о них представлений и специфических практик чтения» [12, с. 54].

Согласно научным исследованиям, «русская религиозная философия представляет собой мировоззренческую систему, самобытно интерпретирующую действительность. Её допустимо рассматривать как попытку философской систематизации и обобщения положений церковной теологии и светского мышления. В соответствии с антиномистической методологией пути такого синтеза могут быть различными, соотношения противоречий в нём изменяются, колеблются, о чём свидетельствует разнообразие конкретных философских построений, относящихся к русской религиозной философии, которые объединяет желание заглянуть в будущее и на основании этого видения обосновать средства и способы достижения социальных целей» [11, с. 82]. Любой медиадискурс, вне зависимости от содержательной направленности, подразумевает субъективное восприятие бытия: несмотря на то, что объективность является одним из главных принципов журналистики, публицист искажает фактическую реальность ещё на стадии выбора

темы и сбора материала, а анализ данных и размещение их в определённой последовательности в сопровождении собственных комментариев лишь усугубляет это искажение. Что же касается философско-религиозного дискурса, то он фиксирует *идейную* картину мира – т. е. систему *интуитивных* представлений о реальности, осмысливающую мироздание в плане взаимоотношений человека и мира или человека и бога, обобщающего религиозный опыт людей. В одной из предыдущих работ мы уже рассмотрели основные признаки, характерные для религиозно-философского дискурса «первой волны» эмиграции, в частности глубокую взаимосвязь философии и религии, ярко выраженную интертекстуальность, широкий информационный охват, смешение стилей и жанров и размытость дискурсивных границ между разными областями знания [см. подробнее: 16].

Помимо этого, мы считаем необходимым упомянуть аксиологичность философско-религиозного дискурса: его коммуникативная цель заключается в репрезентации духовных – преимущественно христианских – ценностей. А поскольку «ценностное пространство – мир абстракции, который становится осознаваемой реальностью лишь при условии его субъективного толкования, пусть и сопряжённого с соблюдением законов научной интерпретации и проиллюстрированного богатым эмпирическим материалом» [5, с. 7], анализируя дискурс журнала «Путь», нельзя не отметить, что действительность, отражённая на его страницах, сконструирована: одни образы идеализированы, другие демонизированы. События показаны сквозь призму авторских ожиданий, наполнены амбициозным стремлением доказать аудитории свою позицию, предложить свою систему ценностных координат. Потому нам представляется возможным говорить о *виртуальности* данного дискурса.

Стоит оговорить, что понятие «виртуальный дискурс» получил широкое распространение в современной науке, однако практически всегда он употребляется как синоним или «компьютерного», «цифрового» или «интернет-дискурса», т. е. текстов, распространяемых посредством электронных каналов коммуникации. Так, О. В. Лутовинова определяет его как «текст, погружённый в

ситуацию виртуального общения, ... ценностями которого являются анонимность, демократичность общения, неограниченная доступность получения информации и завязывания контактов, отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора, свобода самовыражения» [12, с. 46]. Тем не менее, в настоящем исследовании мы будем употреблять данный термин в его первоначальном значении: «пребывающий в скрытом состоянии и могущий проявиться, случиться; возможный» [19, с. 315]. *Виртуальное* в нашем понимании – это нечто, не имеющее объективного существования, где различные содержания взаимодополняют друг друга, становясь неразрывным единым целым. Тем не менее реципиент воспринимает реальность не как порождение своего собственного сознания, а как явление внешнее, пришедшее извне.

Таким образом, применимо к эмигрантскому журналу «Путь» мы рассматриваем данный термин как дефиницию, обозначающую *реальность, отличающуюся от действительного мира и оперирующую нематериальными понятиями – идеями и образами*. Согласно «Новой философской энциклопедии» под редакцией В. С. Стёпина, «виртуальная реальность – термин, характеризующий особый тип взаимодействия между разнородными объектами (располагающимися на разных иерархических уровнях), а также специфические отношения между ними – порождённости и интерактивности» [15, с. 276].

В качестве конститутивных признаков виртуальности философско-религиозного дискурса мы определяем интерактивность и гипертекстуальность.

На наш взгляд, именно интерактивность медиадискурса является его главнейшей функцией, поскольку заключается в возможности информационного обмена с реципиентом – потребителем медиаконтента, что, во-первых, даёт редакции объективные данные о реакции аудитории на каждое конкретное высказывание, а во-вторых, позволяет читателю запросить дополнительную информацию или прокомментировать авторские выступления. Таким образом, аудитория получает возможность влиять

на редакционную политику (опосредованно или непосредственно), а также адаптировать её под свои вкусы и интересы.

В дискурсе журнала «Путь» интерактивность проявляется в высокой доле *диалогичности*. Диалогичность является неотъемлемым атрибутом любого дискурса, поскольку сам факт создания текста подразумевает у него наличие адресата, определяющего движение авторской мысли. В области же философского общения, где происходит столкновение различных точек зрения, происходит актуализация данной категории. Пожалуй, главная сложность при изучении философского дискурса эмиграции заключается в происходящей деформации канонов философского творчества, когда «философский текст, прежде ассоциировавшийся с прорывом к вечным истинам, становится сиюминутным, апеллирующим к современным реалиям, происходит терминологическое опрощение и смешение стилей и жанров» [8, с. 201]. На наш взгляд, причины данного явления кроются в усилении философской рефлексии и возникшей необходимости авторов находить взаимопонимание. Во многом это обусловлено тем, что если раньше философский текст имел достаточно ограниченную, замкнутую аудиторию, то теперь он обращается к более широкому кругу читателей.

«Первая волна» эмиграции – это время расцвета философской публицистики, представляющей собой «попытку актуализации общественно значимого социально-политического или культурного феномена как повода для отражения в журналистике его содержательных характеристик, важных для осознания момента» [20, с. 56]. Главной особенностью данного периода явился исключительно высокий образовательный и культурный уровень послереволюционных эмигрантов, в частности авторов журнала «Путь», в результате чего разные культурные традиции были вынуждены вступить в непосредственный диалог. Соответственно, любой социокультурный или социополитический феномен находится на грани соприкосновения различных точек зрения, каждая из которых имеет право быть выражена в тексте. Реалии общественной и политической жизни России 1920-х годов только способствовали развитию полифоничности

мышления и многообразием точек зрения. И «Путь», являясь религиозно-философским журналом, представляет собой уникальный опыт дискуссионного издания, в котором ни одно идеологическое направление не является доминирующим.

Вслед за А. Ю. Арутюновой мы считаем уместным выделить два вида диалогичности: внутритекстовый диалог, заданный принципами построения самого текста, и диалог внетекстовый, связывающий данный текст с контекстом [1]. Стоит отметить, что адресат не пассивно воспринимает позицию автора, он равноправный субъект диалога, поскольку философские идеи не принимаются на веру, и их содержание должно быть аргументировано и доказано.

Авторы исследуемого нами медиатекста часто используют местоимения «мы» и «наш», тем самым подчёркивая общность идей и общность целей, принадлежность к одной культурной целостности, так как одна из главнейших задач журнала, обозначенная в программной статье «Духовные задачи русской эмиграции» – общение с западным духовным миром, объединение с ним во имя борьбы с силами антихристианскими: «Мы не можем дольше оставаться замкнутыми и изолированными и мы не пользуемся уже покровительством государства. Мы волею Промысла Божьего поставлены в общение с западным духовным миром» [4, с. 7]; «Общество есть некое первичное «мы», исконное единство, вне которого нет никаких «я»» [21, с. 15]; «Натуральная свобода, проявляясь в стремлении *нашем* сбросить с себя внешнее определение и принуждение, имеет в виду превратить *нашу* активность в активность *нашего я*, сделать её исходящей из *нашего* внутреннего мира» [7, с. 8]; «У каждой вещи есть отражённая в неё *нами* и ею в *нас* душа. Та, которую *мы* в эту вещь вложили» [13, с. 104].

Любой философский и религиозный текст журнала строится с учётом противоположной позиции, когда автор вынужден просчитывать все возможные реакции своих читателей и вести диалог с реальным либо вымышленным оппонентом, активно используя вопросно-ответную форму обращения, риторические восклицания и вопросы. Статьи журнала «Путь» крайне редко

оставались без адресата, как эксплицитного, так и скрытого, узнаваемого посредством аллюзий, реминисценций, цитации.

Итак, адресат мог упоминаться в тексте имплицитно. Это достигалось с помощью различных приёмов:

– вариативных повторов: «Как мы уже говорили», «Как упоминалось ранее»;

– риторических вопросов, восклицательных предложений, однако без непосредственного обращения к читателю: «Великого искусства больше нет. Почему его нет? Вернее, больше нет? Может ли оно быть? Или уже не может? Или теперь не может, в нынешней установке жизни и культуры, и почему не может?» [22, с. 38];

– подтекстовых оценочных аргументов, вынуждающих читателя согласиться с предложенной точкой зрения либо опровергнуть высказанный аргумент: «Надо ли говорить о том, какую ответственность берём мы на себя...» [6, с. 65]; «После всего вышесказанного нельзя не прийти к заключению...» [6, с. 67].

Эксплицитная диалогичность достигается путём выделения особо важной, с точки зрения автора, информации («прошу читателя обратить особое внимание»), а также призывом к совместному действию и предложением читателю составить своё мнение («и автор письма, как и многие другие, понимает...», «читатели, несомненно, видят»).

Ещё один приём, активно применяемый авторами журнала «Путь», – использование не реального, а *виртуального* оппонента («мне могут возразить те, кто...») или единомышленника («со мной согласятся те, кто»). Это позволяет не только яснее сформулировать и уточнить свою позицию, но и создать то, что исследователи называют «иммунитетом» от возможной критики [10, с. 133]. Так, С. Щербатов в уже упомянутой нами статье «Кризис искусства» перечисляет возможные аргументы противников, и затем заключает: «Таковы, в самых общих чертах, главные доводы пессимистов. Место не позволяет мне вступить в их споры с учёными, защищающими более оптимистическую точку зрения. Скажем только, что... каждый из вышеприведённых взглядов может подлежать оспариванию» [22, с. 48].

И эксплицитные, и имплицитные формы диалога имеют одну цель — изменить по-

зицию читателя в нужном для автора направлении, чтобы он смог доказать излагаемые им положения и убедить аудиторию в истинности исключительно своей позиции, а также нейтрализовать предвзятого собеседника.

Таким образом, для статей журнала «Путь» характерна «открытость», приглашение к диалогу или, если воспользоваться терминологией Е. А. Кроткова, диалоговая дискурсивная философская аргументация, когда «доводы в диалоговой стилизации обычно формулируются в виде пропозициональных установок, причём автор интерпретирует содержащиеся в них высказывания таким образом, чтобы их смысл можно было либо частично идентифицировать со своей точкой зрения, либо превратить в объект для критики» [10, с. 134].

Следующий уровень диалогичности – внетекстовый, когда автор эксплицитно или имплицитно ссылается на предыдущие дискурсы. Журнал «Путь» с первого же номера стал площадкой для жарких споров, и во многом это было связано с позицией редактора: Н. Бердяев не считал «Путь» выразителем исключительно своего мировоззрения, представляя страницы журнала всем проявлениям творческой мысли. Журнал позиционировал себя как орган всей русской религиозной мысли, поставив своей целью зафиксировать идейную мысль эмиграции во всём её многообразии.

Вообще специфика русской религиозной философии заключается в том, что она не носит характер системы – перед нами конгломерат различных идей и взглядов, она представляет собой целый комплекс воззрений (причём комплекс весьма неоднородный) на особенности российской истории, культуры и менталитета, т. е. демонстрирует не одну, а сразу несколько идей, взаимодополняющих и, главное, коррелирующих друг с другом, когда каждый текст строится как отсылка к другому тексту. Философское знание не поддаётся жёсткому структурированию и не укладывается в линейную систему восприятия. В связи с этим мы считаем возможным говорить о следующем конститутивном признаке виртуального дискурса журнала «Путь» – о его *гипертекстуальности*.

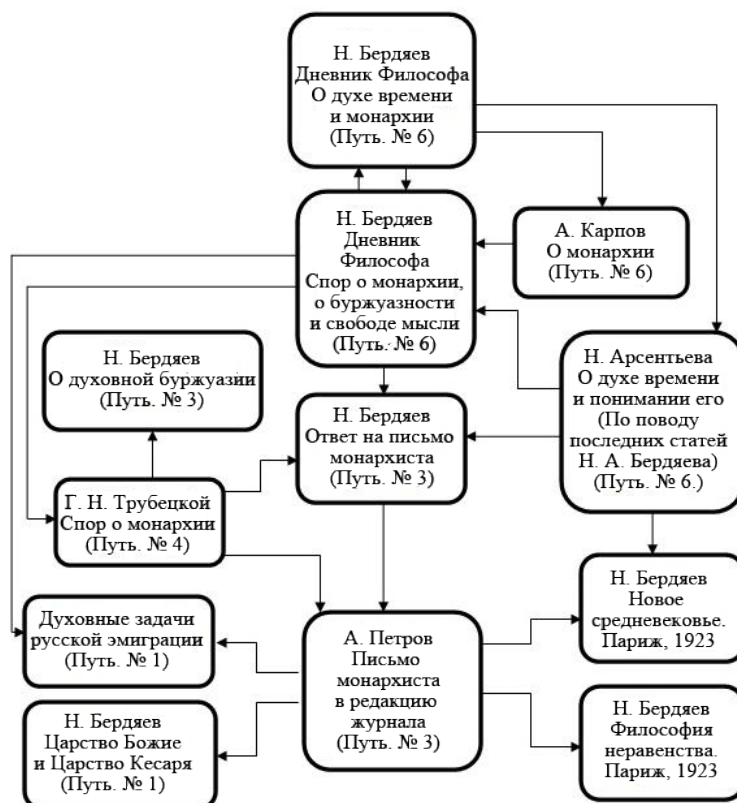
Гипертекстуальность в современной науке понимается как потенциальная возмож-

ность нелинейного прочтения текста или текстового единства, состоящего из двух или более текстов. Читатель сам моделирует текст, следуя своему порядку чтения различных его частей с помощью ассоциативных связей.

Так, А. В. Протченко утверждает, что «гипертекстуальность – это текст, расположенный вне другого текста, сочетание двух или нескольких линейных/нелинейных текстов, при этом находящихся не внутри, а во внешнем пространстве относительно друг друга» [17, с. 43]. О. В. Дедова считает, что разница между гипертекстуальностью и близким к нему понятием интертекстуальности заключается в стремлении гипертекста к экспликации имплицитно заложенного смысла, демонстрации связей, вне системы которых он не существует [3, с. 143]. Мы будем придерживаться определения гипертекстуальности, данного А. А. Калмыковым, который понимает гипертекст как «целостный текст, содержащий смыслы, раскрывающиеся при прочтении через произвольную актуализацию связей с другими текстами и с текстом социокультурной реальности в целом» [9, с. 24]. Таким образом, главное отличие понятий заключается в том, что для восприятия интертекстуальных включений читателю необходимы фоновые знания, а гипертекстуальность подразумевает явные гипертекстовые ссылки.

Итак, для возникновения эффекта гипертекстуальности необходимо, чтобы дискурс становился *дискретным*, распадался на целостные, когерентные и логически завершённые отрезки, являющиеся самостоятельными композиционными единицами – в данном случае отдельные публикации.

Журнал «Путь», несмотря на внешний линейный характер развёртывания информации, представляет собой систему перекрещивающихся *гиперссылок* как на внешние, так и на внутренние ресурсы. Каждая помещённая в нём статья связана с другими – как последующими, так и предыдущими. В качестве примера можно обратиться к так называемому «спору о монархии», развернувшегося в более чем десятке статей, опубликованных в первых номерах журнала. Графически их взаимосвязь показана на *рисунке*:

Авторы, выдвигая свои тезисы, в качестве аргументов приводят ссылки на труды предыдущих публицистов. Поскольку гипертекст предусматривает возможность выбора пути прочтения, читатель может решить, стоит ли знакомиться с вышеуказанными трудами философов или можно ограничиться их пересказом.

Как видно на рисунке 1, нельзя найти отправную точку, идейный центр, ставший началом дискуссии. Линейное чтение становится невозможным, читатель выбирает порядок следования текстов по своему усмотрению.

Примечательно и то, что в данном «споре о монархии» опубликованный хронологически последним бердяевский «Дневник философа» завершается фразой «В этом я вижу не только свою личную миссию, но и единственную достойную миссию интеллектуального, никаких интересов не отстаивающего слоя русской эмиграции, вижу и задачу нашего журнала «Путь»» [2, с. 114], тем самым редактор возвращает нас к самой первой, программной статье журнала «Духовные задачи русской эмиграции»,

презентовавшей миссию издания. Тем самым композиция замыкается, однако дискурс журнала открыт и незавершён, он может быть дополнен и «дописан» как за счёт редактирования и уточнения своих идей самими авторами, так и путём включения в данное семантическое поле новых чужих высказываний.

Гипертекстуальность позволяет сосуществовать в рамках одного дискурсивного пространства разным мнениям, полемичным и нередко взаимоисключающим друг друга. Читатель же воспринимает все фрагменты как единое целое, но обладающее множеством вариантов интерпретаций. Картина мира, представленная в журнале, становится более полной и завершённой.

В уже упомянутой программной статье, открывавшей первый номер журнала, Н. Бердяев выдвинул три задачи: поддержание связи с «Русской землёй», объединение Востока и Запада и выражение духовных и религиозных задач русской эмиграции [4, с. 3]. Следовательно, в единое пространство оказались включены самые разнообразные философские идеи, тем самым обеспечива-

ющие непрерывность и коллективность получения и распространения общечеловеческого знания. Журнал «Путь» превратился в своеобразную энциклопедию философских и духовных идей эмиграции, что повлекло за собой потребность в удобной системе поиска и навигации, которая и реализовалась в системе гиперссылок. Можно сделать вывод о том, что философский дискурс журнала «Путь» организован по принципу *иерархической связи* с разными фрагментами текста. Это предоставляет аудитории возможность множественного выбора тематического чтения на основе ассоциативных связей, в соответствии с индивидуальными потребностями каждого читателя. Коммуникативное пространство журнала расширяется: гиперссылки позволяют включать в контекст весь опыт русской религиозной и мировой философии.

Итак, мы определили, что философскому дискурсу журнала «Путь» свойственно такое явление, как *интерактивность*, подразумевающая биполярность коммуникации, симметрию отношений коммуникатора и рецепиента и находящая формальное выражение в разных формах диалогичности; а также *гипертекстуальность*, которая характеризуется глобальностью информации, условностью границ дискурса, нелинейностью и фрагментарностью, когда текст состоит из отдельных фрагментов и начать его чтение можно с любого звена, двигаясь в рамках заданных семантических векторов. Вместе они формируют эффект сопричастности аудитории и обладают огромной коммуникативной интенсивностью, формируя *виртуальность* дискурса журнала «Путь».

Список литературы

1. Арутюнова А. Ю. Диалогичность текста и категория связности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 22 с.
2. Бердяев Н. Дневник философа. О духе времени и монархии // Путь. Январь 1927. № 6. С. 110–114.
3. Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008. 284 с.
4. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. Сентябрь 1925. № 1. С. 3–8.
5. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века). Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2009. 339 с.
6. Зеньковский В. Кризис протестантизма в Германии // Путь. Январь–март 1934. № 42. С. 56–67.
7. Зеньковский В. Свобода и соборность // Путь. Апрель 1927. № 7. С. 3–22.
8. Ищенко Е. Н. Современный философский дискурс: пространство и границы // Вестник ВГУ, 2003. № 2. С. 195–209.
9. Калмыков А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. М.: Изд-во ИПК работников ТВ и РВ, 2009. 84 с.
10. Кротков Е. А. Специфика философского дискурса: логико-эпистемические заметки // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 128–135.
11. Лагунов А. А. Социально-философское определение религии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб.: Книжный дом, 2008. № 11 (62). С. 82–95.
12. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 496 с.
13. Меньшиков Я. Душа вещей // Путь. Июнь 1930, № 22. С. 104–115.
14. Млечко А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 571 с.
15. Носов Н. А. Виртуальная реальность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000–2001. Т. 1. С. 276–277.
16. Парахневич Е. В. Журнал «Путь» (1925–1940) и философский дискурс русской эмиграции «первой волны» // Вестник ВолГУ. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. С. 115–119.
17. Протченко А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путешественника: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 221 с.
18. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939 / пер. с англ. А. Ратобильской. М.: Прогресс-Академия, 1994. 295 с.

19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. Т. 1. С. 346.
20. Туманов Д. Медиаторчество: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. 177 с.
21. Франк С. Л. Религиозные основы общественности // *Путь*. Сентябрь 1925. № 1. С. 9–30.
22. Щербатов С. Кризис искусства // *Путь*. Октябрь-декабрь 1934. № 45. С. 37–56.

References

1. Arutjunova A. Ju. Dialogichnost' teksta i kategorija svjaznosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2007. 22 s.
2. Berdjaev N. Dnevnik filozofa. O duhe vremeni i monarhii // *Put'*. Janvar' 1927. № 6. S. 110–114.
3. Dedova O. V. Teorija giperteksta i gipertekstovye praktiki v Runete. M.: MAKS Press, 2008. 284 s.
4. Duhovnye zadachi russoj jemigracii // *Put'*. Sentjabr' 1925. № 1. S. 3–8.
5. Erofeeva I. V. Aksiologija mediateksta v rossijskoj kul'ture (reprezentacija cennostej v zhurnalistike nachala XXI veka). Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otd-nija Rossijskoj akad. nauk, 2009. 339 s.
6. Zen'kovskij V. Krizis protestantizma v Germanii // *Put'*. Janvar'-mart 1934. № 42. S. 56–67.
7. Zen'kovskij V. Svoboda i sobornost' // *Put'*. Aprel' 1927. № 7. S. 3–22.
8. Ishhenko E. N. Sovremennij filozofskij diskurs: prostranstvo i granicy // *Vestnik VGU*, 2003. № 2. S. 195–209.
9. Kalmykov A. A. Interaktivnaja gipertekstovaja zhurnalistika v sisteme otechestvennyh SMI. M.: Izd-vo IPK rabotnikov TV i RV, 2009. 84 s.
10. Krotkov E. A. Specifika filozofskogo diskursa: logiko-jepistemicheskie zametki // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2002. № 1. S. 128–135.
11. Lagunov A. A. Social'no-filozofskoe opredelenie religii // *Izvestija Rossijskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena*. SPb.: Knizhnyj dom, 2008. № 11 (62). S. 82–95.
12. Lutovinova O. V. Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa. Volgograd: Pe-remena, 2009. 496 s.
13. Men'shikov Ja. Dusha veshhej // *Put'*. Ijun' 1930, № 22. S. 104–115.
14. Mlechko A. V. Ot teksta k tekstu. Simvoly i mify «Sovremennyh zapisok» (1920–1940). Volgograd: Izd-vo VolGU, 2008. 571 s.
15. Nosov N. A. Virtual'naja real'nost' // *Novaja filozofskaja jenciklopedija: v 4 t. M.: Mysl'*, 2000–2001. T. 1. S. 276–277.
16. Parahnevich E. V. Zhurnal «Put'» (1925–1940) i filozofskij diskurs russoj jemigracii «pervoj volny» // *Vestnik VolGU. Ser. 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika. Vyp. 8*. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2011. S. 115–119.
17. Protchenko A. V. Tipologicheskie i funkcional'no-stilisticheskie harakteristiki anglojazыchnogo putevoditelja: dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006. 221 s.
18. Raev M. Rossija za rubezhom. Istorija kul'tury russoj jemigracii 1919–1939 / per. s angl. A. Ratobyl'skoj. M.: Progress-Akademija, 1994. 295 s.
19. Tolkovij slovar' russskogo jazyka: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. M.: Sov. jencikl.; OGIЗ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1935–1940. T. 1. S. 346.
20. Tumanov D. Mediatvorchestvo: ucheb. posobie. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2002. 177 s.
21. Frank S. L. Religioznye osnovy obshhestvennosti // *Put'*. Sentjabr' 1925. № 1. S. 9–30.
22. Shherbatov S. Krizis iskusstva // *Put'*. Oktjabr'-dekabr' 1934. № 45. S. 37–56.

Статья поступила в редакцию 17.11.2012

УДК 792.097
ББК 71

*Светлана Владимировна Плевако,
магистр журналистики, преподаватель,
Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Россия), e-mail: fil_nauka@mail.ru*

**Поэтика телесериала «Доктор Хаус» (США, 2004–2012):
нарратив, мифология, прагматика**

В статье рассматривается текстуальная составляющая современного сериала. Автор осуществляет попытку филологического прочтения текста телесериала через описание нарративных структур, системы персонажей, мифологического и прагматического уровня. Объект исследования – культовый телесериал последнего десятилетия «Доктор Хаус» (США, 2004–2012). В статье раскрывается специфика реализации детективной конвенции в сериале, исследуются приёмы создания персонажа, вскрывается глубинный мифологический подтекст «Доктора Хауса». Интерпретация внутренних смыслов сериального текста позволяет также выйти на внетекстовый уровень: предположить специфику коммуникативного взаимодействия в парадигме 'автор – зритель'. Выход на прагматику осуществляется за счёт двух ключевых факторов, обеспечивающих внимание зрителя: собственно история, реализующая нарратив медицинского расследования, строящаяся на формировании семантических лакун и создающая эффект напряжения (аналогично *suspense*-фильмам); персонаж, соответствующий современным зрительским запросам (харизма, гениальность, трикстерство и звёздность). Кроме того, сериал наполнен национальными (американскими) и кросс-культурными архетипами, интертекстуален, вписан в масскультурный контекст.

Ключевые слова: поэтика телесериала, детективный нарратив, трикстер, «Доктор Хаус», микронаррация и макронаррация, мифология сериала.

*Svetlana Vladimirovna Plevako,
Master of Journalism, Lecturer,
State Academic University for the Humanities
(Moscow, Russia), e-mail: fil_nauka@mail.ru*

Poetics in *House, M. D.* TV series (USA, 2004–2012): Narrative, Mythology, Pragmatics

The article is devoted to a textual component of modern TV series. There is an attempt of philological interpretation of television series through the analysis of narrative structures, characters, mythological and pragmatic level of the text. The empirical material is the cult television series of the last decade *House, M. D.* (USA, 2004–2012). The article reveals the specifics of detective narrative structure of the series, explores the creating techniques of a character, and discovers a deep mythological subtext of *House*. Interpretation of the inner meanings of the series text allows the author to observe extra-textual level and to describe the specificity of communicative interaction in the paradigm 'the author – the viewer'. The pragmatic level of the series is composed of two key components: the actual story implementing the narrative of medical investigation which is based on semantic gaps and effect of stress; and the character corresponding to modern viewer request (charisma, genius, a trickster and a star). In addition, the show is filled with national (U. S.) and cross-cultural archetypes, it is intertextual and inscribed in mass cultural context.

Keywords: poetics of television series, detective narrative, trickster, *House, M. D.*, micronarration and macronarration, mythology of television series.

Онтологическая сущность сериала формируется на пересечении нескольких явлений. Ключевыми и обязательными в сериале являются составляющие: театрально-драматургическая, кинематографическая, коммуникативная (медийная), экономическая. Каждая из перечисленных сфер так или иначе сказывается на структурной, содержательной, функциональной, прагматической, технологической сторонах телесериала.

Язык телесериала – это собственно общение коммуникации, результирующий уровень всего сериального дискурса, текстовая составляющая, в которой находят воплощение все глубинные слои (коды). Языковой уровень сериала не тождественен эстетическому коду. Эстетический код в сериале обслуживает прагматику и появляется по мере его востребованности (при наличии у зрителя эстетических потребностей). Актуальность эстетического кода связана с

современной тенденцией: подобно тому, как искусство инкорпорируется в коммерческие проекты, сериал инкорпорируется в искусство. Эстетический дискурс в тексте сериала функционален, обеспечивает рост популярности того или иного сериала, обуславливает фактор зрительской привязанности.

Мы полагаем, что в сериале реализуется несколько чётко артикулированных посланий:

1) явное – первая семиологическая система (смоделированная история, её содержание);

2) неявное – вторая семиотическая система (система социальных конструктов, ценностей, идеологий, репрезентируемая посредством первого послания);

3) маскируемое, являющееся целью коммуникации – побуждение, содержащееся в сообщении сериала и направленное на управление поведением зрителя ('я хочу, чтобы ты находился у телевизора каждый раз, когда я показываю сериал').

Для реализации цели сообщения, а также для воплощения всех глубинных уровней телесериала коммуникатором используется совокупность средств: повседневность, точность, событийная структура (нарратив) телесериала, серийность, персонаж. Успешность сериала тесно связана с реализацией его специфичного («сериального») потенциала на различных уровнях организации. Сериал продуцирует ментальную модель, способную вызвать любопытство, интерес и другие явления, способствующие включённости зрителя в парадигму сериала, удержание зрителя. Чтобы выяснить, как реализуется сериальный потенциал, как работают указанные факторы, произведём анализ сериала «Доктор Хаус» на различных уровнях организации: нарративном, ценностно-идеологическом (мифологическом), дискурсивно-прагматическом.

Нарративная структура сериала «Доктор Хаус»

Микронарративный уровень. Сериал «Доктор Хаус» по структурным и жанровым признакам относится к числу микронарративов: деление целого дискурса на части (серии) происходит на основе самостоятельных историй, сюжетов, раскрываемых в рамках каждой отдельной серии. Серийный сюжет развивается в соответствии с конвенциями детектива.

Детективный нарратив получил широкое освещение в современных гуманитарных исследованиях (литературоведение, лингвистика, теория кино и т. д. – А. З. Вулис, Р. Мессак, Я. К. Маркулана, Дж. Скэгз, Ц. Тодорова и др.). Ключевое жанрообразующее свойство детектива – особый тип построения сюжета: расследование сложной, запутанной тайны, связанной с преступлением, заканчивающееся разоблачением и наказанием преступника. В основе детективного текста лежит константная последовательность событий: совершается преступление, проводится его расследование, и, наконец, преступника обнаруживают и подвергают наказанию в соответствии с существующими в данном обществе законами, нормами.

В сериале «Доктор Хаус» традиционная детективная схема реализуется в нестандартном тематическом пространстве (медицина). Сериал состоит из отдельных произведений, каждое из которых содержит собственную историю. Микронарратив строится в русле традиционного конвенционального кино. Дискурс каждой из серий развивается в соответствии с формулой: предыстория → коллизия (болезнь) → поиск решения (диагноза) → трудности и препятствия на пути правильного решения → кульминация (опасность, вероятность смерти) → инсайтовое обнаружение «ключа» → счастливый финал (верный диагноз, излечение).

Предыстория содержит повествование о событиях, предшествовавших обнаружению симптомов и проявлению болезни. Основное противоречие, лежащее в основе развития анализируемого нарратива, вскрывается в момент обнаружения (называния) симптомов болезни. Основная коллизия: на протяжении серии доктор Хаус и его команда проделывают попытки определить болезнь, вызывающую эти симптомы; попытка поставить правильный диагноз формирует основные перипетии сюжета. Как правило, в течение серии, по мере развития заболевания, больному ставится то один, то другой диагноз, каждый из диагнозов соответствует фактам и симптомам, но в результате оказывается ошибочным. Периодически делаются попытки начать лечение, однако в результате данное лечение либо не даёт никаких результатов, либо приводит к ухудшению состояния пациента. Формируется напряжение, сюжетно, как правило, выраженное недоверием пациента и его родственников к лечению и диагнозу.

зам. В кульминационной ситуации напряжения происходит неожиданное, инсайтовое (случайное, навеянное другими историями) обнаружение «ключа» к разгадке болезни. В конце серии ставится верный диагноз.

Основное противоречие, лежащее в основе нарративной динамики – отсутствие информации об источнике болезни и обстоятельствах, предшествовавших болезни (например, любовном романе на стороне, венерическом заболевании, употреблении алкоголя или наркотиков, работе, вызвавшей болезнь, и др.). Каждая история развивается вокруг некоего неизвестного, поиск которого ведёт к развязке – благополучному излечению. Моделирование неизвестного происходит путём формирования запретного пространства. Достижение искомого возможно только при условии нарушения запрета (ср. семантику и функцию запрета в сказочном дискурсе [6]). Один из сюжетных ходов, использующийся во многих сериях, – незаконный обыск в жилище пациента для получения дополнительной информации о пациенте и его окружении. Хаусовская формула «Все лгут!» также «работает» на формирование сюжета расследования: недоверие к показаниям, необходимость сбора достоверных улик. Поиск разгадки осуществляется в несколько этапов: обнаружение новых данных позволяет предположить диагноз и попробовать лечение. Однако в продолжение серии, как мы уже отмечали, герои могут неоднократно ошибаться. Поиск осуществляется путём мозгового штурма, дискуссий, сбора сведений и анализов. Ключевой, инсайтовый этап в нахождении ответа в большинстве случаев – прерогатива самого Хауса. Подчеркнутая гениальность героя реализуется в его способности считывать информацию, дешифровать, видеть знаки в неинформативном для других материале. Кульминационный момент серии осложнен очередным семиотическим препятствием: нежеланием родственников пациента или самого пациента продолжать диагностику и лечение. Преодоление препятствия осуществляется путем философско-психоаналитической беседы либо обмана.

Как мы видим, телесериал заимствует детективную конвенцию, классическую детективную сюжетную формулу. В сериале имеются аллюзии на «Приключения Шерлока Холмса»: на персонажном уровне (рифмуются фамилии Хаус – Холмс, Уилсон – Уотсон (Ватсон)); персонаж подчеркнута экс-

траординарен и харизматичен; на уровне хронотопа: Шерлок Холмс жил в доме номер 221-В, доктор Хаус живёт в доме номер 221, в квартире «В», улица – Baker Street и т. д.

Следует отметить, что, сохраняя глубинную основу, медицинская тематика подвергает трансформации детективную сюжетную канву. В сериале тематическая составляющая вплетена в глубинную нарративную структуру: заболевание (тема) становится заболеванием-нарративом. Причём под воздействием жанровых конвенций детектива и *ноггог-фильма* происходит формирование повествовательной матрицы: 'случилось нечто странное – необходимо определить, что случилось (поставить диагноз) – диагноз поставлен'. Контаминация медицинской и детективной онтологической структуры формирует специфичный жанр медицинского расследования.

Макронарративный уровень сериала. Общая повествовательная канва сериала (макроуровень) строится на совокупности синтаксических констант, которые обеспечивают единство и связность дискурса, с одной стороны, и на переменных – с другой. Развитие макронарратива отличается от стандартных сюжетных ходов. Общая сюжетная канва, связанная со взаимоотношениями героев, событиями из их личной жизни, является основой для реализации серийных сюжетов. В прагматическом русле данная канва обеспечивает длительность сериала и возможность его постоянно варьировать, множить, разрабатывать сценарий новых сезонов и серий.

Макронарратив сериала «Доктор Хаус» не обладает предзаданностью, предсказуемостью. Напротив, события, происходящие на общем повествовательном уровне, непредсказуемы и неожиданны, формируются в соответствии с концепцией нового сезона. Так, например, третий сезон посвящён набору новых сотрудников в клинику, восьмой сезон помещает Хауса в тюрьму и ставит перед необходимостью пройти ряд внешних испытаний, прежде чем вернуться к врачебной деятельности. Устойчивая событийная канва развивается в рамках эпизодов. Макронарратив представляет собой совокупность констант, обеспечивающих внутреннее единство сериала. Кодифицированная константная система представлена следующими компонентами: персонажи, функции, тема, доминанта микронарративов. Развитие макронарратива происходит за счёт динамики внутри систе-

мы: трансформация функции персонажей, изменение состава, смена отношений между персонажами. Повествовательная линия не обладает изначальной заданностью и цельностью (это сериал открытого типа). Изменения происходят в каждом новом сезоне, для создания новых условий и развития серийных нарративов. Макронарратив служит открытой системой, потенциалом для варьирования, продуцирования, порождения новых систем. Макронарратив позволяет создавать противоречия (дисгармонию), которые требуют решения, продлевая тем самым жизнь сериалу, обновляя стандартную сюжетную схему.

Трансформации изначальных констант и состояний происходят не на основе предзаданных потенциалов и лакун, но образуются неожиданно, в процессе создания сериала. Логика развития макронарративного уровня не только и не столько определяется внутренней повествовательной структурой, сколько обусловлена внешними, прагматическими целями и установками.

Персонажный дискурс сериала: семантика и функционирование

При попытках объяснить успех сериала «Доктор Хаус» оригинальное сращение медицинской тематики и детективного нарратива явно уступает другой, более универсальной, как считают критики, причине – харизматичности героя.

Центральный персонаж сериала. В сериале «Доктор Хаус» формируется целостный образ героя, который раскрывается постепенно по ходу сериала. Совокупность ключевых черт и качеств героя, которые находят реализацию на нарративном уровне, обеспечивают «работу» нарративных схем и в то же время создают уникальное концептуальное целое на уровне персонажа:

- гениальность – способность находить решение (ставить диагноз) в самых сложных и необъяснимых врачебных ситуациях;
- нарушение норм и установленных порядков, нежелание выполнять рутинную работу;
- боль, физический недостаток (хромота), постоянное употребление наркотикосодержащего обезболивающего;
- фанатичное отношение к делу, азарт в поиске болезни;
- цинизм, грубость, жёсткий юмор.

В герое эксплицируется культурный архетип трикстера. За данным архетипом в исследовательских практиках закрепилось

двойное понимание. Трикстер (в юнгианском понимании) – обратная сторона Самости, вариант Тени. При таком подходе Трикстер понимается как обратная сторона Культурного героя и существует как вторичное начало только в соотношении с Героем. Иное понимание трикстера предлагает М. Липовецкий, ссылаясь на ряд исследователей, моделирующих относительно устойчивую риторическую конструкцию, повторяющуюся в литературах и культурах различных эпох, применительно к так называемым «креативным идиотам» (выражение Л. Хайда), объединяющим в себе свойства таких, на первый взгляд, далёких друг от друга персонажей, как «жестокий клоун» и «культурный герой», чья «подрывная деятельность» парадоксальным образом обладает и «культуростроительным» эффектом» [3]. Фольклорная модель трикстера породила целый ряд литературных и культурных типов, таких как плут, пикаро, шут, клоун, самозванец и т.п. Все они отличаются и друг от друга, и от их общего первоисточника – трикстера как мифологического героя, однако всех их объединяет некий «общий знаменатель»: набор черт, в той или иной степени восходящих к мифологическому трикстеру. Суммируя современные исследования о трикстерах, можно выделить важнейшие характеристики этого культурного архетипа:

1) *амбивалентность и функция медиатора;*

2) *лиминальность* («Лиминальные персонажи всегда ни тут ни там: они обитают в промежутке между позициями, определёнными и предписанными законом, обычаем, условностями или ритуальным порядком» (Turner Victor. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Цит. по [3]). «Тернер связывает лиминальность с антиструктурными ритуалами – «ритуалами переворачивания статуса, а также практиками, возникающими внутри движений, в которых доминирующая роль принадлежит структурным аутсайдерам». Эти антиструктуры (яркий пример – бахтинский карнавал), погружающие в состояние лиминальности, всегда тем не менее сбалансированы в культуре ритуалами, утверждающими социальный порядок и стратификацию. Трикстер же – и как мифологический персонаж, и как культурный архетип – не формирует отдельной культурной среды, но и ничем не сбалансирован – скорее, этот персонаж внедряет антиструктурные элементы в социальный

и культурный порядок, выявляя, а иногда и создавая лиминальные зоны *внутри* иерархий и стратификаций. Его принцип не инверсия, а деконструкция – иначе говоря, подрыв структуры путём обнажения и обыгрывания ее внутренних противоречий, размывание оппозиций не извне» [3];

3) Трикстер трансформирует плутовство и трансгрессии в *художественный жест* – особого рода перформанс, в котором прагматика трюка редуцирована, а на первый план выдвигается художественный эффект; 4) *связь с сакральным контекстом*. Трансгрессия (по концепции Ж. Батая и М. Фуко) – нарушение границ и переворачивание социальных и культурных норм – важнейший метод трикстера. В этом акте воссоздается – пускай и через нарушение – концепция такого важнейшего означающего сакрального, как табу. Трансгрессия не служит разрушению сакральных оснований социальных и культурных норм (эти основания уже разрушены), а, напротив, парадоксальным образом *производит сакральное* [3].

Герой телесериала «Доктор Хаус» создан по классической схеме: представляет собой ценностный центр сериала, является смысловым целым, личностью (характером), носителем совокупности свойств и качеств, которые раскрываются по ходу сериала. Персонаж Хауса обладает значимой для его мира инициативой, способностью преодолевать препятствия, непреодолимые для других. Это отличает героя Хауса от персонажей других сериалов, где распространён принцип сращения персонажа с одной какой-либо функцией, либо совокупностью функций (амплуа, персонажи-функции). Совокупность концептов, образующих глубинную смысловую структуру персонажа, сопоставима с культурным архетипом трикстера. Образ Хауса раскрывается через концепт гениальности, цинизма, неприятия норм, концепт физического уродства.

Гениальность Хауса. Трикстерская сущность Хауса проявляется на уровне его поведения, качеств, отличительных свойств: на протяжении всего сериала последовательно реализуется идея гениальности. Гениальность Хауса аналогична гениальности Холмса: мир для него более информативен, чем для окружающих; он видит знаки там, где для других ничего нет. Раскрытие идеи гениальности в каждом конкретном эпизоде происходит путём игры со смысловыми лакунами: зрителю, как и коллегам

Хауса, не представляется информации о мире, которой владеет главный герой. Ввиду отсутствия необходимых смыслов, поведение героя выглядит абсурдно, нелепо и разрушительно по отношению к пациентам. Хаус пробует самые рискованные методы диагностики и лечения, он готов на крайние меры ради достижения цели (разоблачить неизвестную болезнь). Когда цель достигнута и диагноз становится очевидным, действия Хауса, в свете новых данных о ситуации, обретают положительные коннотации. Хаус часто при диагностировании ошибается, ставит неверный диагноз. Но ошибки подчёркивают его гениальность: ошибки на пути к победе – необходимое условие, которое также по-своему является гарантом благополучного исхода. Переворачивание устоявшихся норм и порядков превращает процесс диагностики в интеллектуальную игру в исполнении Хауса. Поиск решения всегда происходит через «мозговые штурмы». Итогом интеллектуальной игры становится восстановление изначальной гармонии мира, которое не всегда равно излечению, – речь идёт о наличии некоей высшей справедливости, которая по ходу серии разрушается и заново восстанавливается.

Деконструкция нормы. «Подрывная» деятельность Хауса как трикстера, направленная на деконструкцию структур, представлена в сериале на нескольких уровнях. Хаус не любит выполнять рутинную работу и идёт на различные сделки, игры и пари с начальством с целью избежать очередного дежурства. В поле интересов героя попадают только самые сложные, самые неразрешимые случаи, требующие интеллектуальной работы, азарта, борьбы. Всякое столкновение с рутинным, обязательным порождает взрыв хаусовского баловства и остроумия: он шутит с «рутинными» пациентами, разыгрывает их, обманывает или говорит неуместную и неприглядную правду – все варианты поведения направлены на преодоление нормы, разрушение устоявшихся стереотипов, традиций.

На протяжении сериала типичным микронарративным сюжетам, связанным с поиском диагноза, сопутствуют отдельные мелкие истории, не представляющие интереса для Хауса, любящего сложные и нерешаемые задачи. Пациенты с очевидными диагнозами и связанные с ними сюжетные ходы выполняют вторичную, дополнительную функцию: как компоненты основного

нарратива дают толчок к разрешению главного конфликта. Медицинские истории, происходящие параллельно с основной, дают необходимую Хаусу информацию о мире, позволяющую подобрать ключ к решению загадки-болезни. Получение информации о болезни происходит путём считывания знаков с окружающей действительности (ситуация декодирования). Созидательная деструкция, реализованная через шутство, случается, например, в сериях, где Хаус имеет дело с симулянтами, которых он проучивает, подменяя лекарства, давая абсурдные советы и т. д. В некоторых сериях параллельные сюжеты позволяют вскрыть глубинный метафизический уровень сериала. Так, например, проблема жизни и смерти актуализируется в первой серии второго сезона: Хаус активно включается в диагностику заболевания человека, приговорённого к смертной казни, и оставляет без внимания пациентку, имеющую неоперабельную форму рака. Второстепенные сюжеты в «Докторе Хаусе» не обладают нарративной или смысловой самостоятельностью и выполняют вспомогательные функции в развитии основного сюжета и в раскрытии трикстерской сущности героя.

Нежелание Хауса включаться в рутинную работу, лечить и диагностировать пациентов с очевидными диагнозами становится причиной трансгрессии: нарушение концептуального пространства, отведённого персонажу-доктору; разрушение норм, установленных медицинской этикой, представлением о должном поведении доктора в той или иной ситуации. Аналогичный принцип реализуется и, например, при выборе Хаусом сотрудников отделения. Хаус становится демиургом-шутником, который при формировании штата своего отделения выходит за пределы необходимых норм и критериев и помимо профессионализма в каждом из сотрудников отмечает какую-то специфичную и не значимую для врачебной практики деталь: Форман имеет преступный опыт, Кэмерон чрезвычайно красива. Выход за пределы нормативного концептуального пространства обретает свойство художественного жеста.

Цинизм Хауса. Отношения Хауса с пациентами зачастую имеют циничную форму. Он жестоко и грубо шутит, часто говорит слишком прямо страшную правду, не выражает сострадания и вообще предпочитает не общаться напрямую с пациентами. Однако цинизм Хауса имеет двойное дно: за внешней

грубостью часто скрывается глубокий взгляд на вещи; за опрокидыванием ценностей скрывается трепетное отношение к ним. Цинизм как культурный феномен объясняется категорией «цинического разума», разработанного П. Слотердайком в книге «Критика цинического разума». По мнению Слотердайка, циническое сознание является, с одной стороны, проявлением разочарования в практических и политических эффектах Просвещения, а с другой – результатом приспособления к изменчивой репрессивности модерности. Цинизм предлагает современному субъекту стратегию псевдосоциализации, позволяющую примирить бессознательное и суперэго посредством разложения субъективности на неустойчивые и в равной мере аутентичные или фальшивые социальные маски (или персоны), через постоянную смену которых и реализует себя цинический субъект. Модерный цинизм воплощается, прежде всего, в тотальной театрализации социального пространства: «...стирается повседневно-онтологическая граница между игрой и серьёзным делом... ликвидируется безопасная дистанция между фантазией и действительностью, становится зыбко-неопределённым соотношение между серьёзным и блефом» [7, с. 522]. Обратной стороной театрализации выступает социальная культура недоверия – ожидание обмана, готовность к плутовству и восхищение трикстером.

В образе Хауса циничность, концентрацией которой становится афоризм пилотной серии «Все лгут!», имеет обратную сторону, выражает обратные смыслы. Хаус ближе всего подходит к «киническому разуму», нежели к циническому. По отношению к киническому типу мировоззрения применимо высказывание «Его оружие не столько анализ, сколько смех» [7, с. 181]. Эта принципиальная весёлость киника (и трикстера тоже) вытекает из особой цельности кинической позиции: «преодолевая цинический разрыв между целями и средствами, киник снимает и шизофреническую расщеплённость цинического сознания и вместо смены социальных масок предлагает метаморфозу, артистическую текучесть и подвижность субъекта, в равной мере затрагивающую его/её интеллект, эмоции и тело. Бесстыдство в данном контексте означает отказ от моральных запретов, окружающих телесную жизнь, не только уравнивание телесного в правах с интеллектуальным, но и необходимое воплощение «высших»

движений в телесных практиках» [3]. Таким образом, цинизм Хауса – это, скорее, игра в цинизм, цель которой – развенчивать бесполезные привычки и стереотипы, опрокидывать скучную действительность.

Моделирование внешности: уродство Хауса. Хромота, костыль и боль Хауса также работают на формирование целостной концепции персонажа. Герой сериала постоянно хромотает и ходит с костылём, страдает от постоянных болей. Для того чтобы заглушить боль, он принимает обезболивающее, содержащее наркотик. Данная деталь в дискурсе сериала выполняет несколько конструктивных функций:

1) хромота Хауса формирует одну из семантических лакун, требующую последующего раскрытия и раскрывающуюся в целый нарративный пассаж в двадцать первой серии первого сезона. Эта серия выполнена на высоком эстетическом уровне, с выходом за пределы традиционного современного пространства, свойственного сериалу, с постмодернистской множимостью сущностей и проигрыванием альтернативных семиотических реальностей;

2) актуальна символическая амбивалентность (порочность персонажа при его спасательной функции, не идеальность). Здесь деталь также работает на воссоздание архетипической модели: гротескная телесность – одна из типичных черт трикстера, подчёркивающая его негероичность (в классическом смысле героя), наличие изъяна. И этот изъян становится источником метаморфоз: порождений и преобразований. Собственная неполноценность Хауса позволяет ему преодолевать препятствия на пути лечения других (это знак сопричастности и доверия);

3) боль Хауса и его пристрастие к наркотическим обезболивающим обеспечивают потенциал для нескольких самостоятельных нарративов (например, «Двадцать викиноков», 1 серия 8-го сезона).

Таким образом, трикстерская функция Хауса реализуется в его гениальности, псевдоцинизме, юморе, противостоянии рутине. Герой через отрицание и пренебрежение табу и запретами осуществляет созидательный акт. При этом спасение (излечение) нивелировано, сведено к интеллектуальной игре, где пациент становится вещью, объектом. Сакральное заключается в победе, преодолении того страшного и ужасного, что заявляет о себе в виде необъяснимых и странных симптомов.

Мифологическая и прагматическая доминанты сериала «Доктор Хаус»

Ценностно-идеологический и мифологический подтекст сериала формируется из совокупности архетипов, стереотипов и мифологем.

Миф о спасении мира. Перманентно каждая серийная история представляет собой реализацию апокалипсического сюжета в американском варианте. Герои не просто борются с болезнью и не просто пытаются её угадать, они выполняют вселенски значимую задачу спасения рушащегося мира (ретрансляция мотива сверхгероя и сверхзадачи). Сюжет каждой такой (типичной) серии отличается событийной насыщенностью, высокой интенсивностью, напряжением. Кульминация серии так или иначе затрагивает «глубокие» вопросы, связанные со смыслом происходящего, с вопросами жизни и смерти или же (что чаще) наполненные психоаналитическими беседами, раскрывающими настоящее через травмы и комплексы. Формирование динамики фильма и напряжения осуществляется характерными для голливудской кинематографии приемами: спецэффекты, музыкальное сопровождение, частота монтажных склеек, крупный план (актуальна игра мимикой – страх, ужас на лице), чередование ложных развязок (расслабления) и вновь открывшихся трудностей на пути спасения мира. Динамичные истории болезни и борьбы за диагноз органически сочетаются с неспешным сериальным миром. На пути к победе герои впадают в рассуждения о собственных комплексах и воззрениях на жизнь.

Миф о болезни. Развитие сериального дискурса «Доктора Хауса» в каждой из серий происходит вокруг болезни. Болезнь как проблема и основа сюжета, с одной стороны, обусловлена особенностями современного мировоззренческого состояния и медиадискурса в целом. С другой – болезнь является новым, оригинальным вариантом некоторых традиционных сериальных феноменов. Болезнь – одна из самых актуальных тем и средств моделирования медиареальности (коррелирует сенсационных новостей). В сериале аккумулируется один из главных медийных мифов современности – миф болезни. Интерес современности к телесному, по мнению учёных, обусловлен грядущей утратой телесного как ценного в связи с интенсивной виртуализацией

бытия [8]. Аномалии, связанные с телесным существованием, – одно из распространённых средств моделирования медийной реальности: сибирская язва, птичий и свиной грипп – ежегодные информационные проекции болезненности как мифа в действительность. Болезнь становится не только (и не столько) темой, сколько страхом и травмой эпохи. Сериал «Доктор Хаус» аккумулирует эпохальный миф, ставя болезнь в разряд катастрофы и опасности (типичный конфликт голливудского формульного кино), с другой стороны – преступления и загадки (конвенция детектива).

Телесное представлено в сериале как субстанция, скрывающая в себе неизвестное. Это неизвестное обязательно – тёмное и ужасное (конвенция horror-фильма). В отношении к телесности усматривается психоаналитический подтекст: тело обретает статус необъяснимого и неуправляемого бессознательного, которое скапливает в себе информацию о нарушении запретов и табу, о травмах и событиях прошлого.

Этот тёмный информативный пласт заявляет о себе через болезнь. Болезнь отождествляется с врагом и катастрофой и ставится в ряд с монстрами, кинг-конгами и прочими порождениями болезненного национального сознания, сублимированного в голливудских фильмах. Болезнь разрушает тело изнутри, превращая его в неприглядную разлагающуюся материю. Интерес американской кинематографии к медицинской теме аккумулирует один из современных страхов (характерный, прежде всего для американской культуры) – страх уродства и разложения плоти. Американская культура направлена на интенсивное культивирование телесного идеала (пластические операции, средства похудения, озабоченность фитнесом и прочими механизмами противостояния смерти и разрушению). Тело оказывается субстанцией, содержащей в себе потенциал к разрешению, скрывающей страшное, непредвиденное и всеразрушающее начало. У внешне привлекательной оболочки мира обнаруживается уродливое второе дно. Таким образом, болезнь дешифруется создателями сериала экзистенциально: как первооснова мира, как конвенциональный дремлющий монстр, ждущий повода для того, чтобы выйти наружу (ср., например, концепция болезни у А. Камю: чума – это прорвавшаяся из заточения сущность земли и мира [2]). Таким об-

разом, лейтмотивная миссия главного героя сериала – обнаружить, обличить неизвестное. Тенденциозно, что первично для Хауса не «найти», а «прочитать», «перевести» симптом (как перманентный знак сокрытого неизвестного) на понятный язык. Для реализации перевода с языка телесно-болезненного на врачебный Хаус строит матрицы возможных болезней. Потенциальные диагнозы прописываются (Хаус настойчиво только за собой оставляет такое право). Оказавшись в тюрьме (первая серия восьмого сезона), Хаус так же берётся за поиск диагноза заболевшего заключённого. Он выменивает ручку и начинает строить привычную матрицу на стене: дешифровать. Данная деталь реализует принцип постмодернистского понимания тела (тотального превращения действительности в текст): «Что же это за тело? Ведь у нас их несколько; прежде всего, это тело, с которым имеют дело анатомы и физиологи, – тело, исследуемое и описываемое наукой; такое тело есть не что иное, как текст, каким он предстаёт взору грамматиков, критиков, комментаторов, филологов (это фено-текст)» (Р. Барт) [4].

Мифология дела и успеха. Персонажи сериала «Доктор Хаус» демонстрируют типичное для американской культуры отношение к труду и делу. США, в национальной мифологической традиции, это мир, где труд преобладает над природой, мир искусственно сотворённый, а не естественно выросший из природы. В США население не народ (в понятии «народённость»), а съезд, собирательность иммигрантов: здесь преобладает самостоятельность индивидов, а не единство. Исследователи наблюдают, что «культуры и миропонимания различаются тем, как они понимают происхождение мира и всего в нём. Порождены они Природой или сотворены Трудом? В Соединённых Штатах ответ на этот вопрос будет однозначным: процесс сотворения происходил под знаком Труда. Высадился Self-made man, самодельный человек, и построил себе self-made world, самодельный мир» [1, с. 21]. Труд, дело в Америке сакрализуются, наделяются метафизическими коннотациями, это «...не мрак работы, но вечный праздник деяния, без чего не мыслит себя здесь человек существования, так что безработица – казнь американцу (евразиец заполнит время ленью, умозрением, любовной игрой, пересудами и проч.)» [1, с. 194].

Особое место в американской Психее занимает именно работа: иметь работу и преуспевать в ней – один из главных стимулов и мотивов в семиозисе описываемого существования. Сериал «Доктор Хаус» строится вокруг дела. Концепция дела, выраженная архетипически, предполагает профессионализм, ответственность, полную самоотдачу делу. Команда Хауса универсальна: на высоко профессиональном уровне они проводят диагностику, делают операции, делают анализы. Дело Хауса, его отношение к нему становится универсалией всего сериала, не поддающейся трансформациям – это онтологическая смысловая доминанта данного дискурса. Угроза потери дела приносит трагические коннотации, создает специфическую коллизию (восьмой сезон): герой реализует себя в деле, все остальные коллизии вторичны. Данный анализируемый архетип – культурная универсалия, которая лежит в основе ценностной составляющей сериала, не поддается амбивалентным дефинициям и представлена как данность.

Прагматическая доминанта сериала «Доктор Хаус». Мы рассмотрели внутренние особенности построения различных уровней сериала. Внешняя сторона – это, прежде всего, потенциальный диалог со зрителем, отношение к зрителю. Внутренняя структура сериала работает на формирование интереса зрителя. Выход на уровень прагматики осуществляется за счёт двух ключевых факторов, обеспечивающих внимание зрителя:

1) собственно история, реализующая нарратив медицинского расследования,

строющаяся на формировании семантических лакун и создающая эффект напряжения (аналогично suspense-фильмам). Зритель в каждой серии проживает один и тот же сюжет, заранее предвидя этапы его развития и финал, и эта константа (строющаяся к тому же на национальном архетипе героя) – гарант популярности сериала в американской среде зрителей. Один и тот же нарратив из серии к серии позволяет заново и заново проживать архетипический сюжет достижения успеха;

2) ставка на персонаж (гениальность, харизматичность, аутсайдерство и др.). Успех персонажа обусловлен, на наш взгляд, корреляцией между внутренними качествами и свойствами героя и спросом публики. Суггестивный эффект в сериале достигается обращением к архетипам и стереотипам. Моделирование образа главного героя в сериале происходит с использованием механизмов создания звезды. Здесь актуален и выход за пределы сериала (контаминация героя и актера, подогревание интереса к жизни актера и т. д.), и внутренние принципы создания образа. В частности, удачным является задействованный архетип. Трикстер – универсальный, популярный во многих современных культурах и в кросскультурном пространстве персонаж.

Популярность анализируемого сериала в Америке, на наш взгляд, имеет ещё одну значимую причину: сериал как медийный продукт тесно вписан в культурный контекст, полон аллюзий и цитат, он интертекстуален. В фильме часто цитируются популярные книги, фильмы и телесериалы.

Список литературы

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. М.: Раритет, 1997. 680 с.
2. Камю А. Чума. М.: АСТ, 2005. 256 с.
3. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // НЛО. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (дата обращения: 04.05.2012).
4. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
5. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. 358 с.
6. Пропп В. Морфология сказки. М.: Лабиринт, 2006. 152 с.
7. Слотердаjk П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 584 с.
8. Тело свободы / Г. Л. Тульчинский // Эпштейн М. Н. Философия тела. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.

References

1. Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira. Amerika v sravnennii s Rossiej i slavianstvom. M.: Raritet, 1997. 680 s.
2. Kamju A. Chuma. M.: AST, 2005. 256 s.
3. Lipoveckij M. Triksster i «zakrytoe» obshhestvo // NLO. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (data obrashhenija: 04.05.2012).
4. Postmodernizm. Jenciklopedija. Minsk: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. 1040 s.
5. Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij / N. D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoj, 2008. 358 s.
6. Propp V. Morfologija skazki. M.: Labirint, 2006. 152 s.
7. Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma / per. s nem. A. V. Perceva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'-skogo un-ta, 2001. 584 s.
8. Telo svobody / G. L. Tul'chinskij // Jepshtejn M. N. Filosofija tela. SPb.: Aletejja, 2006. 432 s.

Статья поступила в редакцию 13.08.2012

УДК 070.482
ББК И602.53

Елена Владимировна Пономарёва,
доктор филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
(Челябинск, Россия), e-mail: ponomareva_elen@mail.ru

Татьяна Фёдоровна Семьян,
доктор филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
(Челябинск, Россия), e-mail: tatyana_semyan@mail.ru

Медиапроект «Сноб» в современном информационном пространстве

В статье охарактеризован известный современный мультимедийный проект «Сноб», деятельность которого представляет актуальные тенденции современного информационного пространства; описана стратегия сайта «Сноб», его интерактивные возможности. Проект «Сноб» активизирует взаимодействие с читателем всеми возможными способами и подаёт информацию не только визуально, но и аудиально. Специальное внимание уделяется анализу журнала «Сноб», ориентированного на создание и сохранение гуманитарной среды в современном обществе. Значимым моментом исследования является анализ визуальной составляющей креативной концепции сайта и журнала «Сноб», визуальный облик которых демонстрирует стратегическую переменную вектора современной культуры от вербального к визуальному, от слова к яркому иконическому образу. Внешний облик интернет-страницы сайта «Сноб» и пространство страницы одноимённого журнала очень сегментированы, содержат много разделов, подразделов и отсылок, что отражает клиповую модель современного типа сознания. В современном информационном пространстве оформились определённые модели, визуальный облик которых напрямую связан с ментальностью эпохи.

Ключевые слова: медиапроект, сайт, журнал, интерактивность, визуальность, иконический образ.

Elena Vladimirovna Ponomareva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
South Ural State University (National Research University)
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: ponomareva_elen@mail.ru

Tatyana Fedorovna Sem'yan,
Doctor of Philology, Associate Professor,
South Ural State University (National Research University)
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: tatyana_semyan@mail.ru

Media Project *Snob* in Modern Information Environment

The paper describes a famous multimedia project *Snob* whose work represents the current trends of modern information space, describes the strategy of *Snob* website, its interactive capabilities. The *Snob* project intensifies interaction with the reader in every possible way and provides information not only visually, but also verbally. Special attention is paid to the analysis of the magazine *Snob* based on the creation and preservation of humanitarian environment in today's society. A significant aspect of research is the analysis of the visual component in creative concept of *Snob* magazine, which shows the visual appearance of strategic variable vector of contemporary culture from verbal to visual, from the word to the bright iconic image. The external appearance of *Snob* web page and space of the magazine pages is much segmented and contains a lot of sections, subsections and references, reflecting the model of modern video clip type of consciousness. In today's information space a certain model is crystallized, the visual appearance of which is directly connected with the mentality of the era.

Keywords: mediaproject, website, magazine, interactivity, visuality, iconic image.

В современном медиaprостранстве проект «Сноб» представляет собой уникальное явление современной культуры, выражаю-

щее актуальные тенденции информационного поля. Проект имеет международный охват деятельности, но ориентирован, пре-

жде всего, на русскоязычную аудиторию, проживающую не только в России, но и по всему миру. Проект основан в 2008 году, включает в себя ежедневные материалы и активные дискуссии на сайте, а также бумажную и электронную версии журнала и клубы «Сноб» в Москве, Лондоне и Нью-Йорке. Членами клуба «Сноб» являются такие медийные персоны, как Владимир Сорокин, Григорий Чхартишвили (Борис Акунин), Илья Лагутенко, Игорь Вдовин, главный редактор российского Vogue Алена Долецкая, художник Андрей Бартенев, режиссеры Павел Лунгин и Кирилл Серебренников и многие другие.

Проект «Сноб» декларирует, что его целевая аудитория – это большая социальная группа высокоуспешных профессионалов, это интеллектуалы, которые зарабатывают своими профессиональными знаниями и креативными способностями. Это люди самых разных профессий: бизнесмены, писатели, банкиры, режиссёры, художники, учёные, музыканты, артисты, политики. Их объединяет профессиональный успех, образованность, либерализм взглядов. Одна из характерных черт этих людей заключается в их географической независимости. Они много путешествуют, ездят по миру, часто работают не только в России, но и в Соединённых Штатах, Европе.

Деятельность проекта активна и многоаспектна. Участники проекта получают возможность посещать все мероприятия: лекции, вечеринки, дегустации, дискуссии, премьеры выставок, генеральные репетиции, а также пользоваться всеми возможностями сайта Snob.ru: вести собственный блог, участвовать в дискуссиях, задавать вопросы в открытых интервью, общаться с другими участниками.

Создатели проекта хотят уйти от устаревшей модели СМИ, где в отличие от блогов право голоса имеют только журналисты. Члены клуба – это представители целевой аудитории, которые участвуют в создании контента проекта. В этом смысле редакция проекта работает, создавая возможность для участников проекта выразить свои взгляды и идеи. В отличие от обычной редакции на сайте «Сноба» каждому члену клуба предоставлено множество жанровых возможностей, медийных способов донести любую информацию до всего мира.

Сайт «Сноб» имеет очень разветвлённую тематику разделов и размещает материалы о культурной, политической, научной жизни общества, информирует об актуальных событиях, в частности о музыкальных премиях года, например, о главном событии в английской музыкальной индустрии – вручении наград Brit Awards.

Внешний облик интернет-страницы сайта «Сноб» очень сегментирован, содержит много разделов, подразделов и ссылок, имеет выход во все основные социальные сети: Facebook, Twitter, LinkedIn, ВКонтакте; разработано приложение для iPad. Таким образом, информация сайта активна и интерактивна. Например, можно проголосовать за понравившийся материал: по просьбам посетителей сайта создали внутреннюю систему рейтинга, под каждым материалом можно найти большую красную кнопку «Поддержать».

Все части проекта «Сноб» взаимосвязаны и интегрированы. На странице проекта в социальных сетях размещены основные новости проекта «Сноб», ссылка на свежий номер журнала, ведутся активные дискуссии.

Стратегия проекта «Сноб» отличается активностью в работе с аудиторией. Формы взаимодействия с аудиторией различны: например, сайт «Сноб» предлагает прямую трансляцию самой известной научно-популярной конференции TED, которая организована в Москве с 26 февраля по 1 марта 2013 года. TED – это частный некоммерческий американский фонд, который ежегодно проводит конференции в Лонг-Бич. Именно на конференциях TED Стив Джобс показал свой первый Macintosh. Большинство лекций TED выкладываются на официальный сайт. Их можно увидеть бесплатно на необходимом языке: в рамках TED более восьми тысяч волонтеров по всему миру переводят выступления на десятки языков.

«Сноб» был первым изданием в России, начавшим публиковать русские переводы лекций TED. В этом году конференция состоит из более чем 70 выступлений, разбитых на 12 сессий по различным тематикам: наука, искусство, дизайн, политика, культура, бизнес, глобальные проблемы, технологии, развлечения. В списке выступающих – знаменитые предприниматели, писатели,

учёные, музыканты, политические деятели и нобелевские лауреаты, в том числе и российские.

Интерактивные материалы представлены и в разделе блогов, в том числе таких известных персон, как Андрей Макаревич и Григорий Чхартишвили, в рубрике «Реплика дня» участники проекта могут оставить свои мнения и комментарии по взволновавшей их теме: в последних обновлениях наибольшее количество реплик получила тема, связанная с падением метеорита в Челябинске.

В постоянно обновляющейся и пополняющейся рубрике «Только что» также можно прочитать реплики по самым разным актуальным проблемам. Каждая реплика датирована и снабжена активной ссылкой. Участница проекта российская актриса Дина Корзун 19 февраля 2013 года в 15.38 разместила приглашение на выставку детского рисунка «Видимо-невидимо». Это сообщение носит рекламный характер (указано, где и когда будет проходить мероприятие) и снабжено комментариями об идее выставки, характеристикой участников, в том числе содержит иллюстративный материал – рисунки детей.

В проекте «Сноб» так же, как и в других современных средствах массовой информации, активизирована визуальная составляющая контента. Философы и культурологи высказывают мнение, что визуальная реальность, автоматизмы визуального восприятия в повседневной жизни предстают как культурный конструкт, подлежащий раскодировке и интерпретации. Сегодня представляется возможным вывод о существовании определённых визуальных стандартов, зависящих от общего менталитета эпохи, психоэмоционального состояния общества. Современные технологии развивают визуальные способы воздействия на человека, многие сферы общественной жизни и культуры имеют акцентированные, визуально яркие особенности воплощения. Это касается рекламы, спецэффектов кинематографической продукции, дизайна интернет-сайтов, видеоигр и пр. Стратегии не только глянцевого журналов (ELLE, VOGUE и других), но и общественно-политических, таких как «Русский репортёр», направлены на визуальное активное взаимодействие с читателем.

Первым «манком» для читателя является обложка. Запоминающийся визуальный знак представляли собой обложки журналов XIX–XX века, известных советских «толстых» журналов, которые чаще всего были монохромными: по скромной голубоватой обложке с синим шрифтом узнаётся легендарный журнал «Новый мир», по зеленоватой с красной надписью – журнал «Знамя». Современные журналы предпочитают размещать на обложке фото–медийные лица, известного актёра или спортсмена. Такое визуальное решение, очевидно, связано с ролью, которую в современном обществе играют персоны, являющиеся эталоном и культурным мериллом для определённой части социума.

Визуальный облик средств массовой информации формируют не только иконические формы в виде изображений, но и возможности полиграфического компонента, в частности шрифт и его расположение на воспринимаемом пространстве.

Безусловно, особое значение для журнальной части проекта «Сноб» имеет искусство полиграфии. Журнал «Сноб» активно использует приём шрифтовой акциденции, прежде всего, в заглавиях рассказов, играя разновидностями декоративных шрифтов, цветом, размещая белый шрифт на чёрном сплошном фоне и так далее. Очевидно, что слова, выделенные шрифтом, имеют особое композиционное значение и являются средством художественной и эмоциональной выразительности. Любое изменение шрифта – это сознательное преодоление нормы, отступление, выразительное именно по отношению к ней, на фоне «обычного» шрифта; это форма отстранения слова на фоне графически нейтрального контекста. Визуальный облик журнала «Сноб» формируется в соединении таких же внешних характеристик, какие определяют визуальные особенности любого текста, в том числе и художественного, это – шрифтовая акциденция, расположение текстового материала на пространстве страницы, рисунки, фото, иллюстрации, т. е. интеграция вербального и иконического компонентов.

Именно журнал поясняет необычное, в известном смысле с негативной коннотацией название «Сноб». Название проекта поясняется в эпиграфе, размещённом на обложке журнала, где заглавие вписано в

текст эпиграфа и является частью текста. Это цитата из книги английского писателя XIX века Уильяма Теккерея «Книга снобов, написанная одним из них»: «Никто не может быть уверен в том, что он не сноб. Такая высокомерная уверенность сама по себе – уже снобизм». Создатели и руководители проекта считают, что современный интеллект должен обладать таким качеством, как самоирония, которая прочитывается и в названии книги Теккерея, и в приведённой цитате.

Литературная ориентированность «Сноба», манифестированная в эпиграфе, продолжена контентом журнала проекта.

Журнал «Сноб» является частью мультимедийного проекта и ориентирован на культурно просвещённого читателя, гуманитария, для которого чтение всё ещё сохраняет приоритетные позиции. Основными жанрами журнала «Сноб» являются репортажи, интервью, авторские фотоистории, эссе, рассказы. С журналом сотрудничают ведущие писатели современности – Владимир Сорокин, Людмила Петрушевская, Борис Акунин, Александр Кабаков, Ольга Славникова, Захар Прилепин, Александр Иличевский, Андрей Геласимов и многие другие.

Значение визуальной составляющей в креативной концепции журнала «Сноб» манифестируется уже в необычном заглавии, где первая буква развёрнута по оси на 180 градусов, а после заглавия в нарушение пунктуационных норм поставлена точка. Журнал также имеет свой логотип, что популярно в современных масс-медиа, это также развёрнутая на 180 градусов буква **С** с точкой.

Каждый выпуск журнала «Сноб» тематизирован: и вербальный, и иллюстративный материалы посвящены определённой истории, выпуски имеют название, например, за июль 2011 – «Всё о Еве». Поэтому логично рассматривать каждый номер журнала как единый текст, целостное физическое пространство, компоненты которого эстетически и идейно связаны, репрезентируют общий замысел и для воспринимающего представляют единое символическое пространство, подобно тому, как это происходит при чтении художественного произведения, иллюстрации в котором стимулируют воображение читателя.

В концепции журнала «Сноб» заявлено, что журнал иллюстрированный. Действительно, иллюстративная, невербальная составляющая в визуальном облике журнала акцентирована за счёт большого количества фотографий, рисунков, а также рекламных вставок.

Проект «Сноб» активизирует взаимодействие с читателем всеми возможными способами и подаёт информацию не только визуально, но и аудиально. На сайте проекта www.snob.ru можно послушать аудиозаписи музыки («Вальс цветов» П. Чайковского), впечатление от которой описывает на одной из последних страниц номера за декабрь 2012 – январь 2013 режиссёр Андрей Кончаловский, рядом с описанием дана ссылка на сайт. Такая интерактивность значительно расширяет как поле влияния проекта «Сноб», так и культурное поле читателей.

Интерактивность в общении с читателем выражается в таком прикладном элементе, как закладка, которая вложена в журнал «Сноб». На ней размещены адреса сайта проекта, адрес интернет-страницы, где можно узнать подробности об участии в проекте «Сноб», а также логотип.

Перформативные качества журнала явлены в фотогалереях, или иначе фотоновеллах, талантливо представленных в каждом выпуске: в начале номера авторы опубликованных рассказов визуально, фотографически представлены таким образом, чтобы иллюстрировать общую тему. В номере за декабрь 2010 – январь 2011, который назывался «Снежный номер: всё о моём отце», на разворотах рядом с фотографиями авторов выпуска размещены фотографии их отцов. Это придаёт изданию неповторимую атмосферу, в данном случае атмосферу теплоты семейного уюта, доверительности, преемственности поколений. Фотографии оживляют опубликованные истории о попытке примирения с отцом, возобновлении отношений, попытке прощения, в этих историях много мудрости и доброты, человечности, они также своего рода психологическая поддержка для читателя, которому эта тема близка либо биографически, либо эмоционально. Тема отцов и детей, как известно, восходит к самым древним мифам и в современном мире получила статус архетипической. Фотографии

непосредственных участников историй, описанных в рассказах и эссе, впускают читателя в мир глубоко интимных переживаний, в сокровенные семейные тайны, не просто позволяя быть наблюдателем и судьёй, но, заставляя через сопереживание (а это невозможно не делать, посмотрев в глаза людям на фото), понять проблемы собственной жизни.

В «Литературном номере: Рождественская песня» (декабрь 2012 – январь 2013) проделан эксклюзивный эксперимент: фотографии авторов материалов помещены в рамки эпохи Чарльза Диккенса. Выяснилось, что Диккенс ассоциируется у большинства авторов номера с детскими годами. Создатели выпуска задались вопросом, как бы смотрелись юные лица известных современных писателей (Ильдар Абузяров, Юрий Мамлеев, Эдуард Лимонов и другие) в викторианскую эпоху. Детские фотографии в рамках размещены в окружении стилизованных под эпоху XIX века драгоценностей, часов, шкатулок и прочих предметов роскоши и интерьера, которым в то же время сделана реклама, так как названы фирмы изготовители и прочие реквизиты.

Начитанный читатель должен знать, что номер назван по одноимённой сказочной повести Чарльза Диккенса «Рождественская песня в прозе». Это история-притча о перерождении скряги и человеконенавист-

ника Скруджа, в которой писатель с помощью фантастических образов святочных Духов показывает своему герою единственный путь к спасению – делать добро людям. В 2009 году режиссёр Роберт Земекис снял по этой сказке мультфильм, чем ещё более связал восприятие произведения с темой детства. Таким образом, на разворотах журнала «Сноб» предложена история детства, рассказанная с помощью различных средств, вербальных и иллюстративных. Эта концептуальная двойственность подачи информации генерирует эстетическое единство проекта. Визуальное оформление журнала воплощает одну из ключевых идейных позиций журнала «Сноб», направленную на воспитание и поддержание культурного вектора современного общества. Главный редактор журнала Сергей Николаевич во вступительной статье мечтает, что «Сноб», может быть, подвигнет кого-то заново перечитать давно забытые романы.

В современном информационном пространстве оформились определённые модели, визуальный облик которых напрямую связан с ментальностью эпохи. Визуальное воплощение проекта «Сноб» отражает клиповую модель современного типа сознания, демонстрирует состояние человека в быстроизменяющемся информационном пространстве, и в то же время формирует культурную среду общества.

Статья поступила в редакцию 21.02.2013

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ VOCATIONAL EDUCATION

УДК а811.161.1 а378
ББК 81.2Рус + 74.58

Алла Александровна Акишина,
кандидат филологических наук, профессор,
Академия труда и социальных отношений
(Москва, Россия), e-mail: reception@atiso.ru

Анатолий Викторович Тряпельников,
кандидат педагогических наук, доцент,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия), e-mail: tryapelnikov@yandex.ru

Медиа-образ русского языка в учебных пособиях по РКИ на основе ресурсов интернета (цифровые педагогические технологии)

Быстрый прогресс в развитии компьютерных технических средств, компьютерных сетей и телекоммуникаций открывает всё новые возможности в области использования информационных компьютерных технологий в сфере обучения русскому языку как иностранному. Медиаобраз русского языка во многом формируется здесь посредством новых инновационных инструментов представления и обработки информации. Современные технологии преподавания РКИ должны успевать за техническим прогрессом и использовать новые предоставляемые возможности. В статье рассматриваются методологические проблемы интеграции современных информационных и телекоммуникационных технологий в обучение РКИ, связанные с необходимостью учёта особенностей существования и функционирования информации в её цифровом представлении на глобальном пространстве Интернета. Авторами выявляются признаки динамики понятийных новообразований в такой цепочке языковых явлений, как текст – гипертекст – кибертекст, обусловленной динамикой технологического развития ИКТ. Подчёркивается особая значимость опоры в современных методических исследованиях по применению информационных технологий в обучении языку на технологические основания в их техническом, историческом и поступательном развитии. Это оказывается важным при определении методологических предпосылок к использованию инновационных технологий в учебном процессе. В статье отмечается, что текст (гипертекст), перемещаемый в киберпространство, теряет свои привычные «окончательные», завершённые качества, превращаясь в «оцифрованное, готовое к распространению, не стеснённое формой содержание», то есть – контент. И наоборот, контент, будучи извлечённым из цифрового представления, используется для целей обучения как текст в своей единичной, целостной и статической форме. Авторами в статье выдвигаются следующие утверждения, методологические предпосылки: 1. Сегодня в фокусе внимания методистов-исследователей должно быть цифровое, информационное направление развития компьютерной лингводидактики («кибер-направление»). 2. Вопросы семиотики текста при условии обращения к цифровому контенту при отборе информации для обучения РКИ должны занимать приоритетное место в современных методических исследованиях. 3. Живое участие преподавателя является необходимым и определяющим началом в генерации смыслов и образов, которые он извлекает из отбираемого контента и представляет обучаемому посредством текста. 4. Наконец, профессиональное мастерство, необходимые (всё новые и новые в добавление к имеющимся) компетенции могут помочь преподавателю использовать в своей профессиональной деятельности современные цифровые средства обучения. Из этих утверждений исходят авторы, делая свой посильный вклад в формирование образа русского языка в медиапространстве РКИ, при разработке (в составе творческого коллектива) современных учебных пособий нового поколения, представляемых в статье.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, инновационные педагогические технологии, интернет, киберпространство, текст, гипертекст, кибертекст, цифровой формат обучения, компьютерная лингводидактика, медиаобраз русского языка.

*Alla Aleksandrovna Akishina,
Candidate of Philology, Professor,
Academy of Labor and Social Affairs
(Moscow, Russia), e-mail: reception@atiso.ru*

*Anatoliy Viktorovich Tryapel'nikov,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia), e-mail: tryapelnikov@yandex.ru*

Media Image of Russian in Textbooks of Russian as a Foreign Language on the Basis of the Internet Resources (Digital Pedagogical Technologies)

Rapid progress in the development of computer hardware, computer networks and telecommunications opens new possibilities in the field of information and computer technologies in teaching Russian as a foreign language (RFL). Media image of the Russian language is largely shaped by new innovative tools for submission and processing of information. Modern technology of teaching RFL should keep pace with technological developments and the use of the new opportunities provided. The article considers the methodological problems of integration of modern information and communication technologies in teaching RFL related to the need to consider the features of the existence and functioning of information in its digital representation in the global Internet space. The authors revealed signs of conceptual dynamics of neoplasms in such a chain of linguistic phenomena as text – hypertext – cyber-text due to the dynamics of ICT development. The paper emphasizes importance of support in modern methodological studies on the application of information technology in language learning for technological foundation in the technical, historical and progressive development. This is important in determining the methodological premises to the use of innovative technologies in the educational process. The article notes that the text (hypertext) moves into cyberspace and loses its usual “final”, completed quality, becoming a “digitized, ready for distribution, not constrained by the content of the form”, i. e. the content. Conversely, the content being extracted from the digital representation is used for training purposes as a text in its single, coherent and static form. The authors of the article put forward the following statements, methodological assumptions: 1. Today supervisors and researchers must focus on digital and information direction of computer didactics (“cyber-direction”); 2. Questions on text semiotics in case of access to the digital content in the selection of information to train RFL should be a priority in modern methodological studies; 3. Teacher’s lively participation is necessary, it is a determining principle in generating meanings and images that he draws from the sampled content and represents to the student through the text; 4. Finally, professional skills required (more and more in addition to the existing) competence can help teachers to use digital learning tools in their professional activity. The authors concentrate on these statements making a contribution to the image of the Russian language in media space and modern teaching aids represented in the article (as part of a creative team).

Keyword: Russian as a foreign language, innovative educational technologies, the Internet, cyberspace, text, hypertext, cybertext, digital learning, computer linguodidactics, media image of the Russian language.

Сегодня в компьютерной лингводидактике в центре внимания оказываются цифровые технологии обучения языку. Понятие инновационных педагогических технологий, отвечающих требованиям модернизации обучения, неразрывно связывается в наше время с информационными цифровыми технологиями. Термин «технология» сегодня является ключевым в современных педагогических исследованиях и методических разработках.

Должное внимание в направлениях поиска в компьютерной лингводидактике, по

мнению авторов, необходимо уделять такому направлению, как цифровое, (кибер-инфо) информационное, связанное с особенностями природы и использования информации в цифровом формате при обучении языку, накопленной и размещаемой, функционирующей в виртуальной (цифровой, идеальной) среде, в киберпространстве.

О необходимости и важности исследований в этом направлении в теории и практике обучения РКИ в методической литературе есть многочисленные свидетельства. Например, Н. Н. Битюцкая пишет: «Необхо-

димо уметь ориентироваться в потоке цифровой информации, отсеивать заведомо избыточную, ненужную, быстро обрабатывать найденную информацию и встраивать её в новую технологию. Это, несомненно, требует дополнительной подготовки преподавателя, однако оптимизирует и делает более результативным процесс обучения. Эти умения незаменимы при подготовке к занятиям по практике устной и письменной речи со студентами-лингвистами, где предусмотрено освоение лексического материала и развитие умений всех видов речевой деятельности по различной тематике» [1].

Заметим здесь, что в состав необходимых компетенций преподавателя необходимо входит компетенция семиотическая, что всё более становится очевидным в случае обращения преподавателя за материалом для занятий в информационное пространство Интернета.

Информационный (цифровой) формат связан с цифровым представлением информации. В отличие от электронного он более представляет собственно информацию, которая, будучи перенесённой на цифровые материальные носители, свободно циркулирует в компьютерных коммуникационных сетях и способна размещаться, обрабатываться и извлекаться для использования в глобальном киберпространстве. Здесь это уже идеальная материя, то есть – непосредственно информация.

В этой связи важно рассматривать и осознавать такие явления и понятия, как информация в цифровом представлении, цифровая революция, информационное поле, кибернетическая среда, кибернетическое пространство (киберпространство) и др. – относительно сферы обучения РКИ.

Киберинфотехнологии, которые привлекаются сегодня в сферу образования, непосредственно определяют особенности накопления и функционирования информации в киберпространстве, а также особенности её отбора из этой среды в целях обучения языку.

Отбор информации из Интернета связан с природой семиотического представления цифровой информации в Интернете. Каким образом, в каком методологическом направлении киберинфотехнологии могут определять инновации в методике препода-

вания РКИ, можно представить себе, если принять во внимание, что общим основанием для методологического развития, на наш взгляд, следует выбрать технологические основания в их техническом, историческом и поступательном развитии.

Здесь будет уместным заметить, что сами мысли и чувства человека, возможно, не так сильно связаны с развитием технологий, которые делают возможным их передачу во вне, скорее – с языком. Но литература, то есть книги как способ фиксации и передачи мыслей и чувств – это явление в своём исходе технологическое.

Для себя мы определяем, что мысли и чувства человека (образы) и возможность их вывода из поля сознания посредством отображения, фиксации в тексте определяются технологиями, которыми располагает то или иное историческое время. Так, в понятном отношении связываются такие явления текста: тушь и кисть → свиток; печатный станок → книга; компьютер и инфокоммуникационные технологии → гипертекст, и далее кибертекст. Таким образом, текст, гипертекст и кибертекст – это, в первую очередь, явления технологические.

Исследование гипертекста с особенностями его нелинейного построения в работах лингвистов, методистов и специалистов в области информационных технологий занимают сегодня своё должное место (А. Н. Баранов, С. Н. Водолад, О. В. Воронина, Л. В. Дементьева, Е. А. Иванова, Е. В. Казначеева, О. В. Константинова, Е. Л. Круглая, А. В. Лория, Л. Г. Ованесбеков, В. Г. Овчинников, Р. К. Потапова, И. П. Севбо, А. Ю. Соколова, М. М. Субботин, В. Л. Эпштейн, M. Guido, G. Landow и др.).

Понятие гипертекста с 1992 года, когда появился Интернет, в предложенной концепции Т. Нельсона – соединения всего со всем через гипертекст, было осознано и понято в полной мере с точки зрения инфотехнологических особенностей. Гипертекст стали определять как новую, современную форму технологии коммуникации, возможной в Интернете.

Существуют исследования методистов по использованию гипертекста как средства обучения языку. Обнаруживается, что понимание природы гипертекста вскрывает отсутствие продуманных и апробированных

методик его применения в обучении [3]. И это сегодня проблема и тема для исследований.

«Гипертекст» – это текстовое образование с нелинейным содержанием. Идея интертекстуальности, взаимоприсутствия нескольких текстов в одном – это уже идея кибертекста.

Понимание идеи кибертекста необходимо связывается с представлениями о киберпространстве. Здесь следует заметить, что одним из назначений языка является обеспечение информационного речедеятельностного обмена в среде социальных коммуникаций. Одним из назначений киберпространства является обеспечение информационного обмена в той же среде всеобщих социальных коммуникаций, которые осуществляются, например, на информационном поле Интернета. То есть, киберпространство – это и зона присутствия языка, рассыпанного в текстовых фрагментах на пространстве Интернета.

Ю. В. Рождественский писал о важности семиотических исследований в науке о языке. Говорил о привлекательности идеи широкого применения лингвистического метода в таких исследованиях, о возможности эффективного применения лингвистического метода к изучению не только языка, но и других языкоподобных явлений («например, флажный семафор, телеграфный код и т. д.» [7]). В киберпространстве к знаковым системам можно отнести, например: формат, кодировку, шифр, все свойственные цифровой среде средства выражения и способы представления информации. Киберпространство несомненно проявляется как такое новое языкоподобное явление.

Интернет и цифровые технологии предоставляют инструменты для работы с фрагментами информации.

В истории новых медиа фрагментацией (fragmentation) сегодня называют дробление информационных файлов на некоторое количество небольших частей. Цифровые технологии позволяют оперировать частями этих файлов и создавать из них бесконечное разнообразие новых медиафайлов. Всё это непосредственно относится к нашему новому представлению о тексте (кибер-тексте). Текст, перемещаемый в киберпространство, теряет физические качества «единичности, целостности и статичности»,

превращаясь в «оцифрованное, готовое к распространению, не стеснённое формой содержание», то есть – контент [2]. И уже ничто не мешает его физическому взаимодействию с коммуникантом во всех своих частях (фрагментах) и с каждой из них в отдельности.

Появляется новизна в обращении с текстом. В киберпространстве «любая часть этого контента-содержания с лёгкостью вычленяется и используется отдельно либо, наоборот, выступает вмещателем для привнесённого содержания». И само представление текста легко принимается и вычленяется из контента как в его письменной форме, так и в аудиовизуальной записи.

Ниже мы приводим примеры из учебных пособий, в которых реализуем изложенные выше представления: каким образом и в каком методологическом направлении могут определяться подходы в методике преподавания РКИ с использованием киберинфотехнологий. Так, в списке литературы приводятся ссылки на открытые источники в Интернете с представлением наших материалов [6; 9]. Об этих пособиях несколько слов. Можно начать с приглашения к обучению: приглашаем изучать русский язык на основе интересных текстов по истории, русской культуре и искусству, предлагаемых в нашем пособии. При работе с данным комплектом медиафайлов (МФ) учебного пособия по развитию русской речи и страноведению на занятиях можно будет читать, писать, слушать и говорить о музыке и композиторах, о театральных постановках и концертах. Все эти темы требуют знаний определённых тематических групп слов и словосочетаний, некоторых типизированных видов текста, что и представляет часть содержания обучения языку с использованием этих материалов.

Безусловно, знакомство с культурой страны изучаемого языка нераздельно связано с её историей. В пособие включены МФ с материалами из истории России XIX века.

Возможности ММ расширяют границы получения информации: помимо печатного текста, выведенного на экран, его можно прослушать, увидеть содержание в виде картины, почувствовать настроение увиденного, слушая музыку или просматривая фильм.

Рис. 1. Титульный экран комплекта медиафайлов

Обучение предполагает широкое использование учащимися Интернета, с этой целью даются задания с прямой отсылкой в Интернет. Подключение Интернета в учебный процесс расширяет горизонты познания, делая их безграничными.

Да, образовательные технологии всё более продвинуто и всё более всеохватывающе попадают под купол глобальных информационных технологий. Цифровое, (кибер-)информационное направление развития компьютерной лингводидактики, связанное с необходимостью учёта особенностей природы и использования информации в цифровом формате при обучении языку, становится всё более актуальным. Вопросы семиотики текста, в широком понимании этого слова, при обращении к цифровому контенту содержания обучения сейчас в фокусе внимания методистов-исследователей [4; 8]. Необходимое живое участие коммуниканта в раскодировании информации, циркулирующей в цифровом коде контента, является определяющим началом, генерирующим смыслы и порождающим из извлекаемого оригинальные образы. Настоящее киберпространство будит воображение, а «не повторяет мир» [5].

Наконец, профессиональное мастерство (компетенции) преподавателя и его уме-

ние адекватно извлекаемому из контента смыслу (высекаемому образу) придать им ту необходимую фиксацию (в единичной, целостной и статической форме), которая и является в тексте, представляет семиотику текста и содержательно будет определять действия обучаемого – вооружает преподавателя средством обучения.

Собственно, из этого мы исходим в разработке наших учебно-методических материалов. В результате осуществляется работа по формированию образа русского языка, который все мы собираем сегодня в медиaprостранстве РКИ.

В заключение скажем, сейчас мы переживаем языковой кризис, вызванный переходом в эпоху информатизации и глобализации всей общественной жизни. Это справедливо и по отношению к сфере РКИ. Ю. В. Рождественский пишет: «Если рассматривать историю языка, то видно, что основой разрешения кризиса всегда являлось введение новой формы существования языка при сохранении всех предшествующих достижений, включении их внутрь нового целого ... если предположить, что это есть закон развития языка, то неудача всех попыток объясняется пренебрежением этим законом» [6]. Если отвечать требованиям определяемого Ю. В. Рождественским

закона о развитии языка, то нужно искать формы развития методической мысли и практической работы, не пренебрегая этим законом.

Перспективы развития наших представлений о кибер-инфо технологиях в обучении РКИ без пренебрежения законом о развитии языка, таким образом, существуют.

Список литературы

1. Битюцкая Н. Н. Использование интернет-технологий на занятиях по иностранному языку при подготовке студентов-лингвистов в вузе. URL: <http://www.info-alt.ru/2010-11-12-12-11-56> (дата обращения: 1.01.2013).
2. Будник Р. Контент в киберпространстве. URL: <http://www.rbis.su/article.php?article=650> (дата обращения: 1.01.2013).
3. Куликова И. В. Учебный гипертекст как средство обучения построению высказывания. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-uchebnyy-gipertekst-kak-sredstvo-obucheniya-postroeniyu-vyskazyvaniya> (дата обращения: 1.01.2013).
4. Куроленко Е. М. Семиотика художественно-педагогической деятельности. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1738.htm> (дата обращения: 1.01.2013).
5. Майкл Хайм. Метафизика виртуальной реальности. От наивного реализма к ирреализму. URL: http://www.old.kspu.ru/ffec/philos/chrest/g12/hiem_m.html (дата обращения: 1.01.2013).
6. Музыка. Русские композиторы XIX века. URL: http://www.atmos-edu.ru/MEDIA/muz_demo/html%205/_start/start.html (дата обращения: 1.01.2013).
7. Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996.
8. Русь, Россия, русский язык. История IX-XX вв. URL: <http://www.edu-author-ru.1gb.ru/ru/node/17> (дата обращения: 1.01.2013).
9. Суханова А. А. Структура технологии семиотической интерпретации учебных текстов в условиях экспериментального обучения в СПО. URL: http://www.sibac.info/files/2011_03_30_Pedagogika/Suhanova.doc (дата обращения: 1.01.2013).

References

1. Bitjuckaja N. N. Ispol'zovanie internet-tehnologij na zanjatijah po inostrannomu jazyku pri podgotovke studentov-lingvistov v vuze. URL: <http://www.info-alt.ru/2010-11-12-12-11-56> (data obrashhenija: 1.01.2013).
2. Budnik R. Kontent v kiberprostranstve. URL: <http://www.rbis.su/article.php?article=650> (data obrashhenija: 1.01.2013).
3. Kulikova I. V. Uchebnyj gipertekst kak sredstvo obucheniya postroeniju vyskazyvaniya. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-uchebnyy-gipertekst-kak-sredstvo-obucheniya-postroeniyu-vyskazyvaniya> (data obrashhenija: 1.01.2013).
4. Kurolenko E. M. Semiotika hudozhestvenno-pedagogicheskoj dejatel'nosti. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1738.htm> (data obrashhenija: 1.01.2013).
5. Majkl Hajm. Metafizika virtual'noj real'nosti. Ot naivnogo realizma k irrealizmu. URL: http://www.old.kspu.ru/ffec/philos/chrest/g12/hiem_m.html (data obrashhenija: 1.01.2013).
6. Muzyka. Russkie kompozitory XIX veka. URL: http://www.atmos-edu.ru/MEDIA/muz_demo/html%205/_start/start.html (data obrashhenija: 1.01.2013).
7. Rozhdestvenskij Ju. V. Obsjhaja filologija. M.: Fond «Novoe tysjacheletie», 1996.
8. Rus', Rossija, russkij jazyk. Istorija IX-XX vv. URL: <http://www.edu-author-ru.1gb.ru/ru/node/17> (data obrashhenija: 1.01.2013).
9. Suhanova A. A. Struktura tehnologij semioticheskoj interpretacii uchebnyh tekstov v uslovijah jeks-perimental'nogo obucheniya v SPO. URL: http://www.si-bac.info/files/2011_03_30_Pedagogika/Suhanova.doc (data obrashhenija: 1.01.2013).

Статья поступила в редакцию 13.01.2013

УДК 81
ББК Ш 100

Мария Николаевна Ахметова,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Елена Юрьевна Хан,
аспирант, Забайкальский государственный университет
(Иркутск, Россия), e-mail: X664044@yandex.ru

Предметная линия образовательной области «Филология» как ассоциативное пространство проектирования метапредметных действий младших школьников

Статья поднимает новую концептуальную идею проектирования предпосылок предметной линии образовательной области «Филология». В качестве стратегической цели исследуется опыт вхождения в ассоциативное поле как системный. Обучаемые рассматриваются как соавторы и сотворцы. Метадействия в рамках предметной линии способствуют творческому мышлению. Метапредметные технологии «всеобщего характера» используются в работе с детьми разного возраста, инициативными, безынициативными, нормально развивающимися и «особыми детьми». В научный оборот введена изменённая трактовка понятия «ассоциативное пространство». Главным является «возможностное» поле функционально сходных явлений, образов, эстетических реакций живого человеческого действия. Основным результатом исследования является уточнение понятия «предметная линия». Она характеризуется этапностью развития на основе выявленных внутренних и внешних предпосылок как метапредметных действий.

Ключевые слова: предметная линия, ассоциативное пространство, метапредметные действия.

Mariya Nikolaevna Akhmetova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Elena Yur'evna Khan,
Postgraduate, Zabaikalsy State University
(Irkutsk, Russia), e-mail: X664044@yandex.ru

Subject Line in the Educational Area “Philology” as Associative Space of Designing Meta-Subject Actions of Junior Schoolchildren

The article discusses a new conceptual idea of designing the preconditions of the subject line in the educational area “Philology”. As a strategic objective, experience of entering into an associative field as a system one is investigated. Learners are considered as co-authors and co-creators. Meta-actions within the subject line promote creative thinking. Meta-subject technologies of “general character” are used in work with children of different ages, with those who are initiative and not initiative, those normally developing and “special children”. The changed treatment of the concept “associative space” is introduced into scientific circulation. The main thing is the “possibilistic” field of functionally similar phenomena, images, esthetic reactions of a live man’s act. The main result of the research is specification of the concept “subject line”. It is characterized by staging of development on the basis of the revealed internal and external preconditions as meta-subject actions.

Keywords: subject line, associative space, meta-subject actions.

Как показывает практика, благополучные классы начальной школы неожиданно становятся зачастую сложными на пятом году обучения. Предположительно считать, что нужны «всевозрастные» технологии, обращённые к разным категориям обуча-

ющихся младших школьников (инициативным, безынициативным, к «особым детям»), необходим именно метапредметный подход как система, описывающая предмет средствами и терминами других систем – гуманитарных, философских, других пред-

метных систем. Значимой в этом процессе метапредметной деятельности является «развёртывающаяся самость» в условиях моделирования предметной линии. Метадеятельность считают универсальным способом жизнедеятельности каждого субъекта. Принимаем позицию, что это знание о свойствах знаний (метазнаний). Метазнания добываются нестереотипными, новыми способами решения задач. Мы считаем эти положения важными для исследования проблемы проектирования предметной линии как ассоциативного пространства метадействий, способов и теоретического, и творческого мышления младших школьников в образовательной области «Филология».

В научный оборот нами вводится изменённая трактовка (эксплицирование) ассоциативного пространства как «возможностного» поля текстов, понятийных, предметных, функционально сходных явлений, объединённых общностью образов, где человек «особый живой текст». Это пространство общего переживания и одновременно самодвижения личности в условиях реализации «закона эмоциональной реальности, фантазии». Соединение, связь объектов и явлений как эстетической реакции «живого человеческого действия», культуры и жизненного опыта [6, с. 84]. Пространство художественного текста как языковое – «такая же объективная реальность, как и окружающее нас жизненное пространство. Обе эти открытые системы органично взаимодействуют друг с другом, и сложность их взаимодействия обусловлена во многом тем, что пространство текста – результат мысли человека, в то время как жизненное пространство таит неразрешимые загадки» [1, с. 226].

Предметная линия образовательной области «Филология» как ассоциативного пространства метадействий младших школьников позволяет системному философскому осмыслению жизни на уровне психологии обучающихся, освоению основ этики, прекрасного в жизни и искусстве. Как считает Т. Г. Браже, «гуманитарные знания <...> «сворачиваются» в обобщённые смысловые единицы, определяющие мировосприятие личности, её <...> понимание мира вокруг себя и себя в мире» [5, с. 521]. Рождается цепочка понятий: «Я – мой род – мой народ – человечество – Вселенная» [Там же].

Понятие «предметная линия» образовательной области «Филология» характеризуется этапностью развития на основе внутренних и внешних предпосылок как метадействий процесса движения объединённого коллективного творчества и самодвижения личности, её эстетической реакции в ассоциативном пространстве. Проектируемые предпосылки предметной линии предполагали особенности младшего подростка, острое осознание своего «Я» («Я»-человек), развитие способности воспринимать себя, оценивать как субъекта в его связях с окружающим миром (утвердить своё «Я», проверить своё «Я»).

Предметная линия выстраивается содержательно на основе ведущих идей каждого этапа. Первый класс: идея прогнозирования ситуаций, стимулируемых вопросами «почему?», «как?», «отчего?», «зачем?» и др.; идея определения значимости практического опыта («зачем?», «почему?»), включение в игровое пространство метапредметности как первый опыт ассоциативного мышления. Стратегическая технология – образность восприятия, интенсивность и ассоциативность мышления, игровые действия с разными видами искусств, с картинами природы. Включение в игровое метапредметное пространство – первый опыт ассоциативного мышления школьников. Учитель, по словам Л. С. Выготского и А. А. Леонтьева, должен быть философом, видеть, «как его наука вписывается в большую науку, а её предмет – в мир». Нужен мировоззренческий (метапредметный подход) [6; 7].

Второй и третий классы: идея «опережающего» обучения, «живого» знания; идея сочетания реальности и виртуальности; идея осмысления «своего» и «другого» мира, вовлечённость, психическое состояние «заражения»; развитие ассоциативных реакций у «особых детей» как основное правило метапредметного подхода. С. Г. Бочаров советует: «проследите обычный факт и найдите в нём глубину». Другой совет детям: будьте художником. Начните с музыки: «это тот же язык, высказывающий то, что сознание ещё не одолело» [4, с. 625; 638].

Четвёртый класс: это уровень творческой активности (самостоятельный поиск, личностная активность). Основные идеи: гуманизация образования; применение ас-

социативной технологии в условиях дистанционного обучения «особых детей»; особенности игровых ситуаций в уроке как «зоны» применения технологии игры, ситуативных конструкций ассоциативного поля. Метаспособы становятся основными способами построения нестереотипных планов и программ, открытия новых способов решения задач в языковом пространстве урока. Идеи выстраиваются на принципах: действие, движение, развитие.

Этапы предметной линии образовательной области «Филология» проектируются с учётом внутренних и внешних предпосылок. Именно эти предпосылки являются основой всего построения содержательно-технологического ассоциативного пространства целостной области «Филология», системы метадействий младших школьников.

Внутренние предпосылки первого этапа: 1) обострённая чуткость к окружающему миру; воображение, переживание, «вчувствование» в жизнь Природы и Слова; 2) попытки младших школьников осознать смысловые отношения в игровом метапредметном пространстве; 3) новые отношения с разными учителями (Какие? Как установить?); 3) не соответствующие действительности отношения учителей к первокласснику как вполне самостоятельному человеку (Как реагировать детям? Как перестраивать собственные отношения?).

Внешние предпосылки: 1) начинается перестройка познавательных процессов ребёнка: появляются новые виды деятельности. Складываются новые межличностные отношения (первоклассник чувствует, что он уже не старший дошкольник, а снова «маленький»); 2) познавательные мотивы ситуативны, внимание неустойчиво (все ли предметы интересны?); 3) возникает проблема восприятия, поскольку у дошкольника оно отличается слитностью, неточностью, синкретизмом; 4) меняются и игровые ситуации: на первом плане теперь учебные задачи.

Внутренние предпосылки второго этапа: 1) у школьников появляется желание действовать самому, самостоятельно осмысливать ситуации, что ведёт к формированию креативного мышления, восхождения к себе, как говорят психологи; 2) отмечается соотношение ассоциаций с познавательным, культурным, духовным миропониманием человека как «Другого» в окружающей сре-

де. Это уже новая позиция взросления. «Понимание проявляется созданием чувственного образа как привыкание к новой идее» (Ю. В. Сенько, М. Н. Фроловская) [12].

Внешние предпосылки: 1) особую значимость приобретают знаково-символические действия при моделировании схем-образов; 2) при анализе поступков, событий и отношений особую роль играет ценностно-смысловая ориентация; 3) устанавливается личностное мотивационно-потребностное отношение к учению, «Другому», группе.

Внутренние предпосылки третьего этапа предметной линии: 1) началом творческих поисков становится креативность, игровое общение приобретает новое выражение: это поиск, исследование, групповые действия по решению проблемы; 2) особого внимания требует понимание и учёт внутреннего состояния («личного пространства», по Л. И. Новиковой). Возможны элементы внутреннего протеста и агрессивности как ложное чувство взросления. Необходимы поддержка, сопровождение, сотруднические отношения.

Внешние предпосылки: 1) новые виды деятельности, близкие к среднему звену обучения и требующие освоения (проектирование, моделирование и др.); 2) новые формы практического взаимодействия (вхождение в социум), окружающее пространство взрослого мира, способствующего формированию эмоциональной сферы, управлению своими чувствами, своей свободой (Какой опыт становится твоим? Как распоряжаться всё расширяющейся сферой знаний?). Наступает пора взросления (Каким видит себя школьник? К чему стремится? Что впереди?). Формируются стимулы – извне идущие воздействия, как утверждает В. Г. Одинокоев, «которые могут становиться мотивами саморазвития» [11, с. 83–89].

Поэтапное моделирование целостной системы предметной линии в логическо-знаковом выражении представляет образовательную область «Филология» как ассоциативное пространство проектирования метадействий младших школьников. Н. С. Лейтес отмечает, что у детей начальной ступени совмещаются отчётливость суждений и одновременно, в некоторых отношениях, крайняя односторонность и нереальность высказываний, наивно-игровое отношение к окружающему. Это период

«вчитывания», «внутреннего принятия, повышенной впечатлительности» [10]. Итак, в познании игра активна, является способом приспособления маленького человека к пока ещё новому, малоизвестному миру. Но игровое обучение не всегда осознанно, поскольку игровая реальность – образование сложное, его цели не сразу осознаются. В силу этого особую ценность приобретают художественные, метапоэтические тексты. Метафора легко осмысливается младшими школьниками, производит сильное эмоциональное воздействие и способствует созданию новых смыслов, разрушая стереотипы сознания и рождая новое видение явления и реалии. Это первые ассоциативные реакции, первые движения к конструктивным видам деятельности. Таков первый опыт вхождения в ассоциативное поле как системный, противостоящий «сценарному» безассоциативному мышлению, предупреждающему излишества компьютерных программ в начальной школе.

Стратегия развития метапредметных действий направлена на создание эмоциональных познавательных конструкций, эстетической реализации любого действия, опору на воображение при микроисследовании («страницы книг должны оживать», а слова выражать настроение, звуки, краски). В своё время В. С. Соловьёв напутствовал маленького человека такими словами: «Живи жизнью целого, раздвинь все стороны границы своего маленького “Я”, принайми к сердцу дело других и дело всех <...> Кому же, как не нам, работать над продолжением дела <...> Человеческое “Я” может быть расширено только внутренней, сердечной взаимностью. Добрый смысл жизни <...> не может быть принят извне <...> как что-то готовое: он должен быть понят и усвоен самим Человеком, его верою, разумом и опытом. Это есть необходимое условие нравственно достойного бытия» [12, с. 5–20]. Таковы, по сути, требования реализации метапредметного подхода в построении системы зрительных опор. Как можно заметить, проблема развития метадействий имеет свои исторические корни.

В современной школьной практике она предполагает совершенно конкретные технологические тактические решения: введение в урок «завтра» (через много уроков этот материал с помощью метазнания, то

есть знания о способах получения знаний и их свойствах, уже настраивает младшего школьника на поиск: какой? Как к нему идти? Какие ассоциативные модели помогут?). Практикуется выход за пределы урока. Любое видение ситуации приветствуется. Так рождаются условия для становления масштабов, особых способов построения нестереотипных решений (метапредметных).

Различают горизонтальные среды (методологические и теоретические основы) и вертикальные, где имеют место нечёткость алгоритмов взаимодействия, экстраполяция подходов (ассоциативный взгляд на конкретизацию положений и проникновение из одной конкретной области в другую в игровом общении). Игра по-прежнему занимает важное место в жизни младшего школьника, выполняя необходимую, полезную функцию «со многими гранями смыслов» [14, с. 14]. Игра превращается в серьёзное. А серьёзное – в игру, как пишет Й. Хейзинга. Она необходима как культурная функция, удовлетворяет идеалы коммуникации. Это «некое духовное творение, ценность, передаётся далее как традиция» [там же, с. 27]. Территория игры – эстетическая. Именно игровые действия обеспечивают, в частности, плавный переход младшего школьника в подростковую среду. Этическое содержание игры в её напряжённости, вариативности, ритме, гармонии, где напряжение – шанс или возможность побороть в себе неуверенность. Сознание «иног бытия, взрослости, как считает Й. Хейзинга, делает игровое обучение «сквозным звеном», что, по нашему мнению, придаёт предметной линии единство и целостность. Её третий этап близок по технологическим тактическим решениям к средней школе. Особую значимость приобретает задача формирования творчески мыслящей личности. Обогащается её чувственный мир. Система исследовательских вопросов вовлекает младшего школьника в поле поиска.

Диалогические принципы нацеливают на обоснование объективности, стимулируют сравнение как метод сопоставительной технологии (иллюстрация дополняет образ, создаваемый на основе метапоэтического текста). Обучающийся в определённой мере становится соавтором, выражая в творчестве иллюстрирования своё отношение. Он не просто осмысливает худо-

жественное произведение, но переживает, «вживаясь» в него. На наш взгляд, главным в этой технологии является выработка метаспособа ассоциативного восприятия художественного текста, пейзажа в зарисовках поэта или писателя и собственных наблюдений и впечатлений. Используется целая сценарная программа (видеофильмы, телепрограммы, компьютерные программы, экскурсии, встречи, прогулки и т. д.). Всё это становится основой богатого по содержанию ассоциативного пространства. Коммуникативная деятельность, рождающая сопереживание, «эмоциональную отзывчивость», по выражению В. Г. Маранцмана, становится основой «чуда понимания», «чуда взаимопонимания», «причастности» к общему смыслу [8, с. 73]. Так формируется модель диалогического движения: а) исходная точка – данный текст; б) движение

назад – прошлые контексты; в) движение вперёд – предвосхищение и начало будущего контекста [2, с. 105]. Система вопросов: найдите, выделите, определите, перечислите, сравните, сформулируйте, нарисуйте, составьте схему, проанализируйте и т. д. «Творческая идея, – говорит Андрей Белый, – становится для всех более ценной <...> Почему это так? Не потому ли, что вы спали глубоким сном, а вымысел разбудил вас к жизни?» [3, с. 153]. Проектирование метадействий младших школьников в ассоциативном пространстве, таким образом, является не просто важнейшей дефиницией игрового обучения, но эмоциональными связями субъектов с самими собой, с «другими», с миром, окружающим и детей, и взрослых. Стратегически важной является гармонизация отношений в образовательном пространстве.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Языковое пространство современного русского романа // Русский язык и литература во времени и пространстве / под ред. А. А. Вербицкой, Лиминя Лю, Е. Е. Юрковой. Шанхай, 2011. Т. 4. 723 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
4. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. 698 с.
5. Браже Т. Г. Русская литература как общечеловеческое достояние: педагогические условия, способствующие личностному освоению читателями её духовных ценностей // Русский язык и литература во времени и пространстве / под ред. Вербицкой А. А., Лиминя Лю, Е. Е. Юрковой. Шанхай, 2011. Т. 4. 723 с.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
7. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 344 с.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
9. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 282 с.
10. Лейтес Н. С. Возрастная одарённость школьников: учеб. пособие для студ. высш. пед. завед. М.: Академия, 2001. 320 с.
11. Одинокое В. Г. Литературоведческие дисциплины в процессе культурно-образовательной подготовки студентов // Известия РАО. М., 2000. № 1. С. 83 – 89.
12. Сенько Ю. В. Гуманитарные основы педагогического образования. М.: Academia, 2000. 235 с.
13. Соловьёв В. С. Нравственный смысл жизни в его предварительном понятии // Собр. сочинений. СПб., 1990. Т. 7. 353 с.
14. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Изд-во АСТ, 2004. 539 с.

References

1. Ahmetova G. D. Jazykovoje prostranstvo sovremennogo russkogo romana // Russkij jazyk i literatura vo vremeni i prostranstve / pod red. A. A. Verbickoj, Liminja Lju, E. E. Jurkovej. Shanhaj, 2011. T. 4. 723 s.
2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
3. Belyj Andrej. Simvolizm kak miroponimanie. M.: Respublika, 1994. 528 s.
4. Bocharov S. G. Filologicheskie sjuzhety. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 698 s.
5. Brazhe T. G. Russkaja literatura kak obshhechelovecheskoe dostojanie: pedagogicheskie uslovija, sposobstvujushhie lichnostnomu osvoeniju chitateljami ejo duhovnyh cennostej // Russkij jazyk i literatura vo vremeni i prostranstve / pod red. Verbickoj A. A., Liminja Lju, E. E. Jurkovej. Shanhaj, 2011. T. 4. 723 s.
6. Vygotskij L. S. Pedagogicheskaja psihologija. M.: Pedagogika, 1991. 480 s.
7. Vygotskij L. S. Psihologija iskusstva. M.: Pedagogika, 1987. 344 s.
8. Gadamer H.-G. Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki. M.: Progress, 1988. 704 s.
9. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki. M.: Smysl; SPb.: Lan', 2003. 282 s.
10. Lejtes N. S. Vozrastnaja odarjonnost' shkol'nikov: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. zaved. M.: Akademija, 2001. 320 s.
11. Odinokov V. G. Literaturovedcheskie discipliny v processe kul'turno-obrazovatel'noj podgotovki studentov // Izvestija RAO. M., 2000. № 1. S. 83–89.
12. Sen'ko Ju. V. Gumanitarnye osnovy pedagogicheskogo obrazovanija. M.: Academia, 2000. 235 s.
13. Solov'jov V. S. Nravstvennyj smysl zhizni v ego predvaritel'nom ponjatii // Sobr. sochinenij. SPb., 1990. T. 7. 353 s.
14. Hejzinga J. Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnja. M.: Izd-vo AST, 2004. 539 s.

Статья поступила в редакцию 15.11.2012

УДК 372.881.161.1
ББК 74

Татьяна Митрофановна Иванова,
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: ivanovatchita@mail.ru

Система упражнений на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта работы)

В статье автор рассматривает один из методических приёмов в преподавании русского языка как иностранного – упражнение, где в процессе изучения русского языка на каждом занятии по заданию преподавателя студенты иностранцы выполняют разнообразные виды упражнений с целью получения теоретических знаний и выработке необходимых умений и навыков применять их в практике устной и письменной речи. Для усвоения лексики русского языка и изучения грамматики можно предложить систему упражнений, где в упражнениях должны предусматриваться не только элементарные операции, но и сложные умственные действия, развивающие творческие возможности студентов и позволяющие использовать полученные знания во всех формах речевого общения.

Ключевые слова: система, методика преподавания русского языка как иностранного, принцип системности, ситуативности и тематичности.

Tatyana Mitrofanovna Ivanova,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: ivanovatchita@mail.ru

The System of Exercises in Class of Russian as a Foreign Language (Based on Work Experience)

The author studies one of the methods of teaching Russian as a foreign language, i. e. an exercise. International students do various types of exercises every lesson to get theoretical knowledge and to develop some necessary skills for their application in speaking and writing. We can offer a system of exercises for learning Russian vocabulary and grammar. The exercises are based not only on the basic operations, but also on the complex mental activities developing creativity and allowing the students to use this knowledge in all forms of communication.

Keywords: system, methods of teaching Russian as a foreign language, principle of systemacy, situatedness and theme.

Каждый язык, описанный в лингвистике как языковая система, становясь объектом изучения в методических целях, подвергается методическому осмыслению. Особенность учебного предмета «иностраный язык» (русский) заключается в том, что в отличие от большинства учебных дисциплин, которые нацелены на усвоение научных знаний, тех или иных явлений, тех или иных законов, управляющих этими явлениями, иностраный язык как учебный предмет не имеет в сфере своих интересов научное знание языка и тем более науку о языке [1, с. 14]. Язык, как и любой другой сложный механизм, можно изучать с двух позиций: как он устроен и как им практически поль-

зоваться. Несмотря на естественную связь, это разные подходы, и по традиции упор делается на изучение логико-грамматической системы языка, поэтому для действительной активизации процесса обучения языку, а тем более (русскому как иностранному), нужно сделать так, чтобы этот процесс был наиболее эффективными и доступным для изучающих язык.

Можно выделить три уровня организации иноязычного учебного материала: отдельные языковые единицы, правила их образования, типовые фразы и речевые образцы и, наконец, связанный материал (текст, тема, ситуация), которые выступают вместе с типовой фразой как методические факты,

обобщающие единицы низшего порядка. Организуют учебную деятельность единицы ещё более высокого порядка – упражнения, которые целесообразно поделить на функциональные подгруппы упражнений, показывающие, на формирование какого компонента деятельности студента эти упражнения нацелены: а) ориентирующие упражнения; б) исполнительские упражнения; в) упражнения, направленные на контроль и другие.

Поскольку содержание обучения должно быть филологическим, то при изучении русского языка как иностранного студентам необходимо представить систему изучаемого языка. При этом важно всестороннее развитие навыков и умений в применении языковых средств в типичных ситуациях, постольку упражнения должны иллюстрировать факты речи. Для этого целесообразно применять принцип ситуативности и тематичности, которые открывают большие возможности для расширения общей познавательной ценности каждого упражнения, так как это активизирует и развивает интерес студентов к изучению лексики и грамматики русского языка, поскольку традиционная грамматика в настоящее время остаётся организующей основой практического курса русского языка. Задача преподавателя русского языка как иностранного – научить студентов не только языковой теории, но и умению применять теорию в практическом использовании языка.

Также в процессе изучения иностранного языка (русского языка) одним из принципов в методике обучения русскому языку как иностранному является учёт родного языка обучающихся. Сопоставительный метод позволяет выявить трудности, связанные с несоответствием систем родного и изучаемого языков, облегчает практическое усвоение второго языка. Нам представляется, что сопоставление является одним из важных компонентов овладения иностранным языком (любым) и имеет серьёзное значение на первых порах обучения русскому языку, когда роль родного языка ещё очень велика, потому что обучающийся неосознанно ищет знакомую лексику в изучаемом языке. Процесс усвоения языка зависит от многих ассоциативных связей, и опора на общую лексику создаёт необходимый эмоциональный фон. Непохожесть языков

создаёт психологический барьер, для преодоления которого полезны лексические параллели. Сопоставление необходимо и в дальнейшем, так как с накоплением знаний увеличиваются и аналитические потребности самих обучающихся, это прежде всего касается студентов-филологов.

Опыт показывает, что интерес учащихся к языку в этом случае значительно возрастает и поддерживается в течение длительного времени, а успех любого обучения в немалой степени зависит от заинтересованности самого обучающегося [6]. А. А. Леонтьев пишет: «Человек не может сразу заговорить на новом языке. Он должен пройти через ступень опосредованного владения иностранным языком; опосредующим звеном здесь выступает «родная система правил реализации программы» [5, с. 223]. Проблема построения системы упражнений является одной из центральных проблем при обучении иностранным языкам. Цель данной статьи – попытаться описать систему упражнений на занятиях по русскому языку как иностранному студентами-иностранцами. Данная проблема (описания системы упражнений при изучении иностранных языков) обсуждалась учёными-лингвистами в работах: В. А. Бухбиндера, И. Л. Бим, Н. Д. Гальсковой, Н. И. Гез, Л. В. Скалкиной, Е. И. Пассова, И. В. Рахманинова, А. Н. Щукина, С. Ф. Шатилова и др. В дидактике под упражнением понимается тренировка, т. е. регулярно повторяющееся действие, направленное на овладение каким-либо способом действия. Система упражнений должна искать их воплощение с учётом особенностей процесса овладения речью, так как именно она направлена на овладение речью. Учёные-психологи говорят о том, что процесс начинается с овладения языковым материалом, проходит стадию овладения операциями с материалом (т. е. формирования первичных умений и навыков) и завершается овладением речевыми действиями и деятельностью в целом (т. е. развитием и совершенствованием речевых умений) [2, с. 23, 40–49]. Умело построенная система упражнений может и не представлять собой специальной грамматической тренировки, поскольку каждое задание должно соответствовать развитию речи студентов и содержать готовые образцы с разным лек-

сическим наполнением. Тем не менее, применительно к русскому языку с его развитой флективностью необходимо использование и выделение аспектированных грамматических заданий, в какой-то мере противопоставленных речевым, лексическим и другим заданиям.

При составлении упражнений надо стараться имитировать реальные акты речи, с которыми студенты могут сталкиваться постоянно в разных жизненных ситуациях, находясь в языковой среде. Так, выявляются определённые ситуации и неизбежные для них речевые образцы, которые развивают грамматические навыки и знания и которые приносят учащимся ощутимую, непосредственную пользу, так как «дают ключ» к использованию языка в жизни. Выделенный материал необходимо зафиксировать в сознании учащегося, добиваясь того, чтобы начал действовать психолого-языковой закон аналогии. Опыт показывает, что его действие более активизируется многократным повторением небольшого числа однотипных фраз, нежели анализом и меньшим повторением их значительного количества. Усвоенное до степени автоматизма слово (предложение), легко распространяется на всё, внешне не очень сходное. Выполнив многочисленные упражнения, всесторонне «обыгрывающие» несколько типичных образцов, учащиеся в дальнейшем «узнают» данное явление в самых разных условиях, т. к. оно стало уже не «полученным знанием», а органической частью сознания, чувством языка, внутренним чувством правильного и неправильного, понятного и непонятного. Грамматический материал вводится из «объясняющих упражнений» и закрепляется на серии заданий на воспроизведение по образцу. Большинство упражнений прорабатывается сначала устно без текста, а затем устно с текстом и письменно. Для организации упражнений в систему необходима разработка требований к отдельным упражнениям, их группам и системе в целом.

Соответствующая всем этим требованиям система должна отличаться рациональной организацией и вести кратчайшим путём к формированию иноязычно-речевых умений и навыков. Характер, содержание, структура и объём каждого упражнения, его расположение внутри последовательности

упражнений должны быть фиксированы. Упражнения должны создавать условия для показа изучаемой формы и конструкции как динамической единицы, играющей вполне определённую функционально-коммуникативную роль в общении и выражении мысли. Для обучающихся сложны те упражнения, закрепляющие ту или иную конструкцию при изменении окончаний частей речи, особенно взятых отдельных из контекста фраз, или отдельных слов. Например, задания типа: данные слова поставьте во множественном числе; поставьте данные фразы в прошедшем, а потом в будущем времени, определите вид глагола; от данных глаголов образуйте повелительное наклонение (данное упражнение достаточно трудное, поскольку обычно приводятся инфинитивы, а императив образуется в русском языке от основы настоящего времени, которую из инфинитива, как известно, не всегда можно получить) и т. д.; задания данного типа не выполняют коммуникативную функцию языка. Если то же самое упражнение можно выполнить с заданием, где добавляются элементы общения, то учащийся почувствует необходимость отразить это в фактах языка; изменение окончаний представляется не просто заданием, а умением применять данное правило уже в ситуации общения. Опыт показывает, что даже самые сложные явления (в приведённом примере, связанном с видами: просит – попросили) усваиваются при такой форме грамматической тренировке легче, ибо приобретают смысл с точки зрения коммуникации.

Анализ видов глагола может проходить в определённой последовательности. Виды глагола – совершенный (СВ) и несовершенный (НСВ) – употребляются для характеристики протекания действия во времени и для передачи его внутренних, качественных особенностей. Однако эти характеристики передаются не только видами глагола. Об условиях протекания действия можно узнать также из ситуации. Некоторые характеристики действия выражаются контекстуальными средствами. Близкими к видовым характеристикам оказываются и оттенки лексических значений глаголов. На выбор вида влияет цель высказывания: в соответствии с ней говорящий даёт действию ту или иную характеристику. Для определения видов глагола можно использовать следующий план:

1) рассмотреть ситуации, в которых говорящий употребил данный вид, например, обстановка или условия, подготовившие изменения в ходе событий. Действие, которое вносит изменения в такую ситуацию, передаётся СВ: *В аудитории стояла напряжённая тишина. Вопрос был слишком труден, никто не находил на него ответа. Руку подняла Лиля. Это было полной неожиданностью для преподавателя.* В устном общении ситуация может быть не обозначена словесно, так как участникам речи достаточно видеть, осознавать обстановку, в которой осуществляются высказывания. В письменном общении ситуация описывается словесно; 2) далее анализируется цель высказывания – та потребность, ради которой собеседники вступают в речевую коммуникацию. Цель высказывания обычно определяется ситуацией. Так, в ситуации, где отмечается наличие действия, цель высказывания может состоять в том, что говорящий хочет обратить внимание собеседника на наличие результата действия: *– Вы сможете завтра принести мне журнал? – Я уже принесла его, возьмите, пожалуйста.* Привлекая собеседника к результату действия, говорящий употребляет для передачи этого действия СВ; 3) рассмотрев ситуацию и цель высказывания, следует обратиться к анализу контекста. На характер протекания действия могут указывать контекстуальные показатели, т. е. слова, которые в своём значении заключают аспектуальные признаки. Например, слова *вдруг, неожиданно, наконец* и т. п. указывают на перелом в ходе событий. Эту же функцию выполняет и СВ глагола: *Виктор вдруг решил и подошёл к доске.* Слова длительно, долго, упорно, как и глаголы НСВ, характеризуют протяжённость действия во времени; 4) нередко на первый план выступают аспектуальные оттенки лексических значений глагола. Так, например, глаголы нежелательного, случайного действия в форме НСВ передают повторяющиеся действия. Высказывание: *Он терял свои вещи* – означает, что он терял свои вещи неоднократно. Таким образом, комплексные характеристики протекания действия формируются при взаимодействии ситуативной информации, контекстуальных показателей, лексических значений глаголов, видового значения глаголов и определяются целью высказывания.

Для работы над этими вопросами можно использовать следующее упражнение, задание: Ответьте на вопросы по образцу. Определите время, вид глаголов. *Образец: – Вы уже можете отвечать? (готовиться – подготовиться). Ответ студента: – Да, я уже подготовился.*

1. Можно стирать с доски? (списывать – списать слова). 2. Можно собирать учебники? (решать – решить проблему). 3. Ты подготовил что-нибудь для новогоднего вечера? (писать – написать юмористический рассказ). 4. У Вас есть, что показать преподавателям? (приносить – принести учебник, словарь, реферат). 5. Где твой словарь? (оставлять, оставить в кабинете русского языка). 6. Вы уже освободились? (переводить – перевести статью).

При отработке рода имён существительных можно предложить задание с творческим уклоном, например: *В этом тексте автор перепутал героя, где вместо Маша написал Миша.* Исправьте данную ошибку. Данное задание становится интересным и привлекательным, а окончания и род имён существительных запоминается быстрее. На продвинутом этапе обучения при изучении и повторении причастий вместо задания: *Замените страдательные конструкции действительными*, студентам предлагается следующее: *Прочтите данный текст, обратите внимание на невыразительность текста с употреблением одной и той же пассивной конструкции. Устраните это однообразие стиля.* Данные ситуативные упражнения заставляют обращать внимание студентов на обусловленность каждой формы и конструкции её функцией и задачами общения; использование «не той формы» разрушает ситуацию, затрудняет понимание, искажает общение. Грамматические упражнения должны создавать условия для показа изучаемой формы и конструкции как динамической единицы, играющей вполне определённую функционально-коммуникативную роль в общении и выражении мысли. Таким образом, упражнения, построенные на принципе системности, ситуативности тематичности, открывают большие возможности для расширения общей познавательной ценности каждого упражнения.

При обучении русскому языку как иностранному необходимо преподавателю

учитывать многие факторы: объём человеческой памяти, особенности национальной культуры, интенсивность обучения языку и целевую направленность процесса овладения иностранным языком. В работе с китайскими студентами следует предусматривать специальные задания по использованию приёмов европейской системы: логики (анализа, синтеза, обобщения, доказательства). К примеру, формулировать вопросы и задания такого типа как: Почему? Каким образом? Зачем? Объясните! Докажите! Выразите своё мнение! Выразите несогласие с мнением автора! – необходимо задавать с определёнными комментариями. Желательно предъявлять им задачи, требующие высказывания собственного мнения, выражения своего отношения к проблеме. В целях поддержания мотивации китайских студентов необходимо разрабатывать конкретные речевые ситуации, моделирующие естественные лично и социально значимые для будущих специалистов ситуации общения, а также подбирать материал, отвечающий интеллектуальным, эстетическим, профессиональным и личностным интересам. При обучении русской лексике на начальном этапе важно сформировать в сознании учащихся модель изучаемой языковой системы. На продвинутом этапе обучения приобретаются минимумы, необходимые для формирования умений пользоваться языком для овладения языком будущей профессии, для делового, разговорного общения. М. А. Рыбникова писала: «Систему создаёт понимание необходимости каждого из типов работ, расположение их в порядке нарастающей трудности; систему выдержит тот учитель, который будет понимать специфику каждого задания...» [9, с. 403].

Лексика русского языка представляет систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня. А. А. Реформатский, характеризуя словарный состав языка, обращает внимание на то, что лексика, как и любой другой язык языковой структуры, представляет собой систему [12, с. 131]. Методика обучения лексике, по существу, представляет собой обширный раздел методики преподавания русского языка как иностранного. Русская лексика является наиболее открытым и беспредельным ярусом языковой системы, лексика русского языка оказывается трудоёмкой для усвое-

ния иностранными студентами. Значительные трудности обусловлены, прежде всего, большим объёмом словарного состава русского языка и его сложной лексико-грамматической организацией. Понятие «лексика» связывается с совокупностью слов русского языка как наименование предметов, явлений, действий, признаков. Кроме того, под лексикой мы понимаем определённые пласты словарного состава русского языка (книжная лексика, стилистически нейтральная. Под лексикой понимается также язык тех или иных произведений и их авторов (лексика стихотворений А. Фета). В отношении к лексике в методике преподавания русского языка как иностранного можно наметить два периода. На ранних этапах становления РКИ внимание методистов было сосредоточено на вопросах адекватной представленности в учебном процессе фонетики и грамматики, отсутствовало чёткое обоснование того, как дифференцировать огромную массу слов по степени актуальности, трудности их усвоения. Однако постепенно складывался практический курс обучения лексике, как и другим аспектам языка, обладающим свойством системности и коммуникативной ценности.

Для правильного построения процесса обучения лексике была исследована продуктивность, частотность, употребительность русских слов в речи. Так возникло методически обоснованное разграничение лексики на активную (активный словарь, активный словарный запас слов), т. е. ту, которую обучаемый употребляет в речи, и пассивную, которая узнаётся и понимается при чтении, аудировании. Практика работы выявила, что словарный запас увеличивается, в свою очередь, за счёт потенциального словаря, включающего слова, о значении которых можно догадаться по сходству с родным языком, по словообразовательным элементам, по контексту. Поскольку основная цель работы над лексикой русского языка как иностранного состоит в формировании лексических навыков, включающих: понимание слова и особенностей его сочетаемости в речи; безошибочное использование слова в речи в соответствии с темой и ситуацией общения, т. е. умение использовать русскую лексику для осуществления как продуктивной речи (говора, письма), так и рецептивной (чтения,

аудирования), принято разграничивать *продуктивные и рецептивные лексические навыки*. Под *продуктивными* понимаются навыки правильного словообразования и словоупотребления в соответствии с ситуациями общения и целями коммуникации. *Рецептивные* навыки связаны с узнаванием и пониманием лексических единиц в звучащей речи, в тексте. При обучении русской лексике на начальном этапе важно сформировать в сознании учащихся модель изучаемой языковой системы. На продвинутом этапе обучения приобретаются минимумы, необходимые для формирования умений пользоваться языком для овладения языком будущей профессии, для делового, разговорного общения и т. д.

При построении системы упражнений по лексике необходимо учитывать целый ряд взаимосвязанных факторов: цели обучения; условия обучения, виды речевой деятельности, связанные с целями и условиями обучения, личностные особенности студента, специфику языкового материала (лексики) – эти факторы находятся в тесной взаимосвязи. Рассмотрим одну из возможных систем упражнений по лексике, в которой: 1) учитывается специфика лексики как уровня языка, т. е. основой являются определённые теоретические принципы её описания; 2) описывается лексика, выделенная с опорой на ошибки, т. е. основным является принцип учёта и прогнозирования трудностей; 3) достигается цель – полное овладение языком, которое предполагает владение разными видами речевой деятельности, включая продуктивные. Будучи ориентированной на развитие продуктивных видов речевой деятельности, данная система упражнений удовлетворяет целям рецепции, ибо для описываемого лексического материала рецептивные виды речевой деятельности оказываются включёнными в продуктивные, подчинённые последним. Подобная система упражнений, построенная на достаточно большом лексическом материале, решает следующие задачи: 1) обобщение, систематизация знаний лексического материала; 2) коррекция навыков словоупотребления с одновременной систематизацией материала; 3) профилактика ошибок словоупотребления, основывающаяся на системном представлении лексических единиц.

Описываемая система упражнений – для каждого объединения слов – отражает все существенные признаки и особенности системных связей между лексическими единицами и может рассматриваться как полный способ семантизации. Охарактеризуем систему упражнений с точки зрения отражения в ней системных связей между лексическими единицами. Если подходить к системе упражнений с лингвистической точки зрения, то в типах упражнений отражаются соответствующие стороны значения слов, соотносимые, в свою очередь, с методами изучения лексики, ознакомление с лексической группой, подлежащей усвоению. Попытаемся представить схему, лежащую в основе системы упражнений по лексике: студентам предлагается текст, где в поле зрения обучающихся попадает весь лексический материал из данного текста. Такое предварительное ознакомление с материалом активизирует учащихся и создаёт психологический настрой на овладение определённой лексикой, а также такое ознакомление позволяет преподавателю выяснить количество незнакомых слов, которые не знают студенты в этом тексте. На этом этапе обучения предлагаются задания на наблюдение слова в данном контексте, подготавливающее студентов к усвоению системы значений многозначного слова, к восприятию его отличий от других слов данной группы и т. д., где, как правило, даётся толкование слова, позволяющее определить предметную и понятийную отнесённость слова. Используется метод наблюдения.

Роль системы упражнений велика, потому что она направлена на активизацию аналитических способностей студентов. С методической точки зрения целесообразно выделять три основных типа упражнений: языковые, условно-речевые (термин, предложенный Е. И. Пассовым) и речевые. Выделение этих типов упражнений учитывает роль в многоязычной коммуникации знаний и навыков, и умений. Знания сообщаются в форме правил, ориентиров, указывающих на сочетаемость слова, ситуативную прикреплённость и т. п., т. е. знания в данном случае облегчают построение высказывания. Другими словами – это прежде всего правила, указывающие, как функционирует слово в речи и что нужно знать, чтобы осуществлять речевую деятельность правильно, без ошибок. Языковые

упражнения охватывают все существенные характеристики содержательной стороны слова, включая и его стилистические особенности. К языковым упражнениям относятся упражнения на наблюдение, анализ, проблемные упражнения разного характера. В задачи нашего исследования не входит анализ всех типов упражнений, а лишь делается попытка рассмотреть иные возможные подходы и объединить их в систему упражнений в работе над лексическим материалом. Приведём примерные задания языковых упражнений. *Прочитайте текст, озаглавьте его. Определите значение выделенных слов, найдите антонимы, укажите их стилистическую окраску.*

Вы знаете, какие бывают слова? Слова бывают разные: весёлые и грустные, маленькие и большие. Есть ещё и вежливые слова: спасибо, пожалуйста, здравствуйте. Есть родные, дорогие слова: *мама, родина, мир, счастье* (С. Прокофьев).

(Можно использовать поэтический текст).

Солнце ласково смеётся,
Светит ярче, горячей,
А с пригорка звонко льётся
Разговорчивый ручей (Я. Колас).

Прочитайте и сравните предложения. Укажите, какой из выделенных глаголов имеет значение «прийти к выводу о необходимости каких-либо действий», а какой – «преодолеть страх», колебания, приступая к какому-нибудь действию».

А. Мы решили пойти в кино. Б. Никто не решился возразить ему.

Следующая группа упражнений – условно-речевые или предречевые. Цель этих предложений – формирование отдельных навыков словоупотребления. Их выполнение обеспечивает овладение определёнными действиями на уровне сознательного контроля. К этому типу упражнений относим упражнения на дописывание, дополнение предложений, перефразирование, вопросно-ответные задания и т. п., например: 1. Данные предложения замените близкими по смыслу, употребите слова понимание, представление. *Вы прекрасно понимаете данный текст. – Он иначе понимает эту статью.* 2. Вставьте данные высказывания в подходящий для каждого из них контекст. *Я не могу работать в такой обстановке. – Я не могу работать в таких условиях.*

Речевые (коммуникативные) упражнения. К ним относятся упражнения ситуатив-

ные. Приведём примеры заданий ситуативно-коммуникативного характера. 1. Вы – мастер, обучали молодых рабочих. Употребляя слова, данные в скобках, отчитайтесь о своей работе (подробно изучить, усвоить правила техники безопасности, освоить станок). 2. Попросите разрешения что-либо сделать, употребляя наречие *можно*. 3. Употребляя наречие *наконец* в значении «напоследок», кратко перескажите содержание известной вам книги, статьи, прослушанной лекции, доклада. 4. Выразите согласие с утверждением вашего собеседника, используя наречие *действительно, в самом деле*. 5. Выразите своё отношение к высказыванию: «Языку нельзя научить, языку можно научиться». Заключительным упражнением может служить также рассказ по рисункам, картине и т. п. В качестве опоры при выполнении работы с рисунками необходимо дать сначала слова, обороты, семантизировать второстепенные с точки зрения основной задачи слова и выражения, отработать произношение, обратив внимание на те группы слов, которые являются предметом специального усвоения. После предварительной работы рассказ должен строиться свободно. В данном случае иллюстративная наглядность – не способ семансемантизации, а средство, подкрепляющее семантизацию, осуществлённую другими способами и способствующие усвоению слова. Упражнения с применением наглядности не должны носить формальный характер, преподаватель должен проявить и своё творчество, максимально используя наглядность – карточки, рисунки, цветные мелки, языковые игры и т. д. [4, с. 300]. Цель этого типа упражнений – совершенствование и одновременно проверка речевых навыков и речевого умения.

Принимая во внимание условное деление типов упражнений на языковые, условно-речевые и речевые, следует иметь в виду, что многие языковые упражнения являются одновременно и речевыми. В современной методике русского языка как иностранного важным является положение о необходимости постановки речевых задач при обучении языку. Если под речевой задачей понимать задачу, которая стимулирует речевую деятельность в разных её видах, то постановка речевой задачи возможна и к речевым упражнениям, основная цель которых – формирование соответствующих

языковых знаний. Говоря о речевой задаче, следует иметь в виду, что специфика лексики как области смысловых отношений определяет и специфику речевых задач при обучении лексике. Следовательно, в результате кропотливой работы со словом студенты приобретают навыки систематизации и осмысления фактов языка, а также анализа языковых явлений. Эта работа развивает языковую догадку, а в конечном итоге способствует обогащению словарного запаса. В данной статье была сделана попытка показать, что для изучения русского языка как иностранного нужна система упражнений, соответствующая всем требо-

ваниям изучения лексики и грамматики русского языка. Таким образом, при разработке и составлении системы упражнений при обучении русскому языку как иностранному должны быть по возможности реализованы те основные подходы и принципы (как дидактические, так и методические), которые были положены в основу обобщённого изучения теоретического материала. В упражнениях должны предусматриваться не только элементарные операции, но и сложные умственные действия, развивающие творческие возможности студентов и позволяющие использовать полученные знания во всех формах речевого общения.

Список литературы

1. Балыхина Т. М. О системности русской лексики и о системе обучения лексике // Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного: учеб. моногр. / под общ. ред. С. А. Хаврониной, Т. М. Балыхиной. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 150–162.
2. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 9-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 336 с.
3. Иванова Т. М. К вопросу о системном подходе в методике преподавания русского языка как иностранного (на примере русской лексики) // Учёные записки. 2012. 2 (43). С. 266–272.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 1977.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. завед. 4-е изд., испр. М.: Смысл; Академия, 2005. С. 288.
6. Общая методика обучения иностранным языкам / под ред. А. А. Миролюбова, И. В. Рахманинова, В. С. Цетлин. М.: Наука, 1967.
7. Основы методики обучения иностранным языкам: хрестоматия / сост. А. А. Леонтьев. М.: Рус. яз., 1991. (Методика и психология обучения иностранным языкам). С. 360.
8. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. М., 1977. С. 164.
9. Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сб. ст. / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1978.
10. Рыбникова М. А. Избранные труды. М., 1958. 610 с.
11. Слесарева И. П. Проблема описания и преподавания русской лексики. М.: Русский язык. 1980. 176 с.
12. Общая методика обучения иностранным языкам / под ред. А. А. Миролюбова, И. В. Рахманинова, В. С. Цетлин. М.: Наука, 1967.
13. Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. М., 1947. С. 14.
14. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. 334 с.

References

1. Balyhina T. M. O sistemnosti russkoj leksiki i o sisteme obuchenija leksike // Tradicii i novacii v professional'noj dejatel'nosti prepodavatelja russkogo jazyka kak inostrannogo: ucheb. monogr. / pod obshh. red. S. A. Havroninoj, T. M. Balyhinoj. M.: Izd-vo RUDN, 2002. S. 150–162.
2. Gal'skova N. D. Teorija obuchenija inostrannym jazykam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie dlja stud. lingv. un-tov i fak. in. jaz. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. 9-e izd., ster. M.: Akademija, 2008. 336 s.
3. Ivanova T. M. K voprosu o sistemnom podhode v metodike prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo (na primere russkoj leksiki) // Uchjonye zapiski. 2012. 2 (43). S. 266–272.
4. Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 1977.
5. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki: uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. zaved. 4-e izd., ispr. M.: Smysl; Akademija, 2005. S. 288.
6. Obshhaja metodika obuchenija inostrannym jazykam / pod red. A. A. Miroljubova, I. V. Rahmaninova, V. S. Cetlin. M.: Nauka, 1967.
7. Osnovy metodiki obuchenija inostrannym jazykam: hrestomatija / sost. A. A. Leont'ev. M.: Rus. jaz., 1991. (Metodika i psihologija obuchenija inostrannym jazykam). S. 360.
8. Passov E. I. Osnovy metodiki obuchenija inostrannym jazykam. M., 1977. S. 164.
9. Problemy uchebnoj leksikografii i obuchenija leksike: sb. st. / pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. M., 1978.
10. Rybnikova M. A. Izbrannye trudy. M., 1958. 610 s.
11. Slesareva I. P. Problema opisanija i prepodavanija russkoj leksiki. M.: Russkij jazyk. 1980. 176 s.
12. Obshhaja metodika obuchenija inostrannym jazykam / pod red. A. A. Miroljubova, I. V. Rahmaninova, V. S. Cetlin. M.: Nauka, 1967.
13. Shherba L. V. O raznyh stiljah proiznoshenija i ob ideal'nom foneticheskom sostave slov // Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M., 1947. S. 14.
14. Shhukin A. N. Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo: ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Vyssh. shk., 2003. 334 s.

Статья поступила в редакцию 19.01.2013

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Оксана Леонидовна Абросимова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: oksana.3105@yandex.ru

V Международная научная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты»

Oksana Leonidovna Abrosimova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: oksana.3105@yandex.ru

V International Scientific Conference “Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodical Aspects”

В Забайкальском государственном университете (г. Чита) завершилась очередная международная научная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». Конференция 2012 года прошла в пятый раз, поэтому можно подвести определённые итоги.

Первая конференция состоялась в 2007 году на филологическом факультете Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Её организаторами стали доктор филологических наук, профессор Г. Д. Ахметова и кандидат филологических наук, доцент Т. Ю. Игнатович. Большую роль в организации первой конференции сыграли доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе ЗабГГПУ М. В. Константинов, который стал инициатором её проведения в рамках научно-исследовательской лаборатории «Интерпретация текста», а также директор НИИ ФМК ЗабГГПУ, доктор филологических наук, профессор Т. В. Воронченко.

Конференция сразу же стала знаковой благодаря широкой географии её участников. Очное и заочное участие в конференциях разных лет принимали учёные из России, Армении, Белоруссии, Болгарии, Германии, Грузии, Ирака, Испании, Казахстана, Канады, Китая, Латвии, Литвы, Молдовы, США, Украины, Чехии. Россия представлена 75 городами.

В 2010 году состоялось ещё одно важное событие: сборник материалов конференции пополнил перечень изданий, ежегодно выставляемых в e-library, в связи с чем начиная с 2010 года конференция стала ежегодной (до этого она проводилась один раз в два года).

Конференция проходит в рамках международного сотрудничества с Хулуьнбуирским институтом (КНР, г. Хайлар), который входит в число нескольких вузов Китая, получивших государственную поддержку в области сотрудничества с российскими университетами. Два вуза проводят совместные конференции: «Интерпретация текста» – на территории России и «Русский язык в современном Китае» – на территории Китая.

Конференция 2011 года получила высокий статус: она проходила под эгидой Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ). Гостями четвёртой конференции были доктор филологических наук, доктор философии Ивана Рычлова из Праги (Чехия) и доктор филологических наук, профессор К. Д. Гордович из Санкт-Петербурга.

Конференцию 2012 года также можно назвать знаковой: завершилось объединение двух крупнейших вузов Читы (ЗабГУ и ЗабГГПУ), в результате чего пятая конференция впервые была проведена в Забайкальском государственном университете.

В V Международной научной конференции, которая прошла в Чите 23–24 ноября 2012 года, приняли участие 76 представителей восьми стран – России, США, Китая, Германии, Канады, Ирака, Украины, Грузии. Участники из России прислали свои доклады из разных городов (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Челябинск, Набережные Челны, Липецк, Новосибирск, Томск, Новокузнецк, Волгоград, Улан-Удэ, Лесосибирск, Уфа, Петрозаводск, Чита, Ростов-на-Дону, Красноярск, Иркутск). К началу конференции был издан сборник материалов, ответственным редактором и составителем которого традиционно является доктор филологических наук, профессор Г. Д. Ахметова.

На пленарном заседании с приветственными словами выступили проректор ЗабГУ, доктор культурологии, профессор М. И. Гомбоева, директор НИИ ФМК ЗабГУ, доктор филологических наук, профессор Т. В. Воронченко, заместитель декана факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ Е. В. Тарасова. Разнообразно и интересно были представлены различные подходы к интерпретации текста в докладах Г. Д. Ахметовой, Т. Ю. Игнатович (Россия), Ёдер Катрины Линн (США), Чжоу Чжунчэня (Китай), А. М. Григораш (Украина). На заседаниях в секциях учёные продолжили обсуждение проблем, касающихся различных аспектов интерпретации текста.

Направления работы конференции охватывали разные стороны интерпретации текста. Наиболее объёмно было представлено направление «Художественный текст: восприятие, анализ и интерпретация», которое сочетает в себе литературоведческий и лингвистический аспекты, предполагает интегральность подхода к анализу текста. Именно этот принцип лежит в основе подхода к анализу текстов в статьях доктора филологических наук, профессора Г. Д. Ахметовой, охарактеризовавшей творческий стиль писателя С. Есина; кандидата филологических наук Н. Б. Анциферовой, исследовавшей языковые процессы в дневниковой прозе В. Гусева; кандидата филологических наук А. В. Архангельской, показавшей особенности интерпретации древнерусского текста. В материалах авторов из КНР (Ван Цуй, Ван Чун, Лю Гопин, Ма Минью, Ма Нин, Се Хуйтин, Ху Вэй) русские художественные тексты рассматриваются

сквозь призму национально-специфических различий между культурами двух стран. Эти материалы демонстрируют, как воспринимается иностранцем идейно-эстетическая, эмоциональная, смысловая информация, заложенная в произведении русского автора; как языковые особенности русскоязычного текста могут оцениваться и анализироваться носителями инокультуры.

Второе направление – «Поэтика художественного текста». В материалах конференции поэтика художественного текста рассматривается как с точки зрения анализа поэтической формы, различных, в том числе речевых, приёмов создания текста, так и с точки зрения эстетической, эмоциональной. Именно поэтому материалы разнообразны и по содержанию, и по жанру: от строгого научного текста до неакадемической рецензии. Но всех авторов объединяет одно: стремление показать на основе анализа определённых научных предпосылок, за счёт чего создаётся поэтика художественного текста, как она связана с авторским мировосприятием. Интересны материалы, в основе которых лежит стремление определить природу, истоки поэтики текста. Доктор филологических наук, профессор А. Б. Бушев в своей статье рассматривает знаки и смыслы христианской поэзии, обращая внимание на то, что основные смыслы современной православной поэзии берут своё начало в православной культуре до эпохи богоборчества. Г. С. Заходер показала, как поэт и переводчик Б. Заходер переводил поэтические тексты Гёте, пытаясь прочитать в них то, что волновало его как русского человека. Кандидат филологических наук Г. М. Васильева проанализировала прозу Герцена, выявив связь предельной интеллектуализации его суждений с творчеством Гёте.

Языковая картина мира как отражённая в языке система представлений о мире, как специфический способ восприятия действительности определённым народом, как способ отражения в языке ментальности народа была рассмотрена на материале русского, китайского, бурятского языков и в ракурсе межкультурной коммуникации. Особый интерес вызвали доклады, в которых языковая картина мира была рассмотрена в когнитивном аспекте (доктор филологических наук И. В. Ерофеева); сквозь призму процессов межкультурной комму-

никации и в связи со стратегией формирования коммуникативной культуры личности (кандидат культурологии Б. В. Дашидоржиева); в аспекте историко-культурной содержательности текстов и языковых единиц с точки зрения носителей другой культуры (Ма Дэсин, Сунь Цзяньсэнь, Цзян Чэньди, Чжао Сюэ).

Большое место в работе конференции было уделено типам внутринациональных речевых культур и построению текста. Особенности национальных речевых культур рассматривались авторами на материале русского, китайского, английского, французского, немецкого, якутского языков (доктор филологических наук, профессор Т. А. Буркова, доктор филологических наук Н. Н. Ефремов, доктор филологических наук, профессор Г. Г. Ишимбаева, кандидат филологических наук С. В. Первухина, кандидат филологических наук В. А. Разумовская, кандидат философских наук Л. В. Бутыльская).

Методический аспект интерпретации текста был представлен двумя направлениями: «Текст и контекст в методике преподавания русского языка и литературы в вузе и школе» и «Интерпретация текста при изучении русского языка как иностранного». Наибольший интерес вызвало первое на-

правление, в котором были представлены инновационные и традиционные технологии работы с текстом. Был обсуждён широкий спектр проблем методики преподавания языка и литературы в школе: анализ на уроке текстов с учётом межкультурного и полиэтнического диалога; рассмотрение изобразительно-выразительных возможностей языка в рамках текста; выработка метапредметных умений на основе чтения текста; проведение урока литературы в контексте аксиологии текста; создание интерактивной стратегии работы с текстом (кандидат педагогических наук Е. В. Гетманская, кандидат педагогических наук Т. М. Иванова, Л. А. Лопинцева, кандидат педагогических наук В. А. Сергеева, кандидат педагогических наук Л. О. Тавдгиридзе).

Кроме того, на конференции были представлены направления «Анализ дискурса современной массовой коммуникации», «Современное состояние регионального типа народно-речевой культуры».

Завершилась пятая международная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». Очередная конференция состоится в Забайкальском государственном университете в 2013 году.

Статья поступила в редакцию 25.12.2012

Галия Дуфаровна Ахметова,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Андрей Евгеньевич Горковенко,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: angor.10.09.66@list.ru

Сергей Владимирович Петухов,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: sergeypetuhov@mail.ru

**Международная конференция «Русское языкознание и литературоведение – 2012»
(г. Тайбэй, Тайвань)¹**

Galiya Dufarovna Akhmetova,
Doctor of Philology, Professor, Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Andrey Evgen'evich Gorkovenko,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: angor.10.09.66@list.ru

Sergey Vladimirovich Petukhov,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: sergeypetuhov@mail.ru

**International Conference “Russian Linguistics and Literary Criticism – 2012”
(Taipei, Taiwan)**

7–8 декабря 2012 года на факультете русского языка и литературы Тамканского университета (г. Тайбэй, Тайвань) состоялась Международная конференция «Русское языкознание и литературоведение – 2012», в которой приняли участие профессор ЗабГУ Галия Ахметова и доценты кафедры литературы ЗабГУ Андрей Горковенко и Сергей Петухов.

Впервые в истории международных отношений установились связи Забайкальского государственного университета с Тайванем. Конференция проводилась под патронажем Министерства иностранных дел Тайваня и Национального научного совета Тайваня. В 2007 г. было создано общественное объединение «Русский клуб, Тайвань».

На «Международном радио Тайваня» выходят передачи Русской службы, издаётся в Тайбэе русскоязычная версия журнала «Тайваньская панорама».

Тамканский университет – старейший университет островного Китая, который был открыт в 1950 году г-ном Чанг Чинг-Шеном и его сыном д-ром Клементом К. П. Чангом, став первым частным колледжем на Тайване. В 1958 году он был переименован в Тамканский Колледж Наук и Искусств, а в 1980 г. – в Тамканский Университет. Сегодня на девяти факультетах обучается 28000 студентов и работает более 2200 преподавателей и служащих, а окончили Университет 230000 выпускников. Факультет русского языка и литературы был создан в

¹ Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы». Проект № 14.В37.21.0530.

университете в 1993 году, ведёт подготовку бакалавров и магистрантов в области русского языка.

В настоящий момент университет разрабатывает схему «Второй Сигмоидной Кривой», тем самым продвигая университет в новое тысячелетие на уровень глобального «Царства Науки». Руководствуясь лозунгом «Один Великий Университет – Четыре Уникальных Кампуса», администрация Тамкана внедрила четыре инновационные модели управления – Коллегиальную, Бюрократическую, Политическую и Рыночную.

Традиционная конференция «Русское языкознание и литературоведение» впервые проводилась в международном масштабе. В ней приняли участие более 150 человек из Кореи, Японии, Казахстана, Грузии, континентального Китая. Россию представляли учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Пятигорска, Владивостока, Белгорода, Чебоксар и Читы.

Ректор Тамканского университета профессор Чжан Цзя-и сказала в своем приветствии, что подобные конференции проводятся с 2008 года. В выступлении Е. В. Кривовой (зав. отделом международного и межрегионального сотрудничества Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына) прозвучала мысль, что наиболее трагическим событием после революции была гражданская война и последующая за этим высылка людей. Истории русской эмиграции был посвящён документальный фильм «Посольство на Таганском холме», продемонстрированный участникам и гостям конференции. На открытии конференции состоялась торжественная церемония передачи книжного дара Дома русского зарубежья им. А. Солженицына библиотеке факультета русского языка и литературы Тамканского университета. В унисон выступлению Е. В. Кривовой прозвучал пленарный доклад В. И. Шульженко, профессора, зав. кафедрой литературного и художественного мастерства Пятигорского государственного лингвистического университета. В докладе говорилось также и об антропологическом направлении в литературе.

Н. Г. Бобохидзе (ассоциированный профессор департамента славистики Кутаисского Государственного университета им. Ак. Церетели) говорила об актуальных про-

блемах преподавания русского языка в иностранной аудитории. Звучала мысль о диалогности поколений, о возрастании интереса к русскому языку в Грузии: «В нашей стране нас не всегда хотят слушать. Пока!»

Всего работало шесть секций: «Литературоведение», «Литературный текст. Кинотекст», «Русское языкознание», «Современный русский язык: теория и практика» «Вопросы преподавания литературы», «Русская литература». Последнюю секцию возглавили профессор Вячеслав Иванович Шульженко, заведующий кафедрой Пятигорского государственного лингвистического университета и профессор ЗабГУ Галия Дуфаровна Ахметова.

В докладе Г. Д. Ахметовой «Живой художественный образ в современной русской прозе» рассматривалась знаковая языковая категория «художественный образ» как композиционно-языковое единство, повторяющее композиционно-языковую структуру живого текста, в языковом пространстве которого происходит динамическое его «прорастание» и взаимодействие с другими живыми образами. Жизнь образа, по мнению докладчика, способствует усилению плотности текста. Художественный образ может быть назван живым, так как он динамически развивается в тексте, его живая энергия воздействует на читателя. Энергетика текста усиливается за счёт взаимодействия живых образов. Чем больше точек соприкосновения живых образов между собой, тем талантливее произведение. Художественный текст остаётся живым и современным, пока у него есть читатели. Любой текст умирает, становится мёртвым, если у него нет читателя. Живой текст представляет собой структуру, которая является открытой, динамичной, самоорганизующейся, взаимодействующей с другими литературными текстами. Профессор Г. Д. Ахметова убеждена, что говорить о статусе языка в истории культуры невозможно без осмысления языка современной прозы. При этом важны самые противоречивые, самые крайние примеры: А. Аствацатуров, Ю. Буйда, Д. Драгунский, С. Есин, А. Козлова, З. Прилепин, К. Туровский, Фигль-Мигль, Г. Хирачев (А. Ганиева). Вывод выступления убедителен и оптимистичен: «Живые языковые процессы, происходящие в современной прозе, лежат

в основе создания образа. Может быть, многие современные тексты – это, своего рода, юродство, так распространённое на Руси? Может быть, это лишь намерение казаться глупым – а на самом деле понимание мира лучше других? Но ведь всем ясно, что обличение зла – это главное в литературе реализма. Так не о реалистических ли традициях в современной русской литературе можно говорить сегодня? Думается, что да. Речь идёт именно об этом».

Сообщение доцентов кафедры литературы ЗабГУ А. Е. Горковенко и С. В. Петухова было посвящено вопросам вхождения и функционирования русской литературы в Китае. Авторы представили результаты исследования существования «русского текста» в КНР. За сто лет освоения Китаем русской литературы наблюдались этапы взлётов (период 50-х годов) и катастроф («культурная революция»). Эти колебания можно объяснить излишней политизацией и социологизацией. Сегодня, когда идеология отходит на второй план, освоение литературного наследия представляется в совершенно ином ключе. Приоритетное значение приобретают эстетические, этические и духовные ценности. Художественный текст предстаёт как средство их передачи, он призван аккумулировать национальную память.

Сообщение докладчиков включало в себя и обобщение опыта работы с иностранными студентами: «Всё чаще китайские студенты, обучающиеся в России, вы-

бирают исследовательские темы, связанные с древнерусской литературой, в которую заложены ключевые концепты русской культуры, и без понимания которой невозможно объяснить феномен «загадочной» русской души и своеобразии национального менталитета».

А. Е. Горковенко и С. В. Петухов приходят к выводу, что и современная русская литература также находится в сфере интересов китайских филологов. С наступлением нового века связи Китая с Россией продолжают расширяться. В последние годы на китайский язык переводятся такие авторы, как В. Маканин, В. Ерофеев, З. Прилепин. В их творческом пространстве репрезентируются концепты новой русской культуры, появление которых обусловлено веяниями времени.

Второй день конференции был посвящён культурным мероприятиям. Участники и гости посетили Государственный музей Императорского Дворца Гугун (National Palace Museum), усадьбу семьи Линь в Бань-Цяо (The Lin family mansion and garden) и знаменитую башню-небоскреб Тайбэй 101. Башня является одним из главных символов современного Тайбэя и всего Тайваня.

Авторы статьи выражают благодарность ректору Тамканского университета госпоже Чжан Цзя-и, декану факультета русского языка и литературы Чжан Цин-го за высочайший уровень организации конференции, а также всем, кто встречал, провожал и обеспечивал комфортное проживание в Тайбэе.

Статья поступила в редакцию 25.01.2013

*Лилиана Вячеславовна Воронова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: liliana70@inbox.ru*

**II Международная научно-практическая конференция
«Русский язык в современном Китае»
(11–12 апреля 2012 г., г. Хайлар, КНР)**

*Liliana Vyacheslavovna Voronova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: liliana70@inbox.ru*

**II International Scientific and Practical Conference “Russian in Modern China”
(April 11–12, 2012, Hailar, China)**

11–12 апреля 2012 года в г. Хайлар (КНР) состоялась II Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном Китае», организованная кафедрой русского языка как иностранного Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского (ЗабГГПУ) и Институтом русского языка (ИРЯ) Хулуьбуирского института (ХИ) при поддержке ректоратов и Управлений международного сотрудничества двух вузов.

Первая конференция, которая состоялась в апреле 2009 года, была посвящена Году русского языка в Китае и проводилась на базе Хулуьбуирского института, получившего государственную поддержку как один из нескольких вузов Китая, наиболее активно сотрудничающих с вузами России. Первый опыт проведения совместной конференции оказался успешным, и её участники приняли решение сделать конференцию традиционной.

Очное и заочное участие в конференции приняли учёные из Китая (г. Пекин, Хухэ-Хото, Хайлар), Германии (г. Кассель), России (гг. Москва, Санкт-Петербург, Благовещенск, Братск, Челябинск, Кемерово, Улан-Удэ, Иркутск, Тула, Хабаровск, Уссурийск, Чита). Для участия в конференции в г. Хайлар (КНР) прибыла делегация ЗабГГПУ в составе начальника отдела академической и профессиональной мобильности, протокола Управления международного сотрудничества Л. В. Эмирзиади, декана филологического факультета Е. В. Тарасовой, заведующей кафедрой русского языка как иностранного Л. В. Вороновой, профессоров Г. Д. Ахметовой, Т. В. Воронченко, до-

центов кафедры русского языка как иностранного О. Л. Абросимовой, Л. В. Бутыльской, Т. М. Ивановой, Н. Б. Анциферовой.

Почётными гостями конференции стали профессор Института иностранных языков Пекинского педагогического университета Чжао Юйцзян и председатель общества изучения русской национальности в Китае Чжан Сяопин (г. Хухэ-Хото).

Торжественное открытие конференции состоялось 11 апреля. С приветственными словами к её участникам обратились первый проректор Хулуьбуирского института Го Вэйчжун и директор Института русского языка Хулуьбуирского института, профессор Би Цзиньэ. Сопредседателями конференции были избраны директор Научно-исследовательского института филологии и межкультурной коммуникации ЗабГГПУ доктор филологических наук, профессор Т. В. Воронченко и директор Института русского языка Хулуьбуирского института профессор Би Цзиньэ. Конференция проводилась с целью укрепления и сохранения позиций русского языка за рубежом; обмена научными знаниями в области ведущих парадигм современной русистики с использованием как традиционных, так и инновационных технологий.

Доклады на конференции были посвящены разнообразным актуальным проблемам русистики. Обсуждались такие важные вопросы, как развитие русского языка в условиях межкультурной коммуникации, языковая картина мира и взаимодействие культур (с докладами по этим направлениям выступили: доцент кафедры РКИ ЗабГГПУ Л. В. Бутыльская, аспирант 2 курса ЗабГГПУ Вэй Хунбо, профессор ИРЯ ХИ Ли Пин, доцент

ИРЯ ХИ Цзян Сюхуа, заместитель директора ИРЯ ХИ, доцент Чэ Тунбо); рассматривались проблемы восприятия, понимания и интерпретации текста (в аспекте русского языка как иностранного) (к тексту как носителю и хранителю экстралингвистической, культурологической и исторической информации в своих исследованиях обратились: профессор кафедры РКИ ЗабГГПУ Г. Д. Ахметова, доцент кафедры РКИ ЗабГГПУ Н. Б. Анциферова, доцент ИРЯ ХИ Фэн Сяоли, доцент ИРЯ ХИ Юань Ли); обсуждались новые технологии преподавания русского языка и литературы иностранцам и актуальные проблемы лингводидактики (в аспекте русского языка как иностранного) (представили свои научные наблюдения и исследования: декан филологического факультета ЗабГГПУ Е. В. Тарасова, ассистент ИРЯ ХИ Ван Янь, ассистент ИРЯ ХИ Фэн Гуан, ассистент ИРЯ ХИ Чэнь Вэйли); перспективные технологии оценки качества образования (о тестовых формах контроля, в том числе и об этноориентированных тестовых заданиях в своих выступлениях рассказали: заведующая кафедрой РКИ Л. В. Воронова, профессор Института иностранных языков Пекинского педагогического университета Чжао Юйцзян).

Особое внимание было уделено перспективам дальнейшего сотрудничества вузов. С докладом «Совместное обучение иностранных студентов русскому языку: проблемы и перспективы» выступили доцент кафедры РКИ ЗабГГПУ О. Л. Абросимова и начальник отдела академической и профессиональной мобильности, протокола Управления международного сотрудничества ЗабГГПУ Л. В. Эмирзиади.

В этом же аспекте своевременным и значимым было выступление директора ИРЯ ХИ, профессора Би Цзиньэ и заместителя директора ИРЯ ХИ, профессора Чэнь Чжаомина с докладом «Регулирование программы подготовки специалистов в соответствии с потребностями рынка занятости

Китая», в котором были проанализированы перспективы развития специальности «Русский язык» в автономном районе Внутренняя Монголия КНР. На примере Хулуьбуирского института (КНР) выступающие продемонстрировали, как вуз может корректировать учебную программу специальности, приспосабливаясь к потребностям рынка занятости Китая.

Актуальные доклады, яркие презентации участников конференции были восприняты с большим интересом и вызвали оживлённые дискуссии.

Новый импульс работе конференции придала поездка учёных 12 апреля в знаменитое Трёхречье, где сначала в г. Лабдарин, а затем в деревне Энхэ (Караванное) обсуждались вопросы распространения и сохранения русского языка в Китае. Состоялись встречи с руководством уезда Эргунэ, где находятся русские поселения. Российским и китайским учёным была предоставлена

возможность посмотреть, как живут русские в Китае, как сохраняют национальные культурные традиции и родной язык. Полученная информация, по мнению участников конференции, может стать толчком к новым научным исследованиям.

В целом традиционная уже конференция прошла на высоком научно-методическом уровне как в части представительности и содержательности докладов и обсуждений, так и в смысле активной заинтересованности участников. Надеемся, что работа в этом направлении будет способствовать дальнейшей популяризации и распространению русского языка, укреплению его позиций в Китае, а значит – и укреплению позиций русского языка в мире.

По итогам очередной традиционной Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае» издан сборник научно-методических статей.

Русский язык в современном Китае

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«Ученые записки ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского»**

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п. л. (<i>20 000 знаков</i>)
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (<i>12 000 знаков</i>)
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (<i>8 000 знаков</i>)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, **если автор статьи – аспирант, соискатель ученой степени кандидата наук.**

Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объём – от 100 до 250 слов) – на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи **ОБЯЗАТЕЛЬНО** представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. **На последней странице указывается**, что «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется в соответствии с правилами оформления библиографической ссылки согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (—).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

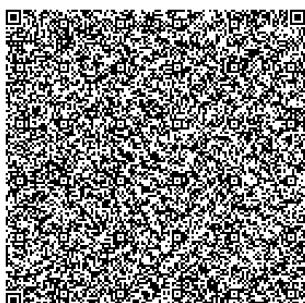
Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Черно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращенно (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/ авторов и названия статьи. Размер рисунка 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу:**

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный университет, для «Объединённой редакционной коллегии научных журналов ЗабГУ».

Редактор Т. Р. Шевчук

Верстка М. Р. Коптеловой

Дизайн обложки М. Р. Коптеловой

Редактор перевода В. М. Ерёмина

Подписано в печать
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial».
Способ печати оперативный.
Усл. печ. л. 13,9. Уч-изд. л. 29,9.
Заказ № 07013. Тираж 1000 экз.

Забайкальский государственный
университет
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Managing editor T. R. Shevchuk

Make-up M.R. Koptelova

Cover design M.R. Koptelova

Editor of the English Translation
V. M. Eremina

Signed to print
Format 660×84¹/₈. Offset paper
Headset «Arial».
Operative printing
Conv. quires 13,9. Ed.-print quires. 29,9.
Order № 07013. Circulation 1000 copies.

Zabaikalsky State
University
672007, Chita, 129 Babushkin St.